

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

~~~~~  
Изданіе И. Глазунова.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1902.









# РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛИОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ЧУДИНОВА.

ПОСОВІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XXVIII-й.

---

Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

## ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

---

Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь.

~~~~~  
Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.

1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1901 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Знаменитая „Переписка Курбскаго съ Іоанномъ Грознымъ“ представляетъ памятникъ, имѣющій одинаково важное значеніе какъ въ литературной, такъ и въ политической исторіи нашего отечества. Потомокъ князей ярославскихъ, высоко ставившій преданія и права своего происхожденія, одинъ изъ видныхъ полководцевъ царя Івана Васильевича, участвовавшій еще молодымъ человекомъ во взятіи Казани, потомъ немало оказавшій услугъ государству во время ливонской войны, Курбскій былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, человекъ просвѣщенный, ученикъ и почитатель Максима Грека, раздѣлявшій его взгляды. Въ періодъ особенно усилившихся гоненій на бояръ со стороны Іоанна IV, приблизительно въ 1563 или 1564 году, Курбскій бѣжалъ въ Литву, получилъ отъ польскаго короля помѣстья и посвятилъ себя защитѣ православія въ западной Руси; отдался книжному труду, въ старые годы научился латинскому языку, переводилъ святоотеческія книги и этимъ продолжалъ служить потерянному отечеству, къ которому не переставалъ мысленно стремиться. Отсюда онъ и началъ свою переписку съ Іоанномъ Грознымъ, состоящую изъ 4-хъ писемъ, съ 2-мя отвѣтными на нихъ посланіями самого Грознаго. Наполненная взаимными укорами и обвиненіями, одинаково рѣзкими и страстными съ обѣихъ сторонъ, пере-

*

писка эта чрезвычайно характерна для опредѣленія особенностей русской исторической жизни того времени, представлявшей послѣдніе моменты борьбы царской власти съ удѣльно-княжескимъ и боярскимъ преданіемъ.

Значеніе этой переписки принадлежитъ къ вопросамъ, много разъ привлекавшимъ вниманіе историковъ, но остающимся и до сихъ поръ неразрѣшеннымъ. Большинство историковъ, преимущественно послѣдняго времени, склонны видѣть въ дѣятельности Іоанна Грознаго успѣхъ государственной идеи надъ отживающей стариной. Въ ихъ глазахъ, картина мрачныхъ свирѣпостей Грознаго застилается представленіемъ объ его стремленіи къ государственному единству, которому продолжали грозить притязанія отжившаго, но еще опаснаго удѣльнаго сепаратизма и боярскихъ притязаній. Другіе историки находили, что для достиженія подобной цѣли не было надобности въ тѣхъ страшныхъ и странныхъ мѣрахъ, какія принималъ Грозный, и что эта правительственная система едва ли можетъ оправдать послѣдовавшую за нею деморализацію. Короче: кто изъ двухъ борцовъ здѣсь является жертвой и кто гонителемъ,—остается вопросомъ открытымъ. Едва ли не наиболѣе близкимъ къ истинѣ намъ представляется взглядъ одного изъ послѣднихъ изслѣдователей этого памятника: М. Петровскаго (Кн. Курбскій. Казань. 1873), который считаетъ Курбскаго, при всѣхъ его ошибкахъ и недостаткахъ, „лучшимъ выразителемъ тѣхъ идей русской гражданственности, которыя, очевидно, были доступны и другимъ лицамъ той же партіи, но ни въ одномъ изъ нихъ не выказалось столько энергіи въ борьбѣ, какъ въ Курбскомъ. Послѣдній представляетъ намъ образецъ тѣхъ доблестей, какія могла дать Русь XVI-го вѣка. Курбскій—это граж-

даинъ, представитель идеи прогресса, вопіющій противъ тупого абсолютизма Грознаго; это—воинъ, не щадящій жизни за дѣло Руси; это—ученый, не довольствующійся тѣмъ недостаточнымъ образовательнымъ матеріаломъ, съ которымъ уживались другіе книжники его времени; наконецъ, это—первый русскій публицистъ, неуклонно идущій по предположенному заранѣе пути... Іоаннъ IV понималъ Курбскаго, не могъ не чувствовать его превосходства въ ряду остальныхъ бояръ, не стыдился вступить съ нимъ въ переписку, въ которой тщетно старался уязвить своего врага вымыслаемыми преступленіями и укорами“.

Въ настоящемъ изданіи, помѣщены четыре письма Курбскаго къ Іоанну IV и два отвѣтныхъ посланія послѣдняго; этой „перепискѣ“ предпослана „Исторія Грознаго“, написанная Курбскимъ. Послѣднее сочиненіе, весьма интересное и само по себѣ, представляется существенно важнымъ дополненіемъ къ „письмамъ“, разъясняющимъ взаимныя отношенія обоихъ авторовъ. Помѣщены эти произведенія въ редакціи единственно доступнаго публикѣ изданія Устрялова, нынѣ составляющаго библиографическую рѣдкость. Орфографія „Сказаній“ Курбскаго тоже сохранена безъ измѣненій. Такъ какъ языкъ Курбскаго изобилуетъ польскими, а подчасъ и латинскими словами и выраженіями, то въ концѣ книги мы сочли необходимымъ помѣстить краткій словарь такого рода словъ. Въ качествѣ комментарія къ содержанію настоящаго выпуска, напечатаны 4 статьи, извлеченныя изъ извѣстныхъ изслѣдователей этой эпохи; освѣщающая дѣятельность Курбскаго съ различныхъ сторонъ, онѣ облегчаютъ пониманіе какъ самого памятника, такъ и историческаго значенія автора его.

Въ заключеніе, считаемъ нелишнимъ указать слѣдующія монографіи, посвященныя Курбскому: С. Горскій, „Жизнь и историческое значеніе кн. А. М. Курбскаго“. Казань. 1854.—Опоковъ, „Кн. А. М. Курбскій“. Кіевъ. 1872.—М. Петровскій, „Кн. А. М. Курбскій“. Казань. 1873.

Къ книгѣ прилагается портретъ Іоанна IV.

А. Ч.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Предисловіе. .	СТР. I
----------------	-----------

I. ИСТОРИЯ КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО.

Соч. кн. А. М. Курбскаго. Гл. 1. Юность Іоаннова.	1
Гл. 2. Покореніе Казани .	9
Гл. 3. Бесѣда царя съ Вассіаномъ.	30
Гл. 4. Война Лифляндская	45
Гл. 5. Начало злу	66
Гл. 6. О побіеніи княжескихъ родовъ .	76
Гл. 7. О побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ.	89
Гл. 8. О страданіи священномучениковъ.	99
Гл. 9. Заключеніе.	122

II. ПЕРЕПИСКА КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО СЪ ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

1) Эпистолія 1-я князя Андрея Курбскаго .	127
2) Посланіе царя Іоанна Васильевича къ Курбскому	131
3) Краткое отвѣщаніе кн. А. Курбскаго . . .	189
4) Грамота, посланная отъ государя ко князю А. Курбскому .	191
5) На вторую эпистолію отвѣщаніе царевнѣ Московскому убогаго Андрея Курбскаго . . .	196
6) Второе посланіе Курбскаго изъ Полоцка.	213

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

1) Любовь Курбскаго къ научному образованію.	216
2) Записки Курбскаго о Грозномъ, проф. <i>Лашинкова</i>	219

	стр.
3) Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его исторіи, <i>С. М. Соловьева</i>	221
4) Форма изложенія писемъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, <i>С. М. Соловьева</i>	226
5) Борьба Грознаго съ боярствомъ, проф. <i>Ключевскаго</i> .	232
Словарь . .	251

І. ИСТОРІЯ КНЯЗЯ ВЕЛИКАГО МОСКОВСКАГО

О

ДѢЛѢХЪ,

ЯЖЕ СЛЫШАХОМЪ У ДОСТОВѢРНЫХЪ МУЖЕЙ И ЯЖЕ ВИДѢХОМЪ
ОЧИМА НАШИМА.

КОВЧЕГЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

ГЛАВА І.

ЮНОСТЬ ІОАННОВА.

1534—1552.

Предисловіе автора. Разводъ в. к. Василя съ Соломовією. Гнѣвъ его на Бассіана, Семена Курбскаго и Максима Грека. Рожденіе Іоанна. Воспитаніе его. Бѣдствія Россіи. Смерть П. Бѣльскаго, И. Кубенскаго, Ѳ. и В. Воронцовыхъ, Б. Трубецкаго, И. Дорогобужскаго, Ѳ. Овчины. Пожаръ Москвы. Бунтъ народа. Убіеніе Ю. Глинскаго. Чудное исправленіе Іоанна Сильвестромъ и Адашевымъ.

Много кратъ ото многихъ свѣтлыхъ мужей вопрошаемъ быхъ, съ великимъ стужаніемъ: „откуда сія приключишася, „такъ прежде доброму и нарочитому царю, многожды за отечество и о здравіи своемъ не радящу, и въ военныхъ вѣщахъ, сопротивъ враговъ креста Христова, труды тяжкіе, „и бѣды, и безчисленные поты претерпѣвающу, и прежде „отъ всѣхъ добрую славу имущему?“ И многожды умолчавъ со въздыханіемъ и слезами, не восхотѣхъ отвѣщати; послѣди же, частныхъ ради вопрошаній, принужденъ быхъ нѣчто

РУС. КЛ. БИВЛ.—ВЫП. XXVIII.

1

реши отчасти о случаяхъ, приключшихся таковыхъ, и отвѣщахъ имъ: аще бы изъ начала и по ряду рѣхъ, много бы о томъ писати, яко въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ діаволь злѣе нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ. Но сія вся оставя, нѣчто изреку о томъ самомъ настоящемъ. Яко глаголють многіе премудры: „доброму началу и конецъ бываетъ добръ“; такожде и сопротивъ: злое злымъ скончается; а наипаче, отъ самовластнаго чловѣческаго естества, злымъ произволеніемъ и по всему супротивнымъ противу Божіихъ заповѣдей держати.

Князь великій Василій Московскій ко многимъ злымъ и сопротивъ закона Божія дѣломъ своимъ и сіе приложилъ (иже и писати, и исчитати, краткости ради книжницы сел, не вмѣстно, а еже достойтъ воспомянути, зѣло вкратцѣ напишемъ по силѣ): живши со женою своею первою, Соломонидою, двадцать и шесть лѣтъ, остригъ ее во мнишество, не хотящу и не мыслящу ей о томъ, и заточилъ въ далечайшъ монастырь, отъ Москвы больше дву-сотъ миль, въ землѣ Каргопольской лежащъ, и затворити казалъ ребро свое въ темницу, зѣло пужную и унынія исполненную, сирѣчь жену, ему Богомъ данную, святую и неповинную. И понялъ себѣ Елену, дщерь Глинскаго, аще и возбраняющимъ ему сего беззаконія многимъ святымъ и преподобнымъ, не токмо мнихомъ, но и сиклитомъ его; отъ пихъ же единъ Вассыанъ, пустынникъ, сродникъ ему сущъ по матери своей, а по отцѣ, внукъ княжати Литовскаго, Патрикѣвъ, и оставя мірекую славу, въ пустыню вселился, и такъ жестоко и свято житіе препровождалъ во мнишествѣ, подобнѣ великому и славному древнему Антонію. Да не зазрите кто дерзости реши, Іоанну Крестителю ревностию уподобился; бо и оный о законопреступномъ браку царю возбранялъ, беззаконіе творящу. Оя въ Моисеевскомъ, сей же во Евангельскомъ беззаконоваль. А отъ мірскихъ сиклитовъ, возбранялъ ему Семень, речен-

ный Курбскій, съ роду князатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, о немъ же и о святомъ жительствѣ его не токмо тамо Русская земля вѣдома, но и Герберштентъ, нарочитый мужъ цесарскій и великій посолъ, на Москвѣ былъ и увѣдалъ, и въ кроницѣ своей свидѣтельствуеть, юже Латинскимъ языкомъ, въ Медиоланѣ, славномъ градѣ, будучи, написалъ. Той Герберштентъ приходилъ два крѣтъ къ Москвѣ, посломъ великимъ отъ славнаго цесаря христіанскаго, Карлуса, о великихъ дѣлѣхъ, или паче, постановляющи миръ вѣчный между царствы христіанскими, и вооружающи ихъ и подвизающи сопротивъ поганомъ; и аще мужъ былъ искусный въ шляхетныхъ наукахъ и дѣлѣхъ, но въ варварскихъ языцѣхъ, глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ, не возмогъ сего достохвальнаго дѣла до конца исправить.

Онъ же, предреченный Василій, великій, паче же въ прегордости и въ лютости, князь, не только ихъ не послушалъ, такъ великихъ и нарочитыхъ мужей, но онаго блаженнаго Вассьяна, по плоти сродника своего, изымавъ, заточити повелѣлъ, и связанна святаго мужа, аки злодѣя, въ прегорчайшую темницу, къ подобнымъ себѣ въ злости презлымъ Осифлянѣмъ, въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всѣхъ злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ. И другихъ святыхъ мужей, овыхъ заточилъ на смерть, отъ нихъ же единъ, Максимъ философъ, о немъ же напередъ повѣмъ; а другихъ погубити повелѣлъ, ихъ же имена здѣ оставляю. А князя Семена отъ очей своихъ отогналъ, даже до смерти его.

Тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родилася, въ законопреступленію и во сладострастію, лютость, яко рече Іоаннъ Златоустый, въ словѣ о женѣ злой, ему же начало днесъ намъ Іоанново преподобіе: *и Иродова лютость егда възвѣщалася, смутились внутреннія, сердца вострепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался, и прочее.* И аще святые великіе учителя ужасалися, пишуще

*

отъ мучителей на святыхъ дерзаемыя: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую трагедію возвѣщати! Но послушаніе все преодолюваетъ, паче же стужанія, або докучанія вашего ради частаго. Но и сіе къ тому злему началу еще возмогло: понеже остался отъ отца своего зѣло младъ, аки дву лѣтъ; (по немногихъ же лѣтѣхъ, и мати ему умре; потомъ питаша его величїе гордые паны, по ихъ языку боярове, его на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретящєся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденію и сладострастію.

Егда же началъ (приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ двадцать, и впредъ что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче же возвѣщу сіе: началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечюще ихъ (а по ихъ языку, съ крылецъ, або съ теремовъ), такожь и иныя многія неподобныя дѣла творити, являющи хотящее быти немилосердное произволеніе въ себѣ, яко Соломонъ глаголетъ: *мудрый, рече, милуетъ души скотовъ своихъ, такожь и безумный бьетъ ихъ нещадно*; а пѣстуномъ ласкающимъ, попускающе сіе и хваляще, на свое горшее отрока учаще. Егда же уже приходяще къ пятумнадесять лѣту, и вѣще, тогда началъ челоуѣковъ уроняти. И собравши чєты юныхъ около себя дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародныхъ челоуѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ. И воистинну, дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателемъ же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: „о храбръ, глаголюще, будетъ сей царь и мужественъ!“ Егда же прииде къ седьмомунадесять лѣту, тогда тѣхъ прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити имъ свои недружбы, единъ противъ другаго; и первѣе убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго стратига и великороднаго, иже былъ съ роду князятъ Литовскихъ, еданоколѣненъ кролеви Польскому Ягайлу,

именемъ князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ много и въ священныхъ писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ.

По малѣ же времени, онъ же самъ повелѣлъ убить та-кожде благородное едино князя, именемъ Андрея Шуйскаго, съ роду княжатъ Суздальскихъ. Потомъ, аки по двухъ лѣтѣхъ, убилъ трехъ великородныхъ мужей: единого, ближняго сродника своего, рожденнаго съ сестры отца его, князя Іоанна Кубенскаго, иже былъ у отца его великимъ земскимъ маршалкомъ; а былъ роду княжатъ Смоленскихъ и Ярославскихъ, и мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ уже лѣтѣхъ; и вкушъ побіени съ нимъ предреченные мужіе, Феодоръ и Василій Воронцовы, родомъ отъ Нѣмцака языка, а племени княжатъ репскихъ. И тогда же убіенъ Феодоръ, глаголемый Невѣжа, зацный и богатый землянинъ. А мало предъ тѣмъ, аки за два лѣта, удушенъ отъ него князя Богдана сынъ Трубецкаго, въ пятнадцать лѣтѣхъ младенецъ, Михаилъ именемъ, съ роду княжатъ Литовскихъ; и потомъ, памятамися, тогожъ лѣта убіени отъ него благородные княжата: князь Іоаннъ Дорогобужскій, съ роду великихъ княжатъ Тверскихъ, и Феодоръ, единочадный сынъ князя Іоанна, глаголемаго Овчины, съ роду княжатъ Торусскихъ и Оболенскихъ, яко ягнцы неповинные заколены, еще въ самомъ наусіи. Потомъ, егда началъ всякими безчисленными злостями превосходить, тогда Господь, усмиряющій лютость его, посѣтилъ градъ великій, Москву, презѣльнымъ огнемъ, и такъ явственнѣ гнѣвъ свой навелъ, аще бы по ряду писати, могла бы повѣсть цѣлая быти, або книжица; а предъ тѣмъ, еще во младости его, безчисленными плѣненными варварскими, ово отъ царя Перекопскаго, ово отъ Татаръ Нагайскихъ, сирѣчь За-волжскихъ, а наипаче и горше всѣхъ, отъ царя Казанскаго, сильнаго и можнаго мучителя христіанскаго, иже подъ властію своею имѣлъ шесть языковъ различныхъ, ими же безчисленное и неисповѣдимое плѣненіе и кровопролитіе учиналъ, такъ, иже уже все было пусто за осьмнадцать миль

до Московскаго мѣста. Такожъ и отъ Перекопскаго, або отъ Крымскаго царя, и отъ Нагай вся Рязанская земля, ажъ по самую Оку рѣку, спустошена; а внутрь человѣкоугодникомъ, со царемъ младымъ, пустошающимъ и воюющимъ нещадно отечество. Тогдажъ случилось, послѣ того предреченнаго пожара, презѣльнаго и воистинну зѣло страшнаго, о немъ же никтожъ сумнится рещи, явственный гнѣвъ Божій: а чтожъ тогда бысть?

Бысть возмущеніе великое всему народу, яко и самому царю утеши отъ града со своимъ дворомъ; и въ томъ возмущеніи убіенъ вуй его князь Юрій Глинскій отъ всего народа, и домъ его весь разграбленъ; другой же вуй его князь Михайлъ Глинскій, который былъ всему злему начальникъ, утече, и другіе человѣкоугодницы сущіе съ нимъ разбѣгшася. И въ то время дивно бѣ, яко Богъ руку помощи подалъ отдохнуть землѣ христіанской, образомъ симъ: тогда убо, тогда, глаголю, пріиде къ нему единъ мужъ, прѣзвитеръ чиномъ, именемъ Селивестръ, пришлецъ отъ Новаграда Великаго, претяще ему отъ Бога священными писаньями и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божиимъ именемъ; еще къ тому, и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему: не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасновенія пушающе, буйства его ради, и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ былъ себѣ сіе. Яко многожды и отцы повелѣвають слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ: сиде и сей, мню, блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею же великое зло цѣлити умыслилъ. Яко и врачеве дѣлають, по неволѣ, согнившія гагрины стружуще и рѣжуще желѣзомъ, або дикое мясо, возрастающее на ранѣ, обрѣзающе ажъ до живаго мяса; сему негли подобно, и онъ блаженный, льстецъ истинный, умыслилъ; яко и послѣдовало дѣло: иже душу его отъ прокаженныхъ ранъ испѣлилъ и очистилъ былъ, и развращенный умъ исправилъ, тѣмъ и онимъ наставляюще на стезю правую. Съ нимъ же соединяется, во общеніе, единъ

благородный тогда юноша, къ доброму и полезному общему, именемъ Алексѣй Адашевъ; цареви жъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ, и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ. И еще бы вся по ряду изъясилъ о немъ, воистинну вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими челоуѣки. И еще же воззримъ, яко благодать святаго духа вѣрныхъ въ новомъ завѣтѣ украшаетъ, не по дѣломъ нашимъ, но по преизобильности щедротъ Христа нашего, иже не токмо не дивно будетъ, ино удобно: понеже и крови своей сотворитель всяческихъ не жаловалъ за насъ изліяти. Но прекративъ сіе, до предреченныхъ паки возвратимся.

Что же сіе мужіе два творять полезное землѣ оной, спустошенной уже воистинну и зѣло бѣдѣ сокрушенной? Приклони же ужъ уши, и слушай со прилежаніемъ! Сіе творять, сіе дѣлають! Главную доброту начинаютъ — утверждаютъ царя, и якого царя? царя юнаго, и во злострастіяхъ и въ самовольствіи безъ отца воспитаннаго, и презлище прелютаго, и крови уже напившагося всякія, не токмо всѣхъ животныхъ, но и челоуѣческія. Паче же, и согласныхъ его на зло прежде бывшихъ, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ же уздають и воздержатъ страхомъ Бога живаго. И что же еще по семъ придають? Наказують опаснѣ благочестію; молитвамъ же прилежнымъ къ Богу, и постомъ, и воздержанію внимати со прилежаніемъ завѣщааетъ онъ пресвитеръ, и отгоняетъ отъ него оныхъ предреченныхъ прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и челоуѣкоугодниковъ, на нихъ же ничтоже можетъ быти повѣтреннѣйшаго во царствѣ, и отсылаетъ и отдѣляетъ отъ него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся отъ сатаны; и подвижетъ на то и присовокупляетъ себѣ въ помощь архіерея онаго великаго града, и къ тому, всѣхъ предобрыхъ и преподобныхъ мужей, пресвитерствомъ почтенныхъ; и возбуждаютъ царя къ покаянію, и исчистивъ сосудъ его внутренній, яко подобаетъ, къ Богу приводятъ, и святыхъ, не-

порочныхъ Христа нашего тайнъ сподобляють, и въ сицевую высоту оного, прежде бывшаго окаяннаго, возводятъ, яко и многимъ окрестнымъ языкомъ дивятся обращенію его и благочестію.

И къ тому еще и сіе прилагають: собирають къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости мастистѣй сущихъ, благочестіемъ и страхомъ Божиимъ украшенныхъ; другихъ же, аще и въ среднемъ вѣку, такожъ предобрыхъ и храбрыхъ, и тѣхъ и оныхъ въ военныхъ и земскихъ вещахъ по всему искусныхъ; и сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояють, яко безъ ихъ совѣту, наче-соже устроить или мыслити. Воистину премудрому Соломону глаголющу: *Царь, рече, добрыми совѣтниками; яко градъ претвердыми столы утвержденъ; и паки: любий, рече, со-вѣтъ, хранитъ свою душу, а не любий его, совѣтъ изчезнетъ*: понеже, яко безсловеснымъ надлежитъ чувствомъ по естеству управлятися, сице всѣмъ словеснымъ, совѣтомъ и разсужденіемъ. И нарицались тогда оныя совѣтницы у него *избранная рада*; воистину по дѣломъ и нареченію имѣли: понеже все избранное и нарочитое совѣты своими производили, свѣдѣчъ: судъ праведный, нелицепріятенъ, яко богато-му, тако и убогому, еже бываетъ въ царствѣ наицѣпшее; и къ тому воеводъ, искусныхъ и храбрыхъ мужей, сопротивъ враговъ избирають, и стратилатскіе чины устрояють, яко надъ ѣздными, такъ и надъ пѣшими; и аще кто явится мужественнымъ въ битвахъ, и окровитъ руку въ крови вражьей, сего дарованьи почитано, яко движными вещи, такъ и недвижными. Нѣкоторые жъ отъ нихъ, искуснѣйшіе, того ради и на вышнія степени возводились. А паразитовъ, или тунеядцевъ, свѣдѣчъ подобѣдовъ или товарищей трапезамъ, яже блаженствомъ или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными, прелукавыми и презлыми, таковыми роды; но токмо на мужество челоуѣковъ подвизаемо и на храбрость, всякими роды даровъ или мздовоздаянми, каждому по достоянію.

Г Л А В А II. ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

1552.

Первый походъ Казанскій. Основаніе Свияжска. Намѣстивъ хана Крымскаго. Бѣгство его. Битва Курбскаго съ Татарами подъ Тулою. Походъ на Казань. Трудность пути. Прибытіе въ Свияжскъ. Мѣстоположеніе Казани. Осада оной. Первая битва. Курбскій и Щепятевъ начальствуютъ правою рукою. Устроеніе шанцовъ. Сильная вылазка. Нападеніе Луговой Черемисы. Побѣда Александра Горбатаго. Ожесточеніе Казанцевъ. Взятіе Арскаго города. Чары. Спасенное древо. Взорваніе тайника. Построеніе высокой башни. Штурмъ Казани. Братъ Курбскаго первый на стѣнахъ ея. Мужество Едигера. Корыстолюбіе воиновъ. Іоаннъ удерживаетъ бѣгущихъ. Взятіе Казани. Едигертъ въ плѣну. Доблесть Курбскихъ.

И абіе, за помощію Божією, сопротивъ сопостатовъ возмогоса воинство христіанское. И противъ якихъ сопостатовъ? такъ великаго и грознаго Измайлтескаго языка, отъ негожъ нѣкогда и вселенная трепетала, и не токмо трепетала, но и спустошена была; и не противъ единого царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ, сирѣчь, сопротивъ Перекопскаго царя, и Казанскаго, и сопротивъ княжатъ Нагайскихъ. И за благодатію и помощію Христа Бога нашего, абіе отъ того времени, всѣмъ тремъ возражаше нахождение, частыми преодоленіями преодолюваху и преславными побѣдами украшашася, о нихъ же по ряду писати сія краткая повѣсть не вмѣститъ; но вкратцѣ рещи: по толику спустошенію Русскія земли, еже бѣ отъ нихъ, не по толику, но множайше предѣлы христіанскіе расширишася } за малыя лѣта; идѣ же были прежде, въ спустошенныхъ краевъ Русскихъ, зимовища Татарскія, тамо грады и мѣста сооружишася; и не токмо кони Русскихъ сыновъ во Азію съ текущихъ рѣкъ напишася, съ Танаиса и Куалы и прочихъ; но и грады тамо поставишася.

Видѣвъ же таковыя неизреченныя Божія щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и самъ царь, возревновавъ ревностію, началъ противъ враговъ самъ ополчаться, своею главою, и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждаться, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь, пребывать (яко есть нынѣшнимъ западнымъ царемъ обычай: всѣ цѣлыя нощи истребляти, надъ карты сѣдаяще и надъ прочими бѣсовскими бреднями); но подвигся многожды самъ, не щадячи здравія своего, на сопротивнаго и горшаго своего супостата, царя Казанскаго единого въ лютую зиму, еще и не взявъ мѣста отъ него главнаго, сирѣчь Казани града, и со тщетою немалою отойде; но всяко не сокрушилось ему сердце и воинство его храброе, укрѣпляющу Богу оными совѣтниками его. И разсмотривъ тамо положенія мѣста, и аки по лѣтѣ единомъ или дву, градъ тамо превеликій, зѣло прекрасенъ, абіе ставити повелѣлъ, на рѣцѣ Свѣгѣ, отъ Волги за четверть мили, а отъ великаго Казанскаго мѣста аки миль пять: такъ близку приблизился. И тогожъ лѣта выправя дѣла великія стѣнобитныя рѣкою Волгою, а самъ сухимъ путемъ хотяше абіе пойти.

И приде ему вѣсть, иже царь Перекопскій съ великими силами на него идетъ, возбраняюще хожденіе ему на Казань; онъ же, еще и войско великое прежде, града поставленія ради, послалъ, такожъ и при дѣлахъ множество воиновъ; но обаче, того ради, на Казань хожденіе на мало время отложилъ. И еще, аки бы съ большею частью войска, иде сопротивъ предреченнаго онаго врага Христова, и самъ сталъ на Окѣ рѣкѣ, ожидающе его ко сраженію брани, во единомъ мѣстѣ, а другія войска разложилъ по другимъ градамъ, яже лежатъ при той же рѣцѣ, и вывѣдывати велѣлъ о немъ: бо не вѣдомо еще было, на которое мѣсто итти мѣлъ. Онъ же егда услышалъ, иже великій князь стоитъ съ войскомъ противъ его, готовъ надъ надежду его (бо певнѣ сповѣдался, иже уже на Казань пошелъ); тогда возвратился и облегъ мѣсто великое, мурованное, Тулу, аки во штинадесати ми-

ляхъ отъ мѣста Коломны, идѣже царь христіанскій лежалъ съ войскомъ, ждуще его; а насъ тогда послалъ со другими о немъ вѣдыватися, и земли отъ взгоновъ боронити; и было съ нами тогда войска аки пятнадцать тысячей. Мыжъ, преправясь чрезъ великую Оку рѣку со многимъ потщаніемъ, того дня зѣло скоро устремишася, и пріѣхаша аки тринадцать миль, и положишася къ нощи, на единомъ потоцѣ, близу стражи царя Перекопскаго, отъ града же Тулы за полдвѣ мили, подъ нимъ же самъ царь стояше. Стража Татарская утече ко царю, и повѣда ему о множествѣ войска христіанскаго, и мяше, иже самъ князь великій приде со всѣмъ своимъ войскомъ; и тое нощи царь Татарскій отъ града утече, аки миль осьмь, въ поле дикое, за три рѣки препроводившися, и дѣла нѣкоторые и кули потопилъ, и пороховъ и верблюдовъ отбѣже, и войско въ войнѣ оставилъ: бо три дни хотяще воевати, а дваждь дни точію подъ градомъ стоялъ, а противъ третьяго дни побѣжалъ.

Наутрожъ, мы, воставши рано, поидомъ ко граду и положихомся съ войскомъ, идѣже шатры его стояли. Войскажъ Татарскаго аки третина, або вяще, остала была въ загонѣхъ, и шли ко граду, надѣяшася царя ихъ стояща. Егдажъ разсмотрѣша и увѣдаша о насъ, ополчѣшася противу насъ. Мыжъ абіе сразившася съ ними, и пребывала битва аки на полдвѣ години; потомъ помогъ Богъ намъ, христіаномъ, надъ бусурманы, и толико избиша ихъ, яко зѣло мало осталось ихъ, и едва вѣсть въ орду возвратилась. На той то битвѣ, и самъ азъ тяжкія раны на тѣлеси отнесохъ, яко на главѣ, такъ и на другихъ составѣхъ.

Егдажъ возвратихомся ко цареву нашему, со пресвѣтлымъ одолѣніемъ, онъ же тогда повелѣлъ опочивати оному утружденному войску аки восемь дней. И по осьми дняхъ, самъ поиде съ воинствомъ къ Казани, на мѣсто великое, глаголемое Муромъ, еже лежитъ отъ поля уже къ крайне, къ Казанскимъ предѣломъ, и оттуду, чрезъ поле дикое, аки мѣсяцъ шелъ ко оному предреченному новому граду, поставлен-

ному на Свіягѣ, идѣже воинство его ждало съ великими дѣлы и со многими запасы, яже приплыша Волгою рѣкою великою. А насъ тогда послалъ, со тремянадесять тысящей люду, чрезъ Рязанскую землю и потомъ чрезъ Мещерскую, идѣже есть Мордовскій языкъ. Потомъ препроводясь, аки за три дни, Мордовскіе лѣсы, изыдохомъ на великое дикое поле и идохомъ отъ него по правой рупѣ, аки въ пяти дняхъ конемъ ѣзду: понеже мы заслониша его тѣмъ войскомъ, еже съ нами шло, отъ Заволжскихъ Татаръ (бояшебоя онъ, да не приидутъ на него безвѣстно тѣ княжата Нагайскія); и аки бы по пяти недѣляхъ, со голодомъ и съ нуждою многою, доидохомъ Суры рѣки великія, на устья Борыша рѣчки, идѣже и онъ въ томъ же дни съ войски великими приде; и того дни хлѣба сухаго наядохомся со многою сладостію и благодареніемъ, ово зѣло дорогаго купующе, ово позычающе отъ сродныхъ, и пріятель и друзей: бо намъ его было не стало аки бы на 9 дней, и Господь Богъ препиталъ насъ и войско, ово рыбами, ово иными звѣрьми: бо въ пустыхъ тѣхъ поляхъ зѣло много въ рѣкахъ рыбъ.

Егдажъ преплывишася Суру рѣку, тогда и Черемиса горная, а по ихъ, Чуваша зовомые, языкъ особливый, начаша встрѣчати по пяти сотъ и по тысящѣ ихъ, аки бы радующеся цареву пришествію: понеже въ ихъ землѣ поставленъ оный предреченный градъ на Свіягѣ. И отъ тое рѣки шли есмя съ войскомъ 8 дней, полями дикими и дубровами, нѣгдѣ же и лѣсами; а селъ со живущими зѣло мало: понеже у нихъ села при великихъ крѣпостяхъ ставлены и незримы, аще и по близку ходящимъ; и ту уже намъ привожено и, по странамъ ѣздя, добывано купити хлѣба и скотовъ; аще и зѣло дорого плачено, но намъ было, яко изнемоглимъ отъ гладу, благодарно; а малвазіи и любимыхъ трунковъ з'марцыпаны, тамо не воспоминай! Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣйшій, паче драгоцѣнныхъ колачей, обрѣтется; и наипачежъ сего ради, яже подвизахомся за отечество правовѣрнаго христіанства, сопротивъ враговъ креста Христова, паче

же вкупѣ со царемъ своимъ: сіе было благодарнѣйши и радостнѣйши, и не чулось ни единыя нужды, другъ предъ другомъ къ добрымъ подвигамъ ретящеся; наипачежъ самъ Господь Богъ помогалъ намъ.

Егдажъ приидомъ близу новопоставленнаго града, воистинну зѣло прекраснаго, тогда выѣхаша во срѣтеніе царя гетмани оніи, яко градскіе, такъ которые и съ дѣлы приидоша, съ немалыми вой, по чину благочиннѣ устроенни полки имуще; съ нимижъ коннаго войска, тысящъ аки пятьнадесять, изыдоша во срѣтеніе, такожъ и пѣшихъ множество много; къ тому и гуфвъ оныхъ варварскихъ, новопокорившихся царю, немало, аки четыре тысячи; ихъ же обитанія и села близу града онаго быша, яже, хотяще и не хотяще, покорисаша. И бысть тамъ радость не мала о здравію пришествія царева со множества воевъ, такожъ и о побѣдѣ прежъ реченной, яже на Крымскаго пса одержахомъ (бо зѣло трепетахомъ о прихожденіи и помощи его Казани), и о поставленіи града онаго превеликаго. И такъ къ тому приѣхали есмы, воистинну, яко въ свой домъ, отъ того долгаго и зѣло нужнаго пути: понеже привезено намъ множество, отъ домовъ нашихъ Волгою, мало не каждому, въ великихъ галіяхъ запасу; такожъ и купцовъ безчисленное множество, съ различными живностью и со многими товары, приплыша, идѣже баше всего достатокъ, чего бы душа восхотѣла (точію нечистоты тамо купить не обрящешь). И опочинувъ тамо войско аки три дни, начаша великую рѣку Волгу превозитися; и превезошася все войско аки за два дни.

И на третій день двинушася въ путь, и преидомъ четыре мили, аки за 3 дни: бо тамо не мало рѣкъ, яже впадаютъ въ Волгу; препровожашася чрезъ мосты и гати (которые были предъ нами, показали Казанцы). И на четвертый день изыдохомъ сопротивъ града Казанскаго, на великіе, и пространные, и гладкіе, зѣло веселые луга, и положишася все войско подлѣ рѣки Волги, а луговъ оныхъ до мѣста аки мяля зѣло велика: бо стоятъ оный градъ п мѣсто не на

Волгѣ, но рѣка подѣ нимѣ, Казань реченная, отъ нея жѣ и нареченъ. И положеніе его на великой горѣ, а наипаче отъ приходу Волги сиче зрится; а отъ Нагайскія страны, отъ Камы рѣки, отъ реченнаго Арскаго поля, равно пріити къ нему. Опочинувши же аки день единъ, паки дѣла нѣкоторыя съ кораблей выложены, яже предѣ полки хождаша. На другой же день рано, по Божіихъ литургіяхъ, воздвижесе войско отъ становъ, со царемъ своимъ, и развивши хоругви христіанскія, со многымъ благочиніемъ и устроеніемъ полковъ, поидоша ко граду супостатовъ. Градъ же видѣхомъ, аки пустъ стоящъ, иже а ни человекъ, а ни гласъ человекъ ни единъ отнюдѣ слышашесе въ немъ, яко многымъ неискуснымъ радоватися о семъ и глаголати, яко избѣгоша царь и все воинство въ лѣсы, отъ страха великаго войска.

Егдажѣ пріидохомъ близу мѣста Казанскаго, еже въ великой крѣпости лежитъ: съ востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима, подѣ самое мѣсто течетъ и впадаетъ подѣ угольную вежу въ Казань рѣку; а течетъ изъ озера, Кабана глаголемаго, не малаго, которое озеро кончится аки полверсты отъ мѣста; и якъ преправитися тую нужную рѣчку, тогда между озеромъ и мѣстомъ, лежитъ съ Арскаго поля гора зѣло прекрасная и ко восхожденію нужная. А отъ тое рѣки, около мѣста, ровъ копанъ, зѣло глубокий, ажъ до езерка, реченнаго Погананаго, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку; а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ воззрити прикро: на ней же градъ стоитъ и палаты царскія и мечети, зѣло высокія, мурованныя, идѣже ихъ умершіе царіе клались; числомъ, памятамыя, пять ихъ.

Егда же начаша обступати мѣсто оное бусурманское, и войско христіанское повелѣнно ити трема полкомъ, чрезъ предреченную рѣчку Булакъ, егдажѣ первѣе препроводился, направля мостки чрезъ нее, передній полкъ, а тамо обыкли его звати яртаулъ, въ немъ же бѣ войска избраннаго, аки семь тысящъ, а надъ ними стратилаты два, княжато Прон-

скій Юрій и княжато Теодоръ Львовъ, съ роду князятъ Ярославскихъ, юноши зѣло храбрыя; и прїѣде имъ итти съ нуждою прямо на оную гору, на Арское поле, между мѣста и Кабана, предреченнаго озера, отъ вратъ градскихъ аки два стрѣлянїя лучныхъ; другїй же великій полкъ начаша только препровождатися чрезъ оную рѣку по мостомъ: царь же Казанскій выпустилъ войска коннаго изъ мѣста, аки пять тысящъ, а пѣшихъ отъ десяти тысящъ, на первый предреченный полкъ, конные Татарова съ копья, а пѣшіе со стрѣлами. И абіе удариша посреди полка христіанскаго, аки въ полгоры оныя, и прерваша его, дондеже поправишася оныя стратилатове: бо уже аки со двѣма тысящами и вяще взошли было на оную гору. И сразисхася съ ними крѣпцѣ, и бысть сѣча не мала между ими. Потомъ поспѣвшихася другіе стратилаты съ пѣшими нашими ручничными стрѣльцы и сопроша бусурмановъ, яко конныхъ, такъ и пѣшихъ, и гониша ихъ бѣюще, ажъ до самыхъ вратъ градскихъ, и околько десять и живыхъ поймаша. Въ той же часъ, вкупѣ во сраженіе онос, и стрѣльбу огненную со града изъявивша, яко со вежъ высокихъ, такъ и съ стѣны мѣскія, на войско христіанское стрѣляюще; но ничтожъ, за Божією благодатію, тщеты сотвориша.

И абіе въ той день обступихомъ мѣсто и градъ бусурманскій полки христіанскими, и отняхомъ ото всѣхъ странъ пути и проѣзды ко граду: не возмогли они никакоже ни изъ града, ни во градъ приходить. Таже стратилатове (а по ихъ воеводы полковъ), передовый полкъ, который ходитъ у нихъ за яртауломъ, прїѣде на Арское поле и еще другїй полкъ, въ пемъ же бѣ царь Шигалей, и другіе великіе стратилатове залегоша тамо пути, яже отъ Нагайскія страны ко граду лежатъ.

Мнѣ же тогда, со другимъ моимъ товарищемъ, правый рогъ, а по ихъ, правая рука, поручена была устроить, аще ми и во младыхъ лѣтѣхъ сущу: бо еще мнѣ тогда было лѣтъ аки двадцать и четыре отъ рожденія; но всяко, за благода-

тію Христа моего, придохъ къ тому достоинству не туне, но по степенямъ военнымъ вздохъ. И было въ нашемъ полку вяще, нежели дванадесять тысящей, и пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ аки шесть тысящей. И повелѣно намъ итти за Казань рѣку; и прострошась войско полка нашего ажъ до Казани рѣки, яже выше града, а другій конецъ до мосту, яже по Галицкой дорогѣ, и до тоя же рѣки, яже ниже града; и залегохомъ пути, ото всея Луговой Черемисы, яже ко граду лежать. И случилось намъ стояти на мѣстѣ въ равнинѣ, на лугу, между великими блатъ; граду же съ нашей стороны на превеликой горѣ стоящу, и сего ради зѣло намъ, паче всѣхъ, пужно было отъ огненныя стрѣльбы со града, а сади, съ лѣсовъ, отъ частаго наѣзжанія Черемисскаго. Другіе же полки сташа между Булакомъ и Казанью, объ сю страну отъ Волги. Самъ же царь съ вальнымъ гуфомъ, або со множествомъ воевъ, сталъ отъ Казани, аки за версту, або мало больше отъ града, съ приходу своего отъ Волги, на мѣстѣ на погористомъ. И сидевымъ чиномъ мѣсто и градъ бусурманскій облегоша. Царь же Казанскій затворися во градѣ со тремадесять тысящей избранныхъ своихъ воиновъ и со всѣми карачи духовными ихъ и мірскими и съ дворомъ своимъ; а другую половину войска оставилъ внѣ града на лѣсѣхъ; такожь и тѣ людіе, яже Нагайскій улубій прислалъ на помощь ему, а было ихъ аки двутысящи и колько сотъ. И по трехъ дняхъ, начаша близу мѣста панцы ставити; того бусурманы зѣло возбраняша, ово біюще со града, ово вытекающе, вручъ сѣкошася, и падаху со обѣихъ странъ множество люду, но обаче вяще бусурмановъ, нежели христіанъ; и сего ради знакъ Божія милосердія являшеся христіанамъ, и духъ храбрости нашихъ прискоряшеся.

Егда же добрѣ и крѣпцѣ заточиха панцы, и стрѣльцы со стратилати ихъ закопашася въ землю, аки уже безстрашны отъ стрѣльбы мѣскія и отъ вытекекъ мящеся; тогда привлекоша великія дѣла, и среднія и огненныя, близу града и мѣста, ими же вверхъ стрѣляютъ; а памятамися, всѣхъ

было аки полтораства и великихъ и среднихъ, за всѣми шанцами, ото всѣхъ странъ града и мѣста, поставлено; а и мыѣйшее было по полторы сажени; окромѣ того были польныя многія, около царскихъ шатровъ. Егда же начаша бити со всѣхъ странъ по стѣнамъ града,—и уже очистиша стрѣльбу великую на градѣ, сирѣчь, не даша имъ стрѣляти съ великихъ дѣлъ на войско христіанское, точію гаковничныя и ручничныя не могоша отнати, ими же много тщеты дѣлали войску христіанскому въ людѣхъ и въ конѣхъ.

И еще къ тому тогда хитрость изобрѣте царь Казанскій противъ насъ: яковую же? молю, повѣждь ми. Исте такуюю! Но слухай прилежнѣ, раздроченный воине! Ибо уложилъ онъ таковой совѣтъ со своими, съ тѣмъ войскомъ, ихъ же оставилъ внѣ града, на лѣсѣхъ, и положилъ съ ними такое знаменіе, (а по ихъ языку, ясакъ): егда изнесутъ на высокую вежу, або иногда на градъ, на высочайшее мѣсто, хоруговъ ихъ, зѣло великую бусурманскую, и начнутъ ею махать; тогда, глаголю (понеже далось намъ знати), ударятъ со всѣхъ странъ съ лѣсовъ, зѣло грозно и прутко, во устроенію полковъ, бусурманы на полки христіанскіе; а отъ града во всѣ врата вытекали въ тотъ же часъ на наши шанцы, и такъ зѣло жестоцѣ и храбрѣ натекали, яко и вѣрѣ не подобно; и единого изыдоша сами карачи съ дворомъ царевымъ, а съ ними аки десять тысящъ войска, на тѣ шанцы, идѣже быша дѣла великія заточены, и такъ сотвориша сѣчу злую и жестокою бусурманы на христіанъ. Уже всѣхъ нашихъ далеко отъ дѣлъ отогнали были; и за помощію Божіею, приспѣша шляхта Муромскаго повѣту: бо нѣгдѣ ту близъ станы ихъ были, и межи Русскими, та шляхта зѣло храбрые и мужественные мужіе сущи, стародавныя въ родѣхъ Русскихъ. Тогда абіе взопроша карачей со всѣми силами ихъ, ажъ принудишася отъ нихъ подати тылъ; а они ажъ до вратъ мѣскихъ сѣкоша, біюще ихъ, и не такъ мпожество посѣкоша, яко во вратѣхъ подавишася, тѣснѣи ради; множество же и

живыхъ поймаша. Въ той же часъ и на другіе врата вытекаша, но не такъ крѣпцѣ бишася.

И воистинну на всякій день, аки три недѣли тое бѣды было, яко и брашна намъ онаго зѣло нужнаго не дали приимати многажды; но сие намъ Богъ помогаль, ово храбрѣ, за помощію Божією, сражахуся съ ними, пѣшіе съ пѣшими, отъ града исходящими, конники же съ конники, съ лѣса наѣзжающими; а къ тому и дѣла великія, яже суть съ желѣзными кулями, обращающе отъ града, стрѣляюще на тѣ полки бусурманскіе, яже отовнѣ града съ лѣсовъ наѣзжали. А горче всѣхъ было, отъ ихъ наѣзжанія, тѣмъ христіанскимъ полкомъ, яже стояли на Арскомъ полѣ, яко и намъ, съ Галицкія дороги, яже суть отъ Луговья Черемисы; а которое стояло войско наше подъ градомъ, за Булакомъ, на которой странѣ и царь нашъ стоялъ отъ Волги, тѣ ото внѣшняго нахожденія бусурманскаго въ покою пребывали; точію изъ града частыя вытечки имѣли, яко же ближайшіе стояли, подъ стѣнами града при дѣлѣхъ. А кто бы повѣдалъ, яковую намъ тщету въ людѣхъ и въ конехъ дѣлали: (которые слуги наши добывали травы, ѣздяще на кони наши, а ни ротмистры, стрегуще съ полки своими, не могуще вездѣ оброняти ихъ, злехитроства ради бусурманскаго и наглаго, незапнаго, пруткаго ихъ наѣзжанія); воистинну и пишучи, не исписалъ бы порядку, колько бито ихъ и поранено.

Видѣвъ же царь Казанскій, яко уже изнемогло было зѣло войско христіанское, наипаче тое, еже близу стѣнъ мѣскихъ, прищанцовався, лежало, ово отъ частыхъ вытекекъ и наѣзжанія ихъ съ лѣсовъ, ово отъ скудости пищи: бо зѣло уже драго куповано всякія брашна; войску, за неспокоемъ, яко рѣхомъ, не дано и сухаго хлѣба наястися; а къ тому мало не всѣ нощи пребывахъ безъ сна, храняще дѣлъ, пачежъ живота и чести своей;—егда жъ, яко рѣхъ, уразумѣлъ сіе яко царь ихъ, такъ и внѣ града бусурманскіе воеводове утруженіе войска нашего: тогда тѣмъ сильнѣе и частѣйше отовнѣ наѣзжали и изъ града исходили. Царь же нашъ со

всѣми сигклиты и стратилаты вниде въ совѣтъ о семъ, и совѣтъ въ конецъ добръ, благодати ради Божія, произведе: раздѣлити повелѣлъ войско все на двое; аки половину его подъ градомъ при дѣлахъ оставя, части же не малой здравія своего стрещи повелѣлъ, при шатрѣхъ своихъ; а тридесять тысящей конниковъ, устроя и раздѣливъ на полки по чину рыцарскому, и поставя надъ каждымъ полкомъ по два, нѣгдѣ и по три стратилатовъ, храбрыхъ, въ богатырскихъ вещахъ свидѣтельствованныхъ, такожь и пѣшихъ, аки пятнадцать тысящей, изведе стрѣльцовъ и казаковъ, и тако же раздѣлиша на гуфы по устроєніямъ стратилатскимъ. Поставя надо всѣми ими гетмана великаго, княжа Суздальскаго, Александра, нарѣченнаго Горбатаго, мужа зѣло разумнаго и статечнаго и въ военныхъ вещахъ свидѣтельствованнаго, повѣлѣлъ ждати, закрывъ все войско христіанское за горами; егдажъ изыдутъ бусурманы съ лѣсовъ, по обычаю своему, тогда повелѣно сразитися съ ними.

Во утріе же, аки на третьей годинѣ дня, изыдоша на великое поле, глаголемое Арское, отъ лѣсовъ полки бусурманскіе, и первѣе удариша на ротмистровъ, яже на стражехъ въ полцѣхъ стояша, коимъ было заповѣдано уступити имъ, уклоняющеся ажъ до шанцовъ; они же уповающе, аки боящесе, христіане побѣгоша, гнаша за ними. Егда же втиснуша ихъ уже въ обозъ, тогда начаша подъ шанцами круги водити и гарцовати, стрѣляюще изъ луковъ, по подобію частаго дождя; овы же во устроєнію мноземъ, по малу полки грядуще, конные и пѣшіе, аки уже христіанъ пожрети хотяще. Тогда убо, тогда, глаголю, изыдоша абіе гетманъ съ войскомъ христіанскимъ, тако же во устроєнію мноземъ, и приближася со тщаніемъ ко сраженію. Видѣвше же бусурманы, и рады бы назадъ къ лѣсу, но не возмогаша: уже бо далеко отѣхали отъ него на поле; но обаче, хотяще и нехотяще, дали битву и крѣпцѣ сразишася съ первыми полки. Егда же надспѣлъ великій полкъ, въ немъ же самъ бѣше гетманъ, такоже и пѣшіе полки приближашася, обходяще

*

ихъ, наипаче отъ лѣсу; тогда абіе въ бѣгство обратшася всѣ полки ихъ; христіанское же воинство гониша за ними, біюще ихъ, и яко на полднѣ мѣли трупія бусурманскаго множество лежаше, и къ тому аки тысячу живыхъ поимаша. Тогда, за помощію Божією, таковую пресвѣтлую побѣду христіане надъ бусурманами одержаша.

Егда же приведоша живыхъ вязней оныхъ ко царю нашему, тогда повелѣлъ, предъ шанцы выведши, привязати ихъ къ колью, да во градѣ сущихъ своихъ молятъ и напоминають: да поддадутъ Казанское мѣсто цареву христіанскому; тако же и наши ѣздяще, напоминали ихъ, общавающе имъ животъ и свободу, яко тѣмъ вязнемъ, такъ и сущимъ во градѣ, отъ царя нашего; они же, сихъ словесъ выслушавъ тихо, абіе начаша стрѣляти съ стѣнъ града, не такъ по нашихъ, яко по своихъ, глаголюще: „Лучше, рече, увидимъ васъ мертвыхъ отъ рукъ нашихъ бусурманскихъ, нежели бы посѣкли васъ гауры необрѣзанные!“ и иныя слова отыгающе хульныя, съ яростію многою, яко и всѣмъ намъ дивитися зряще.

И по семъ, аки по трехъ дняхъ, повелѣлъ царь нашъ итти тому князю, Александру Суздальскому, съ тѣмъ же войскомъ на засѣку, яже были бусурманы сооружили стѣну, между великими блаты, на горѣ единой, аки двѣ мѣли отъ мѣста, идѣже паки, по разбѣжанію ономъ, собравшася множество ихъ, и умыслиша оттуду, аки изъ града единого выѣзжаючи, паки ударяти на войско христіанское. И къ тому еще, ко оному предреченному гетману придано другаго гетмана, а по ихъ, великаго воеводу съ полки его, именовъ князя Семена Микулинскаго, съ роду великихъ княжатъ Тверскихъ, мужа храбраго и въ богатырскихъ вещахъ искуснаго; и дано имъ повелѣніе таково: аще бы имъ Богъ помогъ оную стѣну проломити, да идутъ всѣмъ войскомъ ажъ до Арскаго города, который лежитъ отъ Казани дванадцать мѣль великихъ. Егда же привдоша ко оной стѣнѣ, опрошася бусурманы и начаша брѣнитися крѣпцѣ, аки на двѣ години

біющєся; потомъ, за Божією помощію, одолѣша ихъ паши, яко огненною стрѣльбою, такъ ручною, и побѣгоша бусурманы; нашижъ гонили ихъ. Егда же препроводишєся все войско великое за оную стѣну, и оттуду цареви нашему съ сеунчємъ послали; а тамо наше воинство обѣ ношѣ пребывало и обрѣтоша въ шатрѣхъ бусурманскихъ не мало корысти; и придоша, аки за два дни, до онаго предреченнаго града Арскаго и обрѣтоша его пустъ покиненъ: отъ страха бо избѣжаша изъ него всѣ, страха ради, въ далечайшіе лѣсы. И плѣниша тамо въ землѣ оной аки десять дней: понеже въ землѣ той поля великія, и зѣло преизобильныя и гобзующія на всякіе плоды; тако же и двory княжатъ ихъ и вельможей зѣло прекрасны и воистину удивленія достойны, и села часты. Хлѣбовъ же всякихъ такое тамъ множество, воистину вѣрѣ ко исповѣданію неподобно: аки бы на подобіе множества звѣздъ небесныхъ; такоже и скотовъ различныхъ стадъ безчисленныя множества, и корыстей драгоцѣнныхъ, наипаче отъ различныхъ звѣрей, въ той же землѣ бывающихъ: бо тамо родятся куны дорогія, и бѣлки и прочіе звѣріе ко одеждамъ и ко яденію потребныя; а мало за тѣмъ далѣй соболей множество, такожде и медовъ: не вѣмъ, гдѣ бы подѣ солнцемъ больше было. И по десяти дняхъ, со безчисленными корыстями и со множествомъ плѣну бусурманскихъ женъ и дѣтей, возвратишася къ намъ здраво, такоже и своихъ древле заведенныхъ многихъ отъ бусурманъ свободиша, отъ многолѣтнихъ работы. И бысть тогда въ воинствѣ христіанскомъ велія радость и благодареніе къ Богу воспѣваны, и такъ было таней въ войску нашемъ всякія живности, ижъ краву куповано за десять денегъ Московскихъ, а вола великаго за десять аспрь.

Скоро по возвращенію онаго войска потомъ, аки по четирахъ дняхъ, собралося Черемисы Луговья не мало, и ударили на наши станы задніе, съ Галицкія дороги, и не мало стадъ коней нашихъ отгромили; мы же абіе послали въ погоню за ними трехъ ротмистровъ, и за ними другіе посылоч-

ные полки во устроєнію, засады ради; и угонено ихъ въ трехъ, або въ четырехъ миляхъ, и овыхъ избиша, другихъ живыхъ поимаша.

А если бы писалъ по ряду, яко тамо подъ градомъ, на каждый день, дѣялось, тогобъ цѣлая книга была; но вкратцѣ еще воспомянути достойтъ, яко они на войско христіанское чары творили и великую плювію наводили: яко скоро по obleжанію града, егда солнце начнетъ восходить, въздутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящєся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такіъ дождь, и сухія мѣста въ благо обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, не точію по естеству аера случашєся. Видѣвше же сіе, абіе совѣтоваша цареви послати по древо спасенное до Москвы, еже во крестѣ вдѣлано, который всегда при царскомъ вѣнцѣ лежитъ. И сбѣгано, за Божією помощію, зѣло скоро, водою до Новаграда Нижняго, аки въ три, або четыре дни, Вятскими, зѣло скоро плавающими кораблецы, а отъ Новаграда до Москвы пруткошественными подводами. Егда же привезенъ честный крестъ, въ немъ же частка вдѣлана спасеннаго древа, на немъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ плотию страдалъ за чловѣки; тогда презвитеры соборнѣ, со церемоніями христіанскими, обхожденія творяху, и по обычаю церковному освятиша имъ воды, и силою животворящаго креста абіе отъ того часа изчезоша и безъ вѣсти быша чары оныя поганскіе.

И въ то же время у нихъ подкопомъ воду отнято, за двѣ, або за три недѣли до взятъя: бо ся тамо подъ вежу великую и подъ тайники подкопано, оттуды они на весь градъ воду брали, и пороховъ подставлено, аки двадєсять бочекъ великихъ: башню и вырвало. И къ тому у насъ вежу надъ обычаи великую и высокую за двѣ недѣли урублено

потаенно, за полмили отъ града, и единныя нощи близу рва мѣскаго поставлено и на нее взношено стрѣльбы десять дѣлъ и пятьдесятъ гаковницъ; и зѣло великую шкodu въ мѣстѣ и во градѣ на всякій день чинено съ нея: бо до взятія градскаго, побито люду бусурманскаго военнаго, кромѣ женъ и дѣтей, близу десяти тысящей со всѣхъ странъ, изъ дѣлъ и на вытекахъ ихъ, изъ тое то вежи. А яко ее ставлено, и яковымъ обычаемъ инныя различныя стѣнобитныя хитрости творено, сіе оставляю, краткости ради, исторіи: бо широкѣ въ лѣтописной Русской книгѣ о томъ писано. Только о взятіи града мало вспоминаемъ, елико можемъ вспамятати, вкратцѣ опишемъ. Понеже не токмо Богъ разумъ и даръ духа храбрости тогда подавалъ, но явленія нѣкоторыя достойнымъ и чистыя совѣсти мужемъ, въ нощныхъ видѣніяхъ, изъясвилъ о взятіи града бусурманскаго, къ сему подвижущее воинство, яко мню, отомщающее безчисленное и многолѣтнее разліяніе крови христіанскія, а оставшихся еще тамо живыхъ избавляющее отъ многолѣтня работы.

Егда же, по скончанію седми недѣль отъ облежанія града, заповѣдано намъ еще во дни, утренней зари ждати до востока солнца, и повелѣно готовитися со всѣхъ странъ ко штурму, и дано таково знаменіе: егда взорвутъ стѣну порохи, иже въ подкопѣ; бо было въ другій разъ подкопано и засажено 48 бочекъ пороху подъ стѣною мѣскою; и большую половину войска пѣшаго ко штурму послано; акижъ третина войска всего, або мало больше, на полю осташася, паче же стрегуще здравія царева. Мы же, по повелѣнному, рано къ сему уготовашася, аки за двѣ години еще до зари: бо азъ тогда посланъ быхъ къ нижайшимъ вратомъ, съ верху Казани рѣки, приступати, а со мною было дванадесать тысящей войска. Ото всѣхъ же четырехъ странъ тако же устроено пресильныхъ и храбрыхъ мужей, нѣкоторыхъ и съ большими почты. Царь же сіе Казанскій и сенаты его увѣдали о семъ, и такъ же на насъ уготовались, яко же и мы на нихъ.

Предъ самымъ же солнечнымъ восходомъ, або мало что уже нача солнцу являтися, взорвало подкопъ: войско же христіанское абіе ударило со всѣхъ странъ на мѣсто и градъ, по повелѣнію цареву. Да свидѣтельствуеть каждый о себѣ; азъ же что предъ очима тогда имѣхъ и дѣлахъ, повѣмъ истину вкратцѣ. Разрядихъ войско мое дванадесять тысящей подъ устроениямъ стратилатовъ, потокохомъ ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, яже предъ враты стояла на горѣ. Егда же еще быхомъ подалече отъ стѣнъ, ни изъ единыя ручницы, або стрѣлою, на насъ стрѣляно; егда уже близу быхомъ, тогда первѣе много огненный бой на насъ пущенъ съ стѣнъ и съ башень; тогда стрѣлъ густость такая, яко частость дождя; тогда каменія множество безчисленное, яко и воздуха не видѣти! Егдажъ близу стѣны подбихомся съ великою нуждою и бѣдою, тогда вары кипящими начаша на насъ лить и цѣлыми бревны метати. Всякожъ Божія помощь помогаше намъ тѣмъ, еже храбрость и крѣпость и замятованіе смерти дароваше, и вѣистину съ поощреніемъ сердца и съ радостію бишася съ бусурманы за православное христіанство; и аки бы за полгодаины отбиша ихъ отъ оконъ стрѣлами и ручницами. А къ тому и дѣла изъ за шанцовъ нашихъ помогаша намъ, стрѣляюще на нихъ: бо они явственно уже стояша на башнѣ оной великой и на стѣнахъ града, не хранящеся, яко прежде, но крѣпцѣ съ нами, и обличнѣ и вручъ біущесъ. И абіе могли бы ихъ избити; но много насъ ко штурму поидоша, а мало подъ стѣны градныя придоша: нѣкоторые возвращающесъ, множество лежаще и творящеся побиты и ранены.

За тѣмъ Богъ поможе намъ! Первый братъ мой родный на стѣну града взыде по лѣствицѣ, и другіе воины храбрые съ нимъ; а овые, сѣкущесъ и колющесъ съ бусурманы, въ окна оныя великія башни влѣзше, а изъ башни сметавшись во врата великіе градныя; бусурманы же абіе тылъ подаша, стѣны градныя оставивъ, побѣгоша на великую гору, ко двору цареву: бо бѣ зѣло крѣпокъ, между палатъ и мечетей

каменныхъ, оплотомъ великимъ обточень. Мы же за ними ко двору цареву, аще и утружденны во зброяхъ, а многіе храбрые мужіе на тѣлесахъ раны уже имуще, и зѣло ихъ мало осталось біющихся съ ними. А войско наше, яже было отстало виѣ града, яко увидѣло, иже мы уже во градѣ, а Татаровя съ стѣнъ побѣгоша, во градъ ринулось, и лежащіе, глаголемые ранены, воскочиша и творящіеся мертвые воскресоша. И со всѣхъ странъ не токмо тѣ, но и со становъ, и кашевары, и яже были у конехъ оставлены, и друзіе, яже и съ куплею приѣхаша, всѣ сбѣгошася во градъ, не ратнаго ради дѣла, но на корысть многую: бо то мѣсто воистину полно было дражайшихъ корыстей, златомъ, и серебромъ, и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло и другими великими богатствы. Татаровяжъ запрошася съ нашу страну на царевѣ дворѣ, а дольную часть мѣста покинули, елико ихъ могло утеші; а съ другую сторону, яже съ Арскаго поля, откуда подкопъ взорвало, царь Казанскій съ дворомъ своимъ уступя, аки въ половину мѣста, застановился на Тезицкомъ рвѣ, (по нашему на купецкомъ), біющесь крѣпцѣ со христіаны: бо того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ; а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперегъ, аки въ половицу мѣста, отъ стѣны Булака ажъ до дольной части мѣста, ровъ не малый. А мѣсто оно не мало: мало что отъ Виленскаго мнѣйше.

И бысть сея предреченныя битвы, аки на четыре години и вяще, памятамысь, ото всѣхъ странъ добыванно на стѣны и во градѣ сѣчи. И якъ видѣвше бусурманы, иже христіанскаго войска мало оставляетъ, мало не всѣ на корысти падоша: мнози, яко глаголють, по два кратъ и по три въ станы отхождаху съ корыстями и паки возвращахуся, храбрые же воины безпрестанни бьющесь; — видѣвше же сіе бусурманы, иже утрудилася уже воины храбрые, и пачаша крѣпцѣ налегати, ополчающесь на нихъ. Корыстовники же оныя предреченные, егда увидѣли, что наши по нуждѣ уступаютъ по малу, бранящесь бусурманомъ, въ таковое абіе бѣгство вда-

шася, яко и во врата многіе не попали; но множайшіе и съ корыстми чрезъ стѣну метались, а иные и корысти повергоша, только вопіюще: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Но за благодатією Божією, храбрымъ сердець не сокрушили: бо и съ нашу сторону зѣло было тяжко отъ належанія бусурмановъ (въ то время, отнелѣже во градъ внидоша и изыдоша, въ моемъ полку девяносто и осмь храбрыхъ мужей убито, кромѣ раненыхъ); но обаче, благодати ради Божіей, устояхомъ на нашей сторонѣ сопротивъ ихъ не подвижны. Со оныя же предреченныя страны мало что поступаша, яко рекохомъ, великаго ради множества належанія ихъ, и даша о себѣ вѣдати цареву нашему и всѣмъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зрящу бѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгуновъ: и зѣло ему не токмо лице измѣняшеся, но и сердце сокрушися, уповая, иже все войско уже христіанское бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сидевое, мудрые и искусные сигклитове его, повелѣша хоруговъ великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченныхъ царскихъ, подвинуты, и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша: понеже были нѣдци, между сигклиты оными, мужіе вѣку еще отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся въ добродѣтеляхъ и во всякихъ искусствахъ ратныхъ. Полку же царскому великому, въ которомъ было вѣще, нежели двадесять тысящей воиновъ избранныхъ, абіе повелѣно сойти съ коней, аки половинѣ; такожде не токмо дѣтемъ своимъ и сроднымъ повелѣша, но и самихъ ихъ половина спедши съ коней, потекоша во градъ, на помощь утружденнымъ онымъ воинамъ.

Егда же придоша во градъ внезапно такъ много воинства свѣжаго, въ пресвѣтлыя зброи оболченнаго, абіе царь Казанскій со всѣмъ воинствомъ начаша уступовати назадъ, обаче броняшася крѣпцѣ; наши же по нихъ неотступно крѣпцѣй находяще, сѣкущеся съ ними. Егда уже погнаша ихъ ажъ до мечетей, яже близу царева двора стоятъ, абіе изыдоша во срѣтеніе нашихъ обазы ихъ, сеиты, моллы, предъ великимъ

бискупомъ ихъ, а по ихъ, съ великимъ анарый, або амиромъ, именемъ Кулшерифъ моллоу, и сразившася съ нашими такъ крѣпцѣ, ажъ до одинаго избиша ихъ. Царь же со всѣми остатными затворился во дворѣ своемъ, нача бронитися крѣпцѣ, аки еще на полторы години біющеся. Егда же видѣвъ, яко не возможе уже помощи себѣ, тогда на едину сторону отобраша женъ и дѣтей своихъ, въ прекрасныхъ и въ превспешренныхъ одеждахъ, околько десять тысящей, и стаха на единой странѣ великаго предреченнаго двора царева, уповающе, иже прельстится войско христіанское на красоту ихъ и живити ихъ будетъ. Сами же Татаровя со царемъ ихъ отобрашася во единъ уголъ и умыслиша не датися живымъ въ руки, точію бы царя живаго соблюсти; и поидоша отъ царева двора на дольную сторону мѣста къ нижайшимъ вратамъ, идѣже азъ сопротивъ ихъ у царева двора стояхъ, и не осталось уже было со мною полтораста воиновъ, а ихъ еще было о десять тысящей; обаче, тѣсноты ради улицы, бронились есмя имъ, отходяще и опирающеся, крѣпцѣ. Наше же войско великое съ горы оныя егда потиснуша ихъ зѣло, паче же задній конецъ Татарскаго полку, сѣкуще и біюще; тогда едва съ великою нуждою, за Божією помощію, изыдохомъ изъ вратъ градскихъ. Наши же съ великія горы крѣпцѣ належаще, тиснуша ихъ, намъ же объ ону страну стоящимъ, во вратѣхъ біющеся, не пуцающе ихъ изъ града: уже бо намъ на помощь два полка христіанскіе приспѣша. Имъ же такъ тиснушася неволею, великаго ради належанія съ горы, иже съ вежею высокою равно, яже надо враты бѣше, полно трупія ихъ лежаше; среднимъ же и заднимъ людемъ, ажъ по людемъ своимъ идуще на градъ и на вежу. Егда же возведоша царя своего на вежу, тогда начаша вопіати, просяще малаго времени на розмову; мы же, мало утишився, послушавше прошенія ихъ. Онижъ абіе сиче рѣша, глаголюще: „Поки, рече, юртъ стояше и мѣсто главное, идѣже престолъ царевъ былъ, потыяжъ до смерти броняхомся за царя и отечество; а нынѣ царя вамъ отдаемъ здрава: ведите его ко

царю своему! А остатокъ насъ исходитъ на широкое поле — испити съ вами послѣднюю чашу“. И отдаша намъ царя своего со единымъ карачемъ, что наибольшимъ ихъ, и со двѣма имилдеши. Царю ихъ было имя бусурманское Идигеръ, а князю оному Зеніешъ. И отдавъ намъ царя здрава, по насъ абіе стрѣляли, а мы по нихъ. И не поидоша на насъ во врата, но абіе поидоша съ стѣны просто чрезъ Казань рѣку, и хотяша пробитися, прямо противъ моего стану, на шанцы тѣми дирами, идѣже шесть дѣлъ великихъ стояло.

И абіе по нихъ ударено изо всѣхъ тѣхъ дѣлъ: онажъ воздвигошася оттуду и поидоша налѣво внизъ, подлѣ Казань рѣку, берегомъ, аки три перестрѣла лучныхъ, и по конецъ шанецъ нашихъ: тамо стаха и начаха легчитися и метати у себя зброи и розувати себя, ко бреденію рѣки: аще бо бѣ ихъ осталъ полкъ, аки шесть тысящей, або мало мѣйше. Мы же, видѣвши сіе, мало насъ нѣчто добыша себѣ коней отъ своихъ становъ за рѣку; и такъ сѣдши на свои кони, устремишася скоро сопротивъ ихъ и заступиша имъ путь, имъ же хотяху пойти. И обрѣтоша еще ихъ не прешедшихъ чрезъ рѣку, и собрашася насъ сопротивъ ихъ мало что больше дву сотъ коней, бо зѣло скоро сіе случилася: понеже что остало войска и сколько, обѣ ону страну мѣста, при царѣ было, паче же мало не всѣ во градѣ уже. Абіежъ они пребредши рѣку (бо мелка была въ томъ мѣспу, по ихъ счастью), зжидатися начаха на самомъ брегу, ополчающесь, готови суще къ сраженію, съ различными бронями, паче же мало не всѣ со стрѣлами, и уже на тетивахъ луковъ стрѣлы имуще. И абіе начаха мало отъ берегу подвигатися, учиня чело не малое, а за нимъ и всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стрѣліянія не малыя лучныхъ, по примѣтѣ. Христіанскагожъ войска множество безчисленное на стѣнѣ града, такоже съ палатъ царскихъ зрящимъ, а помощи намъ; стремнины для великія и зѣло прекрасныя горы, никако же возмогаша подати.

Мы же, отпуста ихъ мало что отъ брегу, бо еще самому концу остальному изъ рѣки не явившусь: тогда удариша на нихъ, хотяще ихъ прервати и устроенныя полки ихъ расторгнути. Молюся, да не возмнитъ мя кто безумна, самъ себя хваляща! Правду воистину глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ. И всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ онъ бусурманскій, и памятаю то, иже сѣкущесь, три разы въ нихъ конь мой оперся; и въ четвертый разъ зѣло рапенъ повалился въ срединѣ ихъ со мною, и уже отъ великихъ ранъ не памятаю вяще. Очнувшеся уже потомъ, аки по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки падъ мертвецомъ плачущихъ и рыдающихъ, двѣма слугамъ моимъ надо мною стоящимъ, и другимъ двѣма воиномъ царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а животь цѣлъ: понеже на мнѣ зброяка была праотеческая, зѣло крѣпка, паче же благодать Христа моего такъ благоволила, пже ангеломъ своимъ заповѣдалъ сохранить мя недостойнаго во всѣхъ путехъ. Послѣди же, потомъ уже, увѣдахъ, иже тѣ всѣ блгородные, ихъ же уже собралось было, аки со триста, иже общались и устремитись со мною вкупѣ и на нихъ ударити, да поглядѣли возлѣ полка ихъ, не сразився съ ними: подобно для того, иже преднихъ ихъ нѣкоторыхъ зѣло порадили, близу себя припуста ихъ, или негли убояшася толщи ради полку; возвратився паки, сзади онаго бусурманскаго полку сѣщи начаша, наѣзжаючи и топчючи ихъ. Чело же ихъ иде невозбранно, чрезъ широкій лугъ, къ великому блату, идѣже конемъ не возможно, а тамо уже, за блатомъ, великій лѣсъ.

Потомъ, глаголютъ, приспѣлъ онъ, мой братъ предреченный, иже первѣе на стѣну градскую възде: аки бы среди онаго лугу еще засталъ ихъ, и въ самое чело ихъ зѣло быстро, всѣми уздами распуста коня, вразився въ нихъ, такъ мужественно, такъ храбро, иже вѣрѣ неподобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати: аки два кратъ проѣхалъ посреди ихъ,

сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда же въ третій разъ вразился въ нихъ, поможе ему нѣкоторый благородный воинъ, помогающе ему, вкупѣ бьюще бусурмановъ, всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся; которые же не вѣдяще о царевѣ отданію, мняше царя Казанскаго между ихъ ѣздяща. И такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ иныхъ ранъ; но животъ сохраненъ былъ Божіею благодатію: понеже зброю на себѣ зѣло крѣпку имѣлъ. И такого былъ мужественнаго сердца, егда уже того коня подъ нимъ ураниша такъ, иже съ мѣста не може двигнутися, другого коня обрѣлъ, просто водяща у единого дворянина царева брата, и испрося его, и забывши, паче же нерадящи такъ о прелютыхъ своихъ ранѣхъ, угонивъ паки полкъ бусурманскій, сѣкуще ихъ со другими войны, ажъ до самаго блата. И воистину имѣлъ такового брата храбра, и мужественна, и добронравна, и къ тому зѣло разумна, иже во всемъ войску христіанскомъ не обрѣташеся храбрѣйшій и лучшій, паче его; аще бы обрѣлся кто, Господи Боже! да таковъ же бы былъ! Паче же мнѣ зѣло былъ превозлюбленъ, и воистину мѣлъ бы за него душу свою положить и животомъ своимъ здравіе его откупити: понеже умре потомъ, на другое лѣто подобно, отъ тѣхъ лютыхъ ранъ. — Сіе конецъ краткаго писанія о Казанскаго великаго града бусурманскаго взятію.

ГЛАВА III.

БЕСѢДА ЦАРЯ СЪ ВАССИАНОМЪ.

1553.

Слово царя воеводамъ. Совѣтъ бояръ и шурьевъ царскихъ. Возвращеніе въ Москву. Рожденіе царевича Димитрія. Болѣзнь Іоанна. Путешествіе въ Кирилловъ монастырь. Свиданіе съ Максимомъ Грекомъ. Совѣтъ его и предсказаніе. Бесѣда царя съ Вассіаномъ Топорковымъ. Смерть царевича Димитрія. Волненіе Казанцевъ. Курбскій умиряетъ ихъ. Плѣнъ Янчюра

и многихъ мурзъ. Нашествіе хана Крымскаго. Благоразуміе Шереметева. Безразсудность царскихъ сановниковъ. Пораженіе Россіянъ Татарами. Новое волненіе Казанцевъ. Бунтъ и усмиреніе Луговой Черемисы.

По оной же преславной побѣдѣ, аки бы на третій день, царь нашъ отрыгнулъ нѣчто неблагодарно, вмѣсто благодаренія, воеводамъ и всему воинству своему; на единого разгнѣвався, таковое слово рекъ: „Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ!“ Аки бы рекъ: „не возмогъ есмь васъ мучити, поки Казань стояла сама въ собѣ: бо ми естя потребны были всячески; а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывать“. О слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О наполненіе мѣры кровопійства отческаго! Паче къ намъ, христіаномъ, достойно рещи отъ всего сердца человѣкови сидевое слово, между благодарными глаголы къ Богу всемогущему: „Благодарю тя, Господи! иже нынѣ оборонилъ еси насъ отъ враговъ нашихъ!“ Пріявши же сатана человѣческій скверный языкъ, яко орудіе, сице похвалися губити роды христіанскіе со своимъ стайникомъ, аки бы мстяще христіанскому воинству, иже воиновъ его, скверныхъ измаильтянъ, мужествомъ храбрости своей, Богу имъ помогающе, побили!

Царь же вниде въ совѣтъ о устроеніи града нововзятаго: и совѣтовавше ему всѣ мудрые и разумные, иже бы ту пребылъ зиму, ажъ до весны, со всѣмъ воинствомъ, бо запасовъ было всякихъ множество съ Русскія земли галіями напривожено, яко же и въ той землѣ безчисленное богатство всякихъ достатковъ, и до конца выгубилъ бы воинство бусурманское и царство оное себѣ покорилъ и усмирилъ землю на вѣки; бо кромѣ Татарска языка, въ томъ царствѣ 5 различныхъ языковъ: Мордовскій, Чувашскій, Черемисскій, Воитецкій, або Арскій, пятый Башкирскій (тѣ живутъ Башкирцы вверхъ великія рѣки Камы, въ лѣсѣхъ, яже въ Волгу впадаетъ, ниже Казани дванадесать миль). Онъ же совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ; послушалъ же совѣта шурей своихъ: они бо шептаху ему во уши, да поспѣшится ко ца-

рицѣ своей, сестрѣ ихъ; но и другихъ ласкателей направили съ попами.

Онъ же, стоявъ недѣлю, и оставя часть воинства въ мѣстѣ, и огненные стрѣльбы съ потребу, и сѣдши въ суды, ѣхалъ къ Новгороду Нижнему, еже есть крайнее мѣсто великое Русское, которое лежитъ отъ Казани шестъдесять миль; а кони наши всѣ послалъ не тою доброю дорогою, ею же самъ шелъ къ Казани, но водлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ лежащими, на нихъ же Чувашскій языкъ обитаетъ: и того ради погубилъ у всего воинства своего кони тогда: бо у кого было сто або двѣсти коней, едва два або три вышли. Се сія первая дума челоуѣкоугоднича! Егдажъ пріѣхавъ въ Новгородъ Нижній, и пребывалъ тамо три дни и распустилъ по домамъ воинство все; самъ же пустился на подводахъ сто миль до главнаго мѣста своего, Москвы: бо уродился ему былъ тогда сынъ Дмитрій, его жъ своимъ безуміемъ погубилъ, яко напредѣ вкратцѣ о семъ повѣмъ. Пріѣхавъ же до Москвы, аки по двухъ мѣсяцахъ или по трехъ, разболѣлся зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ такъ, иже никтоже уже ему жити надѣялся. Не по малыхъ дняхъ, по малу оздравляти почалъ.

Егдажъ уже оздравѣвъ, общался, скоро по недузѣ ономъ, и умыслилъ ѣхати сто миль отъ Москвы до единого монастыря, глаголемаго Кириллова. Послѣжъ великаго дня воскресенія Христова, аки на третьей или на четвертой недѣлѣ, поѣхалъ первѣе въ монастырь Троицы живоначальный, глаголемый Сергіевъ, иже лежитъ отъ Москвы дванадесять миль, на великой дорожѣ, которая идетъ къ Студеному морю. Поѣхалъ же не одинъ, но со царицею своею и съ новорожденнымъ отрочатемъ, на такъ долгій путь, и пребылъ въ Сергіевѣ монастырѣ аки три дни, опочиваючи себѣ: бо еще былъ не зѣло оздравѣлъ. А въ томъ тогда монастырѣ обиталъ Максимъ преподобный, мнихъ святыхъ горы Аѳонскія Ватопеда монастыря, Грекъ родомъ, мужъ зѣло мудрый, и не токмо въ риторскомъ искусствѣ много, но и философъ иску-

сень, и ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умашень, и по Бозѣ въ терпѣніи исповѣдалческомъ украшенъ: много бо претерпѣлъ отъ отца его многолѣтнихъ и тяжкихъ оковъ и многолѣтнаго заточенія въ прегорчайшихъ темницахъ, и другихъ родовъ мученій искусилъ неповиннѣ, по зависти Даниїла митрополита, прегордаго и лютаго, и ото вселукавыхъ мнховъ, глаголемыхъ Осифлянскихъ; а онъ былъ его изъ заточенія свободилъ, по совѣту нѣкоторыхъ сигклитовъ своихъ, исповѣдающихъ ему, иже отнюдь неповиннѣ страждетъ таковѣй блаженный мужъ. Той предреченный мнихъ Максимъ началъ совѣтовати ему, да не ѣдетъ на такъ далекий путь, наипачежъ со женою и съ новорожденнымъ отрочатемъ.

„Аще, рече, и общался еси тамо ѣхати, подвижуща сѣ святаго Кирилла на молитву ко Богу; но обѣты таковыя съ разумомъ не согласуютъ, а то сего ради: егда доставалъ еси такъ прегордаго и сильнаго бусурманскаго царства, тогда и воинства христіанскаго храбраго тамо не мало отъ погановъ падоша, аже брашася съ ними крѣпщѣ по Бозѣ за православіе, и тѣхъ избѣенныхъ жены и дѣти осиротѣли и матери обезчадѣли, во слезахъ многихъ и въ скорбѣхъ пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тебѣ пожаловати и устроить, утѣшаяще ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели тѣ обѣщанія не по разуму исполняти. А Богъ, рече, вездѣ сый, все исполняетъ и всюды зрѣтъ недреманнымъ своимъ окомъ, яко пророкъ рече: *сей не воздремлетъ, ни уснетъ, храняще Израїля*; а другій пророкъ: *у негоже, рече, очи семь кратъ солнца свѣтлѣйши*. Тѣмъ же не токмо святыи Кириллъ духомъ, но и всѣ первородныхъ праведныхъ души написанныя на небесѣхъ, иже предстоятъ нишѣ у престола Господня, имущи очи духовныя острозрительнѣйши, паче съ высоты, нежели богатѣй во адѣ, и моляся Христу за всѣхъ челоуѣковъ на земномъ кругу обитающихъ, паче же за кающихся грѣховъ и волею обращающихся

„отъ беззаконій своихъ ко Богу: понеже Богъ и святые его „не по мѣсту объятія молитвамъ нашимъ внимають, но „по доброй волѣ нашей и по самовластію. И аще, рече, по- „слушаеши мене, здравъ будеши и многолѣтенъ, со женою „и отрочатемъ.“ И иными словесы множайшими наказуя его, воистину сладчайшими паче меда, каплющего ото устъ его преподобныхъ.

Онъ же, яко гордый человѣкъ упрямясь, толико *пхати*, да *пхати*, рече, ко святому *Кириллу*; къ тому ласкающе его и поджигающе міролюбцомъ и любоименнымъ мнихомъ и похваляюще умиленіе царево, аки богоугодное общаніе: бо тѣ мнихи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны суще паче въ мірѣ живущихъ человѣкъ, но всячески со прилежаніемъ слушають, что бы угодно было царю и властемъ, сіе рѣчь, чѣмъ бы выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ питающеся..... Прочее же умолчимъ, да не речемъ чего горшаго и сквернѣйшаго, и ко предреченнымъ возвратимся, о ономъ добромъ совѣтѣ глаголюще. Егда же видѣвъ преподобный Максимъ, иже презрѣлъ его совѣтъ и ко ѣханію безгодному устремился царь, исполнився духа пророческаго, началъ прорицать ему: „Аще, „рече, не послушаеши мене, по Бозѣ „совѣтающаго ти, и забудеши крови оныхъ мучениковъ, из- „біенныхъ отъ погановъ за правовѣріе, и презриши слезы „сиротъ оныхъ и вдовицъ, и поѣдеши съ упрямствомъ: „вѣдай о семъ, иже сынъ твой умретъ и не возвратится „оттуды живъ; аще послушаеши и возвратишися, здравъ „будеши, яко самъ, такъ и сынъ твой.“ И сіи словесы приказалъ ему четырема нами: первый исповѣдникъ его, презвитеръ Андрей Протопоповъ, другій Іоаннъ княжа Мстиславскій, а третій Алексѣй Адашевъ, ложничій его, четвертымъ мною; и тѣ слова слышавъ отъ святаго, исповѣдахомъ ему по ряду; онъ же не радяще о семъ, и поѣхалъ оттуды до града, глаголемаго Дмитрова, и оттуды до монастыря единого, речен-

наго на Песочнѣ, иже лежить при рѣцѣ Яхромѣ; туто имѣлъ суды уготованы ко плаванію.

Ту ми зри со прилежаніемъ, что врагъ нашъ непримирительный, діаволъ, умышляетъ и къ чему челоуѣка окаяннаго приводитъ и на что подвижетъ, влагающе ему аки благочестіе ложное и обѣщаніе къ Богу сопротивное разуму! И аки бы стрѣлою по примѣтѣ, царемъ стрѣлилъ до того монастыря, идѣже епископъ, уже престарѣвшійся во днѣхъ многѣхъ, пребывалъ: прежде былъ мнихъ отъ Осифлянскія оныя лукавыя чѣты, иже былъ великій похлѣбникъ отца его, и вкупѣ со прегордымъ и проклятымъ Даниломъ митрополитомъ, предреченныхъ оныхъ мужей многими лжеспиваньми оклеветаша и великое гоненіе на нихъ воздвигоша. Той-то митрополитъ Силвана преподобнаго, Максимова ученика, обоего любомудрія, внѣшняго и духовнаго, искуснаго мужа, во своемъ епископскомъ дому злою смертію за малые дни уморилъ; и скоро по смерти князя великаго Василія, яко митрополита Московскаго, такъ того Коломенскаго епископа, не токмо по совѣту всѣхъ сѣгелитовъ, но и всенародѣ, изгнано отъ престоловъ ихъ, явственныя ради злости.

Что же тогда приключишася? Таково то воистинну: иже приходитъ царь до онаго старца въ келлію, и вѣдая, яже отцу его единосовѣтенъ былъ и во всемъ угоденъ и согласевъ, вопрошаетъ его: „Како бы могъ добрѣ царствовать и „великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ И подобало рещи ему: самому царю достойтъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды, и иными множайшими словесы отъ священныхъ писаній ему подобало о семъ совѣтовати и наказати царя христіанскаго, яко достояло епископу нѣкогда бывшу, пачежъ престарѣвшемуся уже въ лѣтѣхъ довольныхъ. Онъ же что рече? Абіе началъ шептати ему во ухо, по древней своей обыкновенной злости, яко и отцу его древле ложное сикованціе шепталъ, и таково слово рекъ: „Аще хочеша самодержцемъ быти, не „держи собѣ совѣтника ни единого мудрѣйшаго собя: понеже

*

„самъ еси всѣхъ лучше; тако будеша твердъ на царствѣ, и
„все имѣти будеша въ рукахъ своихъ! Аще будеша имѣти
„мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеша послушенъ имъ.“
И сие соплете силлогизмъ сатанинскій. Царь же абіе руку
его поцѣловалъ и рече: „О! аще и отецъ былъ бы ми живъ,
„таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми!“

Ту ми разсмотри прилежно, яко согласуетъ древній гласъ
отецъ съ новымъ гласомъ сына! Искони отецъ, прежде быв-
шій Фосфоросъ, глаголють, видѣвъ себя пресвѣтла и сильна
и надо многими полками ангельскими чиновначальникомъ отъ
Бога постановленна, и забывъ, иже сотвореніе есть, рече
себѣ: „Погублю землю и море и поставлю престолъ мой выше
„облакъ небесныхъ и буду равенъ Превышнему;“ аки бы
реклъ: „и могу сопротивиться ему;“ и абіе денница низпаде
восходящая заутра, и низпаде ажъ въ преисподнюю: возгор-
дѣвъ бо и не сохранивъ своего чина, яко писано есть: „и
„отъ Фосфора Сатана нареченъ,“ сирѣчь отступникъ. И сынъ
гласъ подобенъ провѣщаль, паче же онъ самъ точію дѣйстви-
валъ устами престарѣвшими старца, и рече: „ты лучше
„всѣхъ, и недостойтъ ти никого имѣти мудраго,“ аки бы
реклъ: „понеже еси Богу равенъ.“

О гласъ воистинну діаволій! всякія злости и презорства
и забвенія преполонъ! Забылъ ли еси, епископе! во второмъ
царствѣ реченнаго? Егда совѣтовалъ Давидъ со сиклиты
своими, хотяще считати людей Израильскихъ, яко речено:
совѣтоваша ему всѣ сиклитове, да не сосчитаетъ, понеже
умножилъ Господь людъ Израилевъ, по обѣщанію своему ко
Аврааму, аки песокъ морскій, и превозможе, рече, глаголю
царевъ: сирѣчь не послушалъ совѣтниковъ своихъ и повелѣлъ
считати людъ, дани ради большія. Забылъ ли еси, что при-
несло непослушаніе сиклитскаго совѣта, и яковую бѣду на-
велъ Богъ сего ради? Мало весь Израиль не погибе, аще
бы царь покаянiемъ и слезами многими не предварялъ. За-
помнилъ ли еси, что гордость и совѣтъ юныхъ, а презрѣніе
старѣйшихъ совѣту, Ровоаму безумному принесло? И иныя

всѣ безчисленныя во священныхъ писаніяхъ о семъ учащія оставя, вмѣсто тѣхъ шептаній, пребеззаконный глаголь царю христіанскому, покаеніемъ очищену сущу, во уши всѣяль еси. Подобно лѣнился еси прочести златыми усты вѣщающаго о семъ въ словѣ о Духу святомъ, ему же начало: *Вчера отъ насъ любимицы*; такоже и во другомъ словѣ, въ послѣдней похвалѣ о святомъ Павлѣ, сирѣчь во 9-й, емужъ начало: *Обличили насъ друзи нѣкоторые*, яко онъ похваляетъ нарицающе даръ духа совѣтъ отъ Бога данный, идѣже въ нихъ разсуждаетъ о различныхъ дарованіяхъ духа, яко мертвыхъ воскрешати и предивныя чудеса творити и различными языки глаголати, дары духа нарицаетъ, такожъ и совѣтовати полезныя на прибыль царства, даръ совѣта нарицаетъ, и свидѣтельство на то приводить не худаго мужа, ни незнаемаго, но самого славнаго Мойсея, со Богомъ бесѣдовавшаго, моря раздѣлителя, и Фараонова бога и пресильныхъ Амалехитовъ потребителя, и предивныхъ чудесъ дѣлателя, а дара совѣта неимѣюща, яко писано: *но принялъ*, рече, *совѣтъ окромнаго*, сирѣчь отъ чужеземца алибо отъ страннаго чело-вѣка, отъ тестя своего; *и не токмо*, рече, *Богъ совѣтъ Рагуила тестя его похвалилъ*, *но и въ законъ написалъ*, яко пространнѣе въ предреченныхъ его словесахъ зрится. Царь же еще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ чело-вѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной; убо не зрѣть Богъ на мугутство и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сирѣчь елико кто вмѣститъ добрымъ произволеніемъ. Ты же все сіе забылъ! Отрыгнулъ же еси вмѣсто благоуханія смрадь! И еще къ тому, что запомнѣлъ еси или не вѣси, иже всѣ безсловесныя душевнымъ естествомъ несутся, або принуждаются и чувствомъ правятся; а словесныя не токмо чело-вѣцы плотныя, но и самыя безтѣлесныя силы, сирѣчь святые ангели, совѣтомъ и разумомъ управляются? яко Діонисій

Ареопagitъ и другій великій учитель пишутъ о семъ. А что древнихъ оныхъ блаженныхъ ликъ исчиталъ бы? Иже всѣмъ еще тамо во устѣхъ обносятся, о томъ мало достойтъ воспомянути, сирѣчь дѣда того царя, Іоанна князя великаго, такъ далече границы свои разширивша, и къ тому еще дивнѣйшаго, у негожъ въ неволѣ былъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ, не кровопійства ради своего и любимаго для грабленія: не буди, но воистинну многого его совѣта ради съ мудрыми и мужественными сиклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многого совѣта. Тыжъ, аки сопротивъ всѣхъ оныхъ, не токмо древнихъ оныхъ великихъ святыхъ предреченныхъ, но и новаго того славнаго вашего сопротивъ сталъ: понеже всѣ тѣ согласнѣ вѣщаютъ: *любый советъ, любить свою душу*; а ты рече: „не держи совѣтниковъ мудрѣйшихъ себя!“

О сыне діаволъ! прочто человѣческаго естества, вкратцѣ рещи, жилы пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отъяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ нея же во всей Святорусской землѣ таковъ пожаръ лють возгорѣлся, о немъ же свидѣлствовать словесы мноу непотреба? Понеже дѣломъ сія прелютѣйшая злость произвелася, якова никогда же въ нашемъ языкѣ бывала, отъ тебя бѣды начало пріемше, яко напередъ нами плодъ твоихъ прелютыхъ дѣлъ вкратцѣ изъявится. Воистинну мало по нареченію твоему и дѣло твое показася: бо нареченіе ти *Топорковъ*; а ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкеркою: воистинну великою и широкою, и самымъ оскордомъ благородныхъ и славныхъ мужей во великой Руси постиналъ еси. Къ тому яко многое воинство, такъ безчисленное множество всенародныхъ человѣковъ ни отъ кого прежде, по добромъ покаянію своему, только отъ тебя Васьяна Топоркова царь будучи прелютостію наковашенъ, всѣхъ тѣхъ предреченныхъ различными смертями погубилъ. И сіе оставя, до предреченныхъ возвратимся.

Напившись царь христіанскій отъ православнаго епископа таковаго смертоноснаго яду, поплылъ въ путь свой Яхромою рѣкою, ажъ до Волги, Волгоюжъ плылъ колько десять миль, до Шексны рѣки великія, и Шексною вверхъ ажъ до озера великаго Бѣлаго, на немъ же мѣсто и градъ стоитъ; и не доѣзжаячи монастыря Кириллова, еще Шексною рѣкою плывучи, сынъ ему, по пророчеству святаго, умре. Се первая радость за молитвами онаго предреченнаго епископа! Се полученіе мзды за обѣщанія не по разуму, пачеже не богоугодныя!... И оттуду приѣхалъ до онаго Кириллова монастыря въ печали мнози и въ тузи, и возвратился тощима руками во мнози скорби до Москвы.

Къ тому и то достойтъ вкратцѣ воспомануть, первого ради презрѣнія совѣта добраго, яже еще въ Казани будуще, совѣтовали ему сиклитове не исходити оттуды, дондеже до конца искоренить отъ земли оныя бусурманскихъ влстелей, яко прежде написахомъ,—чтожъ, смиряюще его гордость, попускаетъ Богъ? Паки ополчаются противъ его оставшіе князя Казанскіе, вкупѣ со предреченными прочими языки поганскими, и воюють зѣльнѣ, не токмо на градъ Казанскій приходяще съ великихъ лѣсовъ, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижнаго наѣзжаютъ и плѣнятъ. Того было безпрестаннѣ, аки шесть лѣтъ послѣ взятія мѣста Казанскаго, иже въ оной землѣ грады новопоставленные, нѣкоторыеже и въ Русской землѣ, во осадѣ были отъ нихъ. И свели тогда битву съ гетманомъ его, мужемъ нарочитымъ, ему же имя было Борисъ Морозовъ, глаголемый Салтыковъ: и падоша полки христіанскіе отъ погановъ; и самъ же гетманъ пойманъ, и держаша его жива, аки два лѣта, и потомъ убиша его, не хотѣша его же а ни на окупъ, а ни на отмѣну своихъ дати. И въ туя шесть лѣтъ битвы многія быша съ ними и воеванія; и толикое множество въ то время погibe войска христіанскаго, біюща и воюща съ ними безпрестанно, иже вѣрѣ неподобно.

И по шестомъ лѣтѣ собра войска не мало царь нашъ, вѣще, нежели тридесать тысящей, и поставилъ надъ ними воеводъ трехъ: Іоанна Шереметева, мужа зѣло мудраго и острозрительнаго и со младости своея въ богатырскихъ вѣщахъ искуснаго, и предреченнаго князя Симеона Микулинскаго, и меня; и съ нами немало стратилатовъ, свѣтлыхъ, и храбрыхъ и великородныхъ мужей. Мы же пришедше въ Казань и, опочинувшу мало воинству, поидохомъ въ предѣлы оныя далеко, идѣже князіе Казанскіе съ воинствомъ бусурманскими и другими поганскими ополчались, и было ихъ во ополченію вѣще, нежели пятьнадесять тысящей, и поставляху битвы съ нами и со предними полки нашими; сражашася мало не двадесать кратъ, памятамыя: бо имъ удобно бываше, яко знаемымъ во своей ихъ землѣ, пачеже съ лѣсовъ прихождаху, сопротивляющіеся намъ крѣпцѣ; и вездѣ, за благодатію Божіею, поражаемы были отъ христіанъ. И къ тому погодно время Богъ далъ намъ на нихъ: понеже зѣло въ тую зиму снѣги были великіе безъ сереновъ, и того ради мало что ихъ осталось: понеже хождаху за ними мѣсяцъ цѣлый, а предніе полки наши гоняху за ними ажъ за Уржумъ и Мешъ рѣку за лѣсы великіе, и оттуду ажъ до Башкирска языка, иже по Камѣ рѣкѣ вверхъ ко Сибири протяжается; и что ихъ было осталось, тѣ покоришася намъ. И воистину: было, что писати по ряду о оныхъ сраженіяхъ съ бусурманами; да краткости ради оставляется: бо тогда больше десяти тысящей воинства бусурманскаго погубихомъ со атаманы ихъ; тогда же славныхъ кровопивцевъ христіанскихъ, Янчюру Измаильянина и Алеку Черемисина, и другихъ князей ихъ немало погубихомъ. И возвратихомся, за Божіею благодатію, во отечество со пресвѣтлою побѣдою и со множайшими корыстями; и оттуды начала усмиратися и покорятися Казанская земля царви нашему.

И потомъ, того же лѣта, пріиде вѣсть ко царю нашему иже царь Перекопскій, со всѣми силами своими препроводясь чрезъ проливы морскіе, пошелъ воевати землю Черкасовъ Пя-

тигорскихъ; и сего ради послалъ царь нашъ войска на Перекопъ аки тринадцать тысящей, надъ ними же поставилъ гетманомъ Іоанна Шереметева и другихъ съ нимъ стратилатовъ. Егда же наши пойдоша чрезъ поле великое, къ Перекопи дорогою лежащею, глаголемою на Изюмъ-курганъ, царемъ же бусурманскимъ яко есть обычай издавна инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять, сирѣчь на иную страну славу пустятъ, аки бы хотящи воевати, а инуды пойдутъ, и возвративши войска отъ Черкасскія земли, поиде на Русь дорогою, глаголемою на Великій перевозъ, отъ тое дороги, яже лежитъ на Изюмъ-курганъ, аки день ѣзду конемъ, и не вѣдаше о христіанскомъ войску. Іоаннъ же, яко мужъ разумный, имяше стражу со обоихъ боковъ зѣло прилежную и подѣзды подѣ шляхи, и увѣдавшѣ о царевѣ хожденіи на Русскую землю, и абіе послалъ вѣсть ко царю нашему до Москвы, иже грядетъ недругъ его на него въ силѣ тяжстѣй, а самъ зайде ему созади, хотяще на него ударити въ то время, егдаже въ Русской землѣ войска распустилъ. Потомъ, увѣдавъ о кошѣ царя Перекопскаго, послалъ на него аки третину войска, бо отъ шляху былъ, имъ же Іоаннъ идяще, аки полднища въ странѣ: бо обычай есть всегда Перекопскаго царя днищъ за пять, або за шесть, оставляти половину коней всего воинства своего, пригоды ради.

Писари же наши Русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣрить, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, а то ненавидячи творить вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему, *хотяще единъ веселитися на землѣ*, —чтожь тые сотворили писари? То воистину: что было таити, сіе всѣмъ велегласно проповѣдали. „Се! рекше, исчезнетъ убо царь Перекопскій со всѣми силами своими! Царь нашъ грядетъ со множествомъ воинства противъ его, а Іоаннъ Шереметевъ надъ главою его идетъ за хребтомъ“. И то во всѣ украины написали проповѣдающе; царь же Перекопскій, до самыхъ Русскихъ предѣловъ пришедши, ни о чемъ же не

вѣдѣше; но такъ было Богъ даль, иже ни единого человѣка не возможе нигдѣ обрѣсти, и о томъ зѣло тружашеся, тамо и овамо по странамъ ищуще языка; послѣди же, по несчастію, найде дву: единъ же ему вся по ряду исповѣда, муки не претерпѣвъ, яже написали мудрые наши писари. И первѣе тогда, глаголютъ, во велицемъ ужасѣ былъ и въ недоумѣніи со всѣми своими, и абіе возвратился шляхомъ своимъ къ ордѣ. И по дву дняхъ встрѣтился съ войскомъ нашимъ, и то не со всѣмъ: понеже еще не пришла была она предреченная часть войска, яже на кошъ была послана; и сподошася оба войска о полудня въ среду, и битва пребывала ажъ до самыя нощи. И такъ было перваго дня посчастилъ Богъ надъ бусурманы, иже множество побито ихъ; во христіанскомъ же войску зѣло мало шкоды быша. И по излишнему смѣлству, вразишася нѣкоторые наши въ полки бусурманскіе, и убитъ единъ зацнаго отца сынъ, и два шляхтича изымано живы, и отъ Татаръ приведено ихъ предъ царя. Царь же нача со прещеніемъ и муками пытать ихъ; единъ же повѣдалъ ему то, яко достояло храброму воину и благородному; а другій, безумный, устранился мукъ, повѣдалъ ему по ряду: „иже, рече, малый людъ, и того вѣще четвертая часть на кошъ твой послано“.

Царь же Татарскій аще и хотѣше ношю тою отоити и бѣжати въ орду: зѣло бо бояшеся сзади войска христіанскаго и самого князя великаго; но онъ его, предреченный безумникъ, во всемъ утвердилъ; и сего ради задержался. На утрожѣ, въ четвергъ, дню свѣтающу, паки битва начася, и пребывала ажъ до полудня: такъ бышася крѣпцѣ и мужественнѣ тѣми малыми людьми, иже всѣ были полки Татарскіе разогнали. Царь же единъ остался между лянчары: бо было съ нимъ аки тысяща съ ручницами и дѣлъ не мало. И по грѣхомъ нашимъ, въ томъ часу самъ гетманъ воинства христіанскаго зѣлнѣ раненъ, и къ тому конь застрѣлиша подъ нимъ, иже еще къ тому сбилъ его съ себя (яко обычай раненнымъ конемъ), и оброниша его храбрые воины нѣкоторые

едва жива и наполоц мертва; Татаровяжъ, видѣвше царя своего между янычары при дѣлѣхъ, паки обратиса; а нашимъ уже справа безъ гетмана помѣшалась: еще и были другіе воеводы, но не были такъ храбры и исправны. Потомъ еще трвала битва мало не на двѣ години, яко глаголютъ пословицу: „аще бы и львовъ стадо было, безъ добраго пастыря неспорно“. И большую половину войска христіанскаго разогнаша Татаровя, овыхъ побиа, храбрыхъ же мужей не мало и живыхъ поймано; а другая часть, аки двѣ тысячи и вяще, въ байраку единомъ обѣкошась: къ нимъ же царь со всѣмъ войскомъ своимъ три краты тогожъ дни приступалъ, добывающе ихъ, и отбишась отъ него, и поиде отъ нихъ предъ солнечнымъ заходомъ со великою тщетою. Поиде же скоро ко ордѣ своей: бояшебоя сзади нашего войска за собою. И пріѣхаша тѣ всѣ стратилати съ воями здравы ко царю нашему.

Царь же нашъ, егда о пораженіи своихъ не вѣдѣше, скоро шель и со великимъ потщаніемъ сопротивъ царю Перекопскому: ибо егда пришелъ отъ Москвы ко Окѣ рѣкѣ, не сталъ тамо, идѣже обычай бывалъ издавна застановлятися христіанскому войску противъ царей Татарскихъ; но превезшеся за великую Оку рѣку, пошелъ оттуду къ мѣсту Тулѣ, хотяще съ нимъ битву великую свести. Егдажъ аки половину отъиде отъ Оки до Тулы, приде къ нему вѣсть, иже поражено войско христіанское отъ царя Перекопскаго; потомъ, аки по годинѣ, раненые наши воины нѣцки усрѣтошася. Царевичъ нашему и многимъ совѣтникамъ его абіе мысль отиѣнишась, и начаша инако совѣтовать ему, сирѣчь: да идетъ паки за Оку, а оттуды къ Москвѣ. Нѣцки мужественнѣйшіе укрѣпляюще его и глаголюще: „да не дастъ хребта врагу своему и да не посрамить прежнія славы своя добрая и лицъ всѣхъ храбрыхъ своихъ, и да градеть мужественнѣ сопротивъ врага креста Христова“. И рече: „аще онъ и выигралъ, за грѣхи христіанскіе, битву, но обаче уже утруждено войско имѣеть, такоже множество раненыхъ и побитыхъ: бо брань крѣпкая съ на-

шими пребывала два дни“. И сице ему добрый и полезный совѣтъ подающе: понеже еще того невѣдающе, иже царь пошелъ уже къ ордѣ, но чающе его, что часъ, пришествія. Царь же нашъ абіе совѣта храбрыхъ послушавъ, и совѣтъ страшливыхъ отвергъ, иде къ Тулѣ мѣсту, хотяще сразитися съ бусурманы за православное христіанство. Се таковъ нашъ царь былъ, пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ, а не презлыхъ ласкателей, надъ нихъ же губительнѣйшаго и горшаго во царствѣ ничтожъ можетъ быти!

Егдажъ пріѣхалъ на Тулу, тогда съѣхашася къ нему немало разогнаннаго войска, и оныя предреченныя пріѣхали со своими стратилаты, аже отъ царя отбишася, аки двѣ тысящи ихъ, и повѣдаша: „уже, аки третій день, царь поиде къ ордѣ“. Потомъ паки, акибы въ покаяніе вниде, и не мало лѣтъ царствовалъ добрѣ: ужаснулся бо о наказаніяхъ оныхъ отъ Бога, ово Перекопскимъ царемъ, ово Казанскимъ возмущеніемъ, о нихъ же мало предъ тѣмъ рекохъ: понеже такъ уже, глаголють, было отъ тѣхъ Казанцевъ изнемогло воинство христіанское и въ нищету пришло, иже уже у множайшихъ насъ и послѣднихъ стяжаній не стало; къ тому болѣзни различныя и моры частыя бывали тамо, яко многимъ уже совѣтовати со вопіаніемъ, да покинетъ мѣсто Казанское и градъ, и воинство христіанское сведетъ оттуду; а рада то была богатыхъ и лѣnivыхъ мниховъ и мірскихъ, яко глаголють пословицу: добрѣ бываетъ, кому родити, тому и кормити младенца, или попеченіе о немъ имѣти, сирѣчь: кто тружался зѣло, и болѣзновать о семъ тому достойно и совѣтовати о таковыхъ.

А потомъ взяла была Черемиса Луговая царя собѣ съ Нагайскія орды, бронящася христіаномъ и воююще: бо тотъ Черемисскій языкъ не малъ есть и зѣло кровопійственъ, и обирается ихъ, глаголють, вѣще двадесять тысящей войска; потомъ же егда разсмотривши, иже мало имъ прибыли съ того царя, убиша его я сущихъ съ нимъ Татаръ, аки три ста, и главу ему отсѣкоша и на высокое древо взоткнули и глаго-

лали: „Мы было взяли тебя того ради на царство, съ дворомъ твоимъ, да обороняеши насъ; а ты и сущіе съ тобою не сотворилъ намъ помощи столько, сколько воловъ и коровъ нашихъ поѣлъ: а нынѣ глава твоя да царствуетъ на высокомъ колѣ“. Потомъ, избравше собѣ своихъ атамановъ, біющеся и воююще съ нами крѣпцѣ, аки два лѣта, и паки потомъ ово примиряхуся, ово паки брань начинаху. Но инья оставя въ тѣ лѣта бывшія, въ краткости исторейки тое зряще, се воспомянемъ.

ГЛАВА IV.

ВОЙНА ЛИФЛЯНДСКАЯ.

1554—1560

Причины войны. Опустошеніе Лифляндіи. Перемиріе. Нѣмцы нарушаютъ оное. Нечестіе ихъ. Взятіе Нарвы, Нейшлоса, Дерпта и другихъ городовъ. Наши неудачи. Мужество Кетгера. Нашествіе хана Крымскаго. Покореніе Астрахани. Орда Нагайская истреблена моромъ. Тщетный совѣтъ бояръ. Дмитрій Вишневецкій воюетъ Крымъ. Бездѣйствіе Іоанна и Короля Польскаго. Образъ жизни пановъ Польскихъ. Доблесть Волинцевъ и Константина Острожскаго. Заслуги Сильвестра и Адашева. Конецъ ордена Меченосцевъ. Курбскій главнымъ воеводою въ Лифляндіи. Пораженіе Нѣмцевъ. Плѣнъ Фирстенберга. О началѣ Лифляндцевъ. Бѣгство Хоткѣвича.

Взятіе Феллина.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ премиріе минуло съ Лифляндскою землею; и пріѣхаша послове отъ нихъ, просяще миру. Царь же нашъ началъ упоминатися дани, яже еще дѣдъ его въ привилью воспомянулъ объ ней, и отъ того времени, аки пятьдесятъ лѣтъ, не плачено было отъ нихъ; а Нѣмцы не хотяще ему дани дати оныя, и за тѣмъ война зачалася. И послалъ тогда насъ трехъ великихъ воеводъ, и съ нами другихъ стратилатовъ, и войска аки чотыредесать тысячей и вяще, не градовъ и мѣстъ добывати, но землю ихъ воевати. И воевахомъ ее мѣсяцъ цѣлый, и нигдѣже опрошася намъ

битвою; точію со одинаго града изошли сопротивъ посылокъ нашихъ, и тамо поражено ихъ. И шли есмь ихъ землею, воююще вдоль вѣще чотыредесѣть миль, и изыдохомъ въ землю въ Лифляндскую съ великаго мѣста Пскова, и вышли есмь совсѣмъ здраво съ ихъ земли, ажъ на Иванъградъ, вколо ихъ землею ходяще; и изнесоша съ собою множество различныхъ корыстей: понеже тамъ земля зѣло была богатая и жители въ ней быша такъ горды зѣло, иже и вѣры христіанскія отступили и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотецъ своихъ, ноудалилися и ринулися всѣ ко широкому и пространному пути, сирѣчь ко пьянству многому, и невоздержанію, и ко долготу спанію, и лѣнливству, къ неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай, презлыхъ ради догматовъ, таковымъ и дѣламъ послѣдовати. И сихъ ради, мною, и не попустилъ имъ Богъ быти въ покою и въ долготу дней владѣти отчизнами своими.

Потомъ же они упросили быти премирѣя на полроку, хотѣюще себѣ взяти о той предреченной дани на размышленіе; и сами упросивши, не пребыли въ томъ дву мѣсяцей. Сице разрушили тое премирѣе: яко всѣмъ есть вѣдомо, иже Нѣмецкое мѣсто, глаголемое Нарва, и Русское Иванъградъ обѣ едину рѣку стоятъ, а оба два града и мѣста не малые, пачеже той Русскій многонароденъ; и на самый день, въ онъ же Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, за человѣческій родъ плотію пострадалъ, и въ той день, ему по силѣ своей каждый христіанинъ подобѣя, страстямъ его терпитъ, въ постѣ и въ воздержанію пребывающе: а ихъ милость Нѣмцы, велеможные и гордые, сами себѣ новое имя избобрѣтше, нарекшесѣ Евангелики, въ началѣ еще дня того ужравшися и упившися, надѣ надежду всѣхъ изъ великихъ дѣлъ стрѣляти на мѣсто Русское начали и побива люду немало христіанскаго, со женами и дѣтками, и проліяша кровь христіанскую въ такіе великіе и святые дни: бо безпрестаннѣ били три дни, и на самый день Христова воскресенія не унялися, будучи въ премирію, присягами утвержденномъ. А на Иванѣ-

градѣ воевода, не смѣючи безъ царева вѣдома, премирѣя на-
рушити, далъ скоро до Москвы знаки; царь же вниде въ со-
вѣтъ о томъ, и по совѣтѣ, на томъ положилъ, иже по нуждѣ
за ихъ початкомъ, повелѣлъ бронитися и стрѣляти съ дѣлъ
на ихъ градъ и мѣсто: бо уже было и великихъ дѣлъ съ
Москвы припровождено тамъ немало, и къ тому послалъ стра-
тилатовъ и повелѣлъ двѣма пятинамъ Новгородскимъ воин-
ству собиратися къ нимъ. Нашижъ, егда заточиша дѣла ве-
ликія на мѣста ихъ, и начаша бити по граду и по палатамъ
ихъ, такожъ и верхними дѣлы стрѣляти кулями каменными
великими; они же, яко отнюдь тому неискусные, живши мно-
жество лѣтъ въ покою, гордость отложъ, абіе начаша про-
сити премирѣя, аки на четыре недѣли, беручи себѣ на раз-
мышленіе о подданію мѣста и града. И выправили до Москвы
царю нашему двухъ бурмистровъ своихъ, къ тому же трехъ
мужей богатыхъ, общающе за четыре недѣли мѣсто и градъ
поддати; ко майстружъ Лифляндскому и ко другимъ властемъ
Нѣмецкимъ послаша, просяще помощи. „Аще ли, рече, не
дадите помощи, мы отъ такой великія стрѣльбы не можемъ
терпѣти: поддадимъ градъ и мѣсто“. Майстръ же абіе далъ
имъ въ помощь антипата Феллинскаго, а другаго съ Ревля,
и съ ними четыре тысящи людю Нѣмецкаго, и конныхъ и
пѣшихъ.

Егдажъ придоша войско Нѣмецкое во градъ, аки во дву
недѣляхъ потомъ, наша же, не начинающе брани, дондеже
минетъ оный мѣсяцъ премирѣю: онижъ не престаша обыкно-
венія своего, сирѣчь пьянства многоаго и руганія надъ дог-
маты христіанскими, и обрѣтше икону пресвятыя Богородицы,
у неяже на руку написанъ по плоти превѣчный младенецъ,
Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ коморахъ оныхъ, идѣже
купцы Русскіе у нихъ нѣкогда обитали, воззрѣвше на нее
господипъ дому съ нѣкоторыми новопришедшими Нѣмцы, на-
чаша ругатися, глаголюще: „Сей болванъ поставленъ былъ
купцовъ ради Русскихъ, а намъ уже нынѣ не потребенъ;
придемъ и истребимъ его“. Яко пророкъ нѣкогда рече о та-

ковыхъ безумныхъ: *спчивомъ и теслоу разрушающе, и огнемъ зажигающе свѣтило Божіе*; сему подобно и тѣ безумные южики сотвориша. И взявше образъ со стѣны и пришедше къ великому огню, идѣже потребныя питья свои въ котлѣ вараще, и ввергше абіе во огонь. О Христе! неизреченны силы чудесь твоихъ, имиже обличаеши хотящихъ дерзати и на имя твое беззаконовавшихъ! Абіе, паче пращи, прутко летящія, або изъ якого великаго дѣла, весь огонь онъ изъ подъ котла ударилъ, воистину яко при Халдейской печи, и не обрѣтєсь ничтоже огня тамо, идѣже образъ ввержень, и абіе въ верху палаты загорѣлось. Сіяжъ быша, аки по третьей годинѣ, въ день недѣльный. Аеру чисту бывшу и тиху, и абіе внезапно пріиде буря великая и загорѣлося мѣсто такъ скоро, иже за малый часъ все мѣсто объяло.

Людіе же Нѣмецкіе всѣ отъ мѣста избѣгоша во градъ отъ огня великаго, и не возмогша ни мало помощи себѣ; народижъ Русскіе, видѣвше, иже стѣны мѣскія пусты, абіе устремишася чрезъ рѣку, овїи въ кораблецѣхъ различныхъ, овїи на дщицахъ, овїи же врата вымающе отъ домовъ своихъ и поплыша; потомъ и воинство устремилось, аще и воеводамъ крѣпцѣхъ возбраняющимъ имъ о семъ, премирья ради; онижъ, не послушавъ, видѣвше явственный Божій гнѣвъ на нихъ пущенный, а нашимъ подающій помощь, и абіе разломавши врата желѣзные и проломавши стѣны, внидоша въ мѣсто: бѣ бо буря она зѣлная, отъ мѣста на градъ возбуряше огонь. Егдажъ пріидоша съ мѣста ко граду войско наше, тогда начаша Нѣмцы противитися имъ, исходяще изъ вратъ вышеградскихъ и бшася съ нами, аки на двѣ години; и взявши наши дѣла, яже во вратѣхъ мѣста Нѣмецкаго и которыя на стѣнахъ стояли, и начаша на нихъ стрѣляти изъ дѣлъ оныхъ. Потомъ приспѣша стрѣльцы Русскіе со стратилаты ихъ, такожъ и стрѣлъ множество отъ нашихъ вкупѣ съ ручничною стрѣльбою пуцаемо на нихъ. Абіе втиснуша ихъ во вышеградъ; и ово отъ великаго духа огня, ово отъ стрѣльбы, яже изъ ихъ дѣлъ на нихъ по вратомъ вышеград-

скимъ стрѣляно, ово отъ великаго множества народу (бо онъ вышеградъ былъ тѣсенъ), начаша абіе просити, да повелѣно будетъ имъ розмовити. Егдажъ утипишась съ обѣихъ странъ войска, изыдоша изъ града и начаша постановляти съ нашими, да дадутъ имъ вольное исхожденіе и да пустятъ здравыхъ совсѣмъ. И на томъ постановили: пустили ихъ со оружіемъ, яже точію при бедрахъ, новопришедшее во градъ воинство ихъ, а тутошнихъ жителей со женами и съ дѣтьми токмо, а богатство и стяжанія во градѣ оставили; а нѣдци прозволиша ту въ домѣхъ своихъ остати: то пущено на волю ихъ.

Се такова мзда ругателей, иже уподобляютъ Христовъ образъ, по плоти написанъ, и родшія его болваномъ поганскихъ боговъ! Се икономахомъ воздаяніе! Абіе, яко за четьре години, або пять, ото всѣхъ отчинъ и отъ превысокихъ палатъ и домовъ златописанныхъ лишены и премногихъ богатствъ и стяжаній обнажены, со уничиженіемъ и постыженіемъ и со многою срамотою отойдоша, аки назі: воистину знаменіе суда, прежде суда, на нихъ изъявлено, да прочіе накажутся и убоятся не хулити святыни. Сяце первое мѣсто Нѣмецкое вкупѣ со градомъ взято. О образѣ же ономъ тогожъ дня исповѣдано стратилатамъ нашимъ. Егдажъ до конца погашенъ огнь въ той ноци, обрѣтенъ образъ пречистыя въ пеплѣ, идеже былъ вверженъ, наутріи цѣль ничѣмъ же не рушенъ, Божія ради благодати; потомъ въ новосозданной великой церкви поставленъ, и поднесъ всѣмъ зримъ.

Потомъ, аки недѣля едина, взять градъ другій Нѣмецкій, оттуду шесть миль, Сыренескъ глаголемый, иже стоитъ на рѣкѣ Нарвѣ, идѣже она исходитъ изъ великаго озера Чюпкаго: та есть рѣка не мала, ею же отъ мѣста Пскова портъ, ажъ до мѣстъ оныхъ предреченныхъ; и били съ дѣлъ по немъ только три дни и поддали его Нѣмцы нашимъ. Мы же отъ Пскова пойдоша подъ Нѣмецкій градъ, нарицаемый *Новый*, иже лежитъ отъ границы Псковскія аки полторы мили; стояхомъ же подъ нимъ вѣще, нежели мѣсяцъ, заточивши

дѣла великія: едва возмогохомъ взяти его, бо зѣло твердѣ былъ. Майстрѣ же Лифляндскій, со всѣми бискупы и властели земли оныя, пошелъ ко граду тому на помощь сопротивъ насъ, имѣюще войска Нѣмецкаго съ собою вѣще нежели осмь тысящей, и не доходя отъ насъ сталъ аки за пять миль, за великими крѣпостями блатъ и за рѣкою сдиною; къ намъ же далѣ не пошелъ, подобно боялся: бо на единомъ мѣстѣ стоялъ, окопався, четыре недѣли обозомъ. Егдажъ слышалъ, иже стѣны града разбиты, и градъ уже взятъ, поиде назадъ къ мѣсту своему, Кеси, а бискупово войско ко Юрьеву граду: и не допущено ихъ до мѣста и поражено. За майстромъ же сами мы поидохомъ и отойде отъ насъ.

Мы же возвратихомся оттуды, и поидохомъ до великаго мѣста Нѣмецкаго, глаголемаго Дерпта, въ немъ же бискупъ самъ затворился со бурмистры великими и со жители града, и къ тому аки двѣ тысящи заморскихъ Нѣмецъ, иже къ нимъ придоша за пенязи. И стояли есмы подъ тѣмъ великимъ мѣстомъ и градомъ двѣ недѣли, пришанцовався и заточа дѣла и все мѣсто тое облегли, отъ него же не могоша уже ни исходити, ни входить въ него; и бишася съ нами крѣпцѣ, броняще града и мѣста, яко огненною стрѣльбою, тако частыя вытечки творяще на войско наше, воистину яко достойтъ рыцарскимъ мужемъ. Егдаже уже мы стѣны мѣскія изъ великихъ дѣлъ разбихомъ, также изъ верхнихъ дѣлъ стрѣляюще, ово огнистыми кулями, ово каменными, немалую тщету въ людѣхъ сотворихомъ; тогда они начали роковати съ нами, и выѣзжали къ намъ изъ града о постановленію четыре кратъ дня одинаго, о немъ же бы долго писати, но кратцѣ рещи: сдали мѣсто и градъ. И оставленъ каждый при домѣхъ своихъ и при всѣхъ стяжаніяхъ; токмо бискупъ выѣхалъ изъ мѣста до кляштора своего, аки бы миля велика отъ мѣста Дерпта; и пребылъ тамо до повелѣнія царя нашего, и потомъ поѣхалъ къ Москвѣ, и тамо былъ данъ ему удѣлъ до живота его, сирѣчь градъ единъ со великою властію.

И того лѣта взяхомъ градовъ Нѣмецкихъ съ мѣсты близу двадцати числомъ; и пребыхомъ въ той землѣ ажъ до самаго первозимія, и возвратихомся ко царю нашему со великою и свѣтлою побѣдою: бо и по взятѣю града, гдѣ и сопротивляшеся Нѣмецкое войско намъ, вездѣ поражаху ихъ отъ насъ посланные на то ротмистры. И скоро по отшествіи нашемъ, аки по дву недѣляхъ, собравшися майстръ сотворилъ немалую шкodu во Псковскихъ властехъ; и оттуды пошелъ къ Дерпту, и не доходя мѣста великаго, облегъ единъ градокъ, по-иговскому языку зовутъ его Рындегъ, аки за четыре мили отъ мѣста Дерпта, и стоялъ, его облегиши, аки три дни, и выбивъ стѣну, припустилъ штурмъ, и за третьимъ приступомъ взялъ, и котораго ротмистра на немъ взялъ, съ тремасты воины, тѣхъ мало не всѣхъ во презлыхъ темницахъ гладомъ и зимою поморилъ. А помощи дати тому граду не возмогохомъ, для далечайшаго пути и презлыя ради первозимня дороги: бо отъ Москвы мѣста до Дерпта миль сто и осмьдесятъ есть, и войско было зѣло утруждено. И къ тому тое зимы пошелъ былъ царь Перекопскій со своею ордою на князя великаго: бо дана была съ Москвы отъ Татаръ вѣсть, аки бы князь великій со всѣми силами своими на Лифлянту къ мѣсту Ригѣ пошелъ. Егда же пришелъ до украины, аки за полтора днища, тогда взялъ на полѣ, на ловѣхъ рыбныхъ и бобровыхъ, казаковъ цѣпихъ и довѣдался, иже князь великій на Москвѣ есть, и войско отъ Лифляндскія земли возвратилось здраво, взявши Нѣмецкое мѣсто великое Дерптъ и другихъ о двадцать градовъ. Онъ же, не повоевавъ, оттуды возвратился къ ордѣ со всѣми силами своими, со великою тщетою и срамомъ: бо та зима зѣло была студена и снѣги великіе, и того ради кони собѣ всѣ погубили, и множество ихъ отъ зимы и самихъ померло; къ тому и наши за ними гоняли, ажъ до рѣки до Донца, глаголемаго Сѣверскаго, и тамо, по зимовищамъ ихъ обрѣтая, губили. Паки на тую же зиму царь нашъ послалъ съ войскомъ своимъ не малыхъ гетмановъ своихъ, Ивана княжа Мстиславскаго и Петра Шуй-

*

скаго, съ роду князятъ Суздальскихъ: и взяли вшедше единъ градъ зѣло прекрасенъ, стоятъ среди немалаго озера, на такой выпѣ, яко велико мѣстѣчко и градъ; а зовутъ его, иговскимъ языкомъ, Алюсть, а по Нѣмецки Наримборхъ.

Въ тѣхъ то лѣта, яко прежде воспоминахомъ, иже былъ царь нашъ смирился и добрѣ царствовалъ и по пути Господня закона шествовалъ, тогда *ни о чемъ же*, яко рече пророкъ, *враги его смирилъ*, и на наступающихъ языковъ народу христіанскому возлагалъ руку свою. Произволеніе чловѣческое Господь всещедрый паче добротою наводитъ и утверждаетъ, нежели казню; ащели же уже зѣло жестоко и непокорливо обрящется, тогда прещеніемъ, съ милосердіемъ смѣшаннымъ, наказуетъ; егдажъ уже неисцѣльно будетъ, тогда—казни, на образъ хотящимъ беззаконovati. Приложилъ еще же и другое милосердіе, яко рѣхомъ, дарующе и утѣшающе въ покаянію суца царя христіанскаго.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, аки мало предъ тѣмъ, даровалъ ему къ Казанскому другое царство Астраханское; а се вкратцѣ извѣщу о семъ. Послалъ тридесять тысящей войска въ галіяхъ рѣкою Волгою на царя Астраханскаго; а надъ ними поставилъ стратига, Юрья именемъ, съ роду князятъ Пронскихъ (яко рѣхомъ прежде о немъ, о Казанскомъ взятыю пишучи), и къ нему прилучилъ другаго мужа Игнатя, реченнаго Вешнякова, ложничаго своего, мужа воистину храбраго и нарочитаго. Они же шедши взяша оное царство, лежащее близу Каспійскаго моря; царь же утече предъ ними; а царицъ его и дѣтей побрали и со скарбы царскими; и всѣ людіе, иже въ царствѣ ономъ, ему покорили, и возвратишася со свѣтлою побѣдою, здравы со всѣмъ воинствомъ.

Потомъ въ тѣхъ же лѣтѣхъ моръ пущенъ былъ отъ Бога на Нагайску орду, сирѣчь на Завольскихъ Татаръ, и сиче наведе его: пустилъ на нихъ такъ зиму зѣло лютѣ студеную, ижъ весь скотъ ихъ померъ, яко стада конскія, такъ и другихъ скотовъ, а на лѣто и сами исчезоша: тамъ бо они живутся млекою точію отъ стадъ различныхъ скотовъ своихъ,

а хлѣбъ тамо а ни именуется. Видѣвшежъ остатные, иже явственнѣ на нихъ гнѣвъ Божій пушень, поидоша, препитанія ради, до Перекопскія орды. Господь же и тамо поражаше ихъ такъ: отъ горенія солнечнаго наведе сухоту и безводіе; идѣже рѣки текли, тамъ не токмо вода обрѣтеть, но и копавши три сажени въ землю, едва нѣгдѣ мало что обрѣташеся. И такъ того народу Измаильтескаго мало за Волгою осталось, едва пять тысящей военныхъ людей: его же было число подобно песку морскому. Но и съ Перекопи тѣхъ Нагайскихъ Татаръ выгнано, также мало что ихъ осташихся: понеже и тамо гладъ былъ и моръ великій. Нѣкоторые самовидцы наши, тамо мужіе бывше, свидѣтельствовали, иже и въ той ордѣ Перекопской десяти тысящей коней отъ той язвы не осталось. Тогда время было надъ бусурманы христіанскимъ царемъ мститися за многолѣтнюю кровь христіанскую, безпрестаннѣ проливаемую отъ нихъ, и успокоити себя и отечество свое вѣчнѣ: ибо ничего ради другаго, но точю того ради и помазаны бывають, еже прямо судити и царство, врученное имъ отъ Бога, обороняти отъ нахожденія варваровъ. Понеже и нашему тогда цареви совѣтницы нѣкоторые, мужіе храбрые и мужественные, совѣтовали и стужали, да подвигнется самъ, съ своею главою, со великими войски на Перекопскаго, времени на то зовущу и Богу на се подвижущу и помощь на сіе истое хотящу подати, аки самимъ перстомъ показующу погубити враговъ своихъ старовѣчныхъ, христіанскихъ кровопивцевъ, и избавити плѣнныхъ множайшихъ отъ древле заведенныя работы, яко отъ самыхъ адскихъ пропастей. И аще бы на свой санъ помазанія царскаго памяталъ, и послушалъ добрыхъ и мужественныхъ стратиговъ совѣту, яко премногая бы похвала и на семъ свѣтѣ была, но паче тѣми кратъ премножайше во опомѣ вѣцѣ, у самого создателя, Христа Бога, иже наидражайшей крови своея не пощадилъ за человѣческій погибающій родъ изліяти! Аще бы и души наши случилось положить за плѣненныхъ многими лѣты бѣдныхъ христіанъ, воистину всѣхъ

добродѣтелей сія добродѣтель любви выше предъ нимъ обрѣлабся, яко самъ рече: *больше сея добродѣтели ни что же есть, аще кто душу свою положитъ за други своя.*

Добро бы, и паки реку, зѣло добро избавити въ ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтныя работы, и разрѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; но нашъ царь о семъ тогда мало радяше, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты со осмь тысящей, такоже водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море и, надъ надежду Татарскую, немалую тщету учиниша въ ордѣ: яко самихъ побивша, такожъ женъ и дѣтей ихъ немало плѣниша, и христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишася восвояси здравы. Мы же паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе и помогающе ему ласкательіе, добрые и вѣрныя товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка.

А здѣшнему было королеви и зѣло ближайше; да подобно его кролевская высота и величество не къ тому обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія много и въ преиспещренныя машкары. Такожъ и властели земли тоя драгоценныя колачи со безчисленными проторы гортанъ и чрево съ марцыпаны натыкающе, и якобы въ утлыя дѣльвы дражайшія различныя вина безмѣриѣ льюще, и съ печенеги вкупѣ высоко скачуще и воздухъ біюще, и такъ прехвальнѣ и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву, або Константинополь, но аще бы и на небѣ былъ Турокъ, совлещи его со другими непріятельми своими общавающе. Егдажъ възлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми пери-

нами, тогда едва по полудню проспавшись, съ связанными головами съ похмѣлья, едва живы, очутясь возстанутъ; на прочіе дни паки гнусны и лѣнны, многолѣтнаго ради обыкновенія. И сего ради забыли такового благополучнаго времени на бусурманы, и не радѣша, горше предреченныхъ тѣхъ, о своемъ отечествѣ, не токмо о оныхъ заведенныхъ, (о нихъ же выше мало прежде рекохъ) во многолѣтней работѣ сущихъ, но на каждое лѣто предъ очима ихъ женъ и дѣтокъ, такожъ и подручныхъ во плѣнъ множество веденныхъ, не пекущися о нихъ (но пачежъ тѣто предреченные печенегі), а ни обронуяще ихъ. Но аще, срама ради великаго и нареканія многослезнаго отъ народу, аки бы выѣдутъ и ополчатся, грядуще издалека во слѣдъ полковъ бусурманскихъ, боящися наступити и ударити на врага креста Христова, и попошедши за ними два дни або три, паки возвратятся восвояси; а что было осталось отъ Татаръ, або сохранено убогихъ хрстіанъ на лѣсѣхъ нѣчто со стяжаніемъ яковымъ, або скотовъ, — все поядятъ, и послѣднее разграбятъ, и ничтожъ бѣднымъ и окаяннымъ оставляюще оныхъ слезныхъ остатковъ.

А издавна ли тые народы и тые люди нерадивы и немилосерди такъ зѣло о ихъ языцѣхъ и о своихъ сродныхъ? Воистину не издавна, но ново: первѣе въ нихъ обрѣтахусь мужіе храбрые и чюйны о своемъ отечествѣ. Но что нынѣ таково есть и чего ради имъ таковая приключишась? Заисте того ради: егда бѣша во вѣрѣ хрстіанской и въ церковныхъ догматѣхъ утвержденны и въ дѣлѣхъ житейскихъ мѣрны и воздержны хранящесе, тогда, яко едины человекъ наилѣпшіе во всѣхъ пребывающе, себя и отечество браняще. Внегда же путь Господень оставили и вѣру церковную отринули, многого ради прензлшняго цокоя, возлюбивше же ринушася во пространнй и широкій путь, сирѣчь въ пропасть ереси Люторскія и другихъ различныхъ сектъ, пачежъ пребогатѣйшіе ихъ властели на сіе непреподобіе дерзнуша: тогда отъ того имъ приключишась. Паче же нѣцци вельможи ихъ богатые,

въ великихъ властехъ постановленные у нихъ, на сіе самовластіе умъ свой обратиша; на нихъ же зряще нетокмо подрученныя ихъ, но и братія ихъ мнѣйшая произволеніе естественное самоизвольнѣ на таковыя слабости, непреподобнѣ и неразсуднѣ, устремивша; яко глаголють мудрые пословицу: „идѣже пачальницы произволяютъ, тамо и всенародства воля „несется, або устремляется“. А что еще горшаго видѣхъ отъ сихъ сладострастій приключившихся имъ: ибо много отъ нихъ не токмо задные ихъ нѣкоторые, и княжата такъ боязливы и раздроченны отъ женъ своихъ, яко слышатъ варварское нахожденіе, такъ забываютъ въ претвердые города, и воистину смѣху достойно: вооружившись въ зброи, сядутъ за столомъ за кубками, да баютъ фабулы съ пьяными бабами своими, а ни изъ вратъ градскихъ изыти хотяще, аще и предъ самымъ мѣстомъ, або подъ градомъ, сѣча отъ бусурманъ на христіяны была. Сіе воистину дивное самъ очима своими видѣхомъ, не во единомъ отъ градовъ, по и въ другихъ нѣкоторыхъ.

Во единомъ же градѣ случилось намъ таково видѣти: идѣже была пятерица великородныхъ съ двори ихъ, къ тому два ротмистра съ полки своими, и ту же подъ самымъ мѣстомъ яко нѣкоторыхъ воиновъ, такъ челоуѣковъ всенародныхъ, біющихся немало съ мвмошедшимъ полкомъ Татарскимъ, иже уже со плѣномъ изъ земли шелъ и поражаемы суть и гоними неединократъ отъ бусурманъ христіане; а оныя предреченныя властели ни единъ отъ града изыде на помощь имъ: сѣдящихъ ихъ въ то время, глаголють, и піющихъ великими полными алавастры. О пированіе зѣло непохвальное! О алавастры, не вина, не меду сладкаго, но самыя крови христіанскія наліянны! И при концѣ битвы тое, аще бы не Волынской полкъ, прутко гонящій за оными поганы, приспѣлъ, и всѣхъ бы до конца избили. Но егда видѣвше бусурманы за ними скоро грядущъ полкъ христіанскій, посѣкши большую часть плѣну, а другихъ живыхъ пометали, и все оставя, въ бѣгство обратившася. Такожъ и во другихъ

градѣхъ, яко мало выше рѣхомъ, очима своимъ богатыхъ и благородныхъ, вооруженныхъ въ зброяхъ, видѣхъ, а не токмо сопротивъ враговъ хотящихъ исходити, а ни во слѣдъ ихъ гонити хотяще, или подобно и слѣду ихъ боящися: понеже а ни локоть единъ которые вельможи, вооруженные, дерзнули изыти изъ градовъ.

Се таковыя ужасно слышательныя, пачежъ смѣху достойныя, отъ роскошей и отъ презлыхъ различныхъ мѣръ приключаются христіанскимъ предстателемъ, и прежде бывшимъ храбрымъ и мужественнымъ славнымъ воиномъ женовидныя и боязни исполненныя случаются! А о тѣхъ Волинцахъ, не токмо въ кроникахъ мужество ихъ описуется, но и новыми повѣстями храбросгъ ихъ свидѣтельствуется, яко мало прежде и о другихъ рѣхомъ: егда была въ вѣрѣ православной, пребываша по обычаямъ мѣрнымъ, и къ тому имѣюще надъ собою гетмана храбраго и славнаго Константина, въ правовѣрныхъ догматахъ свѣтлаго и во всякомъ благочестіи сіяющаго, яко славни и похвальни въ дѣлѣхъ ратныхъ явишася, отечество свое обороняюще, не одинаго, не дважды, но многожды показашася нарочиты. Но впала сія повѣсть, мнѣтмися, презлишнѣ; а сего ради оставя сію, ко предреченнымъ возвратимся.

Преминувшу ми много о Лифляндской войнѣ, мало нѣчто вкратцѣ о битвахъ нѣкоторыхъ и взятю градовъ оныхъ воспомянемъ, ко сокращенію исторіи и къ концу зряще. И яко напереді воспомянухомъ оныхъ дву добрыхъ мужей, исповѣдника царскаго, другаго ложничаго, которые достойны нарещисъ друзи его и совѣтницы духовные, яко самъ Господь рече: *идѣже два или три собрани о имени моемъ, ту есмь азъ посреди ихъ*; и воистину былъ Господь посреди, сирѣчь многая помощь Божія, когда были сердца ихъ и душа тѣхъ едина, и къ тому совѣтницы оныя мудрыя и мужественныя близъ царя со искусными и мужественными стратилаты, и храброе воинство цѣло и весело было: тогда, глаголю, царь всюду прославляемъ былъ, и земля Русская доброю славою

цвѣла, и грады претвердые Аламанскіе разбивахуся, и предѣлы христіанскіе расширяхуся, и на дикихъ поляхъ древле плѣненные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся, и сопротивники царевы и врази креста Христова падаху, а другіе покоряхуся, нѣцци же отъ нихъ и ко благочестію обращахуся, огласився и научився отъ клириковъ вѣроу, Христу присвояхуся, отъ лютыхъ варваровъ, аки отъ кровоядныхъ звѣрей, въ кротость овчю прелагахуся и ко Христовѣ чредѣ присовокупляхуся.

Потомъ же, аки на четвертое лѣто по Дерптскомъ взятію, послѣдняя власть Лифляндская разрушилася: понеже оставшая часть ихъ кролеви Польскому, ко великому княжеству Литовскому поддашеся: зане Кесь, столичный свой градъ, новозбранный майстръ отдалъ и забѣжалъ, подобно отъ страха, за Двину рѣку, упрося себѣ у кроля Курляндскую землю, и прочіе грады, яко рекохъ, сіе съ Кесью все оставилъ, еже обокъ страну отсюду Двины рѣки великія; а другіе Шведскому кролю поддашася, яко мѣсто великое Ревль; а другіе Датскому. А въ мѣстѣ, реченномъ Вильянтъ, а по-Нѣмецкому Филніе (Феллинъ), майстръ старій Фиштень-беркгъ осталъ, и при немъ кортуны великія, ихъ же многою цѣною изъ заморя съ Любка, мѣста великаго, отъ Германовъ своихъ достали было, и вся стрѣльба огненная многая.

На тотъ же Вильянтъ князь великій войско свое съ нами великое послалъ; а первѣе, до того аки за два мѣсяца еще, въ самую весну, пришелъ азъ въ Дерптъ, посланъ отъ царя, того ради: понеже было у воинства его зѣло сердце сокрушено отъ Нѣмцевъ, зане егда обращали пскусныхъ воеводъ и стратилатовъ своихъ противъ царя Перекопскаго, храняще предѣловъ своихъ, вмѣсто тѣхъ случилось посылати въ Лифляндскіе города неискусныхъ и необыкновенныхъ въ полкоустроеніяхъ, и того ради, многожды были поражени отъ Нѣмцевъ, не токмо отъ равныхъ полковъ, но уже и отъ малыхъ людей великіе бѣгали. Сего ради, введе мя царь въ ложницу свою и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и

зѣло любовными, и къ тому со обѣщаньями многими: „При-
„нужденъ быхъ, рече, отъ оныхъ прибѣгшихъ воеводъ моихъ,
„або самъ итти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго
„моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу по-
„могающу ти; сего ради иди и послужи ми вѣрнѣ“. Азъ же
съ потщаніемъ поидохъ; послушливъ былъ, яко вѣрный слуга,
повелѣнію царя моего.

И тогда въ тѣ два мѣсяца, нежели пришли другіе стра-
тиги, азъ ходилъ два кратъ: первѣе, подъ Бѣлый камень,
отъ Дерпта осмьнадесять миль, на зѣло богатія волости, и
тамо поразихъ гуфецъ Нѣмецкій, подъ самымъ градомъ, иже
былъ на стражѣ, и довѣдахся отъ тѣхъ вязней о майстрѣ и
о другихъ ротмистрѣхъ Нѣмецкихъ, иже стояли во ополченію
немаломъ, оттуду аки въ осми миляхъ, за великими блатъ,
Азъ же со плѣномъ отпуста къ Дерпту и избравъ войско.
пойдохомъ къ нимъ въ нощи и придохомъ во утріи ко онымъ
великимъ блатамъ, и препровожахомся легкимъ войскомъ день
цѣлый чрезъ нихъ. И аще бы ту встрѣтились съ нами, по-
разили бы насъ, аще бы и трикратно было нашего войска, а
со мною невеликое тогда было воинство: аки пять тысячъ
было; но они, яко гордые, стояли на широкомъ полѣ отъ тѣхъ
блатъ, ждуще насъ, аки двѣ мили, ко сраженію. Но мы, яко
рѣхомъ, препроводясь тѣ нужныя мѣста, починути дали, аки
годину едину, конемъ; предъ солнечнымъ захожденіемъ, аки
за годину, пойдомъ ко сраженію, и уже придохомъ къ нимъ
аки въ половину нощи (нощъ же бѣ лунна; а наипаче близу
моря, тамо свѣтлы нощи бывають, нежели гдѣ индѣ), и сра-
зихомся съ ними на широкомъ полѣ: первѣе предніе гуфцы
сражахусъ; и пребыла битва аки на полторы години, и не
такъ въ нощи возмогла имъ огненная стрѣльба, яко наши
стрѣлы ко блистанію огней ихъ. Егдажъ приде помощь къ
нашимъ отъ большаго полка, тогда сразисашъ съ ними вручъ
и спроша ихъ наши; а потомъ на бѣгство Германи устреми-
пашъ, и гнаша ихъ наши аки милю, до единныя рѣки, на ней
же бѣ мостъ: егдаже прибѣгоша на мостъ, къ тому несчастію

ихъ, еще подъ ними мостъ подломился, и тамо погибша до конца. Егдажъ возвратихомся отъ сѣчи, и уже возсіявшу солнцу, тогда на томъ предреченномъ полѣ, идѣже битва была, обрѣтохомъ пѣшихъ ихъ кнегтовъ, по житомъ и индѣ расхавшихся лежащихъ: бо было ихъ четыре полка конныхъ, а пять пѣшихъ; тогда, кромѣ побѣжденныхъ, взяхомъ ихъ живыхъ сто семдесятъ нарочитыхъ воиновъ; а нашихъ убѣенныхъ особъ шляхты шестнадцать, кромѣ служащихъ ихъ.

И оттуду возвратихомся паки къ Дерпту; и опочивавши войско аки 10 дней (къ тому, своею охотою непосланныхъ на то, къ намъ прибыло аки 2,000 войска, алибо и вяще), паки поидохомъ къ Феллину, идѣже бѣ майстръ старый предреченный. И укрывши все войско, послахомъ единъ полкъ Татарскій, аки предмѣстія жещи; онъ же, мняще малый людъ, выѣхалъ самъ бронити со всѣми людьми, яже бѣ во градѣ, и поразихомъ его засадою: едва самъ утече. И воевахъ потомъ тыждень цѣлый, и возвратихомся съ великими богатствы и корыстями, и вкратцѣ рещи: седмь, алибо осемь кратъ того лѣта битвъ имѣхомъ великихъ и малыхъ, и вездѣ, за Божією помощію, одолѣніе получихомъ. А срамъ бы ми было самому о своихъ дѣлѣхъ вся сія по ряду писати; а сего ради множайшее оставляю, яко о Татарскихъ битвахъ, яже во младости моей бывали съ Казанцы и Перекопцы, такъ и со другими языки: бо вѣмъ сіе добрѣ, иже подвиги христіанскихъ воиновъ не суть забвенни, а ни малѣйшіе, предъ Богомъ, не токмо подвизи, по Бозѣ за правовѣріе со доброю ревностію производимые, или сопротивъ чувственныхъ враговъ или мысленныхъ, но и *власы на главахъ нашихъ изочтени суть*, яко самъ Господь рече.

Егдажъ пріидоша гетмани со другимъ великимъ войскомъ къ намъ, къ Дерпту, съ ними жъ было вопнства вяще тридесять тысячъ коннаго, и пѣшихъ 10,000 стрѣльцовъ и казаковъ, и дѣлъ великихъ аки 40, такожъ и другихъ дѣлъ аки 50, ими же огненный бой съ стѣнъ сбиваютъ, а и мнѣйшія по полторы сажени: и повелѣніе пріиде отъ царя намъ

итти подъ Феллинъ. Мы же, взявши вѣдомость, иже майстръ хочетъ выпроводити кортуны великія предреченныя и другія дѣла и скорбы свои во градъ Гапсаль, иже на самомъ морѣ стоять, тогда абіе послахомъ 12,000 съ стратилаты, да обогнать Феллинъ; а сами пойдохомъ съ другою частію войска инымъ путемъ, а дѣла всѣ препроводихомъ Имбекомъ рѣкою вверхъ, и оттуды езеромъ, ажъ за двѣ мили отъ Феллина выкладахомъ ихъ на берегъ съ галій; а оныя стратилаты, прежде посланные отъ насъ къ Феллину, идяху путемъ поблизу града Нѣмецка Армуса, аки за милю. Филиппъ же, ленсмаршалокъ, мужъ храбрый и въ военныхъ вещахъ искусный, мающе съ собою аки 500 человекъ райтаровъ Нѣмцевъ, и аки бы другіе 500 або 400 пѣшихъ, не вѣдаше о такомъ великомъ люду, мняще мои послы, иже не единъ кратъ посылахъ воевати подъ той градъ прежде, даже великое еще войско пришло со предреченными стратиги: и изыде на нихъ со дерзновениемъ скоро, а наипаче, яко Нѣмцы мало бывають въ день трезвы, взявши отъ бѣгающихъ во осаду вѣдомость, а не вывѣдавшися совершеннѣ, якое войско грядетъ. Нашижъ аще и вѣдали о немъ, но не вадѣялись, иже такъ малымъ людомъ дерзветъ ударити на такъ неравное собѣ войско. Предъ полуднемъ, на опочиваніи, ударили на едину часть смѣшавшихся со стражею нашихъ, потомъ пришли до коней нашихъ, и битва сточися. Стратилаты же другіе вѣдавши (со полки своими имѣюще вожей добрыхъ, вѣдомыхъ) о мѣстѣхъ, обыдоша чрезъ лѣсы вкось, и поразиша ихъ такъ, иже едва колько ихъ убѣже съ битвы, и самого онаго храбраго мужа и славнаго въ ихъ языцѣхъ, иже востину послѣдняго, и защитника и надежду Лифляндскаго народу, Алексѣя Адашева пахоликъ жива поималъ, и съ нимъ единнадцать кунторовъ живыхъ взято и сто двадцать шляхтичей Нѣмецкихъ, кромѣ другихъ. Мы же, о семъ не вѣдавшіе, придохомъ подъ мѣсто Феллинъ и тамо обрѣтохомъ нашихъ стратилатовъ не токмо здоровыхъ, но и пресвѣтлою побѣдою правыхъ, и славнаго начальника Лиф-

ляндскаго, храбраго мужа Филиппа ленсмаршалка со единнадцатыми кунторы и со другими въ рукахъ имущихъ.

Егдажъ повелѣхомъ привести его и поставити предъ нами, и начаша о нѣкоторыхъ вещахъ вопрошати, яко есть обычай: тогда же онъ мужъ свѣтлымъ и веселымъ лицомъ, (мнился, яко пострадаше за отечество), нимало ужаснувся, началъ со дерзновеніемъ отвѣщати намъ: бѣ бо мужъ, яко разсмотримъ его добрѣ, не токмо мужественный и храбрый, но и словесства полонъ, и остръ разумъ и добру память имущъ. Иные отвѣты къ намъ его, разумомъ растворенные, оставлю, но сіе точію едино, еже въ память ми приходитъ, оплакательное его вѣщаніе о Лифляндской землѣ, воспомяну. Сѣдядшу ему у насъ нѣкогда на обѣдѣ (бо аще и вязнемъ случилось ему быти, но обаче въ почести его имѣхомъ, яко достойло свѣтлаго рода мужу), и между иными бесѣдованьями, яко обычай бываетъ при столѣхъ, началъ вѣщати намъ:

„Согласяся всѣ королеве западныя вкупѣ съ самимъ папою Римскимъ и съ самимъ цесаремъ христіанскимъ, выправивши множество воиновъ крестоносныхъ, овыхъ въ земли „пустошенныя христіанскія, отъ нахожденія срацынскаго „помощи ради, овыхъ въ земли варварскія, посѣданія ради и „наученія для и познанія вѣры, яже во Христа, яко и нынѣ „содѣлываемо кролемъ Ишпанскимъ и Португальскимъ во „Индіи; тогда оное предреченное войско раздѣлиша по три „гетмана, и пустишася моремъ едино къ полудню, а два къ „полунощи. И яже къ полудню плывущіе, приплыша къ Родису, спустошенному отъ предреченныхъ Срацынъ, несогласія ради безумныхъ Грековъ: тогда, обрѣтше его въ конецъ „спустошенъ, обновиша его съ прочими грады и мѣсты другими, и укрѣпивъ ихъ и осады, обладаша тамо со остальными живущими обладатели. А яже къ полунощи плывущіе, „приплыша едины, идѣже бѣ Прусы, и тамо живущими обладали; а третій въ тую землю; и обрѣтоша ту языцы зѣло „жестоки и непокорныхъ варваровъ, и заложиха градъ и „мѣсто первое Рягу, потомъ Ревль, и бишася много со жи-

„вущими ту оними предреченными варвары, и едва возмогоша
„ими обладати, и наклонити ихъ немалыми лѣты ко познанію
„христіанскія вѣры“.

„Егдаже усвоиша тую землю ко Христову нареченію, то-
„гда общашася въ возложеніе Господеви и на похвалу имени
„пречистыя его Богоматери. Внегда же пребывахомъ въ ка-
„толицкой вѣрѣ и жительствовахомъ мѣриѣ и цѣломудреннѣ;
„тогда Господь нашъ здѣ живущихъ вездѣ покрывалъ ото
„враговъ нашихъ и помогалъ намъ во всемъ, яко отъ Рус-
„скихъ княжатъ, находящихъ на землю сію, такъ и отъ Ли-
„товскихъ. Другія оставя, единужъ исповѣмъ, яже зѣло
„крѣпку битву имѣхомъ со великимъ княземъ Литовскимъ
„Витовтомъ, иже у насъ во единъ день шесть майстровъ бы-
„ло поставлено, и единъ по единому побиты, и такъ крѣпцѣ
„сражахомся, ажъ ноцъ темная развела битву. Такожъ, и
„недавними лѣты, яко лучше, мню, вамъ вѣдомо есть сіе,
„князь великій Іоаннъ Московскій, дѣдъ того настоящаго,
„умыслилъ былъ тую землю взяти, и крѣпцѣ бренихомся,
„яко и со гетманомъ его Даниломъ сведохомъ колько битвъ,
„и двѣ одержахомъ. Но обаче, еликими нибудь обычаи убла-
„гахомъ оныхъ предреченныхъ. Богу, яко рѣхомъ, помогающу
„праотцомъ нашимъ, и при своихъ отчинахъ устояли. Нынѣ
„же, егда отступихомъ отъ вѣры церковныя, и дерзнухомъ,
„и опровергохомъ законы и уставы святые, и пріяхомъ вѣру
„новоизобрѣтенную, и за тѣмъ въ невозддержаніе, ко широ-
„кому и пространному пути вдахомся, вводящему въ поги-
„бель: и явственню нынѣ облачающе Господь грѣхи наши и
„казняще насъ за беззаконія наши, предалъ насъ въ руки
„вамъ, врагомъ нашимъ. И яже сооружили были прароди-
„тели наши намъ грады высокіе и мѣста твердыя, палаты и
„дворы пресвѣтлые: вы, о томъ не трудившись, ни прото-
„ровъ многихъ налагающе, внидоша въ нихъ; садовъ же
„и виноградовъ нашихъ, не насадивше, наслаждаетесь, и
„другихъ таковыхъ устроеній нашихъ домовыхъ ко житію
„потребныхъ“.

„А что глаголю о васъ, иже, аки бы мните, мечемъ по-
брасте? Другіежъ безъ меча въ наши богатства и стяжанія
туне внидоша, ни мало, ни въ чесомъ же трудившесь, обѣ-
щавающе намъ помощь и обронеіе. Се добра ихъ помощь,
иже стоимъ предъ враги связаны! О коль жалостно ми и
зѣло скорбно ко воспоминанію, иже предъ очима нашими
вся сія лютая быша, за грѣхи наши, наведены и милое оте-
чество разорено суще! И сего ради не мните, иже вы силою
своею намъ таковыя сотвориша: но вся сія Богу на насъ
попускающу, за преступленіе наше, иже предалъ насъ въ
руки врагомъ нашимъ!“ И сіе, ему со текущими слезами,
къ намъ глаголющу, яко и намъ всѣмъ слезъ исполнитися,
на него зрящимъ и таковая отъ него слышащимъ. По семъ
же, утерши слезы, радостнымъ лицемъ провѣща: „Но обаче
благодарю Бога и радуюся, иже связанъ быхъ и стражду за
любимое отечество; аще ми за него и умерети случится, во-
истину драга ми сія смерть будетъ и прелюбезна“. Сіе ему
изрекшу, умолчалъ; мы же всѣ удивившась разуму мужа и
словеству, и держахомъ въ почести его за стражею; потомъ
послахомъ его до царя нашего и со прочими властели Лиф-
ляндскими къ Москвѣ, и молихомъ царя много чрезъ эписто-
лію, да не кажетъ погубити его. И аще бы послушалъ насъ,
могъ бы всю землю Лифляндскую по немъ имѣти: понеже
вмяху его всѣ Лифлянты, яко отца. Но егдажъ приведенъ
былъ предъ царя и вопрошаемъ жестоцѣ, отвѣщаль: „иже,
рече, неправдою и кровопивствомъ отечество наше пося-
даешь, а не яко достоинъ царю христіанскому“. Онъ же,
разгорѣвся гнѣвомъ, повелѣ абіе погубити его: понеже уже
лють и безчеловѣченъ началъ быти.

И тогда подъ тѣмъ Фелиномъ стояхомъ, памятамысь, три
недѣли и вѣще, заточа шанцы и біюще по граду изъ дѣлъ
великихъ. И яко азъ тогда ходихъ къ Кеси и имѣхъ три
битвы, и единого поразихъ новаго ленсмаршалка, подъ Вол-
маромъ градомъ, на того мѣсто избраннаго, и яко пришедши
подъ Кесь ротмистры, посланные на насъ отъ Еронима Хот-

кѣвича, пораженіи, и яко стояше подѣ Кесью, посылахомъ къ Рязѣ войну, и яко слышача Еронимъ о пораженіи своихъ, и ужаснувся, поиде скоро изъ земли Лифляндскія, ажъ за Двину рѣку великую отъ насъ, сіе премину и оставлю по ряду писати, сокращенія ради исторіи; ко предреченному же о Феллинскомъ взятіи возвращаюся. Егда же уже разбихомъ стѣны мѣскія, еще крѣпчѣ сопротивляющесь намъ Нѣмцы; тогда въ нощи стрѣляюще огненными кулями, и едина куля унаде въ самое яблоко церковное, еже въ верху великія церкви ихъ бѣ, и другія кули индѣ, и абіе загорѣлося мѣсто: тогда начаша сущіе во градѣ и майстръ просити времени о постановленіи, обѣщавающе градъ и мѣсто поддати, и прошаша вольнаго проѣзду со всѣми сущими во градѣ и съ скорбы своими. Мы же такъ не позволяше, а на томъ стало: желнерей всѣхъ выпустили вольно и жителей градскихъ, елицы хотѣша, а его не выпускали и со скорбы, милость ему обѣщавающе отъ царя, яко и даде ему градъ на Москвѣ до живота его, и скорбы оныя его, елицы взяты, возвращены ему потомъ. И сице взятъ градъ и мѣсто; и огонь въ мѣстѣ угасихомъ. А къ тому тогда взяхомъ два, або три грады, въ нихъ же быша намѣстники того майстра Фиштенъ-беркга. Егдажъ внидохомъ въ мѣсто и во градъ Феллинъ, тогда узрѣхомъ отъ мѣста стоящи еще три вышеграды, и такъ крѣпки и отъ претвердыхъ каменей сооружени, и рвы глубоки у нихъ, иже вѣрѣ не подобно: бо и рвы оныя, зѣло глубокіе, каменными гладкими тесаными выведены; и обрѣтохомъ въ немъ великихъ дѣлъ стѣнобитныхъ осьмнадцать, а подѣ тѣми велпкихъ и малыхъ всѣхъ полѣ-пятаста на градѣ и мѣстѣ, и запасовъ и всѣхъ достатковъ множество; а въ самомъ градѣ вышнемъ, не токмо церковъ, или палаты, или самъ градъ, но и кухня и стайни толстыми оловянными дщицами были крыты; и тую всю кровлю абіе князь великій повелѣлъ снати, и въ то мѣсто кровлю отъ дерева сотворити.

ГЛАВА V.
НАЧАЛО ЗЛУ.

1560.

Клеветники. Удаленіе Сильвестра и Адашева. Ихъ винятъ въ смерти царицы Анастасіи. Новые любимцы. Опричники. Монахи. Ссылка Сильвестра въ монастырь Соловецкій. Смерть Адашева. Новый образъ жизни Іоанновой. Пиры. Бѣдствія Россіи. Сожженіе Москвы Татарами. Дѣла Іоанна III и сына его Василія. Смерть Іоанна Младого, царя Димитрія; матери его Елены, Авдрей Углицкаго, Семена Ряполовскаго; Михаила Верейскаго, Василія Ярославича. Іоанновы слова о нихъ. Время, когда писалъ Курбскій свою исторію.

Чтожь по семъ царь нашъ начинаетъ? Егда уже обро-
нился, Божією помощію, храбрыми своими отъ окрестныхъ
враговъ его, тогда воздастъ имъ! Тогда платитъ презлыми за
предобрѣйшее, прелютыми за превозлюбленнѣйшее, лукавствы
и хитролествы за простыя и вѣрныя ихъ службы. А якоже
сіе начинаетъ? Сиде: первѣе, отгоняетъ дву мужей оныхъ
отъ себя предреченныхъ, Селивестра, глаголю, презвитера, и
Алексѣя предреченнаго, Адашева, туне и ни въ чемъ же
предъ нимъ согрѣшившихъ, отворивши оба уши своимъ пре-
злымъ ласкателемъ, (надъ ними же, уже яко многожды рѣ-
хомъ, ни единъ прыщъ смертный во царствѣ повѣтреннѣйшъ
быти можетъ), аже ему уже клеветаша и сикованціи во уши
шептаху заочно на оныхъ святыхъ мужей, паче же шурья
его и другіе съ ними нечестивые губители всего тамошняго
царства. Чего же ради сіе творяху? Того ради воистину: да
не будетъ обличена злость ихъ и да невозбранно будетъ имъ
всѣми намъ владѣти, и судъ превращающе, посулы грабити
и другія злости плодити скверныя, пожитки свои умножающе.
Что же клеветуютъ и шепчутъ во ухо? Тогда царица жена
умре: они же рѣша, аки бы старовали ее оныя мужи; (по-
добно, чему сами искусны и во что вѣрують, сіе на святыхъ
мужей и добрыхъ возлагали). Царь же, буйства исполнився,
абіе имъ вѣру ялъ. Услышавъ же сіе, Селивестръ и Алексѣй

начаша моляти, ово епистоліями посылающе, ово чрезъ митрополита Русскаго, да будетъ очевистное глаголаніе съ ними. „Не отрицаемся, рече, аще повинни будемъ, смерти; но да „будетъ судъ явственный предъ тобою и предо всѣмъ сена- „томъ твоимъ.“

Презлые же къ сему что умышляютъ? Эпистолій не до-
пускають до царя; епископу старому запрещають и грозятъ;
царевнѣ же глаголють: „Аще, рече, припустишь ихъ къ себѣ
„на они, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; а къ тому, любяще
„ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, по-
„бѣютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще ли и сего не будетъ:
„обвяжутъ ты паки и покорятъ ты аки въ неволю себѣ. Такъ
„худые люди и ничему годные чаровницы тебя, государя,
„такъ великаго и славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго царя,
„держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ
„въ мѣру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебѣ
„ни въ чесомъ же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ вели-
„комъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ
„владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при госу-
„дарѣ мужественномъ и храбромъ и пресильномъ, и тебя не
„держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною
„обладалъ: а то творили они своими чаровствами, аки очи
„твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами
„царствовать и паче всѣми владѣти. И аще на очи при-
„пустишь ихъ, паки ты очаровавши, ослѣпятъ. Ныиѣ же,
„егда отогналъ еси ихъ, воистину образумился еси, сирѣчь
„во свой разумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще
„уже свободно на все свое царство, яко помазанецъ Божій,
„и никто же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ
„владѣюще.“

И иными таковыми множайшими и безчисленными лже-
сшиванцы, согласясь со отцемъ своимъ діаволомъ, (паче же
рещи, воистину языкъ ему и уста самому глаголанію быпають
на пагубу роду христіанскому), сиче подходятъ ласкатель-
ными глаголы мужа, и сиче опровергають царя христіан-

*

скаго душу, добрѣ живущаго и въ покаянію сущаго, и сице растерзають пленицу оную, Богомъ соплетенную въ любовь духовную, (якоже самъ Господь рече: *идѣже собрани два или три во имя мое, ту азъ посреди ихъ*); изъ посреди Бога отгоняють оныя, проклятыя, и паки реку: сичевыми прелестными глаголы царя христіанскаго губяще, добраго бывшаго много лѣтъ, покаяніемъ украшеннаго и къ Богу усвоеннаго, въ воздержанію всякомъ и въ чистотѣ пребывающа. О злые и всякія презлости и лукавства исполненныя, своего отечества губители, пачеже рещи, всего свѣторусскаго царства! Что вамъ принесетъ сіе за полезное? Вмалѣ узрите надъ собою дѣломъ исполняемо и надъ чады своими, и услышите отъ грядущихъ родовъ проклятiе всегдашнее!

Царь же, напився отъ окаянныхъ, со сладостнымъ ласканіемъ смѣшаннаго, смертоноснаго яду, и самъ, лукавства, пачеже глупости, наполнивъ, похваляетъ совѣтъ, и любитъ и усволяетъ ихъ въ дружбу и присягами себя и ихъ обязываетъ, вооружающесь на святыхъ неповинныхъ, къ тому и на всѣхъ добрыхъ и добро хотящихъ ему и душу за него полагающихъ, аки на враговъ своихъ, и собравъ и учинивъ уже окрестъ себя яко пресильный и великій полкъ сатанинскій. И чтожь еще къ тому первѣе начинаетъ и дѣлаетъ? Собираетъ соборище не токмо весь сенатъ свой мірскій, но и духовныхъ всѣхъ, сирѣчь митрополита и градскихъ епископовъ призываетъ, и къ тому присовокупляетъ прелукавыхъ нѣкоторыхъ мниховъ, Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславнаго въ злостяхъ, и Васьяна Бѣснаго, поистинѣ реченнаго, неистоваго, и другихъ съ ними таковыхъ тѣмъ подобныхъ, исполненныхъ лицемѣрія и всякаго безстыдія діаволя и дерзости; и посаждаетъ ихъ близу себя, благодаритъ слушающе ихъ, вѣщающихъ и клеветующихъ ложное на святыхъ и глаголющихъ на праведныхъ беззаконіе, со премногою гордынею и уничиженіемъ. Что же на томъ соборищѣ производятъ? Чтутъ пописавши вины оныхъ мужей заочнѣ, яко и митрополитъ тогда предъ всѣми реклѣ: „Подобаетъ, рече, приведеннымъ

„имъ быти здѣ предъ насъ, да очевидѣ на нихъ клеветы „будуть, и намъ убо слышати воистину достойтъ, что они на „то отвѣщаютъ.“ И всѣмъ ему добрымъ согласующе, такоже рекшимъ; губительнѣйшіе же ласкатели вкупѣ со царемъ возопиша: „Не подобаетъ, рече, о епискупе! Понеже вѣдомыи „сіи злодѣи и чаровницы велицы, очаруютъ царя, и насъ погубятъ, аще приидутъ!“ И тако осудиша ихъ заочнѣ. О смѣху достойное, паче же бѣды исполненное, осужденіе прельщеннаго отъ ласкателей царя!

Заточенъ бываетъ отъ него Селивестръ презвитеръ, исповѣдникъ его, ажъ на островъ, иже на Студеномъ морѣ, въ монастырь Соловецкій, край Корелска языка, въ Лопи дикой лежащъ. А Алексѣй отгонялся отъ очей его, безъ суда, въ нововзятый градъ отъ насъ, Феллинъ, и тамо антипатъ бываетъ на мало время. Егда же услышали презлыи, иже и тамо Богъ помогаетъ ему: понеже не мало градовъ Лифляндскихъ, еще не взятыхъ, хотяще поддаться ему, его ради доброты, ибо, и въ бѣдѣхъ будуще положенъ, служаше царю своему вѣрнѣ; онижъ паки клеветы къ клеветамъ, шептаніе къ шептанію, лжесбиваніе ко лжесбиваніямъ цареви прилагаютъ, на мужа онаго и праведнаго и добраго. И абіе повелѣлъ оттуду свести въ Дерптъ и держанъ быти подъ стражею; и по дву мѣсяцѣхъ потомъ, въ недугъ огненный впалъ: исповѣдався и взявъ святыхъ Христа Бога нашего тайны, къ Нему отъиде. Егдажъ о смерти его услышавше, клеветницы возопиша цареви: „се твой измѣнникъ самъ себѣ задалъ ядъ „смертоносный и умре“.

А той Селивестръ презвитеръ, еже преждь, даже не изгнанъ былъ, видѣвъ его, иже не по Божѣ всякія вещи начинаетъ, претивъ ему и наказуя много, да во страстѣ Божіи пребываетъ и въ воздержанію жительствоуетъ, и иными многжайшими словесы Божественными поучая и наказуя много,— онъ же отнюдь того не внимаше и ко ласкателемъ умъ свой и уши приклонилъ: рассмотрѣвъ же вся сія презвитеръ, иже уже лице свое отъ него отвратилъ, отшелъ бысть въ мона-

стырь; сто миль отъ Москвы лежащъ, и тамо во мнѣшствѣхъ будуще, нарочитое и чистое свое жителство препровождалъ. Клеветницы жъ, слышавше, иже тамо въ чести имѣють оныя мнѣя его, сего ради, завистию разсѣдаеми, ово завидяще мужу славы, ово боящися, да не услышитъ царь о семъ и паки не возвратитъ его къ себѣ, и да не обличатся ихъ неправды и превращеніе судовъ, и много-взимательныя, любимыя издавна обыкновенія ихъ, посулы, и новоначальныя пїянства и нечистоты паки да не пресѣкутся отъ оного святаго: и оттуды похватиша его и заведоша на Соловки, яже преждѣ рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющихся, аки бы то соборнѣ осудиша его, мужа нарочитаго и готоваго отвѣщати на клеветы.

Гдѣ таковъ судъ слышанъ подъ солнцемъ, безъ очевиднаго вѣщанія? Яко и Златоустый пишетъ во епистолѣхъ своихъ ко Иннокентію, папѣ Римскому, нарекающе на Теофила и на царицу и на все соборище его о несправедномъ изгнаніи своемъ, емужъ начало: „Первѣе, нежели отданы суть епистолѣхъ наши, „мню, благочестіе твое слышавше, яковъ здѣ мятежъ тво- „рити дерзнула неправда;“ и паки при концѣ въ той же: „и „еще противники обрѣли, иже такъ презрѣніе сотворили, и „еще замышляютъ ложныя клеветы, понеже насъ безвиннѣ „изгнали, не давши намъ а ни преписей, а ни книжець, а ни „объявивши клеветниковъ имѣти и обрѣнати, и мы на судъ „будемъ и покажемъ оныхъ самихъ, а не насъ, быти вин- „ными, что на насъ воскладываютъ: понеже неповинны есмы. „И сопротивъ еже они сотворили? сопротивъ всѣмъ правиломъ, „сопротивъ всѣмъ церковнымъ канонамъ;—и что глаголю ка- „нономъ церковнымъ? а не въ поганскихъ судѣхъ, а ни въ „варварскихъ престолѣхъ таковыя когда случились; а ни Ски- „фы, а ни Сармацы когда судили судъ повелѣти единой сто- „ронѣ заочнѣ на оклеветанныхъ,“ и прочія, тѣмъ подобныя, яко въ томъ его посланіи лучше, читаячи, разсмотрится. Се соборный царя нашего христіанскаго таковъ судъ! се декретъ, знаменитѣ произведенъ отъ вселукаваго сонмища ласкателей,

грядущимъ родомъ на срамоту вѣчныя памяти и уничтоженіе Русскому языку! понеже у нихъ въ землѣ уродилися таковыя лукавыя, презлыя, ехиднины отроды, иже у матери своей чрево прогрызли, сирѣчь земли святорусскія, яже породила ихъ и воспитала, воистину на свою бѣду и спустошеніе!

Чтожь, по сихъ, за плодъ отъ преславныхъ ласкателей, пачежь презлыхъ губителей, возрастаетъ? и во что вещи обращаются? и что царь отъ нихъ приобрѣтаетъ и получаетъ? Абіе съ ними діаволь умышляетъ первый входъ ко злости, сопротивъ узкаго и мѣрнаго пути Христова, по преславному и широкомъ пути свободное хожденіе. А якожь сіе начинаютъ и како царева житія прежнюю мѣрность разоряють, еже нарицали неволею обвязанна? Начинають пиры частые со многими пїанствы, отъ нихъ же всякія нечистоты родятся. И что еще къ тому прилагають? чаши великія, воистину діаволу обѣщанныя, и чаши таковыя, положивши въ нихъ зѣло пьянаго питья, и совѣтуютъ первую цареви выпити, потомъ всѣмъ сущимъ пирующимъ съ нимъ! и аще ли тѣми до обумертвія, пачежь до неистовства, не упіются, они другія и третїи прилагають, и не хотящихъ ихъ пити и таковая беззаконія творити заклинають со великими прещеньми; цареви же вопіють: „Се! рече, онъ сиче, и онъ сиче (имя рекше), не хочетъ на „твоемъ пиру веселъ быти, подобно тебя и насъ осуждаетъ и „насмѣваетъ, аки пьяницъ, являющъ праведный лицемѣріемъ! „И подобно твои суть недоброхоты, иже съ тобою не согла„суютъ и тебя не слушаютъ, и еще Селивестровъ или Але„ксѣевъ духъ, (сирѣчь обычай), не вышелъ изъ нихъ!“ И иными словесы бѣсовскими множайшими, нежели тѣхъ, многихъ трезвыхъ мужей и мѣрныхъ во жительствѣ добромъ и во нравѣхъ наругаютъ и посрамогають, льюще на нихъ чаши оныя проклятыя, ими же не хотяще упиватися, або отнюдь не могуще, и къ тому имъ смертьми и различными мукami претяще, яко и мало послѣди, многихъ того ради погубиша. О! воистину новое идолослуженіе, и обѣщаніе и приношеніе не болвану Аполлонову и прочимъ, но самому Сатанѣ и бѣ-

сомъ его, не жертвы воловъ и козловъ приношаще, влекомыя насиліемъ на заколеніе, но самыя души свои и тѣлеса самовластною волею, сребролюбія ради и славы міра сего, ослѣпше, сіе творяще! И снѣе первѣе царское честное и воздержальное жительство разоряютьъ, презлые и окаянные!

Се, царю! получилъ еси отъ шепчущихъ ти во уши любимыхъ твоихъ ласкателей: вмѣсто святаго поста твоего и воздержанія прежняго, піянство губительное со обѣщанными діаволамъ чашами; и вмѣсто цѣломудреннаго и святаго жительства твоего, нечистоты, всякихъ сквернъ исполненныя; вмѣстожъ крѣпости и суда твоего царскаго, на лютость и безчеловѣчіе подвигоша тя; вмѣстожъ молитвъ тихихъ и кроткихъ, ими же ко Богу твоему бесѣдовалъ еси, лѣности и долгому спанію научиша тя, и по снѣ зіянію, главоболію съ похмѣлья и другимъ злостямъ неизмѣрнымъ и неисповѣдимымъ. А еже восхваляша тя, и возношаша и глаголаша тя царя велика, непобѣдима и храбра: и воистину таковъ былъ еси, егда во страстѣ Божіи жительствоваешь. Егдажъ надутъ отъ нихъ и прельщенъ, что получилъ еси? вмѣсто мужества твоего и храбрости, бѣгутъ предъ врагомъ и хороняка... царь великій христіанскій!... предъ бусурманскимъ волкомъ, иже прежде предъ нами мѣста не нашель и на дикомъ полѣ, бѣгая. А за совѣтомъ любимыхъ твоихъ ласкателей и за молитвами Чудовскаго Левки и прочихъ вселукавыхъ мниховъ, что добраго и полезнаго и похвальнаго и Богу угоднаго приобрѣлъ еси? Развѣ спустошеніе земли твоея, ово отъ тебя самого съ кромѣшники твоими, ово отъ предречейнаго пса бусурманскаго,—и къ тому злую славу отъ окрестныхъ сусѣдовъ, и проклятіе и нареканіе слезное ото всего народу? И что еще прегоршаго и срамотнѣйшаго и ко слушанію претягчайшаго: самое отечество твое, превеликое мѣсто и многонародное, градъ Москва, во вселенной славный, созженъ и потребленъ со безчисленными народы христіанскими внезапно... О бѣда претягчайшая и ко слышанію жалостная! Али не часъ было образумитися и покаятися къ Богу, яко Манасія, и отклонити волю естествен-

наго самовластія по естеству ко своему Сотворителю, испившему насъ наидражайшею кровію своею, нежели то самовластіе со произволеніемъ самовольнымъ покоряти чрезъ естество супостату человѣческому и внимати вѣрнымъ слугамъ его, глаголю, презлымъ ласкателемъ его?

Еще ли ся не размотришь, о царю! къ чему ты привели человѣкоугодницы? и чѣмъ ты сотворили любимые маньяки твои? и яко опровергли и опроказили прежде святую и многоцѣнную, покаяніемъ украшенную, совѣсть души твоей? И аще намъ не вѣришь, нарицающе насъ туне измѣнниками прелукавными, да прочтетъ величество твое во словѣ, златовѣщательными устами изреченномъ, о Иродѣ, ему жъ начало, (днесъ намъ Іоанново преподобіе!): „Иродова лютость егда „возвѣщалась, смутились внутрення, сердца вострепетали, „зракъ помрачился, разумъ притупился“, или что твердо въ чувствахъ человѣческихъ, егда погубляетъ добродѣтели величество злостей множество, и паки мало пониже: „Достойнѣ „убо смущались внутрення, сердца трепетали: понеже Иродъ „осквернилъ церковь, іерейство отнялъ“, (яко ты аще не Іоанна Крестителя, но Филиппа архіепископа съ другими святыми смутилъ) „чинъ скверно содѣлалъ, царство сокрушилъ; „что было благочестія, что правилъ, что житія, что обычаевъ, „что вѣры, что наказанія — погубилъ и смѣсилъ“. „Иродъ, „рече, мучитель гражданъ, воиновъ, разбойникъ, друговъ спустошитель:“ твоего же величества произобиліе злости! иже не токмо друговъ, но и всея сяторусскія земли съ кромѣшники твоими спустошеніе, домовъ ихъ грабитель и убійца сыновъ... отъ чего, Боже! сохрани тебя и непусти тому быти, Господи Царю вѣкомъ!... бо уже и то аки на острую сабли висить: понеже аще не сыновъ, но соплеменныхъ и ближнихъ въ роду братью уже погубилъ еси, наполняюще мѣру кровопивцевъ, отца своего и матери твоей и дѣда. Яко отецъ твой и мати, иже всѣмъ вѣдомо, колько погубили: тако жъ и дѣдъ твой, со Гречкою бабою твоею, сына предобраго Іоанна, отъ первыя жены своея, отъ Тверскія княжны свя-

тыя Марія рожденна, наимужественнѣйшаго и преславнаго въ богатырскихъ исправленіяхъ, и отъ него рожденнаго, боговѣнчаннаго внука своего, царя Дмитрія, съ матерію его святою Еленою, ового смертоноснымъ ядомъ, а того многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ, послѣдиже удавленіемъ, погубиша, отрекшись и забывши любви сродства. И не удовольвсѣя тѣмъ! Къ тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зѣло разумнаго и мудраго, тяжкими веригами въ темницѣ за малые дни удавилъ, и двухъ сыновъ его, отъ сосецъ матернихъ оторвавши... о умиленно ко услышанію и тяжело ко изреченію! человѣческая злость въ толикую презлость провозрастаема, пачежъ отъ христіанскихъ начальниковъ!... многолѣтнимъ заключеніемъ темничнымъ нещадно поморилъ. Князя Симеона жъ, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зѣло пресильнаго и разумнаго, влекомаго отъ роду Владиміра, главнымъ посѣченіемъ убилъ. И другихъ братію свою, ближнихъ ему въ роду, овыхъ разогналъ до чуждыхъ земель, яко Верейскаго Михаила и Василя Ярославича; а другихъ, во отроческомъ вѣку еще сущихъ, также темничнымъ заключеніемъ, на скверной и проклятой завѣтной грамотѣ... о увѣ! о бѣда! ко слышанію тяжело!... заклинающе сына своего Василья, повелѣлъ неповинныхъ погубити неотрочнѣ. Такожъ сотворили и инымъ многимъ, ихъ же, долги ради писанія, здѣ оставляется. Ко предреченному Златоустову возвращаяся, о Иродѣ пишущу: „окрестныхъ, рече, мужей убійца, напаяюще землю кровію, въ жаждѣ крове содержался“. Сія Златоустый о Иродѣ во словѣ своемъ рече, и прочее.

О царю! прежде зѣло любимый отъ насъ! не хотѣлъ бы малыя сея части презлости твоей изрещи; но преодоленъ быхъ и принужденъ любовію Христа моего и ревностію любви распаляхся по мученицѣхъ, отъ тебя избѣнныхъ неповиннѣ, братьяхъ нашихъ. Яко и отъ тебя самого не токмо слышахъ, но и видѣхъ и дѣломъ исполняемо, и о семъ, еще аки хвалющеся, глаголалъ еси: „Азъ, рече, избѣнныхъ отъ отца и „дѣда моего одѣваю гробы ихъ драгоцѣнными аксамиты и

„украшаю раки неповиннѣ избѣенныхъ праведныхъ“ (се! Господне слово сбылось на тебя, кѣ Жидамъ реченное: *А сего ради, рече, согласуете и соблаговоляете, наполняяще мѣру, дѣлы презлыми, убивство презлости отцевъ вашихъ, и покажете сами себя, сирѣчь свидѣствуете сами о себѣ, иже есте сынове убійцевъ исповѣдающесь*: а отъ тебя и отъ твоихъ кромѣшниковъ, твоимъ повелѣніемъ, безчисленныхъ убѣенныхъ мучениковъ, кто будетъ украшати гробы и позлащати раки ихъ? О! востину смѣху достойно, со многимъ плачемъ смѣшенному, и непотребно сіе отнюдь, аще бы было то отъ сыновъ твоихъ дѣйствуемо, которые бы хотѣли, отъ чего Боже сохрани, мѣру твою сохранять. Но яко, а ни Богъ, а ни тѣ избѣенные отъ человекоубійцевъ древнихъ того не желали, иже бы неповиннѣ избѣенны были, такъ и отъ сыновъ, произволеніемъ злымъ согласующихъ отцемъ своимъ, не желаютъ сего по смерти, не токмо гробомъ и ракамъ украшаемымъ и позлащаемымъ быти; но и самимъ величаемымъ и похваляемымъ: но праведные отъ праведныхъ, мученики отъ кроткихъ и по закону Божію жительствующихъ, похваляемы и почитаемы быти достоятъ.

А сему уже и конецъ положимъ: понеже и сіе краткое сего ради произволихомъ написати, да не отнюдь въ забвеніе придуть: ибо того ради славныя и нарочитыя исправленія великихъ мужей отъ мудрыхъ человекъ исторіями описашася, да ревнуютъ имъ грядущіе роды; а презлыхъ и лукавыхъ пагубныя и скверныя дѣла того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались отъ нихъ человекъ, яко отъ смертоносныхъ ядовъ, или повѣтрія, не токмо тѣлеснаго, но и душевнаго. Такожъ и мы вкратцѣ написахомъ малую часть, яко прежде многажды рѣхомъ, все оставляюще Божію суду нелицепріятному, хотящему воздати и сокрушити главы враговъ своихъ, ажъ и до властъ приходящихъ во прегрѣшенія своихъ, сирѣчь: отомститъ и наималѣйшую обиду убогихъ своихъ отъ пресильныхъ; и паки той же: озлобленія ради нищихъ и воздыханія убогихъ, нынѣ воскресну, глаголетъ

*Господь: положуся во спасеніе и не обвинюся о немъ; яко индѣ тѣмъ же пророкомъ реклъ: помыслимъ еси, рече, беззаконіе, аки былъ бы тебѣ подобенъ; обличю тя и поставлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя; аки бы реклъ: аще не покажетесь о неправдахъ своихъ и о обидахъ убогихъ Закхеевымъ покаяніемъ. А къ тому до наилѣпшей памяти тамо живущимъ оставляю: понеже азъ, еще во среду бѣды тое презѣльнны, отъидохъ отъ отечества моего; а уже и тогда видѣннаго и слышаннаго о таковыхъ злостяхъ и гоненіяхъ, не могъ бы на цѣлую книгу написать, яко вмагъ и вкратцѣ воспомянухъ о семъ въ предисловію, отъ насъ написанномъ на книгу словесъ Златоустовыхъ, глаголемую *Новый Маргаритъ*, емужъ начало: „Въ лѣто осмыа тысячи, вѣку звѣри-наго, яко глаголетъ во святой Апокалипсіи“, и прочее. Но достоятъ ми убіенныхъ оныхъ безъ правды благородныхъ и свѣтлыхъ мужей, свѣтлыхъ, глаголю, не токмо въ родѣхъ, но и въ обычаяхъ, воспомянути, колико память ми снесетъ, паче же благодать Святаго Духа подастъ, уже во старости немощнымъ тѣломъ сушу, бывшу ми паче же бѣдами и напастями отъ ту живущихъ чловѣковъ всякими ненавистями объяту. Аще что и забудется, да оставится ми, молю, отъ острозрительныхъ въ разумѣ, и въ памяти должайшей и неутрудженной сущихъ. Се уже по возможности моей начну исчитати имена благородныхъ мужей и юношъ, паче же, (достойтъ со дерзновеніемъ нарицати ихъ), страдальцевъ и новыхъ мучениковъ, неповинныхъ сущихъ избіенныхъ.*

ГЛАВА VI.

О ПОБІЕНІИ КНЯЖЕСКИХЪ РОДОВЪ.

1560—1573.

Неслыханное гоненіе. Первые казни: друзья и родственники Адашевы. Гибель князей: Д. Овчинина, М. Рѣпина, Ю. и П. Кашиныхъ, Д. Шовырева, Д. Курлетева съ семействомъ, П. Оболенскаго-Серебрянаго, А. Ярославова, В. Курлетева, А. Горбатаго-Суздальскаго съ сыномъ, П.

и М. Ховриныхъ, Д. Ряполовскаго, С., А. и В. Ростовскихъ, В. Темкина съ сыномъ, П. Щенятева съ братомъ, Ѳ. Львова, И. Шаховскаго, В., А. и М. Прозоровскихъ, И. Пронскаго, В. Рыбина, царскаго брата князя Владимира, съ матерью, женою и двумя младенцами, Н. Одоевскаго и Михаила Воротынскаго.

Скоро по Алексѣевѣ смерти и по Селивестровѣ изгнанію, воскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся; и гоненіе воистину таковое неслыханное не токмо въ Русской землѣ никогда же бывало, а ни у древнихъ поганскихъ царей: бо и при нечестивыхъ мучителѣхъ христіане, исповѣдающіе вѣровати Христу и богомъ поганскимъ ругающіеся, пмаемы и мучими были, а неисповѣдающихъ и крѣмыхъ внутрь себя вѣру, аще и ту стоящихъ, аще и знаемыхъ, аще и братію и сродниковъ, не имано, а ни мучено. А нашъ новоявленный звѣрь первѣе началъ сродниковъ Алексѣевыхъ и Селивестровыхъ писати имена, и не токмо сродныхъ, но о комъ слышалъ отъ тѣхъ же клеветниковъ своихъ, и друзей и сосѣдовъ знаемыхъ, аще и мало знаемыхъ, многихъ же отнюдь и не знаемыхъ, ихъ богатствъ ради и стяжанія, оклеветавъ отъ тѣхъ, многихъ имати повелѣлъ и мучити различными муками, а другихъ множайшихъ отъ имѣній ихъ и домовъ изгоняти въ дальные грады. А про чтожь тѣхъ мучилъ неповинныхъ? Про то: понеже земля возопіяла о тѣхъ праведныхъ въ неповинномъ изгнанію, нарекающе и кленуще тѣхъ предреченныхъ ласкателей, соблазвившихъ царя; онъ же вкупѣ съ ними, ово аки оправдаяся предо всѣми, ово яко стрегущеся чаровства, не вѣмъ якого, мучити повелѣлъ оныхъ, не одинаго, ни дву, но народъ цѣлъ, ихъ же именъ, тѣхъ неповинныхъ, аже въ тѣхъ мукахъ помроша, множества ради исписать невозможно.

Тогда-то убіенна Марія преподобная, нарицаемая Магдалина, съ пятьми сынами своими: понеже была родомъ Ляховица, потомъ исправилась въ правовѣріе, и была великая и превосходная постница, многажды въ годъ одинаго въ седмицу вкушающи, и такъ во святомъ вдовствѣ провозсіавшая,

яко на преподобномъ тѣлѣ ея носити ей вериги тяжкія желѣзныя, тѣло порабощающе, да духу покорить его; и прочихъ святыхъ дѣлъ ея и добродѣтелей исписати тамо живущимъ оставлю. Оклеветана же предъ царемъ, аки бы то была чаровница и Алексѣева согласница, того ради ее погубити повелѣлъ и со чады ея, и многихъ съ нею: понеже той былъ Алексѣй не токмо самъ добродѣтеленъ, но и *другъ и причастникъ*, яко Давидъ рече, *вспомъ боящимся Господа и сообщникъ вспомъ хранящимъ заповѣди его*, и колько десять имѣлъ прокаженныхъ въ дому своемъ, тайне питающе и обмывающе ихъ, многаждыжъ самъ руками своими гной ихъ отирающе.

И тогдажъ убіенъ въ томъ гоненіи единъ мужъ Іоаннъ, нареченный Шишкнъ, со женою и съ дѣтками: сродникъ былъ Алексѣевъ и мужъ воистину праведный и зѣло разумный, въ родѣ благороденъ и богатъ. Потомъ послѣ тѣхъ двухъ, або трехъ, убіенни благородніе мужіе: Данило, братъ единоутробный Алексѣевъ, и съ сыномъ Тархомъ, иже былъ еще во младенческомъ вѣку, лѣтъ аки дванадцати, и тестъ Данила онаго, Петръ Туровъ, и Θεодоръ, и Алексѣй и Андрей Сатины, ихъ же была сестра за Алексѣемъ предреченнымъ, и другихъ съ ними. А Петру оному, аки за мѣсяць предъ смертію, видѣніе божественное дивное явилось, проповѣдающе смерть мученическую, (онъ же мнѣ самъ исповѣдалъ); которое ту, краткости ради писанія, оставлю.

Паки убитъ отъ него тогда князь Дмитрій Овчининъ, его же отецъ здѣ много лѣтъ страдалъ за него и умре ту. Сіе выслужилъ на сына! бо еще во юношескомъ вѣку, аки лѣтъ двадцати или малѣ болѣ, закланъ отъ самаго его руки.)

Тогда же убіенъ отъ него князь Михайло, глаголемый Рѣпинъ, уже въ сиклитскомъ сану сущъ. А за чтожъ убіенъ и за якую вину? Началъ пити, съ нѣкоторыми любимыми ласкатели своими, оными предреченными великими, обѣщанными діаволу, чашами, идѣже и онъ по прилучаю призванъ былъ: хотяше бо его тѣмъ аки въ дружбу себѣ присвоити,

и упившись началъ со скоморохами въ машкарахъ плясати, и сущіе пирующие съ нимъ; — видѣвъ же сіе безчиніе, онъ мужъ нарочитый и благородный началъ плакати и глаголати ему: „иже не достоинъ ти, о царю христіанскій! таковыхъ „творити“. Онъ же началъ нудити его, глаголюще: „веселись „играй съ нами“, и взявши машкару класти началъ на лице его; онъ же отверже ю и потопталъ, и рече: „не буди ми „се безуміе и безчиніе сотворити, въ совѣтническомъ чину „сущу мужу!“ Царь же, ярости исполнився, отогналъ его отъ очей своихъ, и по коликихъ дняхъ потомъ, въ день недѣльный, на всенощномъ бдѣніи стоящу ему въ церкви, въ часъ чтенія евангельскаго, повелѣлъ воинамъ безчеловѣчнымъ и лютымъ заклати его, близу самага олтаря стояща, аки агнца Божія неповиннаго. И тое же ноци убити повелѣлъ сиклита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина, также ко церкви грядуща на молитву утреннюю; и закланъ на самомъ празѣ церковномъ, и наполниша помость церковный весь кровію его святою.

Потомъ убіенъ того Юрья братъ, князь Іоаннъ. А сродникъ ихъ князь Дмитрій, глаголемый Шовыревъ, на колѣ посаженъ; и глаголютъ, его день быти жива, и аки не чювши муки тоя лютыя, на колѣ, яко на престолѣ сѣдящъ, воспѣвалъ канонъ изо устъ Господу нашему Іисусу Христу, а другій канонъ благодарственный пречистой Богородицѣ, съ ними же вкушъ правило немалое, глаголемое акаѣистъ, еже въ немъ замыкается все плотское Божіе смотрѣніе: и по окончанію пѣнія онаго, духъ святыи предавъ Господеви. И тогда же и другихъ княжатъ немало, того же роду побито; а стрія тѣхъ княжатъ Дмитрія, глаголемаго Курлетева, постричи во мнихи повелѣ.... неслыханное беззаконіе!... силою повелѣ всероднѣ, сирѣчь со женою и съ ссущими малыми дѣтками, плачущихъ, вопіющихъ. А поликихъ лѣтѣхъ, подалено ихъ всѣхъ. А сей былъ князь Дмитрій мужъ совершенный и нарочитый въ разумѣ стигкитъ, избранный въ родѣ.

Потомъ убіенъ отъ него Петръ Оболенскій, глаголемый Сребряный, сигклитскимъ саномъ украшенъ и мужъ нарочитъ въ воинствѣ и богатъ. Потомъ того же роду князятъ побіено: Александра Ярославова и князя Владиміра Курлетева, сыновца онаго Дмитрія; и были тѣ оба, паче же Александръ, мужіе воистину ангеломъ подобные жителствомъ и разумомъ: бо были такъ искусны въ книжномъ разумѣ православныхъ догматъ, иже всѣ священныя писанія во устахъ имѣли; къ тому и въ военныхъ дѣлѣхъ свѣтлы и нарочиты, по роду влекомы отъ великаго Владиміра, отъ пленицы великаго князя Михаила Черниговскаго, яже убіенъ отъ безбожнаго Батыя за то, иже боги его насмѣвалъ и Христа Бога предъ мучителемъ, такъ сильнымъ и грознымъ, со дерзновеніемъ проповѣдалъ. Но и тѣ сродницы его, кровію вѣнчавшіеся, положени суть, пострадавшіе неповиннѣ, къ пострадавшему за Христа, и преставлени мученики къ мученику.

Тогда же убіенъ отъ него князя Суздальское Александръ, глаголемый Горбатый, со единочаднымъ своимъ сыномъ Петромъ, (въ цвѣтѣ возраста, аки въ семнадцати лѣтѣхъ. И тогожъ дня убіенъ съ нимъ шуринъ его Петръ Ховринъ, мужъ Грецкаго роду, зѣло благороднаго и богатаго, сынъ подскарбіа земскаго; а потомъ и братъ его Михаилъ Петровичъ. О томъ то Александрѣ Горбатоу воспомянухъ, пишучи повѣсть о взятію Казанскомъ: бо тѣ князата Суздальскіе влекомы отъ роду великаго Владиміра, и была на нихъ власть старшая Русская, между всѣми князата, болѣе двусотъ лѣтъ, и владѣлъ отъ нихъ единъ Андрей, княжа Суздальское Волгою рѣкою, ажъ до моря Каспійскаго; тѣхъ же то былъ князатъ Суздальскихъ сродичъ, Нижняго Новгорода отчичъ, славный богатырь въ земляхъ Русскихъ, князь Янъ Тугой-Лука: аще бы о немъ по ряду воспомянути, была бы цѣлая повѣсть рыцарства его; отъ него же, памятамы и великіе князата Тверскіе изыдоша, яко лучше о семъ знаменуетъ въ лѣтописной книгѣ Русской. Но и той былъ, новобубіенный Александръ, мужъ глубокаго разума и искусный

зѣло въ военныхъ вещахъ, и къ тому послѣдователь тщательный священныхъ писаній, яко и при самой смерти ихъ радостны и надежны быша, и неповинны отъ него посѣчени, яко агнцы Бога живаго. И глаголють о нихъ при томъ бывшіе и на то зряще: егда уже приведены къ самому посѣщенію, тогда, глаголють, сына его, первѣе со потщаніемъ приклонивша выю къ мечу, отецъ же возбранивъ ему и рече: „О чадо превозлюбленное и единородный сыне мой! да не узрятъ очи мои отсѣченія главы твоея!“ И первѣе самъ княжа усѣченъ: младенецъ же оный храбрый, взявъ мученическую честную главу отца своего, и воззрѣвъ на ню, рече: „Благодарю тя, о царю вѣкомъ, Иисусе Христе Боже нашъ, царствующій со Отцемъ и со Святымъ Духомъ! иже сподобилъ еси насъ неповиннымъ убіеннымъ быти, яко и самъ отъ богоборныхъ Жидовъ закланъ еси, неповинный агнецъ! А сего ради прими души наша въ живодательныя руки твои, Господи!“ И сіе изрекши, приклонився подъ оскордъ ко усѣченію главы своея святія.... Съ таковымъ упованіемъ и со мною вѣрою ко Христу своему отойдоша.

Тогда, въ тѣ же лѣта, або предъ тѣмъ еще мало, убить, за повелѣніемъ его, княжа Ряноловское Дмитрій, мужъ въ разумѣ много и зѣло храбръ, искусенъ же и свидѣтельствовавъ отъ младости своей въ богатырскихъ вещахъ: бо не мало, яко всѣмъ тамо вѣдомо, выигралъ битвъ надъ безбожными Измайлтяны, ажъ на дикое поле за ними далеко ходяще. Се выслужилъ! Главою заплатилъ; отъ жены и дѣтокъ оторвать и внезапно смерти предати повелѣлъ. Паки побіени отъ него того же лѣта княжата Ростовскіе Семень, Андрей и Василій и друзи съ ними. Паки потомъ тѣхъ же княжатъ Ростовскихъ, иже и здѣсь страдалъ за него, Василій Темкинъ и со сыномъ своимъ разсѣканы отъ кромѣшниковъ его; катовъ избранныхъ, за повелѣніемъ его.

Паки убіенъ княжа Петръ, глаголемый Щенятевъ, внукъ княжати Литовскаго Патрікія: мужъ зѣло благородный былъ и богатый, и оставя все богатство и многое стяжаніе, мни-

пешествовати былъ произволилъ, и нестяжательное, хриstopодражательное жителство возлюбилъ; но и тамо мучитель мучити его повелѣ, на желѣзной сковрадѣ огнемъ разженной жещи и за ногти иглы бити. И въ сицевыхъ мукахъ скончался. Тако же и единоколѣнныхъ братію его, Петра, Іоанна, княжатъ нарочитыхъ, погубилъ.

Въ тѣ же лѣта побиты братья мои княжата Ярославскіе, влекомые отъ роду княжати Смоленскаго, святаго Ѳеодора Ростиславича, правнука великаго Владиміра Мономаха; имена ихъ были: князь Ѳеодоръ Львовъ, мужъ зѣло храбрый и святаго жителства, и отъ младости своей, ажъ до чотыредесятнаго лѣта, служилъ ему вѣрнѣ, многожды надъ поганскими языки свѣтлыя одолѣнія поставлялъ, кровояще руку свою, паче же освящающе во крови бусурманской сущихъ враговъ креста Христова. Другаго князя Ѳеодора, внука славнаго князя Ѳеодора Романовича, иже прадѣду того царя, губителя нашего, въ ордѣ будучи, даже еще въ неволѣ были княжата Русскіе у ординскаго царя и отъ его руки власти приимовали, потомъ, за его попеченіемъ, на царство свое возведенъ бысть.... Се такъ службы и добрототствованія прародителей нашихъ ко своимъ прародителемъ воспомянулъ и заплатилъ! Княжата наши Ярославскіе никогдаже отъ его прародителей не бывали отступни въ бѣдахъ и въ напастехъ ихъ, яко вѣрные и добрототные братія, сущіе по роду влекомы отъ единого славнаго и блаженнаго Владиміра Мономаха. За тѣмъ-то княземъ Ѳеодоромъ была сестра его за двухъ рожденная, дщи князя Михаила Глинскаго, славнаго рыцаря, его же погубила неповиннѣ мати его, сущаго стрія своего, обличающа ее за беззаконіе. Тако же и другихъ тое же пленицы княжатъ не мало погубилъ: единого отъ нихъ своею рукою булавою на смерть убилъ на Невлѣ мѣстѣ, идучи къ Полоцку, реченнаго Іоанна Шаховскаго; и потомъ Василья, Александра и Михаила княжатъ, глаголемыхъ Прозоровскихъ, и другихъ княжатъ того же роду, Ушатыхъ нареченныхъ, сродныхъ братій ихъ сущихъ, тѣхъ же княжатъ

Ярославскихъ роду, погубилъ всенародно: понеже имѣли отчины великія, мно, негли изъ того ихъ погубилъ. Потомъ Іоанна князя Пронское, отъ роду великихъ князей Рязанскихъ, мужа престарѣвшагося уже во днѣхъ, и отъ младости его служаща не токмо ему, еще и отцу его много лѣтъ, многажды гетманомъ великимъ бывша и сигклитскимъ саномъ почтеннаго, (послѣди же мнишество возлюбилъ и въ монастырѣ единомъ остриже власы и отрекшися всея суеты міра сего, Христа своего ради), — онъ же такъ муже престарѣвшаго во днѣхъ мнозѣхъ и во старости маститѣй отъ чреды спасенныя извлече и въ рѣцѣ утопити повелѣлъ. И другаго князя Пронское Василя, глаголемаго Рыбина, погубилъ. Въ той же день и иныхъ не мало благородныхъ мужей нарочитыхъ воинъ, аки двѣсти, избіенно; а нѣцыи глаголютъ и вяще.

Тогдаже убилъ Владимира, стрычнаго брата своего, съ матерью того Евфросиньею, княжною Хованскою, яже была отъ роду князя великаго Литовскаго Олгерда, отца Ягайла, короля Польскаго, и воистину святую и постницу великую-во святомъ вдовствѣ и во мнишествѣ провозсіявшую. Тогдаже разстрѣляти съ ручницъ повелѣлъ жену брата своего Евдокію, княжну Одоевскую, такожъ воистину святую, и зѣло кроткую, и священныхъ писаній искусную, и пѣнія божественнаго всего навикшую, и дву младенцевъ, сыновъ брата своего, отъ тоя святыхъ рожденныхъ: единому было имя Василій, аки въ десяти лѣтѣхъ, а другій мнѣйшій... Запamятовахъ уже, яко было имя его; но лучше въ книгахъ животныхъ написанъ, приснопамятныхъ, на небесѣхъ, у самого Христа Бога нашего... И иные мнози слуги ихъ вѣрные избіены, не токмо мужи и юноши благородные, но и жены и дѣвицы свѣтлыхъ родовъ и благородныхъ шляхетскихъ.

Потомъ убіенъ славный и между князаты Русскими Михаилъ Воротынскій и Никита князя Одоевскій, сродный его, со младенчики дѣтками своими — единъ аки седми лѣтъ, а другій мнѣйшій, и со женою его: всероднѣ погублено ихъ,

*

глаголють; его же была сестра, предреченная Евдокія святая, за братомъ царевымъ, Владиміромъ. А что же сему лавина была князати Воротынскому? Негли тая точію: егда, по сожженію великаго славнаго мѣста Московскаго, много-народнаго, отъ Перекопскаго царя и по спустошенію, умиленномъ и жалостномъ ко слышанію, Русскія земли отъ безбожныхъ варваровъ, аки годъ единъ спустя, той же царь Перекопскій, хотяще уже до конца спустошити землю оную и самого того князя великаго выгнати изъ царства его, и поиде яко левъ кровоядецъ, рыкая, розиня лютую пащеку на пожреніе христіанъ, со всѣми силами своими бусурманскими: услышавъ же сіе, наше чудо забѣжалъ предъ нимъ сто и двадцать миль съ Москвы, ажъ въ Новгородѣ великій; а того Михаила Воротынскаго поставилъ съ войскомъ, яко могучи, земли оныя спустошенныя и окаянныя бронити повелѣлъ. Онъ же, яко мужъ крѣпкій и мужественный, въ полкоустроеніяхъ зѣло искусный, съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ битву великую сведе; не далъ ему распростертися, а ни на мнѣ воевати убогихъ христіанъ; но біашеся крѣпцѣ зѣло съ нимъ, и глаголють, сколько дней брань она пребывала. И поможе Богъ христіаномъ, благоумнаго мужа полкоустроеніемъ, и падоша отъ воинства христіанскаго бусурманскіе полки, и самого царя сынове два; глаголють, убіени, а единъ живъ изыманъ на той битвѣ; царь же самъ едва въ орду утече, а хоругвей великихъ бусурманскихъ и шатровъ своихъ отбѣжалъ въ нощи. На той же битвѣ и гетмана его славнаго, кровопійцу христіанскаго, Дивія Мурзу изымано жива; и всѣхъ тѣхъ, яко гетмана и сына царева, такъ и хоругвь царскую и шатры его, послалъ.

Что же воздалъ за сію ему службу? Послушай, молю, прилежно прегорчайшія тоя и жалостныя ко слышанію трагедіи. Аки лѣто едино потомъ спустя, онаго побѣдоносца и оборонителя своего и всея Русскія земли изымати и связанна привести и предъ собою поставити повелѣ; и обрѣвши единого

раба его, окрадшаго того господина своего (а мню, наученъ отъ него: бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ, и велія отчины подъ собою имѣли; а koliko тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ; имъ же онъ зазрѣчи, того ради губилъ ихъ) и рече ему: „Се! на тя свидѣтельствуеть „слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси „на меня бабъ шепчущихъ.“ Онъ же, яко княжа отъ младости своя святой, отвѣщаль: „Не научихся, о царю! и не „навыкохъ отъ прародителей своихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити; но Бога единого хвалити, въ Троицѣ слави- „маго, и тебѣ, цареви, государю своему, служити вѣрнѣ. А „сей клеветникъ, мой есть рабъ, и утече отъ меня, окравши „мя: не подобаетъ ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ „таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, „лжеклеветущаго на мя.“

Онъ же абіе повелѣ, связанна положи на древо между двѣма огни, жещи мужа, въ роду паче же въ разумѣ и въ дѣлѣхъ, наисвѣтлѣйшаго; и притекша глаголють самого, яко начальнаго ката съ катомъ, мучившимъ побѣдоносца, и подгребающа угліе горящіе жезломъ своимъ проклятымъ подъ тѣло его святое. Такожде и предреченнаго Одоевскаго Никиту мучити различнѣ повелѣлъ, ово срачицу его пронзикнувши въ перси его, тамо и овамо торгати: той же въ такихъ абіе мученіяхъ скончался. Онаго жъ преодоулѣтеля славнаго, смученна и изженна огнемъ неповиннѣ, наполю мертва и едва дышуща въ темницу на Бѣлое озеро повезти повелѣлъ; и отвезенъ аки три мили съ того прелютаго пути на путь прохладный и радостный небеснаго восхожденія: ко Христу своему отъиде..

О мужу наилѣпшій и наикрѣпчайшій, и многого разума исполненный! велія и преславная суть память твоя блаженная! Аще негли недостаточна во оной, глаголю, варварской землѣ, въ томъ нашемъ неблагодарномъ отечествѣ; но здѣ и вездѣ, мню въ чуждыхъ странахъ паче, нежели тамо, преславнѣйшая, не токмо въ христіанскихъ предѣлѣхъ, но и у

главныхъ бусурмановъ, сирѣчь у Турковъ: понеже немало отъ Турецкаго войска на той-то предреченной битвѣ тогда была, наипачеже отъ Магмета Баши великаго двора мнози была на помощь послани Перекопскому цареву, и за твоимъ благоразуміемъ всѣ исчезоша и не возвратился, глаголютъ, ни единъ въ Константинополь.... И что глаголю о твоей славѣ, на землѣ сущей! Но и на небеси, у ангельскаго царя, преславна была память твоя, яко сущаго мученика и побѣдоносца; яко за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея, оброряюще христіанскій родъ; наипачеже сподобился еси мзду премногую получить, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы, и сподобился еси со всѣми оными великими мученики вѣнцовъ отъ Христа Бога нашего, во царствіи его, яже за его овцы, супротивъ полку бусурманскому, много отъ младости своей храброствовалъ, ажъ безъ мала до шестидесятаго лѣта!...

Тѣ два сиче близко сродные между себя отъ мучителя закупъ пострадали: бо и тѣ князата Воротынскіе и Одоевскіе отъ роду мученика князя Михаила Черниговскаго, закланнаго ото вѣшняго врага церковнаго, Батя безбожнаго; тако же и сей Михайло, побѣдоносецъ тезоименитый и оному сродникъ, созженъ ото внутренняго дракона церковнаго, губителя христіанскаго, боящагося чаровъ: бо отецъ его Василій со оною предреченною законопреступною женою, юною сущюю, самъ старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему ко плодотворенію, не хотяще бо властеля быти брата его по немъ: бо пмѣлъ брата Юрѣя зѣло мужественнаго и добронравнаго, яко и повелѣлъ, заповѣдающе женѣ своей и окаяннѣмъ совѣтникомъ своимъ, скоро по смерти своей убити его, яко и убіенъ есть. О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуду провожаху ихъ къ нему лехтущихъ

оныхъ и презлыхъ совѣтниковъ сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ, по произволению презлому, а не по естеству отъ Бога вложенному, уродилися ему два сына: единъ таковъ прелютый и кровопійца и погубитель отечества, иже не токмо въ Русской землѣ такого чуда и дива не слыхано, но воистину нигдѣже никогдаже, мною: зане и Перона презлаго превзыде лютостію и различными и неисповѣдимыми сквернами; паче же, не виѣшній, непримирительный врагъ и гонитель церкви Божіей бысть, но внутренній змій ядовитый, жруще и разтерзающе рабовъ Божіихъ; а другій былъ *безъ ума и безъ памяти и безсловесенъ, такожь, аки дивы, якоі родилсѣ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте христіанскіе родове! аже дерзають непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете, въ предреченной неслыханной лютости разсмотрите! Мнози бо, яко слышахомъ многажды, за мало сіе себѣ ваять и смѣющесѣ глаголють: „малъ сей грѣхъ, и удобнѣ покаяніемъ „исправитсѣ“. Азъ же глаголю: не малъ! и воистину превеликъ зѣло, понеже тѣмъ Божію заповѣдь великую во обѣтованію раззоряете: бо Господъ глаголетъ: *да не убоишися никого же, а ни послужиши, сирѣчь: ни у кого же помощи не имаша развѣ меня, а ни на небеси горѣ, а ни на землѣ низу, а ни подѣ безднами; и паки: аще кто отвержеться мене предѣ чловѣки, отвержусѣ и азъ его предѣ отцемъ моимъ небеснымъ. И вы, забывше таковыя страшныя заповѣди Господа нашего, течете къ діаволу, просяще его чрезъ чаровники! А чары, яко всѣмъ есть вѣдомо, безъ отверженія Божія и безъ согласія со діаволомъ, не бывають. Воистину, яко мною, и се неисцѣлимый грѣхъ есть тѣмъ, иже внимають имъ, и ко покаянію неудобенъ: неисцѣльный и того ради, зане за малпй его себѣ мните; неудобенъ же ко покаянію,**

понеже безъ отверженія Іудина, чары и относы и смыванія, прежнія ради купѣли, и стиранія союзы ради святаго помазанія, шептанія же скверныя, лютвенныхъ ради обѣщаній ко Христу на святомъ крещенію, и относы, приношенія ради на святомъ жертвенницѣ у пресвятаго агнца, и безъ согласія, сырѣчь, безъ обѣщанія діаволу и безъ отверженія Христова, яко рѣхомъ, чаровницы сихъ не могутъ дѣйствовать; но всяко діаволомъ, тѣхъ ради всѣхъ, отъ предреченныхъ презлыхъ челоуѣковъ согласниковъ діаволихъ умышлено. Господь Богъ нашъ, премногія ради благодати своея, да избавить всѣхъ правовѣрныхъ отъ таковыхъ! Аще же кто таковымъ не внимаєтъ, тому и бояться не подобаєтъ: понеже яко дымъ отъ знаменія честнаго креста исчезаетъ и отъ простыхъ людей вѣрующихъ во Христа, петокмо отъ искусныхъ христіанъ, доброю совѣстію живущихъ, у которыхъ бывають на сердцахъ скрижалей плотяныхъ написаны заповѣдей Христовыхъ евангельскія слова: о семъ бо и самъ Богъ Слово свидѣтельствуєтъ въ молитвѣ оной, ею же поучалъ ученики свои молитися, при концѣ глаголюще: *яко єсть твое царство и сила и прочее*. Блаженный же Златоустъ ясно толкуєтъ въ бесѣдѣ 19, еже отъ Матвѣя евангеліе: „иже нѣсть царство, а ни сила иная, „а ни бояться кого достоятъ христіаномъ, развѣ единаго „Бога, аще и діаволъ пѣгдѣ на насъ возмogaєтъ мученьми, „сіе Богу попускающу; а онъ безъ воли Божіей, аще и зло- „радный и прелютый и непримирительный врагъ нашъ, не „токмо на насъ челоуѣковъ не возмogaєтъ, ни на свиніяхъ, „ни на воловыхъ стадахъ, ни на другихъ скотѣхъ безъ Бо- „жія воли“. Яково все свидѣтельствуєтся и во евангеліи. А лѣпѣ, прочитаючи, узрите во ономъ священномъ толкованію златаго языка.

Сихъ, еликихъ памятью моглъ объяти, написахъ о княжецкихъ родѣхъ.

ГЛАВА VII.

О УБИЕНІИ БОЯРСКИХЪ И ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

1565—1573.

Казнь: И. Петровича Челядина съ женою, Ив. Шереметева, Семена Яковлевича, Х. Тютина съ женою и дѣтьми, И. Хабарова съ сыномъ, М. Лыкова, Колычевыхъ, В. Разладина, Д. Пушкина, К. Тыртова, А. Шенна, В. Морозова, Л. Салтыкова съ пятью сыновьями, И. Б. и Ѳ. Заболоцкихъ, В. Бутурлина, Н. Воронцова, З. Сабурова, А. Кашкарова съ братомъ, В. и Б. Тетеринныхъ съ дѣтьми, Д. Чулкова, Басмановыхъ, С. Сидорова, Сабуровыхъ-Сарыхозинныхъ, И. Казарипова, М. Морозова съ сыномъ.

О великихъ пановъ родѣхъ, а по ихъ о боярскихъ, аще елико Господь памяти подастъ, покушусь написать. Убилъ мужа, въ роду свѣтла, Іоанна Петровича, уже въ совершенномъ вѣку бывша; и жену его Марію, воистину святую, погубилъ, у нея же прежде, еще во младости своей, единочадпаго, возлюбленнаго сына отъ нѣдръ оторвавши усѣкнулъ, — Іоанна, кпая Дорогобужскаго, съ роду великихъ князей Тверскихъ, его же былъ отецъ отъ Татаръ Казанскихъ на битвѣ убитъ; а тотъ отрочатко остался у сосцу единъ у матери; онажъ во святомъ вдовствѣ своемъ питала его до осмнадцати лѣтъ; о егожъ убіенію мало прежъ воспоминахъ въ кроницѣ пишучи, иже вкупѣ убіени суть съ нарочитымъ юношею стречнымъ братомъ своимъ, съ княземъ Ѳедоромъ Овчининимъ. И такъ на того Іоанна разгнѣвался, иже не токмо слугъ его, шляхетныхъ мужей, всенароднѣ погубилъ и различными муками мучилъ, но и мѣста и села (бо вѣло многи отчины имѣлъ) — все пожегъ, самъ ѣзда съ кромѣшники своими, елико гдѣ обрѣлись, со женами и дѣтками ихъ, ссущими отъ сосцевъ матернихъ, не пощаждѣлъ; наконецъ, глаголютъ, а ни скота единого живити повелѣлъ.

Въ началѣ же мучительства своего, мудраго совѣтника своего Іоанна, глаголю Шереметева, о немъ же многажды въ кроницѣ воспоминахъ, мучилъ такою презлою узкою темни-

цею, острымъ помостомъ приправленною, иже вѣрѣ неподобно, и оковалъ тяжкими веригами по выѣ, по рукамъ и по ногамъ, и къ тому еще и по чресламъ обручъ толстый желѣзный, и къ тому обручу десять пудовъ желѣза привѣсити повелѣлъ, и въ таковой бѣдѣ аки день и ночь мужа мучилъ. Потомъ пришелъ глаголати съ нимъ; ему же, наполи мертву сушу и едва дышущу, въ таковыхъ тяжкихъ оковахъ и на таковомъ остромъ помостѣ лежащу поверженну, началъ между иными вопросы о семъ пытать его: „Гдѣ, рече, мнози скорбы твои? „скажи ми. Вѣмъ бо, яко богатъ еси зѣло: бо не обрѣтохъ „ихъ, ихъ же надѣялся въ сокровищницахъ твоихъ обрѣсти“. Отвѣщаль Іоаннъ: „Цѣлы, рече, сокровенны лежать, идѣже „уже не можешь достати ихъ.“ Онъ же рече: „Скажи ми о „нихъ, аще ли не муки къ мукамъ приложу ти“. Іоаннъ же отвѣща: „Твори, еже хоцещи! Уже бо ми близъ приста- „нище“. Царь же рече: „Повѣждь ми, прошу тя, о скорбѣхъ „твоихъ.“ Іоаннъ отвѣща: „Аще бы и исповѣдалъ ти о нихъ, „яко уже рекохъ, не можешь ихъ одержати: принесохъ бо „ихъ убогихъ руками въ небесное сокровище, — ко Христу „моему“. И другіе отвѣты зѣло премудрые, яко единъ пре- „мудрѣйшій философъ, или учитель великій, отвѣщаль ему тогда. Онъ же, умилился мало, повелѣлъ отъ тѣхъ тяжкихъ узовъ разрѣшити его и отвести въ легчайшую темницу; но обаче того дня повелѣлъ удавити брата его, Никиту, уже въ сиклитскомъ сану почтенна суца, мужа храбраго и на тѣлеси отъ варварскихъ рукъ немало ранъ имуща. Іоаннъ же потомъ, сокрушенну уже тѣлу, насиліемъ колико лѣтъ поживъ при немъ, оставя послѣднее стяжаніе свое, паче же во убогихъ и въ странныхъ, въ духовную лихву и мздовозда- телю Христу Богу вдавъ вся, во единъ отъ монастырей изыде, во святой и монашескій образъ облечеса. И не вѣмъ, аще и тамъ не повелѣлъ ли уморити его.

Потомъ убіенъ отъ него братъ стрячный жены его, Семенъ Яковлевичъ, мужъ благородный и богатый, также и сынъ его: еще во отроческомъ вѣку, удушенъ. Паки убіени

отъ него мужи Греца роду, именемъ Хозяинъ, нареченный Тютинъ, мужъ зѣло богатый, иже былъ у него подскарбіемъ великимъ, и погубленъ всеродно, сирѣчь со женою и съ дѣтьми и со другими южики; такоже и другіе мужи нарочитые и богатые, ихъ же именъ невмѣстно писати, широкости ради: бо о koliko тысящей ихъ не токмо въ мѣстѣ Московскомъ великомъ, но и во другихъ великихъ мѣстахъ и во градѣхъ побито.

Потомъ разграбилъ сикклита своего скарбы великіе, отъ праотецъ его еще собранны, ему же было имя Іоаннъ, по нареченію Хабаровъ, рору старожитнаго, яже нарицалися Добрынскіе. Онъ же мужъ, мало радяще о тѣхъ своихъ сокровищахъ, утѣшашесь Богомъ: понеже былъ мужъ наполю въ книжномъ разумѣ искусенъ. По трехъ же лѣтъхъ убити его повелѣлъ со одиночаднымъ сыномъ, изъ отчины: понеже великія отчины имѣлъ во многихъ повѣтъхъ. Въ тѣхъ же лѣтъхъ убилъ свѣтлаго роду мужа, Миканла Матвѣевича Лыкова, и съ нимъ близняго сродника его, юношу зѣло прекраснаго, въ самомъ наусію, иже посланъ былъ на науку за море, во Ерманію, и тамо навикъ добръ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ, учась, немало лѣтъ, и объѣздилъ всю землю Нѣмецкую, и возвратился былъ къ намъ во отечество, и по коликихъ лѣтъхъ, смерти вкусилъ отъ мучителя неповиннѣ. А той то Матвѣй Лыковъ, отецъ его Михайловъ, блаженныя памяти, созженъ: пострадалъ за отечество тогда, когда возвратишась отъ Стародуба войско Ляцкое и Литовское со гетманъ своими: тогда немало градовъ Сѣверскихъ разориша; Матвѣй же той, видѣвъ, иже не можетъ избавленъ быти градъ его, первѣе выпустилъ жену и дѣтки свои во плѣнъ, потомъ не хотяще самъ видѣти взятѣе града отъ супостатовъ, и тако броняше стѣнъ градскихъ вкупѣ съ народомъ, иже произволилъ созженъ быти съ ними, нежели супостатомъ градъ сдати. Жена же и дѣти его отведены быша, яко плѣнники, до короля стараго Сигизмунда. Король же во истину, яко сущій святой христіанскій, повелѣлъ ихъ питати

не яко плѣнниковъ, но яко своихъ сущихъ, не токмо питати во своихъ царскихъ палатахъ, но и докторомъ своимъ повелѣлъ ихъ научити шляхетскихъ наукъ и языку Римскому. Потомъ по коликихъ лѣтѣхъ, послы Московскіе великіе, Василій Морозовъ и Ѳеодоръ Воронцовъ, въ Краковѣ упростиша ихъ у короля во отечество... глаголю, воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ... идѣже единъ отъ нихъ, Іоаннъ именемъ, изыманъ живъ на битвѣ и уморенъ отъ майстра Лифлянскаго въ прелютой темницѣ: яко достояло мужу ученому, пострадалъ за отечество; а другій, предреченный Михаилъ, былъ остался, и былъ воеводою въ Ругодевѣ: тамъ убиенъ, яко рѣхомъ, отъ онаго мучителя, варварскаго царя. Такъ убо онъ, грубый и прелютый варваръ, не памятуячи отеческихъ и братскихъ служебъ, воздастъ своимъ, свѣтлыми дѣлы украшеннымъ, вѣрнымъ служащимъ ему мужемъ!

Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ: бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ. А побилъ ихъ тое ради вины, иже разгнѣвался зѣло на стряпаихъ, Филиппа архіепископа, обличающа его за презлыя беззаконія, о немъ же вкратцѣ послѣди повѣмъ. И бысть тогда знаменіе не худо отъ Бога явлено надъ единымъ отъ тѣхъ, емужъ имя было Іоаннъ Борисовичъ Колычевъ; чудо же воистину таково, яко слышахъ отъ самовидца, при томъ зрящаго: егда зѣло възъярился, паче же рещи, неистовѣлся отъ непріятельскаго врага человѣческаго, отъ бѣсовскія сожигательницы раздеженъ, яко прежде рекохъ, ѣздя палилъ мѣста и веси и дворы онаго Іоанна Петровича со живущими въ нихъ: тогда обрѣвъ храмину, глаголютъ, зѣло высокоу, по ихъ же обыкновенному слову, нарицають ее повалуша, въ самыхъ верхнихъ каморахъ привязати повелѣлъ крѣпко онаго предреченнаго мужа, и якъ подъ тую-то храмину, тако и подъ

другія, близу тое стоящія, въ нихъ же бѣше полно человѣковъ нагнато и затворенно, нѣколико бочекъ пороховъ повелѣлъ поставити: а самъ сталъ издавеча въ полкоустроєніяхъ, иже подѣ супостатнымъ градомъ, ожидающе, егда взорветъ хранину. Егдаже уже взорвало и разметало, не токмо тую хранину, но и другія близъ стоящія; тогда онъ со всѣми кромѣшники своими, яко воистину бѣснѣйшій съ неистовящимися, со всѣмъ онымъ полкомъ діавольскимъ, всѣ велегласно возопивше, яко па брани супостатовъ, и аки пресвѣтлоє одолѣніє получиша, всѣми уздами конскою скоростію расторганныхъ тѣлесъ христіанскихъ зрѣти поскочиша: бо бѣ множество въ тѣхъ храминахъ, подѣ нихъ же порохи подставлены быша, повязаны и затворены бѣше. Тогда же потомъ, далече на полѣ, обрѣтено того Іоанна, единою рукою привязанна ко великому бревну, на землѣ цѣла сѣдяща, а ничѣмъ же ни мало вредима, прославляюще Господа, творяща чудеса; а тамо былъ, растягнутый, связанъ руками и ногами. Егда же сіє исповѣдано кромѣшникомъ его, тогда единъ безчеловѣчный и прелютый устремился и прибѣже прытко на конѣ первѣе къ нему, и увидѣвъ его здрава и псалмы благодарные Господєви поюща, абіє отсѣче ему саблею главу и принесе ее, аки даръ многоцѣнный, подобному лютостію цареви своему. Онъ же абіє повелѣлъ въ кожаный мѣхъ зашити и послалъ ее ко стрію его, архієпископу предреченному, заточенному въ темницу, глаголюще: „Се сроднаго твоего глава! Не помогли ему „твои чары!“ Тѣхъ же Колычевыхъ околько десять роду; въ нихъ же бѣша нѣцѣи мужіє храбрѣе и нарочитѣе, и нѣкоторыєжь отъ нихъ и сѣклатскимъ саномъ почтенны, а нѣцѣи стратилаты быша;—а погублены суть всероднѣ.

Потомъ убіенъ отъ него мужъ зѣло храбрый и разумный, и къ тому священныхъ писаній послѣдователь, Василій, глаголемый Разладицъ, роду славнаго Іоанна Родіоновича, нареченнаго Квашни. А глаголють, и мать его Θεодосію пострадавшу, отъ мучителя многими мѣками мучиму, вдовицу старую сущую, многолѣтнюю, неповиннѣ терпящу. Только три

сына у ней были, мужи зѣло храбрые: единъ, предреченный Василій, а другій Іоаннъ, третій Никифоръ, убіенный на битвахъ еще въ юношескомъ вѣку отъ Германовъ (но всяко, тогда поражены суть Германи); мужіе зѣло быша храбрые и мужественные, и не токмо тѣлеса благолѣпными, но воистину нравы благими преукрашены быша. Тогда же убіенъ отъ него Дмитрій, по нареченію Пушкинъ, такожь мужъ зѣло разумный и храбрый, и уже въ совершенныхъ лѣтѣхъ; единоплеменикъ же бѣ Челядинымъ.

Потомъ убіенъ отъ него стратилать славный, Крикъ Тыровъ по нареченію, мужъ не токмо храбрый, мужественный и священныхъ писаній послѣдователь, но воистину и въ разумѣ много, къ тому кротокъ и тихъ былъ, зѣло всякими благими нравы преукрашенъ, и обычаями добрыми прелюбезенъ, и къ тому,—что еще наилѣпнѣйшаго и дивнаго,—отъ порожденія матери своей, чистъ и непороченъ; въ воинствѣ христіанскомъ знаменитъ и славимъ, понеже многія рани на тѣлеси имѣлъ, на многихъ битвахъ отъ различныхъ варваровъ; младужъ еще ему сущу, храбрѣ юношествовалъ въ Казанское взятіе, и ока единого пострадалъ, презѣльнаго ради и крѣпкаго мужества... Но и такового мучитель кровопійственный не пощадилъ!

Тогдаже, або мало предъ тѣмъ, убіенъ отъ него мужъ благовѣрный, Андрей, внукъ славнаго и сильнаго рыцаря Дмитрія, глаголемаго Шеина, съ роду Морозовыхъ, аже еще вышли отъ Нѣмецъ, вкупѣ съ Рюрикомъ, прародителемъ Русскихъ княжатъ, семь мужей храбрыхъ и благородныхъ. Той то былъ Михайло Морозовъ единъ отъ нихъ; а и Дмитрій оный вѣнецъ принялъ мученическій отъ Казанскаго царя Магмедъ-Амина, подвизающагося за правовѣріе. Въ тѣ же лѣта убіени отъ него мужіе, тогожь роду Морозовыхъ, сиклитскимъ саномъ почтенные: Владиміръ единому имя было; много лѣтъ темницею отъ него мученъ, а потомъ и погубилъ его; а другому имя было Левъ, по нареченію Салтыковъ, съ четырьмя або съ пятьмя сынами, еще во юношескомъ вѣку цвѣтущими. Нынѣ, послѣди, слышахъ о Петрѣ Морозовѣ, аки

живъ есть; такожь и Лыковы дѣти не всѣ погублены: нѣщцы остались живы, глаголють. Тогда же побіени Игнатій Заболадкій, Богданъ и Ѳеодосій и другіе братія ихъ, стратилаты нарочитые и юноши въ роду благородные; глаголють, иже и со единоплеменными ихъ всероднѣ погублено. И паки побіени Василій и другіе братія его, со единоплеменными своими, Бутурлины глаголемые, мужіе свѣтлые въ родѣхъ своихъ; сродницыжъ баше оному предреченному Іоанну Петровичу.

Паки убіенъ отъ него Іоаннъ Воронцовъ, онаго Ѳеодора сынъ, иже во младости своей еще убилъ отца своего Ѳеодора, со другими оними мужи, ихъ же въ кроницѣ пишучи воспоминахъ. Потомъ убіенъ отъ него мужъ велика роду и храбрый зѣло, со женою и со единочаднымъ сыномъ, еще въ отроческомъ зѣку, аки въ пяти или въ шести лѣтѣхъ младенческихъ; а былъ той человѣкъ роду великихъ Сабуровыхъ, а нареченіе ему было Замятня. Его то отца сестра единоутробная была за отцемъ его Соломонида, преподобная мученица, о ней же первѣе въ книжицѣ сей воспоминахъ.

Побіенижъ отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ: Андрей, глаголемый Кашкаровъ, мужъ славный въ знаменитыхъ своихъ заслугахъ, и братъ его, Азарій именемъ, такожь мужъ разумный и во священныхъ писаніяхъ искусный: съ дѣтками погубленъ и братією ихъ (Василій и Григорій, глаголемые Тетерины); и другихъ стряпчъ и братій ихъ немало всероднѣ погубити повелѣлъ со женами и съ дѣтками ихъ. Такожде и отъ Рязанскія шляхты благородныхъ мужей, задныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ, и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ и воеводителей, вкратцѣ же рещи, пагубниковъ бусурманскихъ, а обронителей крайнѣ христіанскихъ, и ротмистра, нарочитаго въ мужествѣ, Ѳеодора Булгакова съ братіями ихъ и со другими многими единоплеменными, всеродаѣ погублено тогожь лѣта и того единаго дня, въ ново-

ставленномъ градѣ на самомъ Танаисѣ, посланными отъ него прелютыми кромѣшники, у нихъ же былъ воевъ демонскихъ воевода, Ѳеодоръ Басмановъ: самъ же послѣди зарѣзалъ рукою своею отца своего Алексѣя, преславнаго похлѣбника, а по ихъ языку, маньяка и губителя своего и святорусскія земли... О Боже праведный! коль праведенъ еси, Господи! и праведны судьбы Твои! Что братіямъ готовалъ, то вскорѣ и самъ вкусилъ...

Тогдаже и того дня онъ убилъ предреченнаго, славнаго въ добротѣ и пресвѣтлаго князя въ родѣ, Владиміра Курлетева; и тогдаже онъ вкупѣ заклалъ съ нимъ Григорія Степанова сына Сидорова, съ роду великихъ сигклитовъ Рязанскихъ. А той то былъ Степанъ, отецъ его, мужъ славный въ добродѣтеляхъ, и въ богатырскихъ вещахъ искусенъ; служаше много лѣтъ, ажъ до осмидесяти лѣтъ, вѣрнѣ и трудолюбнѣ зѣло имперіи святорусской. Потомъ же, аки седмица едина прейде, нападоша на той же новопоставленный градъ поганы Измаильтескіе со царевичи своими, аки въ десяти тысящахъ: христіанскіе же воины спрошася съ ними крѣпцѣ, бронящеся града и убогихъ христіанъ, при томъ градѣ живущихъ, отъ наглаго нахожденія поганскаго, и въ томъ оброченіи подвижающеся храбрѣ, овни зѣло уранены, овнижъ, до смерти подвизающеся, посѣчени отъ погановъ. И абіе по той битвѣ, аки по трехъ днехъ, предивно и ужасно не токмо ко изреченію, но и ко слышанію случилось тяжко и изумленно нѣчто: абіе внезапно наподоша отъ толь прелютаго звѣря и святорусскія земли губителя, отъ того антихристова сына и стаиника, предреченные кромѣшники его на оставшихъ христіанскихъ воиновъ, которые а ни непщеванни были еще остати отъ закланія ихъ и ото Измаильтеска избіенія; прибѣгшихъ ихъ, глаголютъ, во градъ вопіющихъ, яко бѣснующихся, по домохъ и лыстѣхъ рыщущихъ или обтекающихъ и пытающихъ: „гдѣ есть онъ?“ сирѣчь князь Андрей Мещерскій и князь Никита братъ его, и Григорій Іоанновъ сынъ Сидорова, предреченному стрѣчный. Служижъ ихъ, пока-

зующе имъ тѣлеса мученическія отъ Измаилтянъ новоизбіенныя: онижъ яко неистовые, уповающе еще ихъ живыхъ, вскочиша въ дома ихъ рѣзати съ мучительскими орудіи уготованными; видѣвше же уже ихъ мертвыхъ, абіе поскочиша со постыденіемъ ко звѣрю сеунчевати сіе.

Такожъ случися подобно и брату моему единоплеменному, князати Ярославскому, ему же имя было Андрей, по нареченію Аленкинъ, внукъ предреченнаго князати преславнаго, Θεодора Романовича: ибо случилось ему бронити единого мѣста или града Сѣверскихъ градовъ отъ нахождения наглого супостатовъ, и застрѣленъ бысть изъ праца огненнаго, и умре на завтрее: а по третьемъ днѣ, прискочиша отъ мучителя кромѣшники закласти его, и обрѣтоша уже его мертва, и поскочиша ко звѣрю сеунчевати. Звѣрь же кровоядный и ненасытный, по смерти святаго подвижника, отчину того и все стяжаніе отъ жены и дѣтокъ отнялъ, преселивши ихъ въ дальнюю землю отъ ихъ отечества, и тамо, глаголють, всеродиѣ тоскою погубилъ всѣхъ. Сабуровыхъ же другихъ, глаголемыхъ Долгихъ, и воистину великихъ въ мужествѣ и храбрости, и другихъ, Сарыхозинныхъ, всеродиѣ погубити повелѣлъ. Абіе ведено ихъ, глаголють, закупѣ осмдесятъ душъ съ женами и съ дѣтьми, яко и младенцы, у сосцовъ ссущіе, въ нѣмотующемъ еще вѣку, на матернихъ рукахъ играющеса, ко посѣченію носими.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ, или мало предъ тѣмъ, погубилъ зачнаго землянина, именемъ Никиту, по пареченію Казаринова, и съ сыномъ единокровнымъ Θεодоромъ, въ цвѣтущемъ возрастѣ сущимъ, служащаго много лѣтъ вѣрнѣ имперіи святорусской. А погубилъ его таковымъ образомъ: егда избранныхъ катовъ послалъ изымати его, онъ же, видѣвъ ихъ, уѣхалъ былъ предъ ними во единъ монастырь, на Окѣ рѣкѣ лежащъ, и тамо принялъ на ся великій ангельскій образъ: егдажъ посланные отъ мучителя кромѣшники начаша пытатися о немъ, онъ же, послѣдующе Христу своему, уготовався, сирѣчь принявши святыхъ тайнъ, изыде во срѣтеніе симъ и

рече со дерзновеніемъ: „азъ есмь, сгожъ ищите!“ Они же яша и приведоша его связанна предъ него въ кровопійственный градъ, глаголемый Слободу; звѣрь же словесный, егда узрѣлъ его во ангельскомъ чину, абіе возопилъ, „Онъ, рече, ангелъ: „подобаеть ему на небо възлетѣти.“ И абіе бочку пороху, або двѣ, подъ единъ срубецъ повелѣлъ поставитъ, и привязавши тамо мужа взорвати... Воистину злымъ произволеніемъ согласися со отцемъ своимъ, съ сатаною, неволею правду провѣщаль еси прелукавыми усты! Яко древле Кайяфа, бѣсѣяся на Христа, неволительнѣ пророчествующе, такожь и ты здѣ, окаянный! реклъ еси, ко восхожденію небесному вѣрующимъ во Христа, паче же мученикомъ: понеже Христосъ страстію своею, изліяніемъ наидражайшія крови своей, небо вѣрнымъ отворилъ ко възлетѣнію или восхожденію небесному....

И что излишнѣ глаголю? Аще бы писалъ по родамъ и по именамъ ихъ, ихъ же памятую добрѣ, мужей оныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ благородныхъ въ родѣхъ, и въ книгу пишучи, не вмѣстилъ бы. А что реку о тѣхъ, ихъ же памятью, немощи ради человѣческія, не объяхъ и забвеніе уже погрузило? Но имена ихъ въ книгахъ животныхъ лучше есть приснопамятны; а ни намнѣйшія ихъ страданія незабвенни предъ Богомъ, мздовоздаятелемъ благимъ и сердцевидцемъ, тайныхъ всѣхъ испытателемъ.

По тѣхъ же всѣхъ, уже предреченныхъ, убіенъ отъ негожь мужъ въ родѣ славный, его же былъ сиклितъ избранныя рады, Михайлъ Морозовъ съ сыномъ Іоанномъ, аки въ осминадесяти лѣтѣхъ съ младенцемъ, и со другимъ юнѣйшимъ, ему же имя забыхъ, и со женою его Евдокією, яже была дщерь князя Дмитрія Вѣльскаго, ближняго сродника Ягайла короля. И воистину, глаголють ее во святомъ жительствѣ пребывающую, якоже послѣди и мученическимъ вѣнцемъ съ мужемъ своимъ и со возлюбленными своими вкупѣ украсилася: понеже вкупѣ пострадала отъ мучителя.

ГЛАВА VIII.

О СТРАДАНІИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВЪ.

Добродѣтели св. Филиппа, митрополита Московскаго. Упреки Іоанну. Навѣты. Соборъ судить Филиппа; предаеть мучителямъ; заключаетъ въ темницу. Чудеса. Филиппъ заточенъ въ Отрочъ монастырь. Мѣнїе современниковъ о смерти его. Извѣстіе о св. Германѣ. Смерть архіепископа Новгородскаго Пимена. Казни въ Новѣгородѣ. Убіеніе Корнилія игумена Печерскаго и Вассіана Муромова. Уставъ опричниковъ. Житіе преподобнаго архимавдрита Теодорита. Благочестивыя странствованія его. Клевета и страданія. Путешествіе въ Царьградъ. Милость Іоанна и гнѣвъ за ходатайство его о Курбскомъ.

Не не безбѣдно же ми, мню, умолчати о священномученикахъ, отъ него пострадавшихъ; но достойтъ, яко возможно-вкратцѣ претещи, оставляюще паче тамо живущимъ, свѣдомшимъ и ближайшимъ, паче же мудрѣйшимъ и разумнѣйшимъ. Въ недостаѣхъ же или въ погрѣшенныхъ, молимся простити: рекше моего недостатка грубство наполнити, и елико достойтъ исправленію отъ насъ написанныхъ о страдальцахъ, исправить и мученическіе подвиги преукрасити и облагодѣпити, нежели отъ насъ въ гоненію крыющихся въ дальнихъ земляхъ сущихъ.

По умертвіи митрополита Московскаго Аѳанасія, или по изшествію его волею отъ престола, возведенъ бысть Филиппъ, Соловецкаго острова игумень, на архіепископскій престолъ Русскія митрополіи, мужъ, яко рѣхомъ, славна и велика рода, и отъ младости своея вольною мнишескою нищетою и священнолѣпнымъ жительствомъ украшенъ, въ разумѣжъ крѣпокъ и мужественнѣйшъ. Егда же епископомъ поставленъ, тогда епископскими дѣлы начать украшатися, паче же апостольски по Бозѣ ревновати. Видѣвъ онаго царя, не по Бозѣ ходяща, всяческими кровьми христіанскими невинными обливаема, всякія неподобныя и скверныя дѣла исполняюща, началъ первѣе *молити благовременнъ*, яко апостолъ великій рече, и *безвременнъ налсжати*; потомъ претяти страшнымъ судомъ

*

Христовымъ, заклинающе, по данной ему отъ Бога епископской власти, и глаголати не стыдяся о свидѣніяхъ Господнихъ такъ прегордому и прелютому, безчеловѣчному царю. Онъ же многу съ нимъ брань воздвиге и на потвари презлые и сикованцы абіе устремился. О неслыханныя вещи, ко изглаголанію тяжки! Посылаетъ по всей святорусской землѣ ласкателей своихъ скверныхъ, тамо и овамо рыщуще и обтичюще, аки волцы разтерзатели отъ прелютѣйшаго звѣря посланные, ищуще и набывающе на святаго епископа изметныхъ вещей; лжесвидѣтелей же многими дарами и великихъ властей обѣщаньи, гдѣ бы обрѣсти могли, тамо и овамо обзирюще, со прилежаніемъ изыскуютъ.

О бѣды превеликія! о неслыханныя и претягчайшія дерзости бѣсовскія! о замышленія человѣческія, безстудіемъ діаволимъ поджигаеми! Кто слыхалъ гдѣ епископа отъ мірскихъ судима и испытуема? яко пишетъ Григорій Богословъ въ словѣ о похвалѣ Аѳанасія Великаго, нарекающе на соборъ безбожныхъ Агарянъ: „иже, рече, посаждаху мірскихъ людей и привождяху предъ тѣхъ на испытаніе епископовъ и „пресвитеровъ, имъ же а ни края уха не достойно таковыхъ „послушати“, и прочее. Гдѣ законы священныя? гдѣ правила седьмостолпныя? гдѣ уложенія и уставы апостольскіе? Всѣ поправны и наруганы отъ пресквернѣйшаго кровоядца звѣря и отъ безумнѣйшихъ челоукоугодниковъ его, пагубниковъ отечества!

Чтожъ по сихъ начинается? На святителя держающе, не посылаетъ до патріарха Константинопольскаго, подъ егожъ судомъ Русскіе митрополиты: аще бы были оклеветаны отъ кого въ чемъ, нигдѣже индѣ, точію предъ нимъ достойны о себѣ отвѣтъ дати; а ни испрашаетъ отъ престола патріаршескаго ексарха на испытаніе епископское. И воистину, бѣсясь на святаго архіепископа, негли забылъ еси повѣсть свѣжую или не зѣло давнюю, устнами твоими часто произносивую, о святомъ Петрѣ сущую, Русскомъ митрополитѣ, на приключуюся ему лжеклевету отъ Тверскаго епископа прегордаго?

Тогда услышавше сіе, вси велицы книжата Русскіе не дерзнули разсмотрѣти между епископовъ, или судити священниковъ: бо абіе послали ко патріарху Константинопольскому о ексарха, да разсмотритъ или разсудитъ о семъ, яко пространнѣйше пишетъ въ лѣтописной книзѣ Русской о семъ. Або тебѣ не образъ сіе былъ, о звѣрю кровопійственный! аще ли еси христіанинъ хотѣлъ быти?...

Но собираетъ на святителя скверныя свои соборища іереевъ Вельзевулиныхъ и проклятое сонмище согласниковъ Кайяфиныхъ, и мируетъ съ ними, яко Иродъ со Пилатомъ, и приходятъ вкупѣ со звѣремъ въ великую церковь, и садятся на мѣстѣ святѣ.... мерзость запустѣнія!... со главою окруженія ихъ и со трудомъ устенъ ихъ, и повелѣвають... о! смрадящія и проклятыя власти!... привести предъ ся епископа преподобнаго, во священныхъ одеждахъ оболченна, и поставляютъ лжеклеветателей, мужей скверныхъ, предателей своего спасенія... о! коль тяжело и умиленно ко изреченію!... и абіе обдираютъ святительскія одежды съ него, и катомъ отдаютъ въ руки святаго мужа, отъ младости въ добродѣтеляхъ провозсіавшаго, и нага влекутъ изъ церкви, и посаждаютъ на вола... о! паки окаянный и скверный!... и бичуютъ лютѣ, нещадно, тѣло, многими лѣты удрученное отъ поста, водяще по позорищамъ града и мѣста. Овъ же, боритель храбрый, всякія терпяще, яко не имущій тѣла, хвалами и пѣснями, въ таковыхъ мученіяхъ, Бога благодаряше, безчисленныхъ же народовъ, плачущихъ горцѣ и рыдающихъ, священномученическою дѣсницею своею благословяше.

Согласующій же во всемъ злостію прелютный звѣрь прелютнѣйшему древнему дракону, губителю рода человѣческаго, еще не насытился крови священномученика, а ни удовольился неслыханнымъ отъ вѣковъ безчестіемъ онимъ надъ преподобнымъ епископомъ: къ тому повелѣваетъ его по рукамъ и ногамъ и по чресламъ претягчайшими веригами оковати, и воверещи въ узкую и мрачную темницу мужа смученнаго, престарѣвшагося, въ трудѣхъ многѣхъ удрученнаго и немощнаго

уже тѣла суща, и темницу оную повелѣлъ твердыми заклепы и замки заключити, и согласниковъ своихъ въ злости къ темницѣ стражей приставилъ. Потомъ, аки день или два спустя, совѣтниковъ своихъ нѣякихъ посылаетъ къ темницѣ видѣти, аще уже умеръ. И глаголютъ ихъ нѣцѣи вшедшихъ въ темницу, аки бы обрѣли епископа отъ тѣхъ тяжкихъ оковъ избавленна, на псалмопѣніяхъ божественныхъ воздѣвша руки стояща, а оковы всѣ кромѣ лежаша. Видѣвшежъ сіе, посланные сигклитове плачуще, рыдающе и припадающе х' колѣномъ его; возвратившижесь скоро къ жестокой и непокоривой оной прегордой власти, пачеже ко прелютому и ненасытному кровоядцу оному звѣрю, вся по ряду ему возвѣщая. Егожъ абіе возопивша, глаголютъ: „Чары, рече, чары онъ „сотворилъ! непріятель мой и измѣнникъ!“ Тѣхъ же совѣтниковъ видѣвше умилившись о семъ, начать имъ претити и грозити различными муками и смертями; потомъ медвѣдя лютаго, заморивши голодомъ, повелѣлъ ко епископу оному въ темницу пустити и затворити, (сіе воистину слышалъ отъ достовѣрнаго самовидца, на то зрящаго): потомъ на утріе самъ приде и повелѣлъ отомкнути темницу, уповающе съѣденна быти отъ звѣря епископа, и паки обрѣтоша его, благодати ради Божія, цѣла, а ни мало чѣмъ врежденна, тако же, яко и прежде, на молитвѣ стояща; звѣряжъ въ кротость овчюю предложившася, во единомъ углѣ темничномъ лежаша. Оле чудо! Звѣріе, естествомъ люты бывше, чрезъ естество въ кротость прелагаются; человѣцыжъ, по естеству отъ Бога кротцы сотворенны, отъ кротости въ лютость и безчеловѣчіе сомоуластно измѣняются! Егожъ глаголютъ абіе отходяща, глаголюща: „Чары, рече, творить епископъ!“ Воистину нѣкогда тожъ и мучители древніе о творящихъ чудеса мученицѣхъ глаголали.

Потомъ, глаголютъ, епископа отъ мучителя заведенна во единъ монастырь, глаголемый Отрочъ, во Тверской землѣ лежащій, и тамъ глаголютъ его нѣцѣи, пребыша мало не годъ цѣлый, и аки бы посылалъ до него и просилъ благословенія

его, такожь и о возвращеніи на престолъ его; онъ же, яко слышахомъ, отвѣщалъ ему: „Аще, рече, общаешься покая-
„тися о своихъ грѣсѣхъ и отгнати отъ себя оный полкъ са-
„танинскій, собранный тобою на пагубу христіанскую, сирѣчь
„кромѣшниковъ, або опришниковъ нарицаемыхъ: азъ, рече,
„благословлю тя и прощу, и на престолъ мой, послушавъ тя,
„возвращуся. Аще ли же ни, да будеши проклятъ въ семь
„вѣцѣ и въ будущемъ и съ кромѣшники твоими кровоядными,
„и со всѣми согласующими тебѣ во злостяхъ!“ И овши гла-
голють его въ томъ монастырѣ удушенна быти, за новелѣ-
ніемъ его, отъ единого прелютаго и безчеловѣчнаго кромѣш-
ника; а друзіи повѣдаютъ, аки бы во ономъ любимомъ его
граду, глаголемомъ Слободѣ, еже кровьюми христіанскими ис-
полненъ, сожженъ бысть на горящемъ углѣю. Аще лижъ сиче,
или сиче: всяко священномученическимъ отъ Христа вѣнцемъ
вѣнчанъ, его же измлада возлюбилъ, за негожь и на ста-
рость пострадалъ. По убіеніи же митрополита, не токмо мно-
гихъ клириковъ, но и нехиротонисанныхъ мужей благород-
ныхъ окольоко сотъ помучено различными муками и погублено:
бо тамъ есть, въ той землѣ обычай: на церковной землѣ
мнози мужіе благородныя свѣтлыхъ родовъ имѣнія-мають, во
время мирное архіепископомъ служатъ, а егда брань нале-
жить отъ супостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску хри-
стіанскомъ бывають которые нехиротонисанны.

И прежде, даже оному Филиппу на митрополию еще не
возведенну, умоленъ былъ отъ князя великаго епископъ Ка-
занскій, именемъ Германъ, да будетъ архіепископомъ Русскія
митрополіи: онъ же аще и много возбраняшеся отъ тое вещи,
такъ отъ него, яко и соборнѣ принужденъ къ сему. И уже
аки двадцати въ палатахъ церковныхъ на митрополичьи
дворѣ бывша его, глаголють, но обаче еще восприещающася
отъ оныя тяготы великаго пресвитерства, наипаче же подъ
таковымъ лютымъ и неразумнымъ царемъ быти въ томъ сану
не хотяще: и вдаль съ нимъ, глаголють, въ бесѣдованіе,
тихими и кроткими словесы его наказующе, воспоминающе

ему оный страшный судъ Божій и истязаніе нелицепріятное
каждаго человѣка о дѣлѣхъ, такъ царей, яко и простыхъ.
По бесѣдованіи же ономъ, отойде царь отъ него во свои па-
латы, и абіе совѣтъ той духовный любимымъ своимъ ласка-
телемъ изъявилъ: уже бо слеташася къ нему отовсюду, вмѣсто
оня добрыя избранныя рады, не токмо павѣтники презлые и
паразиты прелукавые и блазни, но и татіе, воистину, и раз-
бойницы и всякихъ сквернъ нечистыхъ исполненные чело-
вѣцы. Они же, боящися, аще бы епископа послушалъ со-
вѣта, абіе бы паки были отогнани отъ лица его и исчезли
въ свои пропасти и норы, егда услышавше сіе отъ царя,
(отвѣщали яко едиными усты: „Боже, рече, сохрани тебя отъ
„такого совѣта! Паки ли хочещи, о царю! быти въ неволѣ
„у того епископа еще горшей, нежели у Алексѣя и у Сели-
„вестра былъ еси предъ тѣмъ много лѣтъ?“ И моляша его
со слезами, къ колѣномъ его припадающе, паче же единъ отъ
нихъ, глаголемый Алексѣй Басмановъ, съ сыномъ своимъ. Онъ
же, послушавъ ихъ, абіе епископа съ палатъ церковныхъ из-
гнати повелѣлъ, глаголюще: „Еще, рече, и на митрополию не
„возведенъ еси, а уже мя неволею обязуешь!...“ И по дву
днехъ обрѣтенъ во дворѣ своемъ мертвъ епископъ онъ Казан-
скій: овы глаголютъ удушѣнна его тайнѣ, за повелѣніемъ его,
овыжъ ядомъ смертоноснымъ уморенна. А былъ той Германъ
свѣтла рода человѣкъ, яже Полевы нарицаются та шляхта по
отчинѣ; и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума
многого, и мужъ чистаго и воистину святаго жительства, и
священныхъ писаній послѣдователь, и ревнитель по Бозѣ, и
въ трудѣхъ духовныхъ много; къ тому и Максима философа
мало нѣчто отчасти ученія причастенъ былъ; аще же и отъ
Осифлянскихъ мниховъ чety произыде, но отнюдь обычая лу-
каваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но
человѣкъ простой, истинный и непоколебимъ въ разумѣ, и
великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятимъ,
такоежъ и къ убогимъ милостивъ зѣло.

Потомъ убилъ архіепископа великаго Новаграда, Пимена. Той-то былъ Пимень чистаго и зѣло жестокаго жительства, но въ дивныхъ былъ обычаяхъ: бо глаголють его похлѣбовати мучителю, и гонитель былъ вкупѣ на Филиппа митрополита, а мало послѣди, и самъ смертную чашу испилъ отъ него: бо прѣхавъ самъ въ Новгородъ великій, въ рѣцѣ его утопити повелѣлъ. И тогдажъ таковое гоненіе воздвигъ во ономъ мѣстѣ великомъ, иже, глаголють, одинаго дня посѣщи, и потопити, и пожещи, и другими различными муками помучити больше пятнадцати тысящъ мужей единыхъ, кромѣ женъ и дѣтей, повелѣлъ. Въ томъ же тогда прелютомъ пожарѣ убіенъ отъ него Андрей, глаголемый Тулуновъ, съ роду княжатъ Стародубскихъ, мужъ кротокъ и благонравенъ, въ довольныхъ лѣтѣхъ былъ; и другій мужъ Цыплетевъ, нареченный Неудача, съ роду княжатъ Бѣлозерскихъ, со женою и со дѣтками погубленъ, такожъ былъ благонравенъ и искусенъ и богатъ зѣло; а были тѣ даны на послуженіе великія церкви Софіи, сирѣчь Премудрости Божіей; и другіе съ ними благородные шляхетные мужи и юноши различнѣ помучени и побіени. И слышахомъ, иже великія, проклятыя, кровавыя богатства тогда пріобрѣлъ: бо въ томъ великомъ старожительномъ мѣстѣ, въ Новѣградѣ, родъ живетъ куплелюбенъ: бо мають отъ самаго мѣста портъ къ морю; сего ради и богати зѣло бываютъ; подобно, яко мнѣ, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ. Потомъ поставлена другаго архіепископа въ того мѣсто, мужа, яко слышахомъ, нарочита и кротка; но аки по дву лѣтѣхъ, и того повелѣлъ убити со двѣма опаты, сирѣчь игумены великими, або архимандриты. Къ томужъ въ то время множество презвитеровъ и мниховъ различнѣ помучено и погублено.

Тогдажъ убіенъ отъ него Корнилій, игумень, Печерскаго монастыря начальникъ, мужъ святой и во преподобію многъ и славенъ: бо отъ младости своей во мнишескихъ трудѣхъ провозсіалъ, и монастырь онъ предреченный воздвигъ со многими труды и молитвами къ Богу, идѣже и безчисленныя чудеса прежде истекали, благодатію Христа Бога нашего и пре-

чистыя его Матери молитвами, поколь было имѣній ко монастырю тому не взято, и нестяжательно мниси пребывали; егдажъ мниси стяжанія почали любити, паче же недвижимыя вещи, сирѣчь села и веси; тогда угасоша божественныя чудеса. И тогда вкупѣ убиенъ съ нимъ другій мнихъ, ученикъ того Корнилія, Васьянъ именемъ, по нареченію Муромцовъ: мужъ былъ ученый и искусный и во священныхъ писаніяхъ послѣдователь. И глаголють, ихъ вкупѣ во единъ день орудіемъ мучительскимъ нѣкакимъ раздавленныхъ: вкупѣ и тѣлеса ихъ преподобно-мученическія погребены. Потомъ мѣсто великое Иванаграда, еже близу моря стоитъ на рѣцѣ Нарвѣ, выграбивъ все, сожещи повелѣлъ. Такожъ и во Псковѣ великомъ и во иныхъ многихъ градѣхъ многія безчисленныя бѣды, и щещы, и кровопролитія тогда быша, ихъ же порядку исписати невозможно. А всѣмъ тѣмъ служители быша ласкатели его, со онымъ прелютымъ варваровъ полкомъ, нарицаемыхъ кромѣшниковъ, яко и предъ тѣмъ уже многажды о нихъ рѣхомъ: вмѣсто нарочитыхъ, доброю совѣстію украшенныхъ мужей, собралъ себѣ со всяя тамошнія Русскія земли человѣковъ скверныхъ и всякими злостями исполненныхъ, и къ тому еще объязалъ ихъ клятвами страшными, и принудилъ окаянныхъ не знатись не токмо со други и братіями, а ни съ самыми родителями, но точію во всемъ ему угождати и скверное его и кровоядное повелѣніе исполнати и на таковыхъ и паче тѣхъ прелютыхъ, ко крестному цѣлованію принуждаше окаянныхъ и безумныхъ...

О вселукаваго супостата человѣческаго умышленія! о неслыханныя презлости и бѣды, паче всѣхъ преступленій человѣковъ въ пропасть порѣвующе! Кто слыхалъ отъ вѣка такого, иже Христовымъ знаменіемъ клянущеся на томъ, да Христосъ гонимъ будетъ и мучимъ? и на томъ крестное знаменіе цѣловати, да церковь Христова растерзается различными муками? и клятись клятвами страшными на томъ, да любовь естественная, отъ Сотворителя нашего въ насъ всажденная, къ родителемъ и ближнимъ и другомъ, расторгнется? Здѣ ми зри

бѣды неслыханныя! Здѣ заслѣпленіе человѣковъ оныхъ! Яко діаволъ навелъ ихъ хитролестнѣ Христа отрещись! Первѣе, прельстилъ царя, потомъ уже вкупѣ со царемъ тѣхъ окаянныхъ въ якую пропасть опровергль и навелъ отъ оныхъ обѣтовъ, яже бывають самому Христу на святомъ крещенью, отоврещись сице: еже Христовымъ именемъ клянущись, евангельскихъ заповѣдей отрицатись! А что глаголю евангельскихъ и естественныхъ: яко рѣхъ, которые въ поганскихъ языцѣхъ соблюдаемы и сохраняемы, и сохранитись будутъ и соблюдатьсь, по впоенному въ насъ прирожденію отъ Бога. Во евангеліи учать враговъ любить и гонящихъ благословляти и прочее; естественныя внутри всѣхъ человѣковъ безъ гласа вопіють и безъ языка учать къ родителемъ покореніе, а ко сроднымъ и другомъ любовь имѣти: а діаволъ съ клеветомъ своимъ полкъ кромѣшниковъ сопротивъ всѣхъ тѣхъ вооружилъ, и клятвами очаровалъ; и воистину чары, всѣхъ чаровъ проклятые и сквернѣйшіе, надъ человѣческимъ бѣднымъ родомъ стались отъ чаровъ зачатого царя. Господь заповѣдуетъ не пріимати имени своего туне, а ни малѣйшими отнюдь клятвами обязатись свободному естеству сущему, сирѣчь а ни небомъ, ни землею, ни главою своею, и прочими не клятись: а тѣ предреченные кромѣшники, аки забывши, отрекши всѣхъ тѣхъ, сопротивныя пострадала.

Но что дивитесь, здѣ живущіе издавна подъ свободами христіанскихъ кролей, аки вѣрѣ не подобны бѣды наши, оныя предреченныя, мняще! Воистину, паче вѣрѣ не подобны бы обрѣлися, аще бы всѣ по ряду исписалъ. А сіе писалъ, къ сокращенію трагедіи тоя жалостныя зряще: понеже и такъ едва отъ великія жалости сердце ми не расторглося.

Въ тѣхъ же лѣтѣхъ мужа погубилъ славнаго во преподобіи, и воистину святаго и премудраго, архимандрита саномъ, Θεодорита именемъ, о немъ же и о жительствѣ его священномъ вкратцѣ достойтъ воспоминаuti. Былъ онъ мужъ родомъ отъ мѣста Ростова славнаго, отнюдужъ и святой Сергій провозрасте и изшелъ тотъ Θεодоритъ, въ третьенадесять лѣто

возрасту своего, отъ дому родителей своихъ, и поиде ажъ на Соловецкій островъ въ монастырь, иже лежитъ на Ледовомъ морѣ, и тамъ пребылъ аки лѣто едино; въ четвертоежь-надесять лѣто возраста своего, принялъ на ся монашескій образъ и вдался во святое послушаніе, яко есть обычай монахомъ юнымъ, единому презвитеру святу и премудру и многолѣтну сущу, Зосимѣ именемъ, тезоименитому ученику самого святаго Зосимы Соловецкаго. И послуживъ ему въ послушаніи духовномъ неотступно пятнадцать лѣтъ; тамъ же навывче всякой духовной премудрости, и възде ко преподобію по степенемъ добродѣтелей; потомъ хиротонисанъ былъ отъ архіепископа Новгородскаго діаконъ, и потомъ пребывше аки лѣто едино у старца своего, изыде изъ того монастыря, за благословеніемъ его, на созерцаніе ко славному и великому мужу, чудотворцу сущу, Александру Свирскому, и пребывъ у него яко чистый у чистаго и непорочный у непорочнаго; онъ же принялъ его со провидѣніемъ, внѣ монастыря, во срѣтеніе его изшедше: ибо никогдаже знаеше его, а ни слышавъ о немъ, рече ему: „Сынъ Авраамъ, прииде къ намъ, Θεодоритъ діаконъ!“ И зѣло любяше его, поколь поживе въ монастырѣ ономъ; потомъ отъ Александра иде ажъ за Волгу рѣку, въ тамо сущіе великіе монастыри, ищуще храбрыхъ воиновъ Христовыхъ, иже воюють сопротивъ началъ властей темныхъ, міродержцевъ вѣка сего; и обходивъ всѣ тѣ обители, вселился въ Кирилловъ великій монастырь: понеже обрѣлъ тамъ духовныхъ мниховъ, Сергія, глаголемаго Климина, и другихъ святыхъ мужей; и тамо пребывъ аки два лѣта, ревнующи ихъ жестокому и святому жителству, умучая и покоряя плоть свою въ поработеніе и въ послушаніе духа, и оттуды изыде въ пустыни тамошнія и обрѣте тамо божественнаго Порфирія, исповѣдника и первомученика, бывша уже игумена Сергіевы обители, много страдавша мученьми и тяжкими оковами отъ князя великаго, отца того. А что тому страданію святаго Порфирія за вина была, достоинъ вкратцѣ вспомнянути.

Былъ той Порфирій привлеченъ отъ пустыни насиліемъ, за повелѣніемъ князя великаго Московскаго Василя, на игуменство Сергіева монастыря, и случилась вещь въ то время такова: сродника своего ближняго той то прелютый князь Василій (яко обычай есть Московскимъ княземъ издавна желати братій своихъ крови и губити ихъ, убогихъ ради и окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего), изымалъ тогда брата своего, во крови ближняго, князя Сѣверскаго Василя, нареченнаго Шемятича, мужа славнаго и зѣло храбраго и искуснаго въ богатырскихъ вещахъ, и поистинѣ рещи, пагубу бусурмановъ, яже не токмо отчину свою Сѣверу отъ частаго нахожденія безбожныхъ Измаилтянъ оборонялъ, поражающе ихъ многожды зѣло часто, но и на дикое поле подъ самую орду Перекопскую ходяще многожды, и тамо пресвѣтлыя одолѣнія надъ ординскими цари поставляюще. Се толь преславнаго мужа, во истину побѣдоносца, той то князь Василій предреченный, отъ чародѣйцы Греческія рожденъ, заточилъ въ темницу и тяжкими оковами вскорѣ уморити повелѣлъ.

Въ то время случилось ему во онѣй Сергіевъ монастырь пріѣхати, на свято великаго пянтикостія, яко тамъ есть обычай Московскимъ княземъ на каждое лѣто того праздника въ томъ монастырѣ торжествовати, аки бы то духовнѣ. Святый же игумень Порфирій, яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ, началъ просити его и молити о предреченномъ Шемятичѣ, да свободитъ брата отъ темницы и отъ такъ тяжкихъ оковъ. Мучитель же началъ, дышающе аки огнемъ, претити ему; старецъ же тихо отвѣщаваше и моляше: „Аще, „рече, пріѣхалъ еси ко храму безначальныя Троицы, отъ трисіяннаго Божества милости грѣховъ своихъ просити, самъ „буди милосердъ надъ гонимыми отъ тебя безъ правды; аще „ли яко глаголеши, срамотяще насъ, аки бы повинны были „тебѣ и согрѣшили предъ тобою: остави имъ долги малыхъ „динарій, по Христову словеси, якоже и самъ отъ него же „лаешь прощенія многихъ талантовъ“. Мучитель же абіе изгнати его изъ монастыря повелѣлъ, о немъ же молилъ его,

удавити вскорѣ. Старець же, абіе съ радостію совлекшеся со одеждъ игуменскихъ и отряси прахъ отъ ногъ своихъ, во свидѣтельство Божіе на него, и пріявши свои пустынные одежды худы и раздранныя, пѣшъ, ажъ во оную пустыню потече, отъ младости ему возжелѣнную. Мучитель же, не преставаая потомъ на святаго яростію неистоватися, за оклеветаніемъ нѣкоторыхъ любостяжательныхъ и вселукавыхъ монаховъ, сущихъ человѣкоугодниковъ прескверныхъ, паки святаго мужа изъ такъ дальныя пустыни, ажъ до Москвы, привлеци повелѣлъ и катомъ предавши, различными муками мучити.

Азъ же, бѣды его и мученія всѣ оставя, вкратцѣ едино воспомяну, къ концу исторіи тоя поспѣшающи, еже дивнаго сего мужа равноапостольское незлобіе въ память ми приходитъ. Егдажъ уже тогда святой зѣло былъ муками удрученъ, едва живъ отданъ подъ стражу Пашку нѣкому, по ихъ истопнику или отдвернику, иже мучителю былъ вѣрный катъ или спекуляторъ надъ палачи; егожъ оковалъ онъ веригами тяжкими и къ тому змученнаго мужа голодомъ удручиша, угождаючи и вѣренъ показующися мучителю, хотящему вскорѣ смерть навести: Христосъ же, нашъ царь премилосердый, не оставляше раба своего въ бѣдахъ, женою онаго спекулятора посѣщающе, яже къ нему немалое человѣколюбіе показывала, тайнѣ питаше и раны исцѣляваше, и по немалыхъ днехъ сохранила его на единомъ мѣстѣ, хотяще его отъ узъ свободити, яко да избѣгнути возможеть отъ мучительскихъ рукъ юзникъ Христовъ. И пришедша тогда глаголють мужа ея, и спросилъ жены своей о узнику, порученомъ ему подъ стражу отъ мучителя; она же отвѣчала: „избѣгнулъ, рече, вчера еще, и не вѣмъ о немъ.“ Мужъ же ея, убоявся князя прелютаго, иже поручилъ ему подъ стражу, извлече ножъ и хотяще самъ себя абіе заклати; святой же изъ сокровеннаго мѣста, яко Павелъ апостоль древле стражу темничному, велегласно возопилъ: „Не убивай себя, о господине Павле! (такъ бо оному спекулятору имя было). Здѣ бо „есмь цѣлъ, и твори со мною, еже хочешь!“ Егдаже прииде

сія повѣсть къ мучителю во уши, и устыдѣвся преподобно-мученика, разрѣшивше отъ узъ, и отпустить его повелѣ. Святый же паки съ радостію, яко Христовъ побѣдоносецъ, раны мученическія, яко язвы Христовы, вмѣсто цвѣтовъ прекрасныхъ, на тѣлеси святѣмъ носяще, паки въ пустыню свою отойде, и тамо водворилъ, по пророку Давыду, глаголющему: *удаляясь отъ мірскихъ мятелей, ждущи Бога спасающаго его.* Яко рѣхъ, оставя другія страданія его тамо живущимъ о житіи его и о преставленіи писати, а мы, яко здѣ странніи и пришельцы, ко предреченной краткой повѣсти о преподобномъ Θεодоритѣ возвратимся.

И въ той же пустынѣ жившу ему съ Порфиріемъ, обрѣлъ Артемія, премудраго Іоасафа, глаголемаго Бѣлобаева, и другихъ немало пустынниковъ, мужей святыхъ, нѣкоторыхъ и престарѣвшихъ уже во днѣхъ; и тамъ съ ними во трудѣхъ духовныхъ подвизающесе вкупѣ, пожиле аки четыре лѣта. Тогда же старецъ его, провидѣвъ свое отшествіе къ Богу, шлетъ къ нему эпистолю, просяще, да возвратится къ нему; онъ же съ радостію, яко елень, потече пѣшъ, шествуя такъ должайшій путь, вяще нежели отъ триста миль, по великимъ и непроходимымъ пустынямъ. И пріиде болѣзненными ногами съ таковымъ тѣпаніемъ и съ охотою: ни во что же вмѣняше многихъ трудовъ и жестокаго и долгаго пути сопротивъ умышленному усердному желанію; и возвращается, творя послушаніе, яко Тимоѳей къ Павлу, и объемлетъ многолѣтнаго святаго старца, лобызающе и цѣлююще пречестнѣйшія сѣдины пресвитерскія, и пребываетъ при немъ, служаще ему въ немощахъ и въ недугѣхъ его, ажъ до смерти старца, аки лѣто едино или мѣсе.

По разлученіюжъ отъ тѣла святыхъ души его, тѣло пресвитера погребають. И вкусилъ и напился онъ сладости пустынныхъ, якожъ глаголетъ премудрый Метафрастъ, пишучи исторію о святомъ Николаѣ: „понеже пустыня покой и ума „почиваніе, наилучшая родительница и воспитательница, кле- „вретъ и тишина мысли, и Божественнаго зрѣнія плодovitый

„корень, истинная содружебница съ Богомъ сопряженія духовнаго.“ А сего ради, разжегся желаніемъ пустыннаго безмолвнаго жительства, отходитъ въ далечайшую пустыню, въ языкъ глубокихъ варваровъ, Лопарей дикихъ, плывуще великою Колою рѣкою, яже впадаетъ своимъ устьемъ въ Ледовитое море, и тамо исходитъ изъ кораблеца и восходитъ на горы высокія, ихъ же наречетъ святое писаніе *ребра Стверовы*, и вселяется въ тѣхъ лѣсѣхъ пустынныхъ, непроходимыхъ; по коликихъ же мѣсяцѣхъ, обрѣтаетъ тамо единого старца, пустытника (памятамяся, Митрофанъ бѣ имя ему), пришедшаго во оную пустыню предъ нимъ аки за пять лѣтъ, и пребываютъ вкупѣ въ прегорчайшей пустынѣ, Богомъ храними, питающесь отъ жестокихъ зелій и кореній, ихъ же тамо производитъ пустыня она. И пребывъ тамо со онимъ предреченнымъ старцемъ аки двадесять лѣтъ, во святомъ и непорочномъ жителствѣ, потомъ оба возвращаются во вселенную и приходятъ до великаго мѣста Новаграда, и поставляется отъ Макарія архіепископа Θεодоритъ презвитеромъ; потомъ бываетъ и самому архіепископу духовникомъ, и приводитъ тамо немало свѣтлыхъ и богатыхъ гражданъ къ пути спасенному, и не бывше епископомъ, воистину свѣтлаго епископа дѣло исправляетъ. И вкратцѣ рещи: цѣлитъ недужныхъ, очищаетъ прокаженныхъ, не тѣлеса, но души, возвращаетъ заблужденныхъ, подьемлюще на рамена и приводяще ко Христу, первому пастырю, уловивше воистину отъ сѣтей діавольскихъ, и источивъ покаяніемъ, усвоетъ и приводитъ чистыхъ къ церкви Бога живаго.

Паки по дву лѣтѣхъ потомъ, приѣмлетъ отъ богатыхъ нѣкоторыхъ немало сребра въ возложеніе Господеву, и возвращается ко оной пустынѣ, уже съ нѣкоторыми другими, и тамо на устію предреченныя Колы рѣки, созидаетъ монастырь и въ немъ поставляетъ церковь, во имя пребезначальныя Троицы. Собираетъ тамъ чреду мнишескую, и правило имъ священное уставляетъ, заповѣдающе имъ обще и отнюдь нестяжательно жителствовати, сирѣчь безымѣнно, своими ру-

ками пишу набывающе, яко рече великій апостолъ: *аще кто не ѡтласть, да не ясть*; и паки: *руцѣ мои послужиха ми и сущимъ со мною*. Потомъ приходящихъ къ нему оныхъ глубокихъ варваровъ наказуетъ помалу и нудитъ на вѣру Христову: понеже искусенъ уже былъ языку ихъ; произволившихъ же нѣкоторыхъ оглашаетъ къ пути спасенному и потомъ просвѣщаетъ святымъ крещеніемъ, яко самъ онъ повѣдалъ ми, иже той языкъ Лопскій, который просвѣтлся святымъ крещеніемъ, люди зѣло просты и кротцы и отнюдь всякаго лукавства неискусны, ко спасенному жъ пути тщаливы и охочи зѣло, яко послѣди множество отъ нихъ мнишеское житіе возлюбили, за благодатію Христа нашего и за того священными ученіи: понеже науча ихъ писанію, и молитвы нѣкоторыя превелъ имъ отъ Славенска въ ихъ языкъ.

Потомъ же по лѣтѣхъ немалѣхъ, егда распространяшесь въ томъ языкѣ проповѣдь евангельская, изъявлены бысть чудеса и знаменія нѣкоторыя, яко глаголетъ божественный Павелъ: *знаменіе, рече, не вѣрующимъ, но безвѣрниковъ ради*. Тогда наученныхъ отъ него и оглашенныхъ Лопянъ единого дня крестивашь яко двѣ тысячи со женами и дѣтьми. Сие онъ блаженный, апостоломъ подобный мужъ, исправилъ во глубокихъ варварѣхъ, за благодатію Христовою, труды своими!

Чтожъ по сихъ начинается? Не терпитъ древній супостатъ человѣческаго рода, очима завистными зряще, благочестіе возрастаемо: разсѣдашеся ненавистію,—и чтожъ творить? Подумаетъ на него новособранныхъ монастыря мниховъ, шепчуще невидимо во уши и глаголюще имъ въ сердце: „Тяжекъ, рече, вамъ и неподъемлемъ! И никтоже можетъ отъ чловѣковъ претерпѣти уставомъ, вамъ преданнымъ отъ него: како можете безъ имѣній жити, своими руками хлѣба добывающе?“ Понеже другую заповѣдь отецъ былъ Феодоритъ предаль имъ изъ уставу Соловецкихъ Зосимы и Савватія: „къ тому не токмо женъ намъ, а ни скота единого отнюдь женскаго полу не имѣти тамо!“ Сего ради сложившеся со діаволомъ, мниси оныя взнеистовишася: имають старца святаго и бьють нещадно,

и не токмо изъ монастыря извлекають, но и отъ страны тоя изгоняють, аки врага нѣкогого. Онъ же поиде отъ тѣхъ пустынь по неволѣ во вселенную, и бываетъ игуменомъ во единомъ маломъ монастырѣ, въ Новгородской землѣ лежащемъ, и тамо аки два лѣта пребылъ. Потомъ возвѣстилъ о немъ Артемій премудрый цареви: ибо тогда былъ игуменомъ великимъ Сергіева монастыря; царь же абіе призываетъ къ себѣ его, и поставляется отъ архіепископа архимандритомъ Евфиміеву монастырю, иже близу великаго мѣста, Суздаля лежить. Тамъ оное достоинство того великаго монастыря управляетъ лѣтъ четыре, або пять. Понеже и тамъ обрѣлъ зѣло необузданныхъ мниховъ и своевольно, не по уставамъ и святымъ правиломъ, живущихъ, ихъ же уздаетъ и возтязаетъ страхомъ Божиимъ, наказующи по великому Васильеву уставу жителствовать; къ тому не токмо мниховъ, но и самого епископа Суздальскаго, за сребролюбіе и піанство, напоминаетъ и обличаетъ: понеже былъ мужъ не токмо въ разумѣ и премудрости многъ, но и отъ рожденія своего чистъ и непороченъ; къ тому и трезвость по вся дни живота своего храняше. И сихъ ради, яко глаголетъ Златоустый, сопротивляся правдѣ неправда, милосердію лютость, воздержанію невоздержаніе, трезвости піанство, и прочее; того ради ненавидяше его яко мниси, такъ епископъ градскій.

Въ тѣхъ же тогда лѣтѣхъ возрастоша плевелы между чистою пшеницею спасенія ради, отъ піанства многого пастырей напихъ, сирѣчь отроды ересей Люторскихъ: явившася лясфима (хулы) на церковные догматы; митрополить же Русскій, за повелѣніемъ царевымъ, повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотяще изтязати ихъ о расколѣхъ ихъ, нмижъ церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго Московскаго, паче же отъ пустынь Завольскихъ: бо и тамо прозябоша оная руганія. И началось было сіе дѣло исперва добрѣ, но въ конецъ злый проиде, сего ради: иже восторгающе плевелы, исторгали съ ними и чистую пшеницу, по Господню словеси; къ тому и тѣхъ раскольни-

ковъ, иже были достойни исправленію пастырскому, сотвориша надъ ними немилосердіе и прелютное мученіе сице, яко мало напреді нами слово изъяснить.

Егда видѣвше любостыжательные, всякаго лукавства исполненные мнихи приводимыхъ отъ Завольскихъ предреченныхъ пустынь и отъинуды раскольниковъ; тогда оклеветаютъ преподобнаго и премудраго Артемія, бывшаго игумена Сергіева монастыря (уже бо онъ отшелъ въ пустыню, и царя не послушавъ, отъ того великаго монастыря, многаго ради мятежу и любостыжательныхъ, издавна законопреступныхъ мниховъ), аки бы онъ причастенъ и согласникъ былъ въ нѣкоторыхъ Люторскихъ расколахъ; такожъ и на другихъ мниховъ, по великаго Василя уставу живущихъ нестыжательно, неповиннѣ лжеклеветуютъ. Тогда абіе царь нашъ и съ преуродивыми епископы, отнюдь неискусными, увѣрилъ имъ и собралъ соборище, отовсюду совлече духовнаго чину тамошнихъ, и повелѣлъ привести изъ пустыни, оковавши, преподобнаго мужа Артемія, тако честнаго и премудрости исполненнаго, не поставя очевидца, а ни на судѣ еще бывша, и другаго старца нарочита, въ жителствѣ нестыжательномъ провозсіявша и писаніямъ священнымъ искуснаго, Савву именемъ, по нареченію Шахъ. Егдаже собрано соборище оно и поставлены и изызаны раскольницы о руганію ихъ на церковные догматы; тогда между ими Артемія изызано и вопрошено; онъ же, яко неповинный, со всякою кротостію отвѣщаваше о своемъ правовѣрію; лжеклеветниковъ же, паче же реку сикованцовъ, вопрошено о доводѣ: онижъ подали свидѣтелей мужей скверныхъ и презлыхъ. Старецъ же Артемій отвѣщалъ, иже не суть достойны свидѣтельствovati; они же паки подали Θεодорита Соловецкаго, архимандрита суща Суздальскаго, и другаго старца славнаго во преподобію Іоасафа Бѣлобаева, аки бы тѣ слыхали хульныя словеса отъ Артемія. Егдаже тѣ нарочитые мужіе на свидѣтельство поставлены, тогда обличили навѣтника главнаго, Нектарія, мниха, ложнѣ клеветущаго, Артеміяжъ оправдаша, яко отнюдь неповиннаго, паче же во всякомъ преподобію про-

*

возсіявшаго. Тогда епископъ Суздальскій онѣй, пьяный и сребролюбный, по ненависти первой, глагола: „Ѳеодорить, рече, давный согласникъ и товарищъ Артеміевъ; негли и самъ „еретикъ есть: понеже съ нимъ во единой пустынѣ немало „лѣтъ пребылъ.“ Царь же нашъ, напамятуючи, иже Артемій зѣло похваляетъ Ѳеодорита предъ нимъ, абіе увѣрилъ, яко пьяный пьяному и вредоумный вредоумному: понеже къ тому и ненависть на него имѣлъ, иже не послушалъ его и не хотѣлъ больше быти на игуменствѣ въ монастырѣ Сергіевѣ. Нѣцѣи же епископы оправдаше его, вѣдуще его быти мужа нарочита. Тогда же царь съ митрополитомъ своимъ, угоджающе ему во всемъ, и со другими, яко рѣхъ, неискусными и пьяными епископы, вмѣсто исправленія и духа кротости, яко оныхъ раскольниковъ не наказуютъ любезно, но со всякою яростію и лютостію звѣрскою, въ заточеніе въ дальніе грады, въ узкія и темныя темницы отсылаютъ окованныхъ; такожде и преподобнаго, оковавши веригами желѣзными, бьютъ неповиннаго святаго мужа, и отсылаютъ ажъ на Соловецкій островъ, въ вѣчное заточеніе, на смерть; и того предреченнаго мниха Савву такожь въ заточеніе на смерть отсылаютъ къ Ростовскому владыцѣ Никандру, въ піянствѣ погруженному. И запроводивши Артемія на Соловки, вмещутъ зѣло въ узкую келью, не повелѣвающе ему дати ни малаго утѣшенія отнюдь: гоняше бо на того епископы богатые и міролюбивые, такъ и оныя всѣлукавые и любостяжательные мниси, анже бы не токмо не былъ въ Русской землѣ онъ мужъ, но иже бы и имя его не именовалось. А то сего ради: прежде бо его царь зѣло любяше и многажды бесѣдоваше, поучаясь отъ него; онижь бояшеся, да не паки въ любовь ко царю придетъ и укажетъ цареви, иже яко епископы, такъ и мниси съ начальники своими законопреступно и любостяжательно, не по правиламъ апостольскимъ и святыхъ отецъ живутъ; сего ради вся сія творяху, держающе и исполняюще такъ презлыя дѣла свои на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступленіе: понеже тогда и другихъ неповинныхъ мужей помучиша различ-

ными муками, навчающе на Артемія клеветать; иже добровольнѣ не возмогоша навести ихъ, негли мукъ не претерпѣвши, нѣчто произнесутъ. Таковъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, пачежъ въ оной землѣ презлый и любостязательный лукавства исполненъ мнишескій родъ! Воистину всякихъ катовъ горщи: понеже къ лютости вселукавъ зѣло. Но къ предреченной повѣсти о Теодоритѣ возвратимся.

Тогдажъ онъ, блаженный, мужъ неповиннѣ пострадалъ отъ лжеслывателей, наипаче же отъ того-то епископа Суздальскаго, піянаго и сребролюбиваго, иже клеветаше вкупѣ нанъ со мнихи монастыря Евфимьева, яко имуще нанъ ненависти, предреченныя ради вины. Но аще и многія замыкаяху нанъ сикованцію, но не можаху ни единого приткнути, но обаче, яко они вселукавые мниси искусны тому, въ неволю отослаша его въ монастырь Кирилловъ, въ немъ же той епископъ Суздальскій прежде игуменомъ былъ, да тамъ ученицы его отомстятъ ему прежнюю ненависть епископа. Онъ же егда тамъ завезенъ былъ, и видяще его тамъ живущіе мниси, нарочитые и доброжительные мужіе, яже не суть вѣдомы о лукавомъ совѣтѣ и о презломъ дѣлѣ ихъ, вседушнѣ рады ему бывше: видяще бо его мужа издавна во преподобію и святынѣ многа; и о семъ паче лукавые мниси завистію расѣдаемы были, видѣвъ мужа отъ наилѣпшихъ и святыхъ мнихомъ почитаема, и вяще прилагаху ему руганіе и безчестіе. И пребылъ святой у нихъ аки полтора лѣта, въ таковыхъ бѣдахъ претерпѣвающе.

Потомъ пишетъ къ намъ, сыновомъ своимъ духовнымъ, изъясляючи намъ отъ тѣхъ вселукавыхъ мниховъ нестерпимую скорбь свою; мыжъ, колико насъ собравшеся, ситклитскимъ саномъ почтенныхъ, приходимъ съ тѣмъ къ архіепископу Макарію, сказующе ему сіе по ряду. Онъ же, услышавъ и устыдѣвся яко нашего сана, такъ и мужа святости, (понеже и ему былъ онъ духовникъ), и даетъ скоро эпистоли свои во онъ монастырь, повелѣвающе отпустить мужа и жителъствовати ему свободнѣ, идѣже хоцетъ; онъ же, изъ

Кириллова изшедъ, вселися въ мѣстѣ въ Ярославлѣ, въ монастырѣ великомъ, идѣже лежитъ во своемъ мѣстѣ князь Ѳеодоръ Ростиславичъ Смоленскій, и тамо пребылъ аки лѣто едино или два.

И призываетъ его царь къ себѣ, яко мужа искуснаго и мудраго, посылаючи его посломъ ко патріарху Константинопольскому, просяще благословенія о коронаціи и о такомъ благословеніи и о вѣнчаніи, имъ же и яковымъ чиномъ цесари Римскіе сущіе христіанскіе отъ папы и отъ патріарховъ вѣнчаемы были; онъ же, повелѣнія царева послушавъ, уже во старости и въ немощномъ тѣлѣ, обаче поиде съ радостію на такое посольство. И ходилъ тамо и сѣмо вяще, нежели годъ, многи на пути бѣды и труды подъялъ, таможе и огненнымъ недугомъ въ Константинополю аки два мѣсяца объять былъ; но и ото всѣхъ сихъ благодатію Божіею избавленъ, возвратився здоровъ и принесе со благословеніемъ соборнымъ посланіе отъ патріарха ко царскаго сана возведенію великому князю нашему; а потомъ и книгу вскорѣ царскаго величества всю патріархъ прислалъ къ нему со своими послы до Москвы, съ митрополитомъ единымъ и со мнихомъ презвитеромъ Противпсаломъ, иже нынѣ митрополитомъ Адрианопольскимъ есть. Но и къ тому глаголютъ: святому мужу оному самъ патріархъ удивлялся, яко прислухался реченія и бесѣдованія его премудраго, такъ и жительства его умѣреннаго и священнолѣпнаго.

Князь же великій, обрадовавшеся патріаршескаго посланія благословенію, даритъ Ѳеодорита тремястами серебрянники великими и кожухомъ драгихъ соболей подъ аксамитомъ, и къ тому якою властію духовною, аще бы онъ хотѣлъ; онъ же, мало усмѣхнувся: „Вся, рече, азъ, царю! повелѣнія твоего „послушахъ и исполнихъ, еже заповѣдалъ ми еси, не вѣмъ „ни мало во старости моей трудовъ о семъ; но довольство „ми и се за мздовоздаініе, иже отъ апостольскаго намѣстника, великаго архіепископа, сирѣчь патріарха вселенска, „благословеніе пріяхъ. А яко даровъ, такъ и власти не по-

„требую отъ твоего величества: даруй ихъ тѣмъ, иже просятъ отъ тебя и потребуютъ; азъ яко сребренники, такъ и драгоценными одеждами не обыкохъ наслаждаться, а ни ими украшати: паче же отрекохся всѣхъ таковыхъ въ началѣ постриженія власовъ моихъ; но доброту душевную, благодати духа внутрь украшати тщуся. Но точію сего прошу, да съ покоемъ и со безмолвіемъ въ кельѣ до исшествія моего да пребуду!“ Царь же нача молити его, да не обезчеститъ сану царскаго и да возьметъ сіе; онъ же, повинувся мало, взявъ отъ трехъ сотъ сребренникъ точію двадцать и пять, и поклонився по обычаю, и изыде отъ лица царева. Царь же повелѣ и кожухъ оный послати за нимъ и положить во хранилище, идѣже онъ обиталъ тогда; Θεодоритъ же кожухъ той продавъ, яко и пенязи нищимъ абіе разда; потомъ полюби жити въ монастырѣ, иже близу великаго града Вологды, егожъ создалъ святыи Димитрій Прилуцкій. А то мѣсто Вологда отъ Москвы лежитъ сто миль, на пути ѣдучи ко Ледовому морю на порту.

И забывши ненависть оныхъ нечеловѣколюбныхъ мниховъ, съ Вологды, такъ дальній путь, не лѣннися посѣщати ихъ въ монастырю, отъ него созданномъ, ажъ до дикія Лопи два кратъ ѣздяше при мнѣ, отъ Вологды до Колмогоръ рѣками плавающе, о двѣсти миль, а отъ Колмогоръ Двиною рѣкою великою до моря, а моремъ до Печенги другія двѣсти миль, яже нарицается Мурманская земля, идѣже живетъ Лопскій языкъ, таможе и Кола, рѣка великая, въ море впадаетъ, на ея же устьѣ монастырь оный созданъ отъ него. Воистину сіе удивленія достойно: въ такой старости и такіе неудобные и жестокие пути претерпѣлъ, лѣтомъ плавающе ему по морю, зимою же на пруткошественныхъ еленяхъ ѣздяще по непроходнымъ пустынямъ, посѣщающе дѣтей своихъ духовныхъ, яко мниховъ оныхъ, такъ и Лопяновъ, наученныхъ и крещенныхъ отъ него, пекущихся о спасенію душъ ихъ, въ невѣрныхъ сѣюще проповѣдь евангельскую и размножающе благочестіе, врученный ему отъ Христа Бога талантъ, во

языцѣ ономъ глубокихъ и грубыхъ варваровъ, не щадяще ни старости и немощнаго тѣла, сокрушеннаго многими лѣты и великими труды. Здѣ ми зри, полувѣрне! лицемѣрный христіанине! умягченный, раздроченный различными наслажденіями! яко храбри еще обрѣтаются старцы въ православной христіанской землѣ, во правовѣрныхъ догматѣхъ воспитанные: чѣмъ престарѣются и изнемогутъ тѣломъ, тѣмъ храбрше ревность по благочестію полагаютъ и острозрительнѣйшіе и пріятнѣйшіе ко Богу бываютъ.

А яковое было бы о томъ предреченномъ святомъ Θεодоритѣ удивленіе, аще бы вся по ряду исписалъ добродѣтельныя его дѣла и предивныя, ихъ же азъ единъ елико могу памятати! Что возглаголю о томъ, яковыя онъ имѣлъ дарованія отъ Бога, сирѣчь дары духа: силы исцѣленія, даръ пророчествія, даръ мудрости, яко грѣшники уловляти отъ презлыхъ дѣлъ діаволихъ и наводити на путь покаянія и приводити отъ нечестія и многолѣтнаго древняго невѣрія въ вѣру Христову поганскіе народы? А что бы реклъ и яко бы изглаголалъ о восхищенію его въ самыя обители небесныя, и о видѣніяхъ его неизреченныхъ, ими же Богъ посѣтилъ его? понеже еще въ тѣлеси тлѣнномъ суще, безтѣлесными и невестественными почтенъ достоинствы и аероплавательными хожденіи. А яковую той мужъ тахость и кротость многую имѣлъ, и яковыя наказанія премудрыя, и въ гощеніяхъ предивныя и наисладчайшія бесѣдованія и пользовательныя апостоло-подобныя вѣщанія, егда случалось ему бесѣдовати къ сыновомъ духовнымъ, ихъ же нѣкогда и азъ недостойный многожды причастенъ былъ тѣхъ священныхъ ученій! Еще къ тому немало ко удивленію: яко умѣлъ онъ и искусенъ былъ цѣлить согнившія и остарѣвшія неисцѣльныя раны, сирѣчь презлыя дѣла въ человѣцѣхъ обыкновенныя многими лѣты! Яко премудрыя глаголютъ, иже многолѣтныя обыкновенія, отъ младости утвердившіяся во человѣческихъ душахъ, во естество обращаются, и неплохо или неудобъ заглажаемы бываютъ: таковыя онъ умѣлъ ветхія гнусности и нечистыя

злости расторгати и искореняти отъ душъ человѣческихъ, и нечистыхъ и скверныхъ сущихъ очищати и просвѣщати, и ко Господу усвояти многимъ покаянiемъ и слезами, и самымъ діаволомъ запрещати силою святаго Духа, по данной ему отъ Бога власти презвитерской, да къ тому ни наступитъ, а ни дерзнетъ паки и осквернить покаявшихся душъ человѣческихъ. Сіе воистину не токмо отъ достовѣрныхъ мужей слышахъ, но и очима видѣхъ и надъ самимъ собою искусивъ бывшее и приключившееся мнѣ благодѣяніе многое отъ его святини: понеже исповѣдникъ мнѣ былъ и премногу зѣло любовь ко мнѣ имѣлъ; такожъ и азъ къ нему многогрѣшный по силѣ моей любовію и службою простирался.... О мужу наилѣпшій и наикрѣпчайшій! мнѣ превозлюбленнѣйшій и пре-наисладчайшій! отче мой и родителю духовный! коль ми люто и скорбно отъ зрѣнія наичестнѣйшихъ сѣдинъ твоихъ разлученну бывшу!

Чтожъ таковый превосходный мужъ получилъ во отечествѣ своемъ неблагодарномъ, отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя? То: нѣцы глаголють, аки бы воспоминалъ нѣчто о мнѣ ему; онъ же, глаголють, восклеталъ яко дивій вепрь, и воскрешалъ неистово зубами своими, и абіе повелѣлъ такового святаго мужа въ рѣцѣ утопити. И сїце прїялъ мученичества вѣнецъ и получилъ второе крещеніе, его же и Господъ нашъ Іисусъ Христосъ по крещенію Іоанновѣ возжелѣлъ, яко самъ рече: „Коль, рече, желаю чашу сію пїти и „крещеніемъ симъ креститись!“ А нѣцы глаголють о скончанію его, приходящія ото оныя земли, аки бы тихою и спокойною смертію о Господѣ почилъ онъ святыи мужъ. Азъ же истиннѣ не могъ достаточнѣе вывѣдаться о смерти его, аще и со прилежаніемъ о томъ вывѣдахся; яко слышахъ отъ нѣкоторыхъ, тако и написахъ, въ странствѣ будучи, и долгимъ разстояніемъ отлученный и туне отогнанный отъ оныя земли любимаго отечества моего.

А еже всѣхъ по ряду не написахъ о немъ: яко выше рекохъ, ово ко краткости исторіи зряще, ово здѣ живущихъ

грубыхъ и въ духовныхъ отнюдь неискусныхъ, къ тому и маловѣрныхъ ради челоуѣковъ; и аще Богъ поможетъ, и обрѣщемъ нѣкоторыхъ духовныхъ мужей, желающихъ сего, тогда мало нѣчто воспомянемъ о предивныхъ видѣнїяхъ его и о пророчествїяхъ и о чудесѣхъ нѣкоторыхъ, яко духовные духовнымъ на пользу повѣдающе. „Тѣлесные бо, яко рече „апостоль, не приѣмлютъ еже отъ духа: понеже не вмѣщаютъ, „затворяюще волею утробы свои, и глупство видится имъ, „еже о духовныхъ глаголемое: понеже въ тѣлесныхъ вещахъ „со прилежанїемъ обращаются, а о духовныхъ не радятъ; „паче же а ни разумѣти хотятъ“.

ГЛАВА IX.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравненїе Іоанна съ другими мучителями и новыхъ мучениковъ съ древними.

И нынѣ, скончавающе исторїю новоизбѣенныхъ мучениковъ, да похвалимъ по силѣ нашей, елико можемъ. И кто бы, умъ здравъ имѣюще, возбранялъ ихъ похвалити? Развѣ бы кто гнусаго, и лѣниваго, и лютаго, и неистоваго ума былъ. Речеть кто негли: „мученики царей нечестивыхъ, и идоломъ „не послужили, и предъ лютыми мучители единаго Бога „исповѣдали, и сего ради различныя муки претерпѣли и „смерти строгїя подъяли, радующеся, за Христа Бога“. Сїе воистину и азъ вѣмъ; но и тѣ новоизбѣенные отъ лютаго и безчелоуѣчнаго царя: аще онъ Богу мнится и вѣровати и служити въ Троицѣ славиму, и крещенїемъ просвѣщенъ былъ; но Бога единаго и діаволи вѣдять, въ Троицѣ же славимаго и икономахи и другїе мучители исповѣдали, но такоужъ и тѣ множество мучениковъ и исповѣдниковъ предълютыми мучеными помучили за Христа: бо былъ крещенъ и Фока мучитель и цесаремъ Римскимъ и Грецкимъ; но обаче, безчело-

вѣчія его ради, мучитель нареченъ есть. Азъ же реку нѣчто поистинѣ дерзостивѣйше: положилъ бы нѣкто два драконы ядовитыхъ и видѣлъ ихъ одинаго внѣ, а другаго внутрь: которагожъ бы удобнѣе было устрещися, внѣшняго или внутренняго? Ктобы прѣлъ, иже внѣшняго! Тако царіе быша прежніе мучители нечестивые идолослужители, болваномъ глухимъ и нѣмымъ жертву приносяше и бояшесь тѣхъ боговъ новыхъ, ихъ же не подобаше боятися, по реченному: *убояшесь страха, идѣже не бѣ страха*, и быша оны церкви Христовы явственныя и внѣшнія непріатели. Но новый нашъ, на внѣшній, но воистину внутренній драконъ, не болваномъ служить повелѣлъ, а ни жертвы приносить имъ; но первѣе самъ самого діавола волю исполнилъ, возненавидѣлъ узкій и прискорбный путь, покаяніемъ ко спасенію приводящъ, и потекъ съ радостію по широкому и пространному пути, водящему въ погибель, яко и самимъ намъ многаяжды слышавшимъ ото устъ его: егда уже былъ развратился, тогда во слухъ всѣмъ глаголалъ: „едино, рече, предъ себя взяти, или здѣшнее или тамошнее!“ сирѣчь или Христовъ прискорбный путь, или сатанинъ широкій.

О безумный и окаянный! забылъ еси прежде себя царей царствовавшихъ, и въ новомъ и въ ветхомъ завітѣ, паче же прародителей твоихъ, князатъ Русскихъ святыхъ, ходящихъ по Христову узкому пути, сирѣчь мѣрнѣ и воздержнѣ живущихъ; но обаче царствующихъ блаженнѣ, яко и ты самъ въ покаянію былъ немало лѣтъ и добрѣ царствовалъ. А нынѣ, егда развратился еси и прельстился отъ ласкателей; тогда таковыя словеса отрыгнулъ еси, избравши себѣ пространный антихристовъ путь, и отринувъ отъ себя всѣхъ предобрыхъ и разумныхъ мужей, и собравши войско діаволе, сирѣчь похлѣбниковъ, и отовсюду злодѣевъ, во всѣмъ согласующихъ злостемъ твоимъ, нарицающесь церковникомъ, погналъ церковь Божию... и яко погналъ! и коль страшно и прелютю! пже рещи и выписать не возможно! (Яко напереді мало рѣхомъ, но обаче мало нѣчто и отчасти о томъ гоненію въ пред-

реченныхъ изъявлено). Не нудилъ жертвы приносить болваномъ, но діаволомъ вкупѣ съ собою согласовати повелѣвалъ, трезвыхъ во піянствѣ погружаться нудилъ, отъ негоже всѣ злыя возрастають; не Крону жрети и дѣти закалати, но отрекшись естества, сирѣчь отца и матери и братій, рѣзати человѣковъ по составомъ повелѣлъ, яко и Басманова Теодора принудилъ отца убить, и Никиту безумнаго Прозоровскаго—Василія, брата своего, и другихъ многихъ; не предъ Афротидовымъ болваномъ блудотворенія и нечистоты плодити, но на явственнѣйшихъ своихъ скверныхъ пированіяхъ пресквернѣйшіе глаголы со восклицаніемъ и со вопіаніемъ отрыгати; (а что по томъ послѣдовало, дѣлы исполняемая скверности и нечистоты, сіе совѣсти ихъ пуцаю лучше вѣдати); не въ Бахусову звѣзду поставленному болвану піянствующе и безчинствующе, ни праздникъ его во едино время и въ годъ сіе творя; но весь цѣлый вѣкъ свой,—егда возненавидѣлъ воздержательное житіе,—тысящу кратъ горше, нежели оныя поганы, Бахуса почитающе, піянствующе и безчинствующе, крови христіанскія на проклятыхъ пированіяхъ проливающе нехотящихъ согласовати ему въ таковыхъ: яко единъ мужъ храбрый посреди пиру обличилъ его предо всѣми, емужъ было нареченіе Молчанъ Митновъ. Егда нудимъ былъ отъ него предреченными оными великими, діаволу общальными, чашами пити; тогда велегласно возопивша глаголютъ его и рекша: „О царю! „воистину яко самъ піешь, такъ и насъ принуждаешь окаляныхъ, медъ съ кровію смѣшанный братій нашихъ, правовѣрныхъ христіанъ, пити!“ Онъ же, абіе возгорѣвся гвѣвомъ великимъ, кошемъ, еже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяше, абіе рукою своею пробилъ его и внѣ храмины лютымъ кромѣшникомъ повелѣлъ извлечь его, едва дышуща, и добыти. И снѣе исполнилъ помость полаты кровію, посреди проклятаго пиру. Едали и сей мужъ не мученикъ, воистину свѣтлый и знаменитый побѣдоносецъ!

Христіанскій, речешь, царь? И еще православный, отвѣщаю ти: христіановъ губилъ и отъ православныхъ человѣковъ

рожденныхъ и ссущихъ младенцевъ не пощадилъ! Обѣщался, речешь, Христу на крещеніи, отрекшися діавола и всѣхъ дѣлъ и всѣхъ ангелъ его? Реку ти паки: поправши заповѣди Христа своего и отвергшися законоположенія евангельскаго, егда не явственно обѣщался діаволу и ангеломъ его, собравши воинство полковъ діавольскихъ и учинивши надъ ними стратилаты окаянныхъ своихъ ласкателей, и вѣдый волю Царя Небеснаго, произвелъ дѣломъ всю волю сатанинскую, показующе лютость неслышанную, никогда же бывшую въ Русіи, надъ церковью живаго Бога! Не боится, а ни ужасается новыхъ боговъ? Глаголю ти: аще не боится новыхъ, но боится чаровъ, сирѣчь стараго и древняго Веліара, научившися и вѣдуще, иже знаменіемъ честнаго креста всеужасіе попирается и изгоняется. Къ тому, не яко ли у мучителей древнихъ различныя орудія мученій, такожь и у нашего новаго? не сковрады ли и печи? не бичеваніе ли жестокое и ногти острѣе? не клещи ли разженные, торганія ради тѣлесъ человѣческихъ? не иголъ ли за ногти біеніе и рѣзаніе по составомъ? не претренія ли вервми наполи не токмо мужей, но и женъ благородныхъ, и другіе безчисленные и неслышанные роды мукъ, на неповинныхъ произведенные отъ него?... Еще ли не мучитель прелютый!...

Окаянные и вселукавые пагубники отечества, и тѣлесоядцы, и кровопивцы сродникъ своихъ и единоплеменныхъ! поколь маєте безстыдствовати и оправдати такого челоуко-разтерзателя? О преблаженные и достохвальныя святыя мученики, новоизбѣенные отъ внутренняго змія! за добрую совѣсть вашу пострадасте, и мало здѣ претерпѣвши и очистившися прехвальнымъ симъ крещеніемъ, чисти къ пречистѣйшему Христу отойдете мзды трудовъ воспріяти! Едали тѣ много не потрудишася? едали тѣ не добръ пострадаша, не токмо христіанъ убогихъ отъ варваровъ въ землѣ своей обронующе, но и царства кровопивственныя бусурманскія цѣлыя мужествомъ храбрости своея разориша и съ самими цари ихъ безвѣрными, и предѣлы расшириша царства христіанскаго ажъ до Каспій-

скаго моря и окрестъ, и грады тамо христіанскіе поставиша, и святые олтари воздвигоша и многихъ невѣрныхъ къ вѣрѣ приведоша?

И что возглаголю о распространенію границъ на другія страны, служаще цареву своему и общей вещи христіанской вѣрнѣ, и яковую мзду здѣ получиша отъ того лютаго и безчеловѣчнаго царя! Едали Христосъ не воздастъ имъ и не украситъ вѣнцы мученическими таковыхъ, яже обѣщаль и за чашу студеныя воды отдать мзду? А сего ради, воистину, будутъ ѣздити или плавати на облацѣхъ во срѣтеніе Господне въ первомъ воскресенію, яко рече Богословъ въ Апокалипсисѣ: *блаженъ, рече, иже получитъ часть въ первомъ воскресенію*, и Павелъ: *яко бо о Адамъ вси умирають, тако и о Христѣ вси оживутъ; койжедо во своемъ чину: начатокъ Христосъ*, сирѣчь пострадавшихъ: воскресе первый въ нетлѣнномъ тѣлеси, начальникъ воскресенію за него пострадавшихъ; *потомъ Христу вѣровавшіе во притествіе его*, сирѣчь во второе, егда со ангелы явятся, *потомъ кончина*, сирѣчь антихристово убіеніе и общее всѣхъ воскресеніе. „Тогда, рече Со-„ломонъ, станетъ во дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ мучителя“, рекше, очевидѣтъ съ мучившимъ его, або со обидѣвшимъ, тогда, глаголю, и тѣ послѣдніе мученики, со древними страстотерпцы и побѣдоносцы, встрѣтятъ Христа своего, посреди аера отъ превыспреннихъ небесъ грядущаго со всѣми ангелы своими, на избавленіе ихъ: онижъ отъ земли многими и великими полки, яко небопарный Павелъ глаголетъ, восхищены будутъ на облацѣхъ во срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тамо всегда съ Господемъ будутъ. Ихъ же и насъ да сподобитъ, по премногой благодати своей, а не по нашимъ дѣламъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Богъ, емужъ слава со безначальнымъ Отцемъ и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

II. ПЕРЕПИСКА
КНЯЗЯ А. М. КУРЬСКАГО
съ
ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ ВАСИЛЬЕВИЧЕМЪ ГРОЗНЫМЪ.

I.
ЭПИСТОЛІЯ ПЕРВАЯ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРЬСКАГО.

П И С А Н А
къ
ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
МОСКОВСКОМУ,
ПРЕЛЮТАГО РАДИ ГОНЕНІЯ ЕГО.

Курбскій укоряетъ Іоанна въ побіеніи бояръ и воеводъ, въ оклеветаніи вѣрныхъ подданныхъ; спрашиваетъ, чѣмъ провинились они; говоритъ о своемъ собственномъ гоненіи, о необходимости покинуть отечество; упоминаетъ о своихъ побѣдахъ и ранахъ; грозитъ никогда не возвращаться въ Россію; намекаетъ на распутную жизнь царскихъ любимцевъ и совѣтуетъ удалить главнаго наущника.

Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ симъ обрѣтшемуся. Разумѣвая да разумѣетъ, совѣсть прокаженну имущій, якова же ни въ безбожныхъ языцѣхъ обрѣтается!... И больше сего о семъ всѣхъ по ряду глаголати не поустихъ моему языку; гоненія же ради пре-

горчайшаго отъ державы твоея, отъ многія горести сердца потщуся мало изрещи ти.

Про что, царю! сильныхъ во Израили побилъ еси? и разводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предаль еси? и побѣдоносную, святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси? и мученическими ихъ кровями праги церковныя обагрилъ еси? и на добродѣтельныхъ твоихъ и душу за ты полагающихъ неслыханныя мученія, и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствами и иными неподобными оболгаючи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму предлагати и сладкое горько прозывать? Что провинили предъ тобою, о царю! и чимъ прогнѣвали ты, христіанскій предстатель? Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши? Не претвердые ли грады Германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тобѣ даны бысть? Сія ли намъ бѣднымъ воздалъ еси, всеродно погубляя насъ? Или безсмертенъ, царю! мниши? Или въ небытную ересь прельщенъ, аки не хотя уже предстати неумытному судію, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселеннѣй въ правду, паче же прегордымъ мучителемъ, и не обинуясь *изтязати ихъ и до власъ прегрѣшенія*, яко же словеса глаголютъ? Онъ есть Христосъ мой, сѣдящій на престолѣ херувимскомъ, одесную Силы владычества во превъсокихъ, судитель между тобою и мною.

Коего зла и гоненія отъ тебя не претерпѣлъ! и коихъ бѣдъ и напастей на мя не подвиглъ еси! и коихъ лжеплетеній презлыхъ на мя не возвелъ еси! А приключившіяся отъ тебя различныя бѣды по ряду, за множествомъ ихъ, не могу нынѣ изрещи: понеже горестію еще души моей объять быхъ. Но вкупѣ все реку конечнѣ: всего лишень быхъ, и отъ земли Божіа туне отогнанъ быхъ, аки тобою понужденъ. Не испросихъ умиленными глаголи, ни умолихъ ты многослезнымъ рыданіемъ, и не исходатайствовахъ отъ тебя ни-

косяжъ милости архіерейскими чинами; и воздалъ еси мнѣ злыя за благія, и за возлюбленіе мое непримирительную ненависть! Кровь моя, якоже вода пролитая за тя, воцѣтъ на тя ко Господу моему! Богъ сердцамъ зритель: во умѣ моемъ прилежно смысляхъ и обличникъ совѣстный мой свидѣтеля на ся поставихъ, и искахъ и зрѣхъ мысленнѣ и обращаюся, и не вѣмъ себя и не найдохъ ни въ чемъ же предъ тобою согрѣшивша: предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ, и никоего же тебѣ безчестія приведохъ; но токмо побѣды пресвѣтлы, помощію ангела Господня, во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чуждимъ обратихъ; но паче одолѣніа преславныа на похвалу тобѣ сотворихъ. И сіе ни во единомъ лѣтѣ, ни во дву, но въ довольныхъ лѣтѣхъ. Потрудихся со многими поты и терпѣніемъ; и всегда отечества своего отстояхъ, и мало родшія мя зрѣхъ и жены моя не познавахъ; но всегда въ далекоконечныхъ градѣхъ, противъ враговъ твоихъ, ополчахся и претерпѣвахъ нужды многія и естественныа болѣзни, имъ же Господь мой, Іисусъ Христосъ свидѣтель. Паче же учащенъ быхъ ранами отъ варварскихъ рукъ на различныхъ битвахъ, и сокрушенно уже язвами все тѣло имѣю; но тебѣ, царю! вся сія аки ничто же бысть, но развѣ нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче розженныхъ печи, являешь къ намъ.

И хотѣхъ рещи всѣ по ряду ратныа дѣла мои, ихъ же сотворихъ на похвалу твою, силою Христа моего; но сего ради не изрекохъ, зане лучше Богъ вѣсть, нежели человекъ: онъ бо есть за всѣ сіа мздовоздаатель, и не токмо, но и за чашу студеныа воды; а вѣмъ, яко и самъ ихъ не не вѣси. И да будетъ ти, царю! вѣдомо къ тому: уже не узришь, мню, въ мірѣ лица моего до дня преславнаго явленія Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о семъ: до скончанія моего буду непрестанно вопіати со слезами на тя пребезначальной Троицѣ, въ нея же вѣрую, и призываю въ помощь херувимскаго владыки матеръ, надежду мою и заступницу, владычицу

Богородицу, и всѣхъ святыхъ, избранныхъ Божиихъ, и государя моего праотца, князя Феодора Ростиславича, иже цѣло купно тѣло имѣеть, во множайшихъ лѣтѣхъ соблюдаемо, и благоуханія, паче аромать, отъ гроба испущающе и благодатию святаго Духа струи исцѣленія чудесь источающе, яко же ты, царю! о семъ добрѣ вѣси.

Не мни, царю! не помышляй насъ суетумудренными мыслями, аки уже погибшихъ избѣненныхъ отъ тебя неповинно, и заточенныхъ и прогнанныхъ безъ правды; не радуйся о семъ, аки одолѣниемъ тощимъ хваляся: избѣненные тобою, у престола Господня стояще, отомщенія на тя просятъ; заточенные же и прогнанные отъ тебя безъ правды отъ земли ко Богу вопіемъ день и ночь! Аще и тѣмами хвалишися въ гордости своей, въ привременномъ семъ скоротекущемъ вѣцѣ, умышляючи на христіанскій родъ мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельскій образъ, и согласующимъ ти ласкателемъ и товарищемъ трапезы, несогласнымъ твоимъ бояромъ, губителемъ души твоей и тѣлу, иже ты подвижутъ на Афротидскія дѣла и дѣтми своими паче Кроновыхъ жерцвъ дѣйствуютъ. И о семъ, даже до сихъ, писаніе сіе, слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложить, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа. Аминь. Писано въ Волмерѣ, градѣ государя моего Августа Жигимонта короля, отъ него же надѣюся много пожалованъ и утѣшенъ быти ото всѣхъ скорбей моихъ, милостию его государскою, паче же Богу ми помогающу.

Слышахъ отъ священныхъ писаній, хотяща отъ діавола пущена быти на родъ христіанскій губителя, отъ блуда зачатого, богоборнаго антихриста, и видѣхъ нынѣ сигклита, всѣмъ вѣдома, иже отъ прелюбодѣянія рожденъ есть, иже днесъ шепчетъ ложное во уши царю и льетъ кровь христіанскую, яко воду, и выгубилъ уже сильныхъ и благородныхъ во Израили, аки согласникъ дѣломъ антихристу: не пригоже такимъ потакати, о царю!

Вольмаръ.

II.
ПОСЛАНИЕ
ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
І О А Н Н А В А С И Л Ь Е В И Ч А
ВСЕЯ РОССІИ
КО
КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРВСКОМУ,
ПРОТИВЪ ЕГО, КНЯЗЯ АНДРЕЕВА, ПИСЬМА, ЧТО ОНЪ
ПИСАЛЪ ИЗЪ ГРАДА ВОЛМЕРА.

Изложивъ свои права на престолъ, Іоаннъ упрекаетъ Курбскаго въ намѣреніи быть Ярославскимъ государемъ, въ согласіи съ измѣнниками, въ ложномъ благочестіи, въ строптивости; стыдитъ его примѣромъ Шибанова. Разбираетъ въ посланіи его слова: а) *совѣсть проказенная*; б) *православіе пресѣтлое*; в) *сопротивный разумъ*; д) *пресвятѣйшія победы*. Объясняетъ права и обязанности государя, духовенства и вельможъ. Доказываетъ историческими примѣрами бѣдствія народовъ отъ азовластія. Укоряетъ своихъ бояръ; исчисляетъ измѣны Курбскихъ. Возражаетъ на обвиненіе въ казни воеводъ, въ мученіи невинныхъ, въ оболганіи вѣрныхъ. Разсказываетъ бѣдствія юности своей: а) измѣну Бѣльскаго, Ляцкаго, князя Андрея, Львова; б) погубленіе крамольниками вѣрныхъ бояръ; в) наглость Шуйскихъ; д) расхищеніе казны; е) междоусобныя войны; ф) пожаръ Московскій; г) убіеніе Глинскаго; h) бунтъ черни. Исторія Алексѣя Адашева и іерея Сильвестра. Коварство ихъ и власть надъ царемъ. Вины ихъ: а) дружились съ измѣнниками; б) подстрекали бояръ къ самовольству; в) раздавали помѣстья боярскимъ дѣтямъ; д) ввели въ царскую думу князя Курблева; е) не давали царю ни власти, ни воли; ф) обходились съ нимъ надмѣнно; г) награждали непослушныхъ царю; h) везли его, какъ плѣнника, въ Казанскую землю; і) хотѣли возвести на престолъ Владиміра Андреевича Старицкаго; к) ненавидѣли царицу Анастасію Романовну; л) защищали измѣнника князя Семена Ростовскаго; м) судили царя съ бояриномъ Сицкимъ; п) не хотѣли войны Ливонской; о) не радѣли о здравіи царицы Анастасіи. Удаленіе Адашева и Сильвестра. Милостивое наказаніе строптивыхъ.—Царь снова разбираетъ письмо Курбскаго: что значить *сѣтъ и тѣма, горькое и сладкое*? Уличаетъ его свидѣтельствомъ св. Григорія. Излагаетъ свое православіе. Смѣется надъ *бранною храбростію* Курбскаго. Приписываетъ своей прозорливости и дѣятельности всѣ успѣхи Русскаго оружія. Обвиняетъ воеводъ и особенно Курбскаго въ лѣности, въ

*

намѣреніи отступить отъ Казани при первой неудачѣ, въ опрометчивости и грабежѣ при взятіи сего города. Упоминаетъ о безуспѣшности Крымскихъ походовъ, о пораженіи Шереметева. Укоряетъ Курбскаго въ нерадивой войнѣ съ Ливонцами, въ строптивости, въ безразсудномъ желаніи быть царскимъ наставникомъ; уличаетъ въ ереси Саддукейской. Бесѣдуетъ съ нимъ о гордости. Снова винитъ бояръ; упрекаетъ ихъ въ самовольствѣ, въ смерти Θεодосія, епископа Коломенскаго, и казначея Фупикова. Смиѣется надъ угрозами и укоризнами Курбскаго; доказываетъ, что его не гнали, а честили выше всѣхъ предковъ, что онъ напрасно хвалится *пролитіемъ крови*, что самъ царь проливалъ кровавыя слезы за себя, за царицу и за дѣтей. Спрашиваетъ, какими побѣдами хвастаетъ Курбскій? не въ Казанской ли землѣ, гдѣ вмѣсто виновныхъ, онъ губилъ невинныхъ, не подѣ Тулою ли, гдѣ вмѣсто преслѣдованія Крымцевъ, обѣдалъ у воеводы, или подѣ Невлемъ, свидѣтелемъ его пораженія Литовцами? Возражаетъ на угрозу не показывать царю лица своего до Страшнаго Суда; вѣруетъ, что Богъ не приметъ его жалобъ. Свидѣтельствуетъ, что въ Россіи нѣтъ ни гонимыхъ, ни мучимыхъ, ни Кроновыхъ жертвъ, и что Курбскій, намѣреніемъ взять съ собою въ гробъ свою грамоту, отступилъ отъ христіанства и лишился права на церковное отпѣваніе. Въ заключеніе, не хочетъ болѣе тратить словъ съ безумными.

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый, нынѣ есть Отецъ и Сынъ и святыи Духъ, ниже начала иматъ, ниже конца, о немъ же живемъ и движемся есмы, имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду. Иже дана бысть единогоднаго слова Божія Иисусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная херугвія и крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестіи царю Константину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православія, и понеже смотрѣнія Божія слова всюду исполняшеся, Божественнымъ слугамъ Божія слова всю вселенную, якоже орли летаніе отекше, даже искра благочестія дойде и до Русскаго царства: самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и великаго царя Владиміра Мономаха, иже отъ Грекъ высокодостойнѣйшую честь воспріемшу, и храбраго великаго государя Александра Невскаго, иже надъ безбожными Нѣмцы побѣду показавшаго, и хвалямъ достой-

наго великаго государя Дмитрія, иже за Дономъ надъ безбожными Агаряны велику побѣду показавшаго, даже и до мстителя неправдамъ, дѣда нашего, великаго государя Ивана, и въ закошѣнныхъ прародительствіяхъ земли обрѣтателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василія,— даже дойде и до насъ, смиренныхъ скипетродержанія Русскаго царствія. Мы же хвалимъ за премногую милость, происпешшую на насъ, еже не попусти доселѣ десницѣ нашей единоплемянною кровію обагриться: понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ; сего православнаго истиннаго христіанскаго самодержавства, многими владычествами владѣющаго, повелѣніе, нашъ же христіанскій смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христіанства и нашего содержанія боярину и совѣтнику и воеводѣ, нынѣ же преступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христіанскому, и ко врагомъ христіанскимъ слугатаю, отступльшимъ Божественнаго иконнаго поклоненія и поправшимъ вся священныя повелѣнія, и святые храмы разорившимъ, осквернившимъ и поправшимъ со священными сосуды и образы, яко же Исавръ, и Гноетезный, и Арменскій, сѣмъ всѣмъ соединителю,—князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти Ярославскому владыцѣ, вѣдомо да есть.

Почто, о княже! аще мнишися благочестіе имѣти, едиnorodную свою душу отвергль еси? Что даси измѣну на ней въ день Страшнаго Суда? Аще и весь міръ приобращеши, послѣди смерть всяко восхититъ тя! Чесо на тѣлѣ душу продалъ еси? Аще убоялся еси смерти, по своихъ бѣсѣхъ и вышнихъ друзей и назирателей ложному слову: и вси, якоже бѣси на весь міръ, такоже и ваши извольшіе быти друзи и слугебники, насъ же отвергшеся, преступивше крестное цѣло-

ваніе, бѣсовъ подражающе, на многообразные ми воды всюду сѣти поляцающе, ѿ бѣсовскимъ обычаемъ на всяческія назирающе, мняше насъ яко безплотныхъ быти, и отъ сего многія сшивающе поношенія и укоризны на насъ, и весь міръ позорующихъ и къ вамъ приносящихъ,—вы же имъ воздаяніе много за сіе злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами;—отъ сихъ бѣсовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна яда смертоносна, и възъярився на мя и душу свою погубивъ, и на церковное разореніе стали есте. Не мни праведно, на челоуѣка възъярився, Богу приразитися: ино бо челоуѣческо есть, аще и порфиру носить, ино же божественное. Или мниши, окаянне! яко убережешися? Никакоже! Аще ти съ ними воевати: тогда и церкви ти разорати, и иконы попирати, христіановъ погубляти; аще же гдѣ и руками не дерзнеши, но мыслію яда своего смертопоснаго много сея злобы сотвориши. Помысли же, како браннымъ пришествіемъ мягкая младенишная удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда же убо зимѣ належати, сія наипаче злоба совершается. И сіе убо твое злобѣсное умышленіе, како не уподобится Иродову неистовству, еже о младенцахъ убивство показа! Сіе ли мниши благочестіе, еже сицевая зла творити? Аще множае насъ глаголеши воюющихъ на христіанъ, еже на Германы и Литаоны: ино нѣсть сіе. Аще бы христіане были въ тѣхъ странахъ, и мы воюемъ по прародителей своихъ обычаемъ, яко же и прежь сего многжды случалося; нынѣ вѣмы, въ тѣхъ странахъ нѣсть христіанъ, развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. Къ семужъ и Литовская брань учинилася вашею же измѣною и недоброхотствомъ и нерадѣніемъ безсовѣстнымъ.

Ты же, тѣла ради, душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущія, нелѣпотную славу пріобрѣлъ еси, и не на челоуѣка възъярився, но на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, отъ каковы высоты и въ какову пропасть душею и тѣломъ шель еси! Сбытсѣ на тебѣ реченное: *и еже имѣя*

мнитсѧ, взято будетъ отъ него! Се твое благочестіе, еже самолюбїа ради, погубилъ еси, а не Бога ради! Могуть же разумѣти тамо сущїи, разумъ имущїи, твой злобный ядъ, яко славы желая мимотекущїи и богатства, сіе сотворилъ еси, а не отъ смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но приобрѣтеніе? Послѣди всяко умерти же! Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отреченїя смертнаго, по твоихъ друзей, сатанинскихъ слугъ, злодѣйственному же солганїю: се убо явственно есть ваше измѣнное умышленїе отъ начала и донынѣ! Почто и апостола Павла презрѣлъ еси? яко же рече: *Всяка душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется: никакая же бо владычества, еже не отъ Бога учинена есть; тѣмъ же противляйся власти, Божїю повелѣнію противится.* Смотри же сего и разумѣвай, яко противляйся власти, Богу противится; и аще кто Богу противится, сіи отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшенїе. И сіе же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми прїемлютъ власть: разумѣй же вышереченное, яко не восхищенїемъ прїяхомъ царство, тѣмъ же иначе, противляясь власти, Богу противится. Тако же, яко же индѣ рече апостолъ Павелъ, иже ты сія словеса презрѣлъ еси: *Раби! послушайте господей своихъ, не предъ очима точию работающе, яко челоукоугодници, но яко Богу, и не токмо блацимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть:* се бо есть воля Господня, еже благое творяще, пострадати!

И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы, и сребролюбїа, и сладости міра сего, все свое благочестїе душевное со христіанскою вѣрою и закономъ попралъ еси, уподобился еси къ сѣмени падающему на камени, и возростшему, и возсіавшу солнцу со зносмъ, абїе словесе ради ложнаго, соблазнилъ еси, и отпалъ еси и плода не сотворилъ еси; а по ложныхъ

словесѣхъ убо, подобно на путь падающему, сотворилъ еси; еже убо вѣру и врагъ изъ сердца твоего восхитилъ есть и сотворилъ тя во всей волѣ ходити. Тѣмъ же и вся Божественная писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися и рабомъ господемъ, кромѣ вѣры. И аще убо сіе отъ отца твоего, діавола, воспріемъ, много ложными словесы соплетеша, яко „вѣры ради живъ Господь Богъ мой, „жива душа моя“, яко не токмо ты, но и всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ сего обрѣсти. На се же уповаемъ, Божія Слова воплощеніемъ и пресвятыя его матери, заступницы христіанскія, милостію и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему отвѣтъ дати; но и противу поправшимъ святія иконы, и всю христіанскую божественную тайну отвергшимъ и Бога отступльшимъ, къ нпмъ же ты любительно соединился еси, словесы ихъ нечестіе изобличити и благочестіе явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеса. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: одинаго ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси: понеже Божиимъ изволеніемъ, дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу, и они, давъ свои души, и до смерти своей служили, и вамъ, своимъ дѣтемъ, приказали служить и дѣда нашего дѣтемъ и внучатомъ. И ты то все забылъ, собадкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное цѣлованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своя злобы не разсмотря, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися и подобная тому сотворити своему владицѣ отверглся еси.

Писаніе же твое пріято бысть и вразумлено внятельно. И понеже убо положилъ еси ядъ аспиденъ подъ устами своими, наполнио меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыни обрѣтающесе, по пророку, глаголющему: *умякнуша слова ихъ паче елєя, и та суть стрѣлы*: тако ли убо навикъ еси, христіанинъ будучи, христіанскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти отъ Бога данному владыцѣ, яко же бѣсовскимъ обычаемъ ядъ отыгаеши? Начало убо, твоего писанія, яже убо не разумѣвая написалъ еси, навадское помышляя, еже бо не о покаяніи, но выше человѣческаго естества мниши человѣкомъ быти, яко же и навадъ, еже убо на насъ вся написалъ еси. И сіе убо тако есть: яко же тогда, тако и нынѣ вѣруемъ, вѣрою истинною, Богу живу и истинну. А еже убо „сопротивныхъ разумъ, мѣвая и совѣсть прокаженну имуще“: се убо навадское помышляеши и не разсуждаеши евангельскаго слова, еже речено есть: *Горе міру отъ соблазнъ! Нужно есть, иже не пріими соблазномъ; горе же человеку тому, имъ же соблазнъ приходитъ! Уне бы было ему, дабы жерновъ осельскій обязанъ былъ о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй*. И много слѣпоствующія твоя злобы, не можеши истины видѣти: како, мняйся и стояти у престола владычня и повсєгда со ангелы служити, своими руками агнецъ жремый закалати за мірское спасеніе сподобясь, и сія вся поправши съ своими злобѣсовскими совѣтниками, на насъ своими лукавыми умышленіи многая томленія подвигосте? И сего ради, еже отъ юности моя благочестіе, бѣсомъ подобно, поколебасте, и еже отъ Бога державу данную мнѣ отъ прародителей нашихъ, подъ свою власть отторгосте: ино се ли *совѣсть прокаженная*, яко свое царство во своей рудѣ держати, а работнымъ своимъ владѣти не давати? и се ли *сопротивенъ разуму*, еже не хотѣти быти работными своими владѣнну? и се ли *православіе пресвѣтлое*, еже рабы обладаему и повелѣнну быти? Сіе убо о виѣшнихъ и одушевленныхъ и о церковномъ.

Аще есть малое согрѣшеніе, но сіе отъ вашегожъ соблазна и измѣны; паче же и человекъ есмь: нѣсть бо человекъ безъ грѣха, токмо единъ Богъ; а не яко же ты, яко мнишися быти выше человека со ангелы равенъ. А о безбожныхъ человекѣхъ что и глаголати! Понеже тѣ всѣ царствіи своими не владѣють: како имъ повелятъ работные ихъ, тако и владѣють; а Россійское самодержавство изначала сами владѣють всѣми царствы, а не бояре и вельможи. И того въ своей злобѣ не могъ еси разсудити, нарицаа благочестіе, еже подъ властію нарицаемаго пона и вашего злочестія повелѣнія самодержеству быть! А се по твоему разуму нечестіе, еже отъ Бога данной намъ власти самимъ владѣти и не восхотѣхомъ подъ властію быти пона съ вашего злодѣянія! Се ли разумѣваемая *сопротивъ*, яко вашему злобѣсному умышленію тогда, Божіею милостію и пресвятыя Богородицы заступленіемъ, всѣхъ Святыхъ молитвами и родителей своихъ благословеніемъ, погубити себѣ не дали есми? А какова зла я отъ васъ тогда пострадахъ! Се убо пространнѣйши напредѣ слова извѣстити.

Аще ли о семъ помышляеши, яко церковное преданіе не тако, и мы громъ бытія, се убо вашего же ради лукаваго умышленія: понеже мя исторгосте отъ духовнаго и покойнаго житія, и бремя, фарисейскимъ обычаемъ, бѣднѣ носимо на мя наложисте, сами же и ни единымъ перстомъ не прикоснулись; и сего ради церковное предстоянiе не твердо, ово убо царскихъ правленій, еже вами разрѣшенны, ово же вашихъ злолукавыхъ умышленій бѣгая. И громъ же сходяще немощи человекѣстѣй; понеже много народъ во слѣдъ своего пагубнаго умышленія отторгосте, и того ради, яко же мати дѣтей всяческія попускаетъ глумленія, ради младенчества, и егда совершени будутъ, тогда сіе отвергнуть, или убо отъ родителей разумомъ на уншее возведутся, или яко же Израилю Богъ попусти, аще и жертвы приносить, токмо Богови, а не бѣсомъ: того ради и азъ сотворихъ, сходя къ немощи ихъ, точію дабы насъ, своихъ господарей, познали, а не васъ, измѣнниковъ. И чимъ у васъ извыкли прохладжатиcя?

И се ли вамъ супротивно явися, еже вамъ погубити себя не далъ есми? А ты о чемъ супротивно разума, души твоей крестнаго цѣлованія, сотворилъ еси, ложнаго ради страха смертнаго? Самъ убо сего не сотвориши, намъ же сіе совѣтуеши! Си убо навадское и фарисейское мудрствуеши: навадское убо, еже выше естеству человѣческаго велишь человѣкомъ быть; фарисейское же, еже самъ не творя, инымъ повелѣваеши творити. Паче же сія поносы и укоризны, яко же исперва начали есте, тако и нынѣ престае, всяческимъ образомъ дивнаго звѣря распылаяся, измѣну свою совершаете: се ли ваша доброхотная, прямая служба, еже поношати и укоряти? Бѣсному подобящися, колеблется, и Божій судъ восхищающе и прежъ Божія суда своимъ злолукавымъ самохотнымъ изложеніемъ, яко же съ своими начальники попомъ и Алексѣемъ изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради, Богу противляющися, яко же и святыхъ всѣхъ преподобныхъ, иже въ постѣ и въ подвижѣхъ провозсіявшихъ милованіемъ, еже грѣшнымъ, отвергосте: много бо въ нихъ обращешъ падшихъ и возставшихъ (возстаніе не бѣдно!) и страждущи руку помощи подавшихъ и отъ рова согрѣшенія миловательнѣ возведшихъ, по апостолу, *яко же братію, а не яко враговъ имуще*, еже ты отвергдъ еси! И якова отъ оныхъ бѣсовъ пострадаша, таковая и азъ отъ васъ пострадахъ.

Что же, собака! и пишешь и болѣзнуеши, совершивъ такую злобу? Къ чему убо совѣтъ твой и подобенъ будетъ? Или мниши праведно быти, еже отъ единомыслениковъ твоихъ зловѣрныхъ учиненно, еже иноческое одѣяніе свергше и на христіанъ воевати? Или се есть вамъ отвѣщаніе, яко невольное постриженіе? Ино, нѣсть сіе! нѣсть! Како убо Лѣствичникъ видѣхъ неволю ко иночеству пришедшихъ и паче вольныхъ исправишася? Чесо убо сему слову не подражасте, аще благочестиви есте? Многихъ же и не въ Тимохину версту обрящеши, тако же и святыхъ, и не поправшихъ иноческаго образа, глаголю же и до царей; аще ли

же кои дерзнуша сія сотворити, ничимъ же пользоваша, наипаче въ горшая тѣлесная и душевная погибели придоша, яко же князь великій Рюрикъ Ростиславичъ Смоленскій постриженъ отъ зятя своего Романа Галическаго. Смотри же благочестіе: и княгиню его восхотѣвши взяти изъ невольнаго постриженія, она же не восхотѣ мимотекущаго царствія, паче нетлѣнно пострижесе и во схиму; онъ же убо разстригши ее, многи крови христіанскія пролилъ и святыя церкви и монастыри пограбилъ, игуменовъ и поповъ и черноризцовъ умучилъ; почему и до конца княженія не возможе удержати; ино имя его безъ вѣсти бысть. Тако же во Царѣградѣ множайшихъ сего обрящещи: овѣмъ убо носы урѣзапы, инѣмъ же во мнишеская одѣянія бывшимъ и на царство паки наскочившимъ и здѣ убо горчайшая смерти пріяша, тамо же безконечныя муки пріяша: понеже санолюбія ради и гордости, сіе сотвориша. Сіе же отъ владычествующихъ, колыми же паче отъ работныхъ! Божій судъ ожидаетъ, иже ангельскій образъ поправшимъ! Многи же и не въ давныхъ лѣтѣхъ пострижены отъ сигклитовъ, превелика паче первыхъ сіе дерзнуша сотворити, аще и въ прежнюю паки придоша. Таково ли благочестіе держите, еже сіе злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестіе сотворяете? Или мнишися, яко ты еси Авениръ сынъ Нировъ, есть храбрѣйшій возрастомъ? Или, еже та сія посланія злобѣснымъ своимъ обычаемъ нечестія сотворяете, или мнишися гордостію дмяся писати? и отъ того да что бысть? Егда убо уби его Іоавъ, сынъ Саруй, тогда оскудѣли во Израили.

Не пресвѣтлыя ли побѣды съ Божією помощію на противные показаша? Се убо, гордостію дмяся, всеу хвалишися! Смотри же и сего, еже подобно тебѣ сотворшаго, аще ветхословіе любиши, къ сему ты и приложимъ: что убо поможетъ ему бранная храбрость, еже господина своего нечестіемъ озлоби, еже убо поятъ подругу Саулю Ресфу, и рекшу ему о семъ сыну Саулю Мумфіосу, онъ же, разгнѣваясь, отступи дому Сауля и тако погibe: ему же и ты уподобися злобѣс-

нымъ своимъ обычаемъ, желая гордостно излишне чести и богатства. Яко же Авениръ на подружіе посягну господина своего, такожъ убо и ты отъ Бога данные грады и села посягая, равно тому нечестіе, бѣсуясь, сотворяеши. Или убо предложимъ ти плачь Давыдовъ. Не убо царь праведенъ сый? и не хотя убіеніе сотвори; нечестивый же въ своей погибели погibe. Смотри же, яко бранная храбрость не помогаетъ, аще кто господина не чествуетъ. Но и еще предложу ти Ахитофела, подобно тебѣ, лукавъ совѣтъ совѣщающе Авессалому на отца, и како потрясе? Но послѣдую сѣя, единого старца разумомъ совѣтъ его разсыпая, и весь Израиль побѣжденъ бысть малѣйшими людьми. Онъ же удавленія конецъ погibельный обрѣте. Яко же тогда, тако и нынѣ обычай: благодать Божія въ немощи совершатися, и ваша злобѣсная на церковь возстанія разсыпаетъ самъ Христосъ. Смотри же и древняго отступника Іероваама сына Наваща како отступи со десятию колѣны Израилевыми, и сотвори царство въ Самаріи, и отступи отъ Бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царство Самаріи тое неудержаніемъ царей и вскорѣ погibe, Іудино же, аще и мало бысть, по странно и пребысть до изволенія Божія, яко же рече пророкъ: *разсвирѣпе, яко юница, Ефремъ; и паки иудѣ реченно бысть: сынове Ефремли наляцающе и спѣюще луки, возвратишася въ день брани: зане не сохраниша повелѣнія Господня и въ законъ его не изволиша ходити.* „Человѣче! останися рати; аще убо „со человѣкомъ борешися, то одолѣетъ тя, или одолѣши, „аще съ церковію борешися, то всяко одолѣетъ тя: жестоко „бо ти есть противъ рожну прати: не бо и вступиши на позѣ „свои окровавиши, да ся пѣнитъ море и бѣситъ; но Иисова „корабля не можетъ потопити: на камени бо стоятъ; имамы „въ немъ кормчію Христа; вмѣсто же гребцы, апостоли; „вмѣсто кормникъ, пророки; вмѣсто правителей, мученики и „преподобные; и сѣя убо вся имущи, аще и весь міръ возмущитися, но не убоимся погрязовенія: мене убо свѣтлѣйша „твориши; самъ же свою погibель содѣваши.“

Како же и сего не моглъ еси разумѣти, яко подобаетъ властемъ не звѣрски яритися, виже безсловесно смиратися? Яко же рече апостолъ: *овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающе*: видиши ли, яко апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасти? Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ много обрящется злѣйшее мученіе. Како же убо, по твоему безумному разуму, одинако быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, паче же и злѣйшая сихъ лукавая умышленія, то убо вся царствія не въ строеніи и междоусобными браньми вся растлятсѣ! И тако ли убо пастырю подобаетъ, еже не разсмотрѣти о нестроеніи отъ подвластныхъ своихъ?

Како же не стыдишися злодѣевъ мученики нарипати, не разсуждая, за что кто постраждетъ? Апостолу вопіющу: *аще кто незаконно мученъ будетъ, сирѣчь не за вѣру, не внищается*; божественному убо Златоусту и великому Аѳанасію во своемъ исповѣданіи глаголющимъ: *мучими убо суть татіе, и разбойницы, и злодѣи, и премоудрѣи: таковы ли убо блаженніи? понеже грѣхъ ради своихъ мучими бысть, а не Бога ради*; божественному же апостолу Петру глаголющу: *лучше убо благотворяще пострадати, неже зло творящимъ мученія*. Вы же, злобѣснымъ своимъ обычаемъ подобящесѣ ехиднину отрыганію, ядъ изливающи, ничто же повинovenія, челоуѣкъ, и законопреступленія, и временъ разсуждающе, свою злолукавую измѣну, бѣсовскимъ умышленіемъ, лестію языка покрыти хотяще! Се ли убо сопротивно разуму, еже по настоящему времени жити? Воспомяни же и во царѣхъ великаго Константина: како, царствія ради, сына своего, рожденнаго отъ себе, убилъ есть! Князь Феодоръ Ростиславичъ, прародитель вашъ, въ Смоленскѣ на Пасху колико крови проліялъ есть! И во святыхъ причитаются. Како же убо и Давыдъ, иже обрѣтесѣ Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ и Давыдъ, иже обрѣтесѣ Богу по сердцу и хотѣнію, како повелѣ и Давыдъ, да всякъ убиваетъ Усѣина: и хромые, и слѣпые и

ненавидящих души Давидовы, егда не пріѣша его во Іерусалимъ, како убихъ причитательныхъ въ вотчинники, яко не восхотѣша отъ Бога даннаго имъ царя пріяти? Како же рассудиши и се, еже такого благочестія царь на немощнѣй чади силу свою и гнѣвъ показа, или убо нынѣшніе измѣнники неравно симъ злобу сотвориша? Наипаче и злѣйше! Они убо точію возбраниша приходъ и не успѣша ничто же; сіи того, и ятого отъ нихъ, Богомъ имъ даннаго, и рождшагося у нихъ на царствѣ, царю преступивъ крестную клятву, отвергоша и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словомъ и дѣломъ, и тайными умышленіи; и чесому убо они сихъ неподобиѣ злѣйшимъ казнемъ? Аще ли речеши: „она явна есть, сія же не явна:“ по сему убо злѣйшій есть вашъ злобѣсный обычай,—яко человѣкомъ видимо есть доброхотство и служба, отъ сердець вашихъ исходятъ помышленія и злодѣянія, пагуба смертная къ разоренію; усты своими убо благословляете, сердцемъ своимъ клянете. Многажъ и ина обрящеши во царствѣ царей своихъ: царства во всякихъ нестроеніяхъ исправиа и злобѣсныхъ человѣкъ разумы и злодѣянія возразиша. И повсегда убо царемъ подобаетъ обозрительнымъ быти: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь: царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ; } хощеши ли бо не бояться власти? благотвори; аще ли злое твориши, бойся: не бо туне мечъ носить, въ мѣсть злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Аще благъ еси, почто имѣя въ сигклитѣ *пламени палища*, не погасилъ еси, но паче разжегль еси? Гдѣ было ти совѣтомъ разума своего злодѣйственный совѣтъ исторгнути, ты же убо болыи плевель напѣлнилъ еси! И сбылся на тебѣ пророческое слово: *се встѣвѣши огнь, сжедете и ходите по свѣту пламени огня вашего, его же сами себѣ разжежете.*

Како же убо ты не со Іудею предателемъ равно причтешся? Яко же бо онъ на общаго владыку всѣхъ, богатства ради, возбѣсился и на убіеніе предастъ, со ученики водворяющеса,

со Іудей же веселящеся: тако же убо и ты, съ нами пребыва-
вая, и хлѣбъ нашъ ядыше, и намъ служити соглашаше, на
насъ злая въ сердцѣ собираще. Тако ли убо исправилъ еси
крестное цѣлованіе, еже хотѣти добро во всемъ безо всякія
хитрости? И что убо твоего злохитрія умышленія злѣе? яко
же рече премудрый: *нѣсть главы, паче главы зміевы; паче*
же инья нѣсть злобы твоея. Почесому же и учитель еси души
моей и тѣлу моему? Кто убо постави судію и властеля надъ
нами? Или ты даси отвѣтъ за душу мою въ день страшнаго
суда, апостолу Павлу глаголющу: *како убо вѣрують безъ*
проповѣдующаго, како же и проповѣдуютъ, а не послани
будутъ? И се убо бысть въ пришествіе Христово: ты же отъ
кого посланъ еси? и кто тя рукополагателя постави, яко
учительскій санъ восхищающа, апостолу Іакову сіе отри-
цающе: *Не мнози учителя бывайте, братіе, вѣдающе, яко*
вѣщій грѣхъ приедемъ: много бо согрѣшаемъ вси: иже сло-
вомъ не грѣшитъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и
все тѣло. Се и конямъ бразды во уста влагаемъ, да пови-
нуются намъ и все тѣло ихъ обращаемъ. Се и корабли ве-
лицъ суще, отъ жестокихъ вѣтровъ заточаемы, обращаются
малымъ кормильцемъ, яко же хотимъ: тако и языкъ малъ
удъ есть, и вельми хвалится. Се малъ огонь, колику вещь
сожигаетъ! И языкъ лютота неправдъ; тако и языкъ водво-
рнется во удѣхъ нашихъ, сквернящи все тѣло и опаляющи
коло рождества, и опаляемъ отъ геенны: всяко убо естество
звѣрей и птицъ, гадъ же и рыбе мучится и умучится есте-
ствомъ человѣчскимъ; языкъ же никто же отъ человѣкъ може
умучити, неодолимо бо зло, исполнь яда смертоносна.
Тѣмъ благословимъ Господа и отца, и тѣмъ кленемъ чело-
вѣки, иже по подобію Божію бывшіе; отъ тѣхъ же устъ
исходитъ благословеніе и клятва. Не подобаетъ, братія моя
возлюбленная, симъ тако бивати. Егда убо источникъ, отъ
того же истисанія точить сладкое и горькое? Егда можетъ,
братія моя, смоковница маслины творити, или лоза смоквы?
Тако ни единъ же источникъ слану и сладку творить воду.

Кто мудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя, въ кротости и въ премудрости. Аще ли зависть горьку имате и вѣру въ сердцахъ вашихъ, не хвалитися и не лжете на истину. Нѣсть премудрость свѣише нисходяще, но земна, душевна, бѣсовска. Идѣ же бо зависть и рвеніе, ту нестроенія, и всяка зла вещь; а вышняя премудрость первѣе убо чиста, потомъ же смирна и кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумнѣнна и нелицемѣрна. Плодъ же правды во смирѣніи съетсяъ творящимъ миръ. Откуда брани и свары въ васъ? Не отсюду ли, отъ сластей вашихъ? Желаете и не имате; убиваете и завидите, и не можете уллучити; сваряется и борете, и не имате, зане не просите; просите и не приѣмлете, зане злы просите, да въ сластяхъ изживете... Приближитесь Богу, и приблизится вамъ; очистите руки, грѣшницы, и очистите сердца двоедушніи... И не оклеветайте другъ друга, братіе: оклеветая или осуждая брата своего, оклеветаетъ законъ и осуждаетъ законъ; аще ли законъ осуждаеши, нѣси творецъ закону, но судія. Единъ есть законоположникъ и судія, могій спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждаяй друга?

Или мниши сіе быти свѣтлость благочестивая, еже обладаться царству отъ попа невѣжи, отъ злодѣйственныхъ, измѣнныхъ чловѣкъ, и царю повелѣваему быти? И сіе ли супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу взустити отъ Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрѣцѣши, иже не разорится царству, еже отъ поповъ владому. Ты же убо по что ревнуеши? иже во Грецѣхъ царствіе погубившихъ и Туркомъ повинувшихся? сію убо погибель и намъ совѣтуеши? И сія убо погибель на твою главу паче да будетъ! Къ сему же и сему подобенъ еси, яко апостолъ пишетъ къ Тимофею, глаголя: Чадо Тимофее! се же вѣждѣ: яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта; будутъ чловѣцы самолюбцы, сребролюбцы, оплазивы, горды, хульницы, родителемъ противляющеся, неблагодарни, непреподобны, не-

любивы; невтохранители, прелазатели, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы; предатели, передерзливцы, возносливы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергнушія. И сихъ отвращайся... Водимые похотѣми различными: всегда учащеса, и николи же въ разумъ истинны пріити могушіе. Яко же Іоаннѣй и Амвріѣй противистася Моисею, тако и сіи противятся истинѣ, чловѣцы растлѣвши умоу, неискушени о вѣрѣ; но не преустыютъ паче о мнозѣ; безуміе бо ихъ явѣ будетъ всѣмъ, яко же и онѣхъ бысть.

Или убо сіе свѣтло, попу и прегордымъ, лукавымъ рабомъ владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтенну быти, властію же ни чимъ же лучше быти раба? А се ли тѣма яко царю содержати повелѣнная? Како же и самодержецъ наречетса, аще не самъ строить? яко же рече апостолъ Павелъ къ Галатамъ пиша: *Въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ни чимъ же есть лучше раба, но подѣ повелительми и приставники есть, до нарока отча.* Мы же, благодатію Христовою, доидохомъ лѣтъ нарока отча, и подѣ повелительми и приставники быти намъ не пригоже.

Речеши же убо, яко едино слово обраща сѣмо и овамо, пишу? Понеже бо есть вина всѣмъ дѣломъ вашимъ злобѣснаго умышленія, понеже съ попомъ положите совѣтъ, дабы азъ словомъ былъ государь, а вы бѣ съ попомъ владѣли: сего ради вся сія склѣчашася, понеже и поднесъ не престае, умышляюще совѣты злые. Воспомяни же, егда Богъ, изводяще Израйля изъ работы, егда убо постави священника владати людми, или многихъ рядниковъ? Но единого Моисея, яко царя, постави владѣтеля надъ ними; священствовати же ему не повелѣ, но Аарону брату его повелѣ священствовати, людскаго же строенія ничего не творити; егда же Ааронъ сотвори людскіе строи, тогда и отъ Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобаетъ священникомъ царская творити. Тако же Дааванъ и Авиронъ хотѣша восхитити себѣ власть—и сами погибоша, и какову Израйлю погибель

наведоша? еже вамъ бояромъ прилично! Послѣ того же, бысть судія Израилю Исусъ Навинъ, священникъ же Елеазаръ; оттолѣ, даже и до Иліи жерца, обладаху судіи: Іюда, и Варакъ, и Іефеае, и Гедеонъ и иніи многіи, и каковы совѣты и побѣды на противныя поставляху и Израиль спасаху! Егда же Иліи жрецъ взя на ся священство и царство, аще самъ праведенъ быше и благъ, но понеже обоюду припадши богатству и славѣ, како сынове его Офни и Финеевъ заблудиша отъ истины, и како самъ и сынове его злою смертію погибоша и весь Израиль побѣжденъ бысть до дни Давыда царя! Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царскимъ владѣти? Се же убо въ ветхомъ; въ Римскомъ же царствіи и въ новой благодати, и во Греческомъ же по вашему злобснаго хотѣнія разуму случися: како убо Августъ кесарь всею вселенною обладалъ: Аламанією, и Далматією, всѣ Италійскія мѣста, и Готвы, и Савроматы, Кафинею, и Сирією, и Киликією, и Асією, и Азонею, и Междорѣчіемъ, и Каппадокическими странами, и Дамаскомъ градомъ, и Иерусалимомъ, и Александрею, и Египетская власть, даже и до Персскаго державы: вся сія подъ единою державою бяху много лѣтъ, даже и до перваго во благочестіи великаго царя Константина Влафла. И послѣ его, чада раздѣлиша власть: Константинъ убо во Царѣградѣ, Константинъ, иже въ Римѣ, Константинъ же въ Далматіи; и оттолѣ убо Греческая власть дѣлится и скудость пріимаетъ. И паки во царство Маркіяне, во Италіи мнози князи и мѣстоблюстители востаха, подобно вашему злобсному умышленію; во царство жъ Льва великаго, изобладала кождо своими мѣстами, яко же во Африкѣ Зинзирихъ, Рига и ины, и оттолѣ убо всяко строеніе и царствія Греческая преста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междоусобными бранями растлѣвахуся. Во царство Анастасія Дикотра Драчанина болши нача оскудѣвати.

Хотѣнію ублажиши ли людей свѣтъ, имъ же сія суть? Но како рече пророкъ Вожій? *Людіе* (имъ же Господь Богъ ихъ

*

глаголаѣ, яко же рече Исаія пророкъ) что и еще уязвляетея, прилагаяще беззаконія? всяка глава въ бользнь, и всяко сердце въ печаль. Отъ ногу даже и до главы нѣсть цѣлости; на нихъ же рана палеца, нѣсть пластыря приложити, ниже масла, ниже обязанія. Земля ваша пуста, гради ваши огнемъ созжени, страны ваши предъ вами чужіе поядаютъ, и запусѣтъ развращенно отъ людей чужихъ. Оставитѣся дщи Сіона, яко селеніе въ виноградъ, яко овощное хранилище въ вертоградъ. Како быѣ блудница градъ вѣрныхъ, Сіонъ исполнъ суда; въ немъ же правда успе; нынѣ убійца. Сребро ваше не искусно, корчелницы твои смѣшаютъ вино съ водою; князи твои не вѣруютъ, общницы татемъ, любяще мзды, гоняще воздаяніе, сирымъ не судяще, и суду вдовицъ не внимлюще. Сего ради тако глаголетъ господъ владыка Саваоѣ сильный Израилевъ: „О горе крѣпкимъ во Израили! Не пре-
„станетъ моя ярость на противныя, и судъ мой отъ врагъ
„моихъ сотворю, и наведу руку мою на тя и разжегу тя
„въ чистоту, невѣрующихъ же погублю, и отъиму всѣхъ без-
„законныхъ отъ тебе, и всѣхъ гордыхъ смирю; и положу су-
„дѣя твоя яко прежде, совѣтники твоя, яко отъ начала; и
„по сихъ наречешися градъ правды, мати градомъ, вѣрный
„Сіонъ. Съ судомъ бо спасетѣся и съ милостынею; и стрыются
„беззаконныи и грѣшныи вкупѣ, и оставившии Господа скон-
„чаются; зане же постыдятся о дѣлахъ своихъ, ихъ же тѣмъ
„совѣтоваху, и посрамятъ о истуканехъ своихъ, ихъ же
„сотвориша, и постыдятся о вертоградехъ своихъ, ихъ же
„тѣмъ восхотѣша. Будутъ бо яко сади, отметнувшии листвія
„своя, и яко вертоградъ, неимый вина; и будетъ крѣпость
„ихъ яко стебли изгребія, и дѣланія ихъ яко искры огненны,
„и сожгутѣся беззаконіи и грѣшніи вкупѣ, и не будетъ по-
„гащай“.

Потомъ же во царство Апсимарово, и Филиппиково и Θεодосія брады Адраминческого, Персомъ Египетскую власть и Дамаскъ отъ Грекъ изобладавшимъ, такожде при Константинѣ Гноетезномъ, Скиномъ отложившимся, по семъ же во царство

Арменина, и Михаила Аморея и Теофила Римскаго со всею Италією отъ Греческаго царства отторгшеса, избраша убо себѣ царя отъ Латинскаго отъ внутреннѣйшія Фрягій; и тако убо во многихъ странахъ Италійскихъ поставиша себѣ краля и князя, властодержца и мѣстоблюстителя. И яко же Настрія, и Испанія, и Далматія, и Француги, и вышній Нѣмецкій языкъ, и Поляки, и Литаоны, и Готы, и Влахи и Мутьяны, тако же и Сербомъ и Болгаромъ, у себя власть держится, поставившимъ и отъ Греческаго царствія отторгшеса; и отъ сего Греческому царствію злѣ къ разоренію приходящу; во царство же Михаила и Теодоры царицы благочестивыхъ, Божій градъ Іерусалимъ и Палестинскую землю и страны Финическія Персы изобладаша; царствующіе грады отовсюду во утѣсненіи велицѣхъ начаша пребывати; и отовсюду частыми нахожденіи и браньми и ратьми часто колеблющеса, епархомъ и сиклиту всему не престающе отъ своего злаго перваго обычая никако же, оселице разорити царства помыслъ полагающе:—такое же и вы, сему подобно, своимъ злобѣннымъ хотѣніемъ, выше мѣры, славы и чести и богатства, къ разоренію христіанскому, желающе! Та же убо отселѣ Греки во многихъ странахъ дани взимаху; потомъ же, нестроенія ради, а не Бога ради, подобно и вашему злолукавому злему совѣту, сами дани даяти начаша, и тако убо царствующему граду во обтѣсненіи велицѣхъ пребывающу, даже до царства Алексѣя, нарицаемаго Дуки Мурцуфла, при немъ же взятъ бысть царствующій градъ отъ Фрягъ и плѣненъ бысть злѣнѣйшимъ плѣненіемъ; и тако убо все благолѣпіе и красота Греческія власти погибе. Потомъ же Михаилъ первый Палеологъ изгна Латины изъ царствующаго града, и паки убожество царства воздвигъ, и даже до лѣтъ царя Константина, нарицаемаго Дрогмась: при немъ же, грѣхъ ради нашихъ, народа христіанскаго, безбожный Магметъ Греческую власть погаси, и яко же вѣтръ и буря злѣйна, вся безъ вѣсти сотвори.

Смотри же убо се и разумѣй, каково правленіе составляетъ въ разныхъ началѣхъ и властехъ, и понеже убо тамо

быша царіе послушны епархомъ и сиклитомъ, и въ какову погибель придоша! Сія ли убо намъ совѣтуеши, еже къ таковѣ погибели приити? И се ли убо благочестіе, еже не строить царства, и злодѣйственныхъ человекъ не възвести и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Или речеши ми, яко святительская поученія тако приимаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пешися: ино убо есть постническое пребываніе, иножъ во общемъ житіи сожитіе, иножъ святительская власть, иножъ царское правленіе. Постническое убо правленіе—подобно быти агнцу непротивну ничесомужъ, или яко птицѣ, иже не сѣявшу, ни жнущу, ни въ житницу собирающу; во общемъ же житіи, аще и міра отрекшися, но обаче строенія и попеченія имѣють, та же и наказанія; аще ли же сего невнимательны будутъ, то общее житіе разорится. Святительская власть требуетъ зѣльнаго запрещенія языкомъ, по благословеннѣй же въ ней ярости, и славы, и чести, и украшенія, и предсѣданія, еже инокомъ неприлично; царское же правленіе—страха, и запрещенія, и обузданія и конечнѣйшаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человекъ лукавыхъ. Се же убо разумѣй разнствы постничеству и общежителству: очима видѣлъ еси, и отъ сего можеши разумѣти, что сіе есть. Къ сему же пророкъ рече: *Горе дому, имъ же домоу жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ*. Видиши ли, яко подобно женскому безумію многихъ владѣніе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче женскому безумію подобно есть. Се убо указахъ ти, како благо есть вамъ на грѣхъ сидѣти и мимо царей царствомъ владѣти: отъ сего убо многи могутъ разумѣти имущіе разумъ. Воспояни же: *къ хотѣнію имѣнія*, рекшаго злата, *аще ся ринетъ, не прилагайте сердца*: кто же убо сія глаголы глаголае? не до власти ли царей бѣ? не бѣ ли ему злата? не бо на златозираше, но повсегда бо ему умъ къ Богу и строй воинскихъ. Понеже убо Гіезіеву прокаженію уподобился еси, яко же онъ благодать Божию на златѣ про-

даде, тако убо и ты, злата ради, на христіанъ воздвиглъ еси. Такожъ апостолу Павлу вопіюще: *Блудительный блудите злѣдѣлателя!* Яко *многажды глаголахъ вамъ, нынѣ плача глаголю о вразнѣхъ креста Господня, имъ же Богъ чрево, и слава въ стыдъ ихъ, иже земная мудрствуютъ*; како же убо ты не наречешися врагъ креста Христова, яко славы ради, и чести мимотекущаго свѣта сего желая насладитися, будущая же приснотекущая презирая, своимъ крестопреступнымъ обычаемъ, извыкши отъ прародителей своихъ, измѣну во многи времена на сердцѣ своемъ злая избирая, ядый хлѣбъ мой, возвеличи на мя пятаую свою, на христіанъ воевати вооружился еси? Но то убо самое побѣдоносное оружіе, крестъ Христовъ, силою Христа Бога нашего, вамъ сопротивникъ да будетъ!

Како же убо добροхотныхъ сихъ измѣнниковъ наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехомъ отъ жены Гедеоновы, сирѣчь наложницы, лжею согласившеся и леств сокрывше, во единъ день избиша семдесятъ сыновъ Гедеоновыхъ, еже убо отъ законныхъ женъ ему быша, и воцаривша Авимелеха: тако же убо и вы собацкимъ своимъ, измѣннымъ обычаемъ хотѣсте во царствіи царей достойныхъ истребити, и аще не отъ наложницы и отъ царствія разстоящая колѣна хотѣсте воцарити. И се ли убо *доброхотны* есте и *душу за мя полагаете*, еже подобно Ироду ссущаго млеко младенца, смертію пагубною хотѣсте свѣта сего лишити, чужаго же царствія воцарствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете? И тако ли убо своимъ чадомъ хотите сотворити, егда убо въ яйца мѣсто подадите имъ скорпію, или въ рыбы мѣсто каменѣ? Аще убо вы, злые суще, умѣете даяніе благодаяти чадомъ вашимъ, и аще убо доброхотны и благи наречетесь: почто убо такихъ благихъ даяній не приносите чадомъ нашимъ, яко же своимъ? Но понеже убо извыскосте отъ прародителей своихъ измѣну чинити, — яко же дѣдъ твой князь Михайло Карамышъ со княземъ Андреемъ Углецкимъ на дѣда нашего, великаго государя Ивана умышлялъ измѣнные обычаи; такоже и отецъ твой князь Михайло съ

великимъ княземъ Дмитріемъ внукомъ на отца нашего, блаженныя памяти великаго государя Василія, многи пагубныя смерти умышляли; тако же и мати твоя дѣдъ Василій и Иванъ Тучко, многая поносная и укоризненная словеса дѣду нашему великому государю Ивану износили; тако же и дѣдъ твой Михайло Тучковъ, на преставленіе матери нашей, великія царицы Елены, дѣду нашему Елизару Цыплатеву многая надмѣнная словеса изрече,—и понеже еси рожденіе исчадія ехиднаго, посему тако и ядъ отрыгаеши. Се убо довольно указахъ, чесого убо ради по твоему злобѣсному разуму *сопротивнымъ обрѣтается: разумвая разумѣй!* *Совѣсть прокаженну имущаго* не мни, яже никакогожъ отъ державы моя нѣсть: а отцу твоему князю Михайлу гоненія зѣло много, да и убожества, а измѣны такой, что ты, не учинилъ.

А еже писалъ еси: „Прочто есмь сильныхъ во Израили „побили и воеводъ, отъ Бога данныхъ намъ на враги наша, „различными смертми есмь уморили и побѣдоносную ихъ „святую кровь въ церквахъ Божіихъ пролили есмь, и мученическими кровми праги церковныя обагрили есмь, и на „доброхотныхъ своихъ, душу за насъ полагающихъ, неслыханныя муки, смерти и гоненія умышлены есмь, измѣнами „и чародѣйствы ихъ и иными неподобными обличая православныхъ:“ и то еси писалъ и лгалъ ложно, яко же отецъ твой діаволъ тя научилъ есть: понеже рече же Христосъ: *Вы отца вашего хотите творити, яко же онъ человекоубійца бѣ искони, и во истинѣ не стоитъ, яко истинны въ немъ нѣсть, и егдажъ ложь глаголетъ, отъ своихъ глаголетъ: ложь бо есть и отцу его.* А сильныхъ есмь во Израили не погубили, и не вѣмъ, кто есть сильнѣйшій во Израили, и не побили и не вѣмъ: земля правится Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и всѣхъ святыхъ молитвами, и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратеги. И еже воеводъ своихъ, различными смертми растор-

гали есмя: а Божію помощію имѣть у себя воеводъ множество, и опричь васъ, измѣнниковъ. А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя.

Крови же въ церквахъ никакія не проливали есмя; побѣдоносець же и святѣя крови во своей землѣ въ нынѣшнее время, ничего си явленно, не вѣмы. *Праги же церковные:* елико сила наша и разумъ осязаетъ, и яко же подвластные наши къ намъ службу свою являютъ, сице украшенѣи всякими церкви Божія свѣтятся, всякими благостынями, елико послѣ вашія бѣсовскія державы сотворихомъ, не токмо праги и помость, но и преддверія, елика всѣмъ видима есть иноплеменнымъ украшенія. Кровію же никакою праги церковные не обагрѣемъ; мучениковъ же въ сіе время за вѣру у насъ нѣтъ; добродѣтельныхъ же своихъ и душу свою за насъ полагающихъ истинно, а не лестию, не языкомъ глаголюще благая, а сердцемъ злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще, подобно зеркалу, егда смотря, и тогда видить, каковъ бѣ, егда же отъидеть, абіе забудеть, каковъ бѣ,—и егда кого обрящемъ всѣхъ сихъ злыхъ свободженна, а къ намъ прямую свою службу содѣвающе и не забывающе порученныя ему службы, яко въ зеркалѣ, и мы того жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ; а иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, то по своей винѣ и казнѣ пріемлютъ. А въ иныхъ земляхъ самъ узришь, елико содѣвается злымъ злая: тамъ не по здѣшнему! То вы своимъ злобѣснымъ обычаемъ утвердили измѣнниковъ любить; а въ иныхъ земляхъ израдець не любятъ: казнятъ ихъ, да тѣмъ утверждаются. А мукъ и гоненія и смертей многообразныхъ ни на кого не умышляли есмя; а еже о измѣнахъ и чародѣйствѣхъ вспоманулъ еси: ино, такихъ собакъ вездѣ казнятъ. А еже нѣчто мы облыгаемъ православныхъ: ино, понеже убо уподобился еси аспиду глухому, по пророку глаголющему: *яко аспидъ глухій затыкаетъ уши свои, иже не слышитъ гласа обавающаго, обаче обаваемъ обавается отъ премудра: понеже зубы ихъ во устѣхъ ихъ сокрушилъ есть Господь, и членовныя*

мвовъ сокрушилъ есть. И аще азъ облыгаю: о иномъ же истина о комъ явится? Ино-то, измѣнниче! *они сотворять!* Обличеніе нѣсть имъ! По твоему злобѣсному умышленію, чесо ради намъ сихъ облыгати? власти ли своихъ работныхъ желая, или рубища ихъ худа, или коли бы ихъ насыщатися? како у кого? Не смѣху ли подлежить твой разумъ? Заецъ потреба множества псомъ, на враги жъ множество вои! Како убо безлѣпо казнити подвластныхъ разумъ!

Яко же выше рѣхъ, какова злая пострадахъ отъ васъ отъ юности даже и доселѣ, пространнѣйше изобличу тя. Се убо являетъ (аще убо и юнъ еси сихъ лѣтъ, но обаче видѣти можеша): егда Божиими судьбами отецъ нашъ великій государь царь Василій, премѣнивъ порфиру ангельскимъ премѣненіемъ, тлѣнное се и мимотекущее земное царство оставъ, прииде на небесная (во онъ вѣкъ некончаемый, предстояти царю царемъ и господу господемъ, мнѣ жъ оставшу со единопороднымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, мнѣ убо третію лѣту сушу, брату жъ моему лѣта единого, родительницѣ жъ нашей благочестивѣй царицѣ Еленѣ въ сицевомъ бѣдна вдовствѣ оставльше, яко же въ плѣненіи отъсюду пребывающе, ово убо иноплеменныхъ языкъ отъ кругъ присѣдающихъ, брани непримирительныя пріемлюще отъ всѣхъ языкъ, Литаонска, и Поляковъ, и Перекопи, и отъ Читаръ Хана, и Нагай, и Казани, овожъ отъ васъ измѣнниковъ бѣды и скорби различными виды пріемлюще, яко же подобно тебѣ, бѣшеной собакѣ, князь Семенъ Бѣльскій, да Иванъ Лятцкій (оттекоша въ Литву и тамо скакаше бѣсящеся и въ Царьградъ, и въ Крымъ, и въ Нагай, и отъсюду на православіе рати воздвизающе; но ничто же успѣша: Богу заступающе, и пречистой Богородицѣ, и великимъ чудотворцемъ, и родителей нашихъ молитвами и благословеніемъ, вся сія яко же Ахитофель совѣтъ разсыпая. Тако же потомъ дядю нашего князя Андрея Ивановича измѣнники на насъ подъяша, и съ тѣми измѣнники пошелъ было къ Новуграду (ино которыхъ хвалиши! добрыхъ намъ и душу за насъ полагающихъ на-

зываетъ!) и се въ тѣ поры были отъ насъ отступили, а къ дядѣ нашему князю Андрею приложилися, а въ головахъ твой братъ князь Иванъ князь Семеновъ сынъ князя Петрова Львова Романовича, и иные многіе; и тако съ Божією помощію тотъ совѣтъ не сотворися. Ино то ли тѣхъ добротство, которыхъ ты хвалишь? и тако ли душу свою за насъ полагають, еже насъ хотѣли погубити, а дядю нашего воцарити? Потомъ же, измѣннымъ обычаемъ, недругу нашему Литовскому почали отчину нашу отдавати грады Радогощъ, Стародубъ, Гомей: и тако ли добротствуютъ? Егда нѣсть на всей землѣ кѣмъ погубити отъ земли и славу въ персть вселити, и тогда иноплемennымъ примѣшаются любовію, точію да погубять безпамятно!

Тако же изволися судьбами Божіими быти, родительницѣ нашей благочестивѣй царцѣ Еленѣ преити отъ земнаго царствія на небесное; намъ же со святопочившимъ братомъ Георгіемъ сиротствующимъ отставъ родителей своихъ, ни откуда промышленія уповающе, и на пресвятыя Богородицы милость

всѣхъ святыхъ молитвы и на родителей своихъ благословеніе упованіе положихомъ. Мнѣ же осмолу лѣту отъ рожденія тогда преходящу, подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое уллучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, насъ убо государей своихъ ни коего промышленія добротнаго не сподобивша, сами же премѣсишася богатству и славѣ, и тако скачаша другъ на друга. И елико сотвориша! колико бояръ, и добротныхъ отца нашего и воеводъ избивша! и дворы и села и имѣнія дядѣ нашихъ восхитивша себѣ и водворившася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще; а иноежъ себѣ разъяша: а дѣдъ твой Михайло Тучковъ то сотворилъ. И тако князь Василій и князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ береженіе учинилися, и тако воцарившася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери нашей главныя измѣнники, изъ поиманія выпускали и къ себѣ ихъ примирили. А князь Василій Шуйскій на дядей нашихъ князь Андреевъ

дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ отца нашего и нашего дѣяка ближняго, Ѳедора Мишурина изымавъ, позоровавши, убили; и князь Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ многихъ въ разныя мѣста заточиша, и на царство вооружися, и Данила митрополита сведши съ митрополиі въ заточеніе послаша: и тако свое хотѣніе во всѣмъ уллучиша, и сами убо царствовать начаша. Насъ же, со единокровнымъ братомъ, святопочившимъ Георгіемъ, питати начаша яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яковажъ пострадахъ во одѣянніи и во алканиі! во всемъ бо семъ воли нѣсть; но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино воспоминаю: намъ бо во юности дѣтства играюще, а князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій сѣдѣть на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ; къ намъ же не преклоняся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоежъ, ниже начало обрѣтеся: и таковая гордыня кто можетъ понести! Какожъ исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! многожды поздно ядохъ не по своей волѣ. Что же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтемъ боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поймаша во мздоиманіе; а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поймаша; и тако въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды злати и серебряни и имена на нихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе; а всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на кунцахъ, да и тѣ ветхи; и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнѣти, да во излишнемъ сосуды ковати. Чтожъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? все себѣ восхитиша! По семъ на грады и села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды, имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти, кто можетъ исчести? Подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотво-

риша, свояжъ рабы аки вельможи устраиша; правити же мящесь и строить, и вмѣсто сего, неправды и нестроения многая устраиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.

И тако имъ на много время жившимъ; мнѣ же въ возрастъ достигшу, не восхотѣхъ подѣ рабскою властію быти, и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя велѣлъ есми быть боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому. И князь Ивашъ Шуйскій, присовокупя къ себѣ всѣхъ людей и къ цѣлованію приведе, пришедъ ратью къ Москвѣ, и боярина нашего князя Ивана Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ бояръ и дворянъ переимали совѣтники его Кубенскій и иные, до его пріѣзду, да сославъ на Бѣлоозеро и убили; да и митрополита Іоасафа съ великимъ безчестіемъ съ митрополіа согнаша. Потомъ же князь Андрей Шуйскій со единомышленники своими пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ и передъ нами боярина нашего Семена Ѳедоровича Воронцова восхитивше безчестно и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы и хотѣли его убить. И мы послали къ нимъ митрополита Макарія, да бояръ своихъ Ивана, да Василья Григорьевича Морозовыхъ съ своимъ словомъ, чтобъ его не убили, и они едва нашего слова послушали, а сослали его на Кострому; а митрополита въ то время безчестно затѣснили и мантию на немъ со источники изодрали, а бояръ нашихъ такожь безчестно толкали. Ино то ли ихъ къ намъ добродетельство, что бояръ нашихъ угодныхъ намъ, супротивяся намъ, велѣли ихъ переимати и побили и различными муками и гоненіи мучили? То тако ли они душу свою за государей своихъ полагають, что къ нашему государству ратьми приходити и передъ нами Іудейскимъ сонмищемъ бояръ имати, и съ нами, государи, холопу ссылатися, или государю у своего холопа упрашивати? То ли къ намъ прямая ихъ служба? Воистину, сіе всѣмъ окрестнымъ въ посмѣяніе, слыша такое ихъ неистовство и гоненіе! Како могу изрещи, колики бѣды

случишамися отъ нихъ отъ преставленія матери нашея и до того лѣта? шесть лѣтъ и полъ не престаша сія злая содѣвающе!

Егда жъ достигохомъ лѣта пятагонадесять возраста нашего, тогда Богомъ наставляеми, сами яхомся царство свое строить, и за помощію всесильнаго Бога, начаса строить царство наше мирно и нематежно по волѣ нашей. Но тогда случися, грѣхъ нашихъ ради, отъ произволенія Божія, распростершуся пламени огненному царствующій градъ Москву попалиша, наши жъ измѣнники бояре, иже отъ тебя нарицаеми мученики, ихъ же имена волею премину, аки благополучно время измѣнной своей злобѣ улочиша, наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, со своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ чародѣйствомъ Москву попалили; да будто и мы тотъ ихъ совѣтъ вѣдали: и таковымъ ихъ измѣнниковъ нашихъ наущеніемъ, множество народа неистовыхъ воскричавъ Іудейскимъ обычаемъ, придоша соборныя и апостольскія церкви въ придѣлъ святаго великомученика Дмитрія Селунскаго и изымавъ боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ соборную церковь Успенія пресвятыя Богородицы и убиша въ церкви безвинно, противъ митрополича мѣста, и кровію его помость церковный окрававивше, и вывлекше тѣло его въ преднія двери церковныя и положиша, яко осужденника, на торжищи: и сіе во церкви святой убійство его всѣмъ вѣдомо. Намъ же тогда живущимъ въ свосмъ селѣ Воробьевѣ, да тѣ жъ наши измѣнники возмутили народъ, яко бы и насъ убить, за то, яко жъ ты, собака! лжеши, что будто мы князь Юрьеву мать Глинскаго, княгиню Анну, и брата его князя Михайла у себя хоронимъ отъ нихъ: и сія суетумдрствія како смѣху не подлежатъ! Чесо ради убо намъ царству своему запалители самимъ быти? Такова убо стяжанія прародителей нашихъ благословеніе у насъ погиге, еже отъ иныхъ вещей и во вселеннѣй обрѣстися не можетъ. Кто безумень или яръ

таковъ можетъ явитися, еже бы гнѣваяся на своя рабы, да погубить стяжанія своя, могль бы ихъ погубити, а своя сохранили? Посему во всемъ ваша разумѣется собачья ваша измѣна, такожде на такую высоту, еже святыи водою кропити: се убо безуміе явственно. И тако ли достойно служити намъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, еже такимъ собачьимъ собраніемъ безчеловѣчнѣ бояръ нашихъ доброхотныхъ убивати, еще жъ въ чертѣ намъ кровной, не помышляя въ себѣ страха нашего? И тако ли душу свою за насъ полагають, еже во всемъ намъ супротивная устрояють? намъ убо законъ полагающе во святыню, сами жъ съ нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака! въ гордости, такожде и иныхъ собакъ и измѣнниковъ бранною храбростію? Господу нашему Іисусу Христу глаголющу: *аще царство на ся раздѣлитъ, не можетъ стати*; такожде кто можетъ бранная понести противу враговъ, аще растлится междоусобія браньми царство? Яко жъ убо древо како цвѣсти можетъ, аще корени сущу суху; тако жъ и сіе: аще не прежде строенія во царствѣ благая будутъ, како бранная храбрѣ поставятся. Яко жъ убо предводитель множае полкъ утверждаетъ, тогда множае побѣждатель паче бываетъ. Ты же, вся сія презрѣвъ, едину храбрость похваляешь; а о чесомъ же храбрости состоятися, сія ни во что полагаешь, и являясь не токмо утверждая храбрость, но паче разрушая, яко жъ ничто жъ: еси въ дому измѣнникъ, въ ратныхъ же пребываніи ружсужденія не имѣя, понеже хочешь междоусобными браньми, паче же самовольствомъ, храбрость утвердити: ему же быти не возможно.

До того же времени бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику въ нашего царствія дворѣ, въ юности нашей, не вѣмъ, какимъ обычаемъ изъ батожниковъ водворишуся, намъ же такіа измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, и тако взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами, чающе отъ него прямыя службы. Какихъ же честей и богатствъ его не наполнихъ, не токмо его, но и родъ его! Кое жъ служеніе праведно отъ него за сіе пріяхъ? Слыши напередъ. Посемъ

же, совѣта ради духовнаго и спасенія ради души своея, пріяхъ попа Селивестра, а чая того, что онъ, предстоявія ради у престола владычня, побережетъ души своей: а онъ, поправъ священныя обѣты и хиротонію и иже у престола владычня предстоявія, идѣже желаютъ ангели приникнути, идѣже повсегда агнецъ Божій жремый за мірское спасеніе, и никогда же пожремый,—онъ же, во плоти сый, серафимскія службы своими руками сподобися, и сія вся убо поправъ, лукавымъ обычаемъ, сперва убо яко благо нача, послѣдовавше божественному писанію; мнѣ видѣвшу въ божественномъ писаніи, како подобаетъ наставникомъ благимъ покарятися безъ всякаго разсужденія, и ему, совѣта ради духовнаго, повинухся въ колебаніи, въ невидѣніи; онъ же восхитихся властію, яко же Ілія жрецъ, нача совокуплятися въ дружбу подобно мірскимъ. Потомъ же собрахомъ вся архієпископы и весь священническій соборъ Русскія митрополіи, и еже убо во юности нашей, еже намъ содѣянная, на васъ бояръ нашихъ наши опалы, та же и отъ васъ бояръ нашихъ еже намъ сопротивное и проступки, сами убо предъ отцемъ своимъ и богомольцемъ, предъ Макаріємъ митрополитомъ всея Русіи, во всемъ томъ соборнѣ простихомся; васъ же, бояръ нашихъ, и всѣхъ людей своихъ въ проступкахъ пожаловалъ и впредъ того не воспоминави; и тако убо мы всѣхъ васъ яко благіи начахомъ держати. Вы же перваго своего лукаваго обычая не оставите, но паки на первое возвратистесь, и паки начасте лукавымъ совѣтомъ служити намъ, а не истинною, и вся съ умышленіемъ, а не простотою творити. Тако же Селивестръ и со Алексѣемъ сдружился и начаша совѣтовати отай насъ, мнѣвше насъ не разсудныхъ суца; и тако, вмѣсто духовныхъ, мірская начаша совѣтовати, и тако по-малу всѣхъ васъ бояръ начаша въ самовольство приводити, нашу же власть съ насъ снимающе, и въ противословіе васъ приводяще, и честію мало васъ не съ нами равняюще, молодыхъ же дѣтей боярскихъ съ вами честію подобяще; и тако по-малу сотвердися сія злоба, и васъ почалъ причитати

къ вотчинамъ ко градомъ и къ селомъ, еже дѣда нашего великаго государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взяли и которыми вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даются, и тѣ вотчины вѣтру подобно роздалъ неподобно, и то дѣда нашего уложеніе разрушилъ, и тѣхъ многихъ людей къ себѣ примирилъ. И потомъ единомысленника своего, князя Дмитрія Курлятева, къ намъ въ сѣклитію припустилъ; насъ же предходя лукавымъ обычаемъ, духовнаго ради совѣта, будто души ради, то творить, а не лукавствомъ; и тако съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ начаа злый свой совѣтъ утверждати, ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша, и тако во всемъ свое хотѣніе уличаа. Посемъ же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ, бояромъ нашимъ, по нашему жалованью честію предсѣданія почтеннымъ быти; сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, яко же вамъ годѣ, и яко же кто како восхопцетъ: потому же утвердися друзьями, и вся властію во всей своей волѣ имъ, ничто же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ, вся строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творяше. Намъ же что аще и благо совѣтующе, сія вся не потребно имъ учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно совѣтоваху, но сія вся благо творяху! И тако убо во внѣшнихъ; во внутреннихъ же, ни въ малѣйшихъ и худѣйшихъ, глаголю же до обща и спанія, вся не по своей волѣ бяху, но по ихъ хотѣнію творяхуся; намъ же аки младенцемъ пребывающимъ. Ино се ли противно разуму, еже не восхотѣхомъ въ совершенномъ возрастѣ младенцемъ быти? Та же по семъ и сіе утвердися: еже намъ сотворити словіе пи единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся аки злочестива творяхуся, яко же въ твоей бѣсосоставной грамотѣ написано; отъ его же совѣтниковъ аще кто худѣйшихъ намъ не яко ко владыцѣ или яко къ брату, — яко къ худѣйшему чесому надмѣнная словеса пейстовѣ изношаху, и

сія вся благочестивѣ вмѣняхуся; кто убо мало послушаніе или покой намъ сотворитъ, тому убо гоненіе и мученіе; аще ли же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, тому богатство, слава и честь, а аще не тако, то души пагуба и царству разореніе! И тако убо намъ въ сипцевомъ гоненіи и утѣсненіи пребывающимъ, и таковая злая не токмо отъ дни до дни, но отъ часу растяху, а еже убо намъ послушно и покойно; сія умаляхуся: таково убо тогда православія сіяніе! Кто же убо можетъ подробну исцести, еже убо въ житейскихъ пребываніяхъ, и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и та же въ церковномъ предстояніи и во всякомъ своемъ житіи и гоненіи и утѣсненіи? И тако убо симъ бывающимъ: мняще убо, яко дивныя ради пользы сипцевая убо утѣсненія творятъ намъ, а не лукавства ради.

Та же, по Божію изволенію, со крестоносною хоругвию всего православнаго христіанскаго воинства, православнаго ради христіанства заступленія, намъ двигшимся на безбожный языкъ Казанскій, и тако неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ, иже надъ тѣмъ бесерменскимъ языкомъ побѣду давше, со всѣмъ воинствомъ православнаго христіанства здраво во-свояси возвратихомся: что же убо изреку отъ тебе нарицаемыхъ мученикъ доброхотство къ себѣ? Тако убо: аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозъ безбожную и невѣрную землю: аще не бы всемогущая десница Вышняго защитила мое смиреніе, то всячески живота гонзнулъ бы. Таково тѣхъ доброхотство къ намъ, за кого ты глаголеши, и какъ за насъ душу полагають, еже нашу душу во иноплемennыхъ руки тщатся предати!

Та же, намъ прешедшимъ во царствующій градъ Москву, Божіе милосердіе къ намъ множащи и наслѣдника намъ тогда давша сына Димитрія,—малу же времени минувшу, еже убо владыкамъ быти случается, намъ немощію одержиму быти и зѣлнѣ изнемогшу: тогда убо еже отъ тебе нарицаемые доброхоты возшаташася, яко пьяніи, съ попомъ Селивестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ, мнѣвше насъ въ небытію

быти, забывше благодѣяній нашихъ и еже и своихъ душъ, еже отцу нашему цѣловали крестъ и намъ, еже кромѣ нашихъ дѣтей, иного государя себѣ не искати: они же хотѣша воцарити, еже отъ насъ разстоящася въ колѣнѣ, князя Володимира; младенца жъ нашего, еже отъ Бога даннаго намъ, хотѣша подобно Ироду погубити, воцаривъ князя Володимира. Понеже бо аще и во внѣшнихъ писаніяхъ древнихъ речено но обаче прилично есть: „царь убо царю не кланяется; но „единому умершему, другій обладаетъ.“ Се убо намъ живымъ сущимъ такова отъ своихъ подовластныхъ добротства наследихомся: что же убо по насъ будетъ! Та же Божіимъ милосердіемъ, намъ оздравѣвшимъ, и тако сей совѣтъ разспаса; попу же Селивестру и Алексѣю оттолѣ не престающе, вся злая совѣтующе, и утѣсненіе горчайшее сотворити; на добротныхъ же намъ гоненія разными видами умышляюще, князю же Володимиру во всемъ убо хотѣнію удержавше; та же и на нашу царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигше и уподобляюще ко всѣмъ нечестивымъ царицамъ, чадъ же нашихъ ниже помянути могоша.

Та же по семъ собака и измѣнникъ старій, Ростовскій князь Семень, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобенъ быти отъ насъ сикелитства, своимъ измѣннымъ обычаемъ Литовскимъ посломъ пану Станиславу, да Воину съ товарищи нашу душу изнесе, насъ укоряя и нашу царицу и нашихъ дѣтей; и мы то его злодѣйство сыскавши, и еще милостиво казнъ свою надъ нимъ учинили. И послѣ того попъ Селивестръ и съ вами злыми своими совѣтниками, того собаку почалъ въ великомъ береженіи держати и помогати ему всѣми благими, и не токмо ему, но и всему его роду. И тако убо оттолѣ всѣмъ измѣнникомъ благо время улучися; намъ же убо оттолѣ въ большемъ утѣсненіи пребывающимъ; отъ нихъ во единомъ и ты былъ еси: явлено, еже съ Курлатевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго. Та же убо наченшася война, еже на Германы (о семъ же убо напреду слово пространнѣйши явить), попу же убо Селивестру

*

и съ вами своими совѣтники, о томъ на насъ лютѣлежаще, и еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней на насъ и на царицѣ нашей и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху! Како же убо воспомяну, еже во царствующій градъ съ нашею царицею Анастасіею съ немощною отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе? Единаго ради малаго слова непотребна. Молитвы же убо и прехожденія по святымъ мѣстамъ, и еже убо приношенія и обѣты ко святымъ о душевномъ спасеніи, и о тѣлесномъ здравіи, и о своемъ благомъ пребываніи нашемъ и о царицѣ нашей и чадѣ нашихъ, и сія вся лукавымъ умышленіемъ вашимъ отъ насъ отнюдь взяшася, въ врачевствѣ же и хитрости, своего ради здравія, ниже помянути тогда баше.

И сице убо намъ въ таковыхъ зѣльныхъ скорбѣхъ пребывающимъ, и понеже убо такова отягченія: не могохомъ понести, еже не человѣчески сотвористе и сего ради сыскавъ измѣны собаки Алексѣя Адашева со всѣми его совѣтники, милостивный свой гнѣвъ учинили: смертныя казни не положили, но по разнымъ мѣстомъ разослали. Попу же Селивестру, видѣвше своихъ совѣтниковъ ни во что же бывше, сего ради своею волею отъиде, намъ же его благословеніе отпустившу, не яко устыдѣвшись, но яко не хотѣвши судити здѣсь, но въ будущемъ вѣцѣ, предъ Агнцемъ Божиимъ, еже онъ повсегда слуша и презрѣвъ лукавымъ обычаемъ, злая сотвори ми: тамо хошу судъ пріяти, елико отъ него пострадахъ душевнѣ и тѣлеснѣ. Того ради и чаду его сотворихъ и по се время во благоденствіи пребывать; точію убо лица нашего не зря. И аще убо, подобно тебѣ, кто смѣху быти глаголетъ, еже попу повиноватися? И понеже убо до конца не вѣсте христіанскаго мнишескаго устава, како подобаетъ наставникомъ покаритися: понеже убо немощни бысте слуги, требующе учителя лѣта ради, и нынѣ же бысте требующе млека, а не крѣпкія пищи; сего ради тако сія глаголетъ; и того ради убо попу Селивестру ни чего зла не сотворихъ,

яко же выше рѣхъ. А еже убо мірскимъ, яже подъ властію нашею сущимъ, сямъ убо по ихъ измѣнѣ, тако и сотвори-
хомъ; исперва же убо казню конечною ни единому косну-
хомся; всѣмъ же убо, яже къ нимъ не приставши, повелѣ-
хомъ отъ нихъ отлучитися, и къ нимъ не пристояти, и сію
убо заповѣдь положивый и крестнымъ цѣлованіемъ утверди-
хомъ; и понеже убо отъ нарицаемыхъ тобою мучениковъ и
согласныхъ имъ наша заповѣдь ни во чтожь положиша и
крестное цѣлованіе преступивше, не токмо отсташа отъ тѣхъ
измѣнниковъ, но и большими начаша имъ помогати и вся-
чески промышлять, дабы ихъ на первый чинъ возвратити и
на насъ лютѣйшее составить умышленіе, и понеже убо злоба
неутолима явися и разумъ непреклоненъ обличися; сего ради
повинные по своей винѣ таковъ судъ пріяли. Се убо по
твоему разуму *супротивно обрѣтешя, разумывая*, еже вашей
волѣ не повинухомся? Понеже убо, сами имуще совѣсть не-
постоянную и клятвопреступну и малаго ради блистанія
злата премѣненну, се убо и намъ совѣтуете! Сего ради реку:
о Іудино окаянство сіе хотѣніе! отъ него же азбави, Боже!
душа наша и всѣхъ православныхъ христіанъ! Яко же убо
Іюда, злата ради, предаде Христа, тако убо и вы, наслаж-
денія ради міра сего, православное христіанство и насъ,
своихъ государей, предали есте, свои души забывъ, крестное
цѣлованіе преступивъ.

Въ церквахъ же, яко же ты лжеш, сія нѣсть было: се
убо, яко же выше рѣхъ, сего ради повинные пріяша казнь
по своимъ винамъ, а не яко ты лжеш, неподобнѣ измѣнни-
ковъ и блудниковъ мученики нарицаа и ихъ кровь, побѣдо-
носну и святу, и намъ сопротивныхъ, сильныхъ нарицаа, и
отступниковъ нашихъ воеводами нарицаа, dobroхотство же
ихъ и души ихъ полагая за насъ: сія вся изъявлена есть,
яко же выше рѣхомъ. И не можеш рещи, яко не оболганіе
есть, но сія измѣны всей вселеннѣй вѣдомы, аще восхощеши,
и отъ варварскихъ языкъ увѣси и самовидцевъ сямъ злымъ
дѣяніямъ можеш обрѣсти, яже куплю творящихъ въ нашемъ

царствіи и въ посолственныхъ приходящихъ; но сія убо быша. Ино же бо всѣмъ, иже въ нашемъ согласіи бывшимъ: всякаго блага и свободы наслаждающимся и богатымъ, и никакая жъ злоба имъ первая поминаются, но въ своемъ достояніи и чести суще.

И что еще? и на церкви возстае и не престающе насъ всякими озлобленіи гонити, иноплеменныхъ языкъ на насъ присовокупляюще всякими видами, гоненія ради и разоренія на христіанство; яко же рѣхъ, на челоуѣка возъярився, на Бога вооружилися есте и на церковное разореніе; гоненіе же—яко же рече божественный Павелъ: *азъ же, братіе, аще обрѣзаніе единаче проповѣдую, почто еще гонимъ есмь? убо упряднися соблазнъ креста. Но да и содрогнутся развѣвающие сія!* И аще убо, яко же вмѣсто креста, обрѣзаніе тогда потребно быша; тако и вамъ вмѣсто царскаго владѣнія, потребно самовольство. Ино сподобно есть: почто и еще не престае гонити? Се убо вся извѣстно ти есть пространнѣйши, что по твоему разуму сопротивнымъ обрѣстися: разумѣвай, совѣсть прокаженна! О безбожныхъ что глаголати, яко ни во вселеннѣй обрящеши подобно согласно твоему бѣсовскому хотѣнію! И сія вся явлена суть, яже отъ тебе сильнымъ нарицаемыхъ и воеводамъ и мученикомъ, аще кая личная имъ суть истиною, а не яко же ты, подобно Антенору съ Энеемъ, предателемъ Троянскимъ, много соткавъ, лжеши. Доброхотство же и души полаганіе ихъ выше речено есть; облыганіе же ихъ израды всѣмъ явлено есть во всей вселеннѣй.

Свѣта же во тьму предлагати не тшуся, и сладкое горькое не прозываю. А се ли убо свѣтъ, или сладко, еже рабомъ владѣти? А се ли тьма и горько, еже отъ Бога данному государю владѣти, о немъ же многа слова пространнѣйши напредіи изъявлено? Все бо едино, обращая разными словесы, во своей бѣсосоставной грамотѣ, писалъ еси, похваляя, еже рабомъ мимо господей своихъ владѣти. Тщужеса со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познають единого

истиннаго Бога, въ троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престануть, ими же царствія растлѣваются. Се ли убо горько и тьма, яко злыхъ престати и благая творити? Но се есть сладко и свѣтъ! Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же отъ междоусобныхъ браней престануть. Се убо злоба обычна: сама себѣ хапати! Самъ не разумѣвая, что сладко и свѣтъ, и что горько и тьма, и иныхъ поучаешь! Или се сладко и свѣтъ, яко благихъ престати и злая творити междоусобными бранями и самовольствомъ? Всѣмъ явлена суть, яко нѣсть свѣтъ, но тьма, и нѣсть сладко, но горько.

О провиненіи же и прогнѣваніи подовластныхъ нашихъ передъ нами: доселѣ Русскіе владѣтели неизтязуемы были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловать и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ; и аще же и не подобаеъ рещи о винахъ ихъ, но выше реченно есть. Предстатели называешь тлѣнныхъ чловѣкъ, яко же бо они Богу равно уподобляху Аполлона, и Діа, и Зевса и иныхъ множайшихъ прескверныхъ чловѣкъ, яко же рече въ богословіи тезоименитый Григорій, во своихъ словесѣхъ торжественныхъ пиша въ недѣлю: „Сія тайнства не рождества и краденія Діа, Критомъ мучителя и юношамъ... гласы „и плпща и плясанія вооруженная, Богу плачущася гласъ „покрывающе, яко да утаятся отцу чадоненавидцу: люто бо „баше яко младенцу плакаться, яко камени поглощенному; „не Фригійская рѣзанія и писканія и плесканія... и елико о „Реи чловѣцы бѣсятся... не Діонисія, не стегна боящася о „безвременнѣ рожденіи, яко другойцы глаголя прежде... не „Өивеевъ безуміе, его почитающихъ, не Семелію моленія „поклоняема... и Лакидонскимъ юношамъ струженія ранами, „ими же почитается богиня... гдѣ Гекаты темныя и страшныя мечты и Трофоніевы по землѣ игранія и волшвенія... „ниже Осиридова томленія, другая напасть чтомы Египте- „нами; ниже Исиды безчестія... Имъ же присно особія...

„кому жъ потреба и торжество и общее на всѣхъ злочестіе... „И не се убо точію люто, еже сотворено добрыми дѣлы во „славу и хвалу Творцу и божественному подобію, елико „мощно, стремленіе быти всякимъ страstemъ, жирующимъ „внутренняго чelовѣка, но еже Бога поставити въ помощ- „ники страstemъ, да не точію неповинно будетъ прегрѣшеніе, „но божественно мнитися, въ такіи притекающи, отъ всѣхъ „поклоняемыхъ.“ Множайшая скверная Еллинская дѣянiя, еже отъ страстей отъ нихъ Боги почтошася, блуда и ярости, не- „держанiя и похоти и желанiя! И елико убо кто отъ нихъ кою страстію одержимъ баше, то подобно своей страсти и Бога себѣ избираше, и въ онъ вѣру яша, яко же Ираклія блуда, Крона же ненависти и вражды, Ариса ярости и убійства, Деониса же гуденiя и плясанiя, и инныя же отъ страстей Боги почтошася. Симъ же и ты уподобляся по своему хотѣнію, тлѣнныхъ чelовѣкъ смѣя предстатели нарицати подерзая и славы не трепещахуся. Яко же бо Еллини подобно своимъ страstemъ Боги почитаху: тако же и ты, подобно своей измѣнѣ, измѣнниковъ похваляеши: яко же убо онѣмъ страсть прикровенна Богомъ почитаема: тако уже убо и ваша измѣла покрываема равно правдѣ причитаема. Мы уже убо, христiане, вѣруемъ въ троицѣ славимаго Бога нашего Іисуса Христа, яко же рече апостолъ Павелъ: *имамы бо нову за- вѣту ходатаю Христа, иже съде одесную престола величе- ствія на высокихъ, иже открывъ завѣсу плоти нашей, всегда проповѣдуетъ о насъ, о ихъ же волею пострада, очистивъ кровію своею завѣта новаго.* Та же и Христосъ рече во евангеліи: *вы убо не нарицайтесь наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ.* Мы убо, христiане, знаемъ предстателя тричисленно Божество, въ не же познаніе приведени быхомъ Іисусъ Христомъ Богомъ нашимъ, тако же заступницу христiанскую, сподобльшуюся быти мати Христа Бога, пречистую Владычицу; и потомъ предстатели имѣемъ вся небесныя силы, архангели и апгели, яко же Моисею предстатель бысть Михаилъ архангелъ, Іисусу Наввину и всему Израилю; та же во

благочестіи, въ новой благодати первому христіанскому царю, Константину, невидимо предстатель Михаилъ архангелъ предъ полкомъ его хождаше и вся враги его побѣждаше, и оттолѣ да же и донныѣ всѣмъ благочестивымъ царемъ пособствуетъ. Се убо имѣемъ предстатели Михаила и Гавріила, и прочихъ всѣхъ безплотныхъ; молитвенники же къ Богу имамы пророцы и апостоли и святіи мученики, ликъ преподобныхъ и исповѣдникъ и безмолвникъ, мужей и женъ. Се убо имѣемъ предстатели христіанскіе! О тлѣнныхъ человѣцѣхъ: не вѣмы ихъ предстатели нарицати ихъ. Не токмо сія не подобаеъ подовластнымъ нашимъ, но и намъ царемъ неприлично естъ нарицатися предстатели, аще убо и порфиру носимъ, златомъ и серебромъ украшину, но обаче тлѣнни есми, и человѣческою немощію обложени. Ты же убо, не стыдишься тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ предстатели нарицати, Христу глаголющу во святомъ евангеліи: *еже естъ высоко въ челоуцѣхъ, мерзость естъ предъ Богомъ*. Та же на измѣнныхъ и тлѣнныхъ человѣкъ, не токмо человѣческую высоту восхищая, подкладаеши, но Божию слову восхищаеши! Подобенъ Еллиномъ и изступившимъ умамъ неистовишися, бѣсному подобяся: по своей страсти, тлѣнныхъ и измѣнныхъ человѣкъ избирая похваляеши. Яко же Еллини своихъ боговъ почтоша! Ови убо рѣжущесе и всякими пагубами себя погубляюще, въ почестъ Богомъ; ови же всякимъ страstemъ вдашася, Богомъ подобящесе. Яко же рече божественный Григорій: „сіи убо „сквернительство почтоша и свирѣпству вѣроваша“; тако же убо и тебѣ подобаеъ. Яко же бо они пресквернымъ своимъ Богомъ послѣдоваша, тако и тебѣ своимъ измѣненнымъ другомъ сострадати страсти ихъ подобаеъ и погибнути. Яко же убо Еллини, неподобно тлѣнныхъ человѣкъ мученики нарицаеши, и того ради подобаеъ тебѣ праздники, мучениковъ рѣзанія, и страданія, и плясаіа, и гуденія своихъ приносати. Яко же Еллини, тако же и тебѣ подобаеъ; якова же они пострадаша, и тебѣ праздники мучениковъ своихъ страдати!

А о немъ же писалъ еси, что будто тѣ „предстатели „прегордыя царства разорили и подручны намъ ихъ сотворили „во всемъ, у нихъ же прежде въ работѣ были праотцы „ваши:“ се убо разумно есть, еже едино царство Казанское: отъ Астрахани же, ниже близъ вашея милости было, не то-чю дѣло. О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличати, безумне! Како убо, гордостію дмяся, хвалишися! Како бо прародителемъ вашимъ и отцемъ и дядьямъ, въ ка-ковѣ разумѣ храбрость суще и помысла попеченія, яко вся ваша храбрость и мудрость ни къ единому ихъ сонному ви-дѣнію подобно, и такіе храбрые и мудрые люди и ни кимъ же понуждаемы, но своими хотѣніи и бранной храбрости хо-тими, а не яко же вы, еже понуждаемы на рать, и о семъ скорбяще,—и такіе храбрые тринадцать лѣтъ до нашего возраста не могоша отъ варваръ христіанъ защитити! По апостолу Павлу рѣхъ: *быхъ вамъ подобенъ, безуми хваляся: понеже вы мя понудисте, власть бо приѣмаете, безумные... аще кто вы поядаетъ, аще кто въ лице бѣетъ, аще кто ве-личается; по досажденію глаголю: всѣмъ убо явлена суть, какова тогда злая пострадаша отъ варваръ православные, и отъ Крыма, и отъ Казани: до полуземли пусто бяше! И егда начало воспріяхомъ, за Божією помощію, еже брани на вар-вары, егда первое послахомъ на Казанскую землю воеводу своего, князя Семена Ивановича Микулинскаго съ товарищи, како вы глаголали? Се, яко мы въ опалѣ своей ихъ послали, казнить ихъ хотя, а не своего для дѣла! Ино, се ли храб-рость, еже служба ставится во опалу? и тако ли покорити прегордыя царства? Та же, сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понужденіемъ, съ хотѣніемъ, ходите? Но и всегда аки на бѣдное хожденіе ходите! Егда же Богъ милосердіе свое яви намъ, и тотъ родъ варварскій христіанству покори, и тогда како не хотѣсте съ нами вое-ваться на варвары, яко болѣе пятнадцать тысячъ, вашего ради нехотѣнія, съ нами тогда не быша! И тако ли прегор-дыя царства разоряете, еже народъ безумными глаголы нау-*

пяти и отъ брани отвращати, подобно юношѣ Угорскому? Како же и въ тамошнемъ пребываніи всегда развращенная совѣтовасте, и егда запасы истопиша, како три дни стоявъ, хотѣсте во своя возвратитися! И повсегда не хотѣсте во многопробываніи надобна времени ждати, ниже главъ своихъ падающе, ниже бранныя побѣды смотряюще, точію: или побѣдивъ, наискорѣйши побѣжденнымъ бывшимъ, скорѣйши во своя возвратитися. Та же и войны многоподобныя, возвращенія ради скорого, остависте, еже послѣди отъ сего много пролитія крови христіанскія бысть. Како, еже убо и въ самое взятіе города, аще бы не удержажъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати? Та же убо по взятіи града Божіимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія, на грабленіе текосте! Тако ли убо прегордыя царства разоряти, еже убо ты, безуміемъ дмяся, хвалишися? иже ни единыя похвалы, аще истинно рещи, достойно есть: понеже вся, яко раби, съ понужденіемъ сотворити есте, а не хотѣніемъ, и паче съ роптаніемъ. Се убо похвально есть, еже хотѣніемъ желая, брани творити. Подручна же тако царствія сія сотвористе намъ, яко же множае седми лѣтъ мнѣ же сихъ царствъ и нашего государствія бранная лютость не престая! Егда же Алексѣева и ваша собацкая власть преста, тогда и тако нашему царствію государское во всемъ послушно учинишася, и множае третью надесять тысящъ бранныхъ исходитъ въ помощь православію. Тако вы прегордыя царства разорили и подручны намъ сотворили, талавни! И тако сопротивенъ разумъ, по твоему злобѣсному умышленію!

Се убо отъ Казани; отъ Крыма же и на пустыхъ мѣстѣхъ, идѣже звѣрія бяху, грады и села устроиша: что же убо и ваша побѣда, аже Хопромъ и Дономъ? Колико убо злая истощанія и пагуба христіаномъ содѣявше, супротивнымъ же ни малыя досады! О Иванъ же Шереметевъ что глаголати? Еже по вашему злосовѣтію, а не по нашему хотѣнію, случися таковая пагуба православному христіанству.

Се убо такова ваша доброхотная служба, и тако прегордїя царства разоряете и подручныя намъ сотворяете, яко же выше явихомъ! О Германскихъ же градѣхъ глаголющїи: „тщанїе разума измѣнниковъ нашихъ отъ Бога намъ данно“. Но, яко же наученъ еси отъ отца своего діавола, все ложь глаголати! Брань, еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего царя Шигалея и боярина своего и воеводу князя Михаила Васильевича Глинскаго съ товарищи, Германъ воевати, и отъ того времени отъ попа Селивестра и отъ Алексѣя и отъ васъ какова отягченїя словесная пострадахъ, ихъ же нѣсть подробну глаголати! Еже какова скорбнаго ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися! Егда же васъ послахомъ на лѣто на Германскіе грады, тебѣ тогда сущу въ нашей отчинѣ, во Псковѣ, своея ради потребности, а не нашимъ посланїемъ, множае убо седмь посланїй нашихъ къ боярину нашему и воеводѣ, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и къ тебѣ послахомъ: вы же едва пойдосте съ малѣйшими людьми, и нашимъ многимъ поминанїемъ множае пятнадцать градовъ взясте. Ино, се ли убо тщанїе разума вашего, еже нашимъ посланїемъ и напominанїемъ грады взаша, а не по своему разуму? Како убо воспомяну о Германскихъ градѣхъ? Супротивъ словїя попа Селивестра восхищати можетъ, иже сїру вдовицу, суду не внимлюще, ихъ же вы желающе на христіанство злая составляете! Антихристажъ вѣмъ, ему же вы подобная твористе, злая совѣтующе на церковь Божїю. Отъ насъ *сильныхъ же во Израили и отъ разліянія крови вашей* писахъ; потоки жъ никакимъ не творимъ; паче же сами вы супротивословія не прїемлете, но обаче потоки любите. А еже *сиклита, отъ пробужденїя рожденна*, не вѣмъ: паче же въ васъ таковъ; *Маовитинъ же и Амонитинъ* ты. Яко же убо они отъ Лота изшедши, отъ сыновца Авраамля, всегда на Израиль воеваху: тако же убо ты: еже убо отъ васкаго племени изшелъ еси, и на ны безпрестаннѣ совѣтуеши пагубу.

Что же убо писалъ еси, *хотя убо поставити судію или учителя: ни къ чесому убо власть твоя, понеже претительно повелѣваеши. И яко же убо бѣсовскому злохитрію подобно!* Ово убо лукаво и ласкательно, ово же гордо и страшительно: тако же убо и ты: ово убо гордостію дмяся, выше мѣры подобяся мѣстоблюстителемъ, яко извѣты творя, къ намъ писалъ еси; ово же худѣйшимъ рабомъ своимъ и скуднымъ умоу подобяся. Яко же убо иже бѣжавши отъ рукъ нашихъ, яко же тѣи недѣлая глаголюще; тако же и ты по своему злобѣсному, измѣнному, собацкому хотѣнію и умышленію, изступивъ ума неистоваяся, бѣсному подобяся, колебляся писалъ еси. Тѣмъ же подобно пророческое слово: *Се владыка Господь Саваоѣ отзываетъ отъ Іудеи и отъ Іерусалима крѣпяюще, крѣпяща, крѣпость хлѣба, и крѣпость воды, исполнина крѣпка, и челоуѣка ратника, и судію, и пророка, и смотрѣлива, и старца, и пятьдесятиначальника, и дивна совѣтника, и премудра художника, и разумна послушника. И поставлю юношу начальника ихъ, и ругатели обладаютъ ими. И спаднутъ людіе, челоуѣкъ къ челоуѣку, и челоуѣкъ къ ближнему своему: приразится отроча къ старицу, и безчестный къ честному. И яко имется челоуѣкъ брата своего или приснаго отца своего, глаголя: ризу имаша, началавождь намъ буди, и брашно мое во область твою да естъ. И отвѣщаетъ въ день онъ, речетъ: не буду старъ, нѣтъ бо въ дому моемъ ни хлѣба, ни ризы: не буду старъ и юдеи симъ. Яко оставленъ бысть Іерусалимъ, Іудея разорится, и языцы ихъ со беззаконіемъ, Господеву не покажутся. Зане же смирися слава ихъ, и стыдъ лица ихъ противится имъ; грѣхъ же свой, яко Содомскій, возвеститиша и явиша. Горе душѣ ихъ! зане умыслиша совѣтъ лукавъ въ себѣ, рекше: свяжемъ праведна, яко не потребенъ намъ естъ: убо плоды дѣлъ своихъ съидятъ. Горе беззаконному! злая бо приключаются ему по дѣломъ руку его. Людіе мои! приставницы ваши пожинаютъ васъ, истязяюще и обладаютъ вами. Людіе мои! блажащіе васъ льстятъ въ, и стези ногъ вашихъ возмутятъ. Но нынѣ*

станетъ на судъ Господь и поставитъ люди своя. Самъ Господь на судъ придетъ со старцы людей и со князи своими. И яко же Ареопagitъ писа къ Димофилу иноку: „Димофилъ же, и аще кто другій благія враждуя зѣло правдѣ, не за- „прещается, и навывааетъ добрая и ублажается. Како бо не „подобаше ли, рече, благому о спасеніи останія и погибшихъ „веселитися о животѣ умершихъ? Сего ради и на рамови „емлетъ еже едва отъ заблужденія возвращенное и благіе „ангелы на веселіе воздвижетъ, и благъ есть не о благодар- „ныхъ, и возсіяваетъ солнечные луча на лукавые и благіе и „самую душу свою полагаетъ за отбѣгающихъ. Ты же, яко „писмена твоя являютъ, и пришедшаго къ священнику, его „же реклъ еси нечестива и грѣшна, не вѣмъ како на себе „возставъ отринулъ еси; тажъ ово убо моляшеса и повѣдаше „ко врачеванію злыхъ пріити; ты же не ужасеся, но и бла- „гому священнику свирѣиствомъ досадишь еси, помилованна „быти кающагося и нечестива судившу; и конецъ, *Изиди*, „рекль еси священнику, съ подобными воскочилъ еси на кушу „праведно съ неходимымъ, и святая святыхъ skutаль еси, и „пишеша къ намъ, яко хотящаго растлѣти священная про- „мыслителнѣ снабдѣхъ, и еще что сохраняя. Нынѣ убо слыши „нашихъ: нѣсть праведна священника, отбѣже отъ тебя слу- „житель или вкупочинныхъ тебѣ рабъ виновна творять, аще „и не чествовати въ божественная мнится, и аще ино что „отреченныхъ обличитъ содѣявъ. Аще убо неудобреннѣ и „безчиннѣ божественнѣйшихъ есть и предѣлъ и уставъ; ис- „шествія не имать, славы ради богопреданный разрушити „чинъ. Не бо въ себѣ Богъ раздѣлился, какъ бо станетъ цар- „ствіе его? И аще Божій есть, яко жъ словеса глаголють, „судъ, священники же вѣстницы, и пророцы по священно- „начальницѣхъ суть божественныхъ судьбъ, отъ тѣхъ, боже- „ственная, прикладъ, лѣтъ насредствомъ служитель, егда есть „время, навывкуеши, ими же быти угодникъ сподобился еси. „Или не освященны образы сіе же вопіють? Ибо не простѣ „всѣхъ изби, изрядни суть святая святыхъ; приближаетсяся

„вѣщимъ священно-совершительное удобреніе, тажъ священ-
„никъ удобреніе. Послѣдуй, еже ииѣмъ служительное; вчи-
„неннымъ же угодникомъ, рекше инокомъ дверьми невходи-
„мыхъ суть отлучены, на нихъ же совершаются и предстоятъ
„не блюденію ихъ, но въ чину и разумѣнію своихъ, паче
„людемъ, нежели священническимъ и приближающимся. Сего
„ради священныхъ чиноначаліа, причащаются имъ священно
„полагаетъ божественныхъ, инымъ, рекше внутреннѣйшимъ,
„ихъ припаденіе вручи: ибо иже о божественномъ образѣ
„присно предстояще жертвенницы, слышатъ и зрятъ боже-
„ственная свѣтлѣй имъ открываемая, происходяще благовиднѣ,
„называя божественныхъ и за все послушательнымъ и угод-
„никомъ и священнымъ людемъ и чистящимся чиномъ и
„изъявляютъ по достоянію священная, яже добрѣ пречистая
„сохраненная, дондеже мучительски скончалъ еси; обличити
„святая святыхъ понудилъ еси нехотѣющая; имѣти, реклъ еси,
„священная соблюдать паче, и еже видѣлъ еси, и еже слы-
„шалъ еси, ниже имѣлъ еси что о прикладнымъ священни-
„комъ, якожъ ниже истину словесъ видѣлъ еси, на кійждо
„день сіа толкуя возвращеніе слышащимъ. И аще убо языка
„начальство некако взяти начнетъ, неповелѣнно ему отъ
„царя, праведно мучитися имате. И аще князь оправдая нѣ-
„коего или осуждая, предстоя нѣкто, иже невчиненный судъ,
„что дерзнетъ: ни убо, глаголю, досаждати вкупѣ и начала
„изгоняти? Ты же, человѣче! сице смѣятеленъ еси ни крот-
„каго и благаго и на священноначальническіе его уставы. Но
„сія подобаше рещи, егда паче достоянія кто начиная, обаче
„лѣпотно дѣти мняшеся, ибо ниже се мощно снѣденному.
„Что убо Іозія безмѣстно твориша, краде Бога? Что же Сауль
„подражая? Что же мучительные бѣсове Бога славяще и Гос-
„пода? Но отриновени благословіемъ всякъ чуждъ епискупъ
„и кійждо въ чину службы своя да не будетъ, и единъ
„первосвященникъ внидетъ во святая святыхъ единого въ
„лѣто, и сый во всякой священноначальнической чистотѣ. И
„священницы skutываютъ святая, и Леввити аще прикоснутся

„святыхъ, да не умрутъ. Дерзнувше же Іозія, гнѣвъ Божій наведе на ся, и Марія прокаженна бываетъ, законодавцу уставъ полагати наченшеся. И на сыны паскочивше бѣсове, „не послушахъ, рече, и тѣи течаху; я не глаголаху къ нимъ, „и тѣи пророчествоваху, и нечестивій пожираху тельца, яко „убивая и пса. И просто рещи, не терпитъ беззаконныхъ „всесовершенная Божія правда; глаголющимъ же имъ: „о имени твоемъ силы многи сотворихомъ,“— „не вѣмъ васъ, „отвѣщаетъ, *отъидите отъ мене, вси дѣлатели беззаконія.*“ Тѣмъ же нѣсть лѣзѣ, яко жъ глаголютъ слова, ниже праведная, не по достоянію гошпи. Внемлити же комуждо себѣ подобаетъ, а не высочайшая и глубочайшая смышлай, разумѣвай же единая по достоянію тому повелѣнная.

„Что же убо, глаголеши, не подобаетъ священствуемая, „или о чесомъ иномъ безмѣстныхъ облачаемыя творити, единымъ же лѣтъ хвалящимся законопреступленіемъ закона „Бога обезчестовати? и какъ священники изъявили судъ „Божій? како бо возвѣстити имутъ людямъ божественныя добродѣтели, не увѣдѣша ихъ силу? или како просвѣщати имутъ потемненныя? Како же божественнаго проповѣдать „духа, ниже еще есть духъ святыи истинною вѣроваша имъ? „Азъ же отвѣщати имамъ къ симъ: бо не врагъ Димофилъ, „ниже терплю тебя лихоимствуема. И убо коеждо сущихъ „при Бозѣ удобреніе, боговиднѣйше вѣщае отстоимаго есть, „и свѣтлѣйшая вкупѣ и просвѣщательная же паче истинному свѣту приближательнѣйшая. Да не вѣстнѣ примеши, „но въ богопріятномъ прикладствѣ приближеніе. Аще убо „священникъ удобреніе есть просвѣщательно, весьма отпалъ „есть священническаго чина и силы, иже не просвѣщатель, „когда, колѣми паче иже не просвѣщенный. Дерзостивъ мнѣ „мнится священникъ таковъ начиная, не убоясь, ниже устыдѣся божественныя предстоянія, гоня и непуща Богу видѣти, „яко той собою разуменъ есть, и прельстити непщуетъ, „иже лжеименіемъ того отца нарицаемаго имѣетъ скверная „своя злохуленія: (не бо имамъ рещи молитву), но въ бже-

„ственныхъ знаменныхъ и Христовидно глаголати. Нѣсть се
„священникъ, нѣсть; но злый и лъстивый поругатель себѣ и
„волкъ на божественные люди, въ кожу овчюю облеченный.
„Не Димофилу сія праведно исправляти. Аще убо Богословъ
„неправеднѣ праведная гонити повелѣваетъ (праведная же
„гонити есть, егда воздати вамъ хочетъ что комуждо по до-
„стоянію), праведнѣ всѣмъ достонѣ гонити: понеже анге-
„ломъ праведно воздати, яже по достоянію, отлучати, обаче
„не отъ насъ, Димофиле! тѣмъ же намъ отъ Бога, и тѣмъ
„же еще преимущими ангелы. Просто рещи, во всѣхъ и су-
„щихъ первы имя вторымъ воздаются, яже по достоянію отъ
„всѣхъ благочиннаго и праведнѣйшаго промышленія: еже убо
„инные начальствовать отъ Бога вчиненные воздаютъ послѣд-
„нимъ себѣ и послушливымъ, яже по достоянію. Димофилъ
„же слову ярости и похотѣнію, яже по достоянію, да отлу-
„чаетъ и да не обидитъ своего чина, но да начальствуетъ
„меньшими.“

Первоходимое слово. Аще бо нажилищихъ видиши раба
владыцѣ, и старцу юношу, и Алексѣя и всѣхъ васъ на всяко
время, еже бы не ходити бранію, и како убо, лукаваго ради
напоминанія, дастся до короля лѣто цѣло безлѣпо Лифлян-
томъ собиратись? Они жъ, пришедъ предъ зимнимъ временемъ,
и колько тогда народу христіанскаго погубили! Се ли же
тщаніе измѣнниковъ нашихъ? Да, и ваше благо, еже народъ
такъ христіанскій погубляти! Потомъ послахомъ васъ съ на-
чальникомъ вашимъ Алексѣемъ и зѣло со многими людьми;
вы же едва единъ Вильянь взясте, и тутъ много нашего
народу погубисте. Такожде убо тогда отъ Литовскія рати
дѣтскими страшили устрашистеся! Подъ Пайду же нашимъ
повелѣніемъ неволею пойдосте, и какомъ трудъ воемъ на-
шимъ сотвористе и ничтожъ успѣсте! Таково ли убо тщаніе
разума вашего, и тако ли претвердые грады Германскіе тща-
лися есте утверждати? И аще не бы ваше злобѣсное претя-
каніе было, то бы за Божією помощію, едва не вся Германія
была за православіемъ. Та же оттолъ Литовскій языкъ и

Готескій и иные множайшіе воздвигосте на православіе. Се ли убо, тѣшаніе разума вашего и тако ли хотѣніе утверждати православіе? А всеродно васъ не погубляемъ; а измѣнникамъ вездѣ казнь и опала бываетъ: въ кою поѣхалъ еси землю, и тамо о семъ пространнѣе увѣси. А за такія ваши послуги, еже выше рѣхомъ, достойны есте были многихъ опалъ и казней; но мы еще съ милостію къ вамъ опалу свою чинили; аще бы по твоему достоинству, и ты бѣ къ недругу нашему не уѣхалъ, и въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ бы нашемъ градѣ избылъ еси, и утеканія тебѣ сотворити было невозможно. Коли бы мы тебѣ въ томъ не вѣрили, и мы бы тебя въ ту свою вотчину не посылали, и ты такъ собацкимъ своимъ обычаемъ измѣну намъ учинилъ, безсмертенъ быти мняся, понеже смерть Адамскій грѣхъ, общежелательный долгъ всѣмъ человѣкомъ; аще бо и порфиру ношу, но обаче вѣмъ сіе, яко по всему, подобно всѣмъ человѣкомъ, обложенъ есмь по естеству, а не яко жъ вы мудрствуете, еже выше естества велите быти ми.

О ереси же всякой: яко жъ выше рѣхомъ, благодарю Бога моего, вѣмъ благочестіе отчасти утвердити по Божію дарованію, елико ми есть сила; сіе же мняху подлежитъ, еже человѣкомъ яко скотомъ быти: аще ли же тако, то уже въ человѣцѣхъ пара, а души нѣсть: се убо ересь Саддукейская! Сице убо ты неистовишися, безъ ума пиша! Азъ же вѣрю Спасову страшному судищу, хотящу пріяти душамъ человѣческимъ съ тѣлеси ихъ, съ ними жъ содѣяша, каждо противу дѣлу ихъ вси вкупѣ во единомъ лику разлуча надвое: царіе и худѣйшая чадъ, яко братія изяззани будутъ, каждо противу дѣлу своему. А еже писалъ еси: „аки не хотя ужъ „неумытному судищу предстати:“ ты жъ убо на человѣки ересь полагаеши, самъ подобенъ Манихействѣ злобной ереси, пиша! Яко же они, еже небомъ обладати Христу, землю же самовластнымъ быти человѣкомъ, преисподними же діаволу; такожъ и ты будущее судище здѣ проповѣдуешь, и еже Божіихъ наказаній, приходящихъ согрѣшеній ради че-

ловѣческихъ, презираеши. Азъ же исповѣдую и вѣмъ, яко не токмо тамо мученія иже здѣ живущимъ и преступающимъ заповѣди Божія, но и здѣ Божіаго гнѣва праведнаго, по своимъ злымъ дѣломъ, чашу ярости Господни испиваютъ и многообразными наказаніи мучатся, а по отшествіи свѣта сего, горчайшее осужденіе пріемлюще. Сиде азъ вѣрую страшному судищу Спасову! Та жъ и се вѣмъ: обладающу Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на землѣ и преисподняя состоится его хотѣніемъ, совѣта отча и благоволеніемъ святаго духа; аще ли жъ не тако, сія мученіе пріемлютъ, а не яко же Манихей, яко же о неумытномъ судищѣ Спасовѣ, аще не хотимъ предстати Христу Богу отвѣтъ дати о своемъ согрѣшеніи, вся вѣдущему сокровенная тайная. Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ: како жъ твой разумъ смѣху не подлежитъ, яко аще тлѣнни власти множицею на судище неволею привлекають! Царю же царемъ и господу господемъ всѣми владѣющему, како не повинутися? и аще кто и не хочетъ безумень, то отъ Божія гнѣва гдѣ укрытися можетъ? иже неодолимую тяготу на воздухѣ держаще, воду и моря востязающе Божія мудрость, ему же дыханія въ руцѣ всѣхъ сущихъ, яко же рече пророкъ: *Аще възду на небо, ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси; аще возму крыль мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя. Не утаися кость моя отъ тебя, юже сотворилъ еси втайнѣ, и составъ мой въ преисподнихъ земли.* Сиде убо азъ вѣрую неумытному судищу Спасову! И отъ Божія всемоущія десницы живымъ и мертвымъ кому возможно гдѣ скрытися? вся нага и отверста! Прегордымъ же гонителемъ всѣмъ и всѣмъ Христа Бога нашего истиннаго противникомъ, яко жъ рече писаніе: *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.*

*

Станемъ же убо о семъ разсужденіе имѣти, кто прегордѣ: азъ ли, отъ Бога только повиннымъ рабомъ вамъ повелѣваю хотѣніе свое сотворити; или вы, противяся Божія повелѣнія, моего владычества и своего работнаго ига отметааетеся, и яко господіе повелѣваете мнѣ вашу волю творити, и поучаете, обличаете и учительскій санъ на ся восхищаете? яко же рече божественный Григорій къ надѣющимся юности и во все время держащимъ быти учителемъ: „Ты прежде брады учиши „старца: или учить вѣруешь ни отъ возраста, ни отъ нрава, „и ниже какой имъ честь? Посему Данилъ Іонъ сядею и „изсуди я и притча на языцѣ: всякъ убо обидай, въ отвѣтъ „готовъ, но не закономъ церкви скудно.“ Яко же не едина ластовица весну творить, ниже писмо единого землемѣрца или корабль единъ въ морѣ; такожде и ты, ни отъ кого же рукоположенъ, учительскій санъ восхищаеши. Се ли гордо, яко владыцѣ рабу учить? или се гордо, яко владыцѣ повелѣвати рабу? И можетъ ли сіе невѣжда разумѣти, яко жъ ты, собака, и того не рассудишь, како тріе патріарси собращася со множествомъ святителей къ нечестивому Теофілу царю, и многосложный свитокъ написаша, таковая жъ хуленія, яко жъ ты, не написаша, аще и нечестивъ быше царь Теофілъ: благочестивымъ же наипаче подобаетъ смиреннѣйше вѣщати, да отъ Бога самъ милость обрящешь; азъ же вѣрую Христу Богу моему, яко жъ ни движеніемъ сердечнымъ таковая согрѣшенія имѣю; и аще убо они, власть имѣя, и нечестивому не хулиша: ты же кто еси, санъ восхищая, неистоваясь хулиши? И хотите законъ Божій нуждою утвердити и своимъ злобѣснымъ обычаемъ вся апостольская преданія попираете; апостолу бо Петру глаголющу:... *ни яко обладающе ряду, но образъ бывающе стаду; не нуждою, но волею, не мшелою*: вы же вся сія презираете. Гоненія жъ на люди воскладаете: вы ли убо съ попомъ и со Алексѣемъ не гонили? Како убо епископа Коломенскаго Θεодосія, намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его со престола его. Что жъ о казначеѣ на-

шемъ Никитѣ Аванасьевичѣ? почто животъ его раздробисте, самого жъ въ заточеніи много лѣтъ, въ дальнихъ странахъ, во алчбѣ и наготѣ держасте? И кто можетъ довольно вся гоненія ваша исцести за множествомъ ихъ! Аще кто мало намъ послушенъ явится, вси тѣи отъ васъ гоними быша неправедно. Сіе убо праведно? Ни: но бѣсомъ подобно твористе, спивая и полячая сѣти, уловляюще неправедно. Сіе же убо паче беззаконно твористе, подобно Фарисейскому киченію: внѣ уду являющесь праведни, внутрь же уду полни лицемѣрія и беззаконія, тако и вы являющесь человѣкомъ, яко исправленія ради гонисте, внутрь же уду свое неправедное хотѣніе гнѣва исполняете; и сіе ваше гоненіе всѣмъ разумно есть. Изъязаніе жъ не токмо до властъ, но и движеніе сердечное, яко же рече, не содѣланное мое видѣсте очи Господни, и въ книзѣ твоей вси напишутся, яко жъ речено бысть въ *Старчествъ* о Иванѣ Калосѣ: егда возстѣна о нѣкоемъ братѣ, живущемъ въ велицѣй лаврѣ во всякомъ небреженіи, и въ пїянствѣ и въ блудѣ, и тако за сіе видѣ себя восхищенна въ видѣнни и поставленна у страшнаго престола предъ нелицемѣрнаго судію, Господа нашего Іисуса Христа, предстояще жъ окрестъ множество ангелъ, како за сіе пострада и отвѣтъ воспріа! Се есть: *Антихристъ, восхищая судъ Мой*, и тако видитъ себе изгонима отъ престола славы, и воспріа лишеніе мантии, еже есть покровъ Божій, и пятнадцать лѣтъ страдавшу ему въ пустынѣ, едва сподобися мантию и прощеніе пріяти. Смотри же сего, бѣдникъ! Понеже не осуди, но токмо возстѣна, и за сіе пострада страшно, аще и праведникъ; кольми же паче постраждутъ, иже нечестія много сотворяющіе и Божій судъ на ся восхищающе, гордящеся, съ прещеніямъ ужасающе, а не сѣтующе съ милованіемъ. И аще о сѣтованіи пострада таковая, кольми же паче осуждаѣи постраждеть!

Судителя жъ приводишь Христа Бога нашего между мною и тобою: и азъ убо сего судища не отметаюся: онъ бо господъ Богъ нашъ, судитель праведенъ, испытай сердца и

утробы, и вся наша помышленія во мгновеніе ока нага и явственна предъ нимъ, и нѣсть иже укрывается отъ очю его, вся вѣдущему тайная сокровенія; и се убо вѣсть, за кое дѣло возстаете на мя и что пострадаете отъ мене, аще и послѣди, по вашему безумію, съ милостію мечь вамъ воздахъ. Но обаче вы есте соблазнъ всему и начало злу: понеже, по про-року, *мняте мя червя, а не чловѣка, и о мнѣ глаголете, сѣдѣще во вратѣхъ, и о мнѣ пояте, пїющи вино съ дру-гими измѣнники; сему убо, всѣмъ лукавымъ вашимъ совѣтамъ и умышленіямъ, судитель истинный Христосъ и Богъ нашъ. И ты убо судію Христа приводишь, дѣлъ же его отметае-шися: оному убо глаголющу: *солнце да не зайдетъ во инъвъ вашемъ, безъ прощенія, и молитесь за творящихъ напасть, отрицаешися. Зла же и гоненія безлѣпа отъ мене не прїялъ еси, и бѣдъ и напастей на тебя не подвигли есмя; а кое и наказаніе мало бывало на тебѣ, и то за твое преступленіе: понеже согласился еси съ нашими измѣнники. А лжей и измѣнъ, ихъ же не сотворилъ еси, на тебя не взвѣживали есмя; а которые еси свои проступки дѣлалъ, и мы по тѣмъ твоимъ винамъ по тому и наказаніе чинили. Аще ты нашихъ опалъ, за множествомъ ихъ, не можешь счесть, како убо можетъ вся вселенная исписать вашихъ измѣнъ и утѣсненій земскихъ и особныхъ, еже вы злобѣснѣмъ своимъ умышленіемъ сотвористе намъ? И мы всего того есмя не памятовали, и отъ Божія земли тебя не отгоняли, но самъ еси отъ всѣхъ лишился, и на церковь Божию возсталъ еси, подобно Евтропію: яко не церковь бо его предаде, и онъ самъ отъ церкви Божіи отторжеся; тако жъ убо и ты: не Божія земля тебя отъ себя отгнала, но ты самъ себя отъ нея отторгнулъ еси. Злую жъ и непримирительную ненависть кую воздалъ тебѣ и до нынѣшней твоей измѣны? Всячески бѣ дыхалъ еси на пагубу нашу, и достойныхъ мукъ по твоему злоумію не воздахомъ тебѣ, видящи тя о главѣ нашей злая совѣтующа, и въ таковѣй ближней чести держакомъ ты выше отецъ твоихъ: вси бо вѣдѣтъ, въ каковой чести родители твои жиша, и како убо**

отець твой, князь Михайло въ каковѣ жалованѣ и въ богатствѣ и чести былъ; каковъ же былъ еси и ты предъ ними, и сколько у отца твоего начальниковъ поселянъ, и былъ отецъ твой боляриномъ князя Михайла Кубенскаго: ты же тоя чести отъ насъ сподобленъ былъ еси. Но и сія ли тебѣ отъ насъ не довольно бысть? Всѣмъ еси лучше былъ отца своего по нашей къ тебѣ превысочайшей милости; храброваніемъ же множайше хуже отца своего, измѣною же прешель еси. И се ли убо благое твое возлюбленіе къ намъ, еже повсегда сѣти претыканія полагалъ еси намъ и подобяся Іудѣ на пагубу души поучалъ еси?

А что речеши: „кровь твоя пролитая отъ иноплемennыхъ „за насъ,“ по твоему мнимому безумію, „вопіетъ на насъ „къ Богу:“ тѣмъ же убо смѣху подлежитъ сіе! Еже убо отъ инаго пролитая, на инаго же вопіетъ. Аще бы и тако, еже отъ сопротивныхъ супостатъ пролитая кровь твоя, то должная отечеству сія сотворилъ еси; аще бы не сотворилъ еси, то нѣси бы еси былъ христіанинъ, но варваръ:—и сіе къ намъ неприлично. Кольми же паче наша кровь на васъ вопіетъ къ Богу, отъ васъ самѣхъ пролитая: не ранами, ниже кровными каплями, но многими поты и трудовъ множествомъ отъ васъ отягченъ быхъ безлѣпно; яко же по премногу отъ васъ отяготихся паче силы! И отъ многоаго вашего озлобленія и утѣсненія, вмѣсто кровей, много изліяся слезъ нашихъ, паче жъ и воздыханія и стѣнанія сердечная; и отъ сего убо предчресліе пріяхъ: понеже убо конечному любленію не сподобисте мя. А еже о царицѣ нашей и о чадѣхъ нашихъ, ни мало убо внимаете. Сяцевое убо мое моленіе на вы вопіетъ къ Богу моему, паче вашего безумія: понеже бо иное проліяніе крови вашея за православіе,—ино жъ, чести и богатства желая. И сіе убо Богови непріятно есть; паче же и удавленіе вмѣняетъ, да еже славы ради умерети; мое жъ утѣсненіе и вмѣсто крови пролитыя отъ васъ самѣхъ пріяхъ всякое оскорбленіе и озлобленіе, еже вашимъ злымъ сѣяніемъ озлобленія жихъ, строптивая не престаеть убо,—се наипаче

на васъ непрестанно къ Богу вопієтъ! Совѣсть же свою испыталь еси не истинною, но лестію; сего ради и не обрѣлъ еси истины: понеже едино воинственное испыталь еси, а еже убо о нашей главѣ твоего нечестія, — сіе презрѣлъ еси; посему мнишися и неповиненъ быти.

Побѣды жъ пресвѣтлы и одолѣніе преславно когда показаль еси? Егда убо послахомъ тя въ нашу отчину, въ Казань, непослушныхъ нашихъ повинути намъ; ты жъ, въ повинныхъ мѣсто, къ намъ неповинныхъ нашихъ привелъ еси, измѣну на нихъ туне возлагая; а на нихъ же послахомъ тя, ни коего жъ зла имъ сотворилъ еси. Егдажъ въ нашу отчину, на Тулу, недругъ нашъ приходилъ, Крымскій царь, и мы тогда васъ послахомъ противу его: оному жъ утрашшуся и во своя возвратившуся, Агметъ улану жъ, воеводѣ его, не со многими людьми оставшуся, вы же тогда поѣхасте на обѣдъ къ воеводѣ нашему, ко князю Григорью Темкину, и ядше, пойдосте за ними, и ничто жъ имъ сотворше: они бо въ то время въ далечайшее разстояніе отъ васъ отъидоша. Аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же не сотвористе. Тако жъ убо и подъ градомъ Невлемъ: пятьюнадесять тысячъ четыре тысячи не могосте побити, и не токмо убо побѣдисте, но и сами отъ нихъ, ничто же успѣвше, едва возвратишася. Се ли убо пресвѣтлая побѣда и одолѣніе преславно? Иная убо не твоей милости бяху, сіе убо тебѣ на похвалу пишется!

А еже убо речеши, яко „ратныхъ ради отлученій, мало „зрѣхъ рождшія тя, и жены своя, отлученія ради, не по„знахъ, и отечество оставляхъ, но всегда въ дальнихъ и „окольныхъ градѣхъ нашихъ противъ враговъ нашихъ опол„чяхся, претерпѣвалъ еси естественныя болѣзни, и ранами „учащенъ еси отъ варварскихъ рукъ, въ различныхъ бра„нѣхъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь:“ — и сія тебѣ вся сотвориша тогда, егда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣсте. И аще не годно, почто тако творили есте? Ащежъ творили есте, то почто, сами своею властію сотворивъ, на

насъ воскладаете? Аще бы и мы сіе сотворили, нѣсть дивно: но понеже бо сіе должно нашему повелѣнію въ вашемъ служеніи быти. Аще бы мужъ браненосецъ былъ еси, не бы еси исчислялъ бранные труды, но паче на предняя простиралъбыся; аще же исчитаеши бранные труды, то сего ради и бѣгунъ явился еси, яко не хотя бранныхъ трудовъ повести, и сего ради во упокоеніи пребывати. Сія же твоя худѣйшая браненосія намъ ни во что же поставлена, еже вѣдомія измѣны твоея и еже претыканія о нашей главѣ тебя презрѣнна бывша, и яко единъ отъ вѣрнѣйшихъ слугъ нашихъ, былъ еси и славою и честію и богатствомъ почтенъ. И аще бы не тако, то какихъ казней за свою злобу былъ еси достоинъ? И аще бы не было на тебѣ нашего милосердія, не бы возможно было тебѣ угонзнути къ нашему недругу, аще бы наше къ тебѣ гоненіе было, яко жъ по твоему злобѣсному разуму писалъ еси. Бранныя же дѣла твоя вся намъ вѣдома. Не мни мя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, яко жъ начальницы ваши попъ Селивестръ и Алексѣй неподобно глаголаху; ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якожъ прежде сего съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте; или мните нынѣ таковая сотворити? Въ притчахъ бо речено бысть: „его же не можеша „яти, того не покушайся имати.“ Мздовоздаятеляжъ Бога призываеши: воистину, онъ праведный воздаятель всякимъ дѣламъ, благимъ же и злымъ; но токмо подобаетъ разсужденіе имѣти всякому человѣку, како и противъ какихъ дѣлъ своихъ кто мздовоздаянія пріиметь. „Лице жъ свое, пишешь, не явити намъ „до дне страшнаго суда Божія:“ кто же убо восхощетъ такового Евѣопскаго лица видѣти!

А еже речеши, глаголя: „возсылати Богу о отгщеніи „своемъ:“ и сія или не вѣси, како преподобный Поликарпъ моляше праведнѣ на развращающіе церковь Божию о нанесенію суда съ прещеніемъ; щедрый же въ милости схождаше щедротами своими, изъ пропасти зміевы сихъ свободы и прочее, рече Поликарпови: „готовъ есмь чловѣки страдавшіе

„спасати, аще ми покаются.“ И аще убо такого праведна мужа и праведнѣ молящася на погибель не послуша ангельскій владыка: колыми же паче тебя, пса смердяща, бѣснаго измѣнника и неправедника, на зло молящася, послушаетъ! Яко же рече божественный Іаковъ: *Просите и не пріемлете, зане злѣ просите, да въ сластехъ вашихъ изживете.* Обаче вѣрую Богу моему, болѣзнь моя обратится на главу твою. А еже пишешь, возлагая судъ праведному князю Ѳеодору Ростиславичу: сего азъ судію желательнѣ пріемлю, аще и сродникъ ти есть, понеже святіи вѣдятъ, паче и по смерти, праведная творити и видятъ между нами и вами яжъ отъ начала и до днесь, и праведнѣ убо да разсудятъ. А яже бо нашу царицу Анастасію, вами уподобляемую Евдокіи: како супротивъ злаго вашего немилосердаго умышленія, сей святыи князь Ѳеодоръ Ростиславичъ молитвами своими, по дѣйствию святаго духа, отъ вратъ смертныхъ воздвигъ ее,—и се убо наипаче явлено есть, яко не вамъ способствуетъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ: такожде и нынѣ уповаемъ его способника быти намъ, паче, нежели вамъ. Понеже аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму. Не вси бо, изшедшіе изъ Авраама, сѣмя Авраамле причитаются; но живущіе въ вѣрѣ Авраамовѣ; сїи суть сѣмя Авраамле. Суемудрыми же мыслями ничтожъ умышленія творимъ и на такой степени ногъ своихъ не утверждаемъ, но еликажъ сила наша крѣчайша, тогда, на твердемъ степени утвердивъ ноги своя, стоимъ неподвижно.

Прогнанныхъ же отъ насъ нѣсть никого, развѣ сами злодѣйственнѣ отторгошася; избѣенныже и заточенны вси прїяша по своимъ винностямъ, яко же выше рѣхъ, по тому тако и прїяша. Но обаче о семъ вамъ скорбѣти подобаетъ, еже во всемъ вамъ богоданному владыцѣ сопротивистесь! Убѣенныхъ же по своимъ измѣнамъ мните, пишуще, у престола владычня предстояще: и сіе убо суемудренно твое умышленіе, по апостолу: *Бога никто же нигдѣ же видѣ.*

Вы же, измѣнники, аще и вопіете безъ правды, ничтоже убо приимете: понеже сластей ради просите. Азъ же убо ни о чемъ хвалюсь въ гордости и никакѡжъ горденія желатель: понеже убо свое царское содѣлаю, и выше себя ничто же творю. Паче же вы убо гордитесь, дмѣяся: понеже раби суще церкви и святительскій санъ на ся восхищающе, учаще и запрещающе и повелѣвающе. На христіанскій же родъ никакихъ мучительныхъ сосудовъ не умышляемъ; но паче за нихъ желаемъ противу всѣхъ враговъ ихъ не токмо до крови, но и до смерти пострадати. Подвластнымъ же своимъ благимъ убо благая подаемъ, такожде и злымъ злая, по причнику: „благимъ убо исперва создано бысть благо, такожде „и грѣшникомъ зло;“ не хотѣніемъ убо сія творя, ни желая, но по нуждѣ: злаго ради ихъ преступленія и наказаніе имъ бываетъ. Вѣси ли, яко многажды и не хотяще случается по нуждѣ законопреступнымъ наказаніе? „Наругающіежеса и по- „пирѣющіе Ангельскій образъ, согласующеса ласкателемъ своимъ нѣкіимъ:“ развѣ останкомъ вашего злаго совѣта! Въ боярѣхъ же нашихъ несогласія нѣсть: развѣ друзей и совѣтниковъ вашихъ, яже нынѣ, подобно бѣсомъ, вся совѣты своя лукавыя не престаючи въ нощи содѣвающе, яко же рече пророкъ: *Горе совѣщавающимъ совѣтъ зомъ до заутрѣи, и гонящимъ свѣтъ, да въ совѣтъ своемъ скрываютъ праведнаго!* И сего убо ради, яко не хотѣхъ въ дѣтствѣ быти въ волѣ вашей, гоненіе нарицаете! Вы же владѣтели и учителя повсегда хотите быти яко младенцу! Мы же уповаемъ милостію Божіею, понеже дойдохомъ въ мѣру возраста, исполненія Христова, и кромѣ Божія милости и пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, отъ человѣкъ ученія не требуемъ, ниже подобно есть, еже владѣти множествомъ народа, онѣхъ разума требовати. Отъ Кроновыхъ же убо жрецъ, еже подобно псу лаеши, ядъ ехидный отыгая, — сіе неподобно писалъ еси: еже убо како рождшимъ своимъ чадомъ сицевая неудобствія творити, пачежъ и намъ царемъ, разумъ имущимъ, како

уклонитися на сіе безлѣпотство? Сія убо вся злѣбѣснѣмъ своимъ собацкимъ умышленіемъ писалъ еси.

А еже свое писаніе хочешь съ собою во гробъ вложить: се убо послѣднее свое христіанство отложилъ еси! Еже бо Господу повелѣвшу не противитися злу, тыжъ убо и обычное, еже невѣжды имуть, конечное прощеніе отвергль еси; и по сему убо нѣсть подобно и пѣнію надъ тобою быти. Въ нашей же отчинѣ, въ Вифляндской землѣ, градъ Волмеръ недругъ нашего Жигимонта короля нарицаешь: се убо свою злѣбѣсную собацкую измѣну до конца совершаешь! А еже отъ него надѣшися много жалованъ быти,—се убо подобно есть: понеже не восхотѣ подъ властію быти Божія десницы, и отъ Бога даннымъ владыкамъ своимъ послушнымъ и повиннымъ быти, но самовольствомъ самовластно жити: сего ради такова государя искалъ еси по своему злѣбѣсному хотѣнію, еже ни чимъ же собою владѣюща, но паче худѣйша отъ худѣйшихъ рабъ суща, понеже отъ всѣхъ повелѣваемъ есть, а не самъ повелѣвая. Но что еще глаголю ти много? по премудрому Соломону: *Съ безумнымъ не множи словесъ; обличенія бо ему о правдѣ злѣбѣ слышати.* Аще бы еси имѣлъ смыслъ цѣль и разумъ здравъ, то по приточнику сему уподобился бы еси: *Разумъ премудраго яко потокъ умножится и совѣти его яко животенъ источникъ.* Ты же яко изгнвѣшій сосудъ; ничто жъ удержано имъ суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.—Писана наша великія Россіи, преименитаго, царствующаго, престольнаго града Москвы, степеней нашего царскаго порога, отъ дѣта міросозданія 7072, Іулія мѣсяца въ 5 день.

III.

КРАТКОЕ ОТВѢЩАНІЕ
КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРВСКАГО,
НА ЗѢЛО ШИРОКУЮ ЭПИСТОЛІЮ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МОСКОВСКАГО.

Курбскій отвѣчаетъ на предыдущее посланіе, что царь постыдился бы писать такъ нескладно, подобно *неистойвой бабѣ*, въ чужую, просвѣщенную страну, и что онъ, злополучный изгнанникъ, заслуживаетъ не укоризнъ, а утѣшенія. Не знаетъ, чего хочетъ Іоаннъ, погубивъ всѣхъ потомковъ Владимира святого, и отнявъ у бояръ все, до послѣдней рубахи. Думалъ отвѣчать на каждое слово царское, но не рѣшился, отдавая все суду Божию, и считая рыцарю неприличнымъ ругаться, подобно рабу.

Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе пріяхъ, и вырази́мъхъ и познахъ, иже отъ неукротимаго гнѣва, съ ядовитыми словесы отрыгано, еже не токмо царевнѣ, такъ великому и во вселеннѣй славимому, но и простому, убогому воину сіе было не достойно; а наипаче такъ отъ многихъ священныхъ словесъ хватано, и тѣ со многою яростію и лютостію, ни строками, а ни стихами, яко обычай искуснымъ и ученымъ, аще о чемъ случится кому будетъ писати, въ краткихъ словесѣхъ много разумъ замыкающе; но зѣло паче мѣры преизлишно и звязливо, цѣлыми книгами, и паремьями цѣлыми, и посланьми! Тутъ же о постеляхъ, о тѣлогрѣяхъ, и иныя безчисленныя, воистину, яко бы неистовыхъ бабъ басни; и такъ варварско, яко не токмо ученымъ и искуснымъ мужемъ, но и простымъ, и дѣтѣмъ со удивленіемъ и смѣхомъ, наипаче же въ чужую землю, идѣже нѣкоторые чело́вѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусныя.

Но еще къ тому, и ко мнѣ чело́вѣку смирившемуся уже до зѣла, во странствѣ, много оскорбленному и безъ правды

изгнанному, аще и многогрѣшному, но очи сердечныя, и языкъ ненаученный имущу, такъ претителнѣ и многошумяще, прежде суда Божія, претити и грозити! И вмѣсто утѣшенія, въ скорбѣхъ многѣхъ бывшему, аки забывъ и отступивши пророка (*не оскорбляй, рече, мужа въ бѣдѣ его, довольно бо таковому*), яко твое величество меня неповиннаго въ странствѣ таковыми, во утѣшенія мѣсто, посѣщаешь!.. Да будетъ о семъ Богъ тебѣ судьей!... И сие грызти кусательнѣ за очи неповиннаго мя мужа, отъ юности нѣкогда бывшаго вѣрнаго слугу твоего! Не вѣрую, иже бы сіе было Богу угодно.

И уже не разумѣю, чего уже у насъ хочещи? Уже не токмо единоплемянныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра, различными смертями поморилъ еси, и движимыя стяжанія и недвижимыя, чего еще былъ дѣдъ твой и отецъ не разграбилъ; но и послѣднихъ срачицъ, могу рещи со дерзновеніемъ, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возбранихомъ. А хотѣхъ на каждое слово твое отписать, царю и могъ бы избраннѣ: понеже, за благодатію Христа моего, и языкъ маю отеческій, по силѣ моей наказанъ, аще уже и во старости моей здѣ пріучихся сему; но удержажъ руку со тростію, сего ради: яко и въ прежнемъ посланію своемъ написахъ ти, возлагаючи все сіе на Божій судъ, и умыслихъ и лучше разсудихъ здѣ въ молчаніи пребыти, и тамо глаголати, предъ маестатомъ Христа моего со дерзновеніемъ, вкупѣ со всѣми избѣенными, и гонимыми отъ тебя, яко и Соломонъ рече: *тогда, рече, станутъ праведніи предъ лицемъ мучащихъ*, тогда, егда Христосъ прійдетъ судити, и воззлаголютъ со многими дерзновеніемъ со мучащими или обидящими ихъ, идѣже, яко и самъ вѣси, не будетъ лицепріятія, на судѣ ономъ, но каждому чловѣку правость сердечная и лукавство изъясляемо будетъ; вмѣсто же свидѣтелей, самого каждого свойственно совѣсти вопіюще и свидѣтельствующе. А къ тому еще и то, иже не достоятъ мужемъ рыцарскимъ сва-

ритися, аки рабомъ, паче же и зѣло срамно самимъ христіаномъ отрыгати глаголы изъ устъ нечистые и кусательные, яко многажды рѣхъ и прежде: лучше умыслихъ возложити упованье мое на всемогущаго Бога, въ трехъ лицѣхъ славимаго и поклопаемаго: ибо онъ есть свидѣтель на мою душу, иже не чую ся предъ тобою винна ни въ чемъ же. А сего ради, пождемъ мало: понеже вѣрую, иже близъ, на самомъ прагѣ предверія надежды нашея христіанскія, Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа пришествіе. Аминь.

IV.

Г Р А М О Т А,
ПОСЛАННАЯ
О Т Ъ Г О С У Д А Р Я
ИЗЪ ВОЛОДИМИРА ЛИВОНСКАГО
КО

**КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ,
СО КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПОЛУБЕНСКИМЪ.**

Прописавъ весь титулъ свой и со *смирениемъ* напомнивъ Курбскому о дарованныхъ Богомъ побѣдахъ надъ Нѣмцами, Литвою и Татарами, царь снова разбираетъ первое письмо его: разсматриваетъ въ особенности выраженіе *растланный умомъ*, и доказываетъ, что оно прилично не ему, царю, а боярамъ, кои а) предпочли царевичу Теодору князя Прозоровскаго; б) судили сего послѣдняго съ Сицкимъ, въ укорову самому Іоанну; в) честили дочерей Курлятевыхъ, а царевенъ проклинали; д) погубили царицу Анастасію Романовну; е) довели царя до *Кроновыхъ жертвъ*; ф) наконецъ хотѣли избрать на царство Владимира Андреевича. — Сознается въ строгости мѣръ, вынужденныхъ строптивостію бояръ; говорить, что вся *матерь* измѣнниковъ тщетна, что и безъ нихъ Русское оружіе торжествуетъ, что грады Германскіе падаютъ силою креста животворящаго, и что Богъ принесъ его, царя, въ самый Вольмаръ, гдѣ думалъ укрыться

Курбскій. Смѣется надъ бѣгствомъ его. Въ заключеніе совѣтуетъ одуматься, и увѣряетъ, что сіе письмо писано не изъ гордости, а къ воспоминанію исправленія его.

Всемогуція и вседержація десницы дѣланію держащаго всея земли концы Господа Бога и спаса нашего Іисуса Христа, иже со отцемъ и святымъ духомъ, во единствѣ покланяема и славима, милостію своею благоволили намъ скинетры Россійскаго царствія смиреннымъ и недостойнымъ рабомъ воимъ, и отъ его вседержавныя десницы христоносныя хоругви, — сиде пишемъ мы, великій государь царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Русіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Вѣлоозерскій, государь отчинный и обладатель земли Лифляндскія Нѣмецкаго чину, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій и всея Сибирскія земли и Сѣверныя страны повелитель—бывшему нашему боярину и воеводѣ, князю Андрею Михайловичу Курбскому.

Воспоминаю ти, о княже! со смиреніемъ: смотри Божія смотрѣнія величество, еже о нашихъ согрѣшеніяхъ, паче жъ о моемъ беззаконіи, ждый моего обращенія, иже паче Манаѣи беззаконовахъ, кромѣ отступленія, но не отчаяваюся создателя милосердія, во еже спасену быти ми, яко жъ рече во святомъ своемъ евангеліи, иже *радуется о единомъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяти десяти и девяти праведныхъ*, такожде, *о овцахъ и о драхмахъ* притчи. Аще бо и паче песка морскаго беззаконія моя, но надѣюсь на милость благоутробія Божія: можетъ пучиною милости своея потопити беззаконія моя, яко же и нынѣ грѣшника мя суца, и блудника, и мучителя помилова, и животворящимъ своимъ крестомъ иже издревле Амалика и Максентія низложи, крестомъ преходящей херугви, и никакая же бранная хитрость

непотребна бысть, яко не едина Русь, но и Нѣмцы, и Литва, и Татарове и многіе языцы свѣдять: самъ вопрося ихъ, увѣдай; азъ же сія писати не хочу, понеже не моя побѣда, но Божія. Тебѣ жъ отъ многихъ мало воспомяну вся досады, яже писалъ еси ко мнѣ, прежъ сего восписалъ ти о семъ подлинно; нынѣ же отъ многа малая воспоминаю ти. Помяни реченное во Іовѣ: *обшедь землю и прошедь поднебесную*, тако и вы хотѣсте съ попомъ Селивестромъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ и со всѣми своими семьями подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти; Богъ же дастъ власть, ему жъ хощеть.

Писалъ еси, что азъ „растлѣненъ умомъ, яко ни въ языцѣхъ имянуема:“ и я паки тебя судю и поставлю съ собою: вы ль растлѣнны, или азъ? что азъ хотѣлъ вами владѣти, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и азъ за то на васъ опалялся? И паче вы растлѣнны, что не токмо повинны хотѣсте мнѣ быти и послушны, но и мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государилися, какъ хотѣли, а съ меня все государство сняли: словомъ азъ быхъ государь, а дѣломъ ни чего не владѣлъ. Коликія напасти азъ отъ васъ пріялъ, коликое оскорбленіе, коликія досады и укоризны! И за что? Что моя предъ вами исперва вина? Кого чимъ оскорбилъ? То ли моя вина, что Прозоровскаго полтора чети Θεодора сына дороже? По памяти и косу: съ какою есть укоризною ко мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, кабы злодѣя! Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу ихъ не судны! А у батюшки, за Божіимъ милосердіемъ, и пречистыя Богородицы милостію, и великихъ чудотворцевъ молитвами, и Сергіевою милостію, и батюшковымъ благословеніемъ, и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ почему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покунай благословно и здорово, а моимъ дочерямъ проклято и за упокой! Да много того; и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати.

А и съ женою меня вы прочто разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моя: ино бы Кроновы жертвы не было. А будетъ молвишь: „что язъ о томъ не терпѣлъ „и что ты не сохранилъ:“ ино вся есмь человѣцы. Ты чего для понялъ стрѣleckую жену? Только бъ есте на меня съ попомъ не стали; ино бъ того ничего не было: все то учинилося отъ вашего самовольства. А князя Володиміра на царство для чего есте хотѣли посадити, а меня и съ дѣтьми извести? А азъ восхищенемъ ли, или ратью, или кровью сѣлъ на государство? Народился есми, Божиимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и взросъ есми на государствѣ. А князю Володиміру почему было быти на государствѣ? Отъ четвертаго удѣльнаго родился. Что его достоинство къ государству? Которое его поколѣнье? Развѣ ваша измѣны къ нему, да его дурости? Что вина моя передъ нимъ? Что ваши жъ дяди и господа отца его уморили въ тюрьмѣ, а его и съ матерью также держали въ тюрьмѣ. И я его и мать отъ того свободы и держалъ въ чести и въ дружествѣ, а онъ было уже отъ того и отшелъ. — И язъ такіа досады стерпѣти не могъ: за себя есми сталъ! И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти; и я потому же-сточайше почалъ противъ васъ стояти: язъ хотѣлъ васъ покорити въ свою волю, и вы за то какъ святыню Господню осквернили и поругали! Осердяся на человѣка, да Богу ся приразили. Колико церквей и монастырей и святыхъ мѣстъ испоругали есте и осквернили! Сами о томъ Богу отвѣтъ воздадите. О семъ же паки умолчу; а нынѣ о настоящемъ восписую ти. Смотри, о княже! Божія судьбы, яко Богъ даетъ власть, ему жъ хошетъ: вы убо, яко діаволъ, съ Селивестромъ попомъ и съ Алексѣемъ Адашевымъ рекосте, яко же онъ во Іовѣ хваляся: *обыдохъ землю и прошедохъ поднебесную, вся подъ ногами учинилъ; и рече ему Господь: внялъ ли на моего Іова?* тако убо и вы мнѣ хотѣсте подъ ногами у

васъ быти и всю Русскую землю: но вся *матерь* ваша ни во что жъ бысть, Божиимъ изволеніемъ. Сего ради трость наша наострѣся къ тебѣ писати. Яко же рекосте: *нѣсть людей на Руси! некому стояти!* — и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады Германскіе взимаетъ? Сила животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады Германскіе браннаго бою, но явленіемъ животворящаго креста поклоняють главы своя. А гдѣ по грѣхомъ, по случаю, животворящаго креста явленія не было, ту и бой былъ. Много отпущено всякихъ людей: спроси ихъ, увѣдай.

А писалъ себѣ въ досаду, что мы тебя въ дальноконечные грады, кабы опаляючися, посылали: ино нынѣ мы, Божіею волею, своею сѣдиною и далѣ твоихъ дальноконечныхъ градовъ прошли, и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги, изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили, и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: ино ужъ ли нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были? И гдѣ еси хотѣлъ успокоенъ быти отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Волмерѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ чаялъ ушелъ, а мы тутъ, за Божіею волею: съугнали! И ты тогда дальноконечнѣ поѣхалъ. И сія мы тебѣ отъ многа мало написаномъ. Самъ себѣ разсуди, что ты, и каково дѣлалъ, и за что? и Божія смотрѣнія величества о насъ милости разсуди, и что ты сотворилъ? Сія въ себѣ размотри, и самъ себѣ раствори сія вся. А мы тебѣ написаномъ сія вся, не гордяся, ни дмяся: Богъ вѣсть; но къ воспоминанію твоего исправленія, чтобъ ты о спасеніи души своея помыслилъ. — Писанъ въ нашей отчинѣ Лифляндскія земли, во градѣ Волмерѣ, лѣта 7086 года, государствія нашего 43, а царствъ нашихъ: Россійскаго 31, Казанскаго 25, Астраханскаго 24.

V.
НА ВТОРУЮ ЭПИСТОЛУ
ОТВѢЩАНІЕ
ЦАРЕВИ МОСКОВСКОМУ
УБОГАГО
АНДРЕЯ КУРЬСКАГО,
КНЯЗЯ КОВЕЛЬСКАГО.

Курбскій считаетъ себя недостойнымъ быть царскимъ исповѣдникомъ. Не вѣрять смиренію и покаянію Іоанна. Укоряетъ его въ оклеветаніи благочестивыхъ мужей, въ неблагодарности къ Сильвестру, исцѣлившему на время царскую душу. Исчисляетъ бѣдствія Россіи, по изгнаніи и побіеніи доблестныхъ сиклитовъ: а) голодъ; б) сожженіе врагами Москвы; с) опустошеніе Россіи; d) срамное бѣгство царя отъ Крымскихъ Татаръ. Оправдываетъ себя въ приписываемыхъ ему Іоанномъ преступленіяхъ: а) въ удаленіи изъ Россіи; б) въ разореніи Великолуцкой области; с) въ связи съ Татарами; d) въ смерти царицы Анастасіи; е) въ намѣреніи возвести на престолъ князя Владиміра Андреевича. Не вѣрять успѣхамъ царскаго оружія въ Ливоніи; не понимаетъ, о какихъ узорочьяхъ, Кроновыхъ дѣлахъ и стрѣлецкихъ женахъ писалъ Іоаннъ. Считаетъ излишнимъ оправдывать себя въ замыслѣ овладѣть Ярославлемъ. Въ доказательство же, что невольное бѣгство не есть измѣна, приводитъ два отрывка изъ Цицерона. Исчисляетъ пагубные плоды ласкателей: а) срамныя побѣды враговъ надъ Русскимъ воинствомъ; б) сожженіе Москвы Татарами; с) надевіе Полоцка; d) непонятное ослѣпленіе царя, который при всеобщихъ бѣдствіяхъ отечества, при непрестанномъ пораженіи воеводъ, думаетъ, будто бы сила животворящаго креста ему помогаетъ. Убѣждаетъ вспомнить первые дни царствованія и смириться. Въ заключеніе не совѣтуетъ писать въ чужія земли къ чужимъ слугамъ.

Во странствѣ пребывающе и во убожествѣ отъ твоего гоненія, титулъ твой величайшій и должайшій оставя, (зане ото убогихъ тебѣ, великому царю, сіе не потребно; но негли отъ царей царемъ сіе прилично таковыя имянованія, со презлишнимъ продолженіемъ исчитати);—а еже исповѣдь твою ко мнѣ, яко ко единому презвитеру, исчитаеши по ряду, сего азъ недостойнъ, яко простый человекъ, въ военномъ чину

сущъ, и краемъ уха послушати, а наипаче же многими и безчисленными грѣхи обтягченъ. А всяко, воистину достойно было радоватися и зѣло веселитися не токмо мнѣ, нѣкогда рабу твоему вѣрному бывшу, но и всѣмъ царемъ и народомъ христіанскимъ, аще бы твое было истинное, яко въ ветхомъ Манасиіно, покаяніе: ибо глаголють его, по кровопійствахъ и неправдахъ, покаившаго, и въ законѣ Господнѣ живуща, аже до смерти кротко и праведно, и ни много же, а ни мало къ тому обидѣвша; въ новомъ же, яко Захейно прехвальное покаяніе и возвращеніе четверосугубное избоженимъ отъ него. И аще бы согласовало твое покаяніе тымъ священнымъ узрокомъ, ихъ же отъ священнаго писанія приѣмлющи, приводяхъ яко отъ ветхаго, такъ и отъ новаго! Тѣ же потомъ, во епистоліи твоей, въ послѣдующихъ, является не токмо не согласно, но изумительно и удивленія достойно, и зѣло на обѣ бедра храмлющее и исхожденіе неблагочинно являющее внутреннаго человѣка, наипаче же въ земляхъ твоихъ супостатовъ, идѣже мужіе многіе обрѣтаются, не токмо въ внѣшней философіи искусные, но и во священныхъ писаніяхъ сильны: ово превзлшнѣ уничижаешися, ово презобильнѣ и паче мѣры возносишися! Господь глаголетъ ко своимъ апостоламъ: *аще и вся заповѣди исполните, глаголите: раби непотребны есми; а діаволъ подушаетъ насъ, грѣшныхъ, усты точію каятися, а въ сердцѣхъ превысоцѣ о себѣ держати и святымъ преславнымъ мужемъ ровняться. Господь повелѣваетъ! никого же прежде суда осуждати и берно изъ своего ока персть отгымати, и потомъ сучецъ изъ братня ока изымати;* а діаволъ подушаетъ точію словомъ проблекovati, аки бы то покаяніе, дѣломъ же не токмо возноситися и гордиться по безчисленнымъ беззаконіяхъ и кровопролитіяхъ; но и нарочитыхъ святыхъ мужей не токмо проклинати учить тя, но и діаволомъ нарицати, яко Христа древле Жидово ово льстецомъ и бѣснующимъ, ово, о Велзаулѣ князѣ бѣсовствѣмъ, изгонящемъ бѣсы: яко во епистоліи твоего величества зрится, иже правовѣрныхъ и святыхъ му-

жей діаволомъ нарицаешъ, и духомъ Божіимъ водимыхъ, духомъ бѣсовскимъ не срамляешия потворати, аки отступивши великаго апостола: *никто же бо, рече, нарицаетъ Іисуса Господомъ, токмо духомъ святымъ.* А кто христіанина правовѣрнаго оклеветуетъ, не его оклеветуетъ, но самого духа святаго, пребывающаго въ немъ, и грѣхъ неисцѣлимый на главу свою самъ привлечить, яко Господь рече: *аще кто хулитъ на духа святаго, не оставится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.* И къ тому еще,—что наигнушательнѣйшаго и пресквернѣйшаго, еже исповѣдника твоего потваряти и сикованціи на него умышляти, который душу твою царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ прелявственнѣйшихъ сквернъ, яко чиста, предъ наичистѣйшимъ царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ поставилъ! Се тако ли воздаешъ ему и по смерти? О чудо! яко зависть, отъ презлыхъ и прелукавыхъ маньяковъ твоихъ сшатая, и по смерти, на святыхъ и преподобныхъ мужей не угаснетъ! Не ужасались, о царю! притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей? Како снесено бысть о томъ на исчадіи его проклятіе! И аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцѣхъ случилась, колыми паче отъ духовныхъ должны есмя покрывати, аще бы нѣчто и случилось, человѣческія ради немощи, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго презвитера, иже бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи! Воистину, и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коварецъ, и благокозненъ: понеже ялъ тя, исторгнувши, отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему. То же воистину и врачеве премудрые творять, дикія мяса и неудобъ цѣлимыя гагрины бритвами рѣжутъ, ажъ до живаго тѣла, и потомъ наводятъ по малу и исцѣляютъ недужныхъ: такожь и онъ творилъ презвитеръ, блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣты застарѣвшіеся и неудобныя ко исцѣленію. Яко нѣцы премудрые глаголютъ, „застарѣвшіеся, „рече, злые обычаи въ душахъ человѣческихъ многими лѣты,

„во естество прелагаются и неудобъ исцѣльны бывають,“ такожь и онъ, преподобный, неудобъ исцѣльнаго ради твоего недуга, прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя и порицающе, яко бритвою непреподобные нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще (негли онъ памяталъ пророческое слово: *да претерпиши лучше, рече, раны пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражія*; ты же не вспомянулъ того, или забылъ, прельщенъ будучи отъ презлыхъ и прелукавыхъ, отогналъ еси его отъ себя, и Христа нашего съ нимъ), ово, яко уздою крѣпкою со браздами, невоздержаніе и презлишнюю похоть и ярость твою востязающе. Но сбывается на немъ Соломоново слово: *Накажи, рече, праведники и приложитъ со благодареніемъ приимати*, и паки: *обличай премудра, и возлюбитъ тя*; прочіе же, послѣдующіе стихи умолчу, возлагающе ихъ царской совѣсти твоей, вѣдуще тя священнаго писанія искуснаго; а къ тому да не зѣло приражуся кусательными словесы ко твоей царской высотѣ, азъ, убогій, яко могучи выѣщая, да укроюся отъ свары: понеже зѣло не достоинъ намъ воиновъ, ако рабомъ, сваритися. А могъ еси и вспомянути на то, яко во время благочестивыхъ твоихъ дней, вещи тобѣ, по волѣ благодати ради Божія, обращались, за молитвами святыхъ и за молитвами святыхъ и за избраннымъ совѣтомъ нарочитыхъ сигклитовъ твоихъ; и яко, потомъ, егда прельстили тя презлые и прелукавые челоуѣкоугодники, (о нихъ же вси мудрые согласуютъ, яко въ царствѣ, идѣже любятъ ихъ, ничто же можетъ смертоноснѣйшія язвы быти, паче ихъ)—ластатели, пагубники твои и отечества своего, яко и что приключилося и яковне, отъ Бога попущенные, глады, глаголю, и стрѣлы повѣтренныя, и послѣди мечъ варварскій, мститель закона Божія, и пресловутаго града Москвы внезапное сожженіе, и всея Россійскія земли спустоженіе! и—что наигоршаго и срамнѣйшаго—царскія души опроверженіе и въ бѣгство плещь царскихъ, прежде храбрыхъ бывшихъ, обращеніе, яко нѣщны здѣ намъ повѣдаютъ, аки бы, хороняся тогда отъ Татаръ,

по лѣсомъ со кромѣшники твоими вмалѣ голодомъ не погибѣ еси! А той же Измаильтескій песъ прежде, когда богоугодно пребывалъ еси, предъ нами, наимнѣйшими слугами твоими, и на полѣ дикомъ бѣгая, мѣста не нашелъ, и вмѣсто нѣпѣшнихъ превеликихъ и тяжкихъ даней твоихъ, ими же накупаешь его на христіанскую кровь, нашими саблями воиновъ твоихъ въ бусурманскія головы было плачено, или дань давано ему... А еже пишеши, имянующе насъ измѣнники для того, иже есмя принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати, яко тамо есть у васъ обычай, аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умереть; на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о семъ сгажаются, аще кто по неволѣ присягаетъ или клянется, не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ, аще бы и гоненія не было; аще ли же кто, прелютаго ради гоненія, не бѣгаетъ, аки бы самъ себѣ убойца, противящеся Господню словеси: *аще, рече, ионятъ васъ во градъ, бѣгайте во другій*; а къ тому и образъ Господь Богъ нашъ показалъ вѣрнымъ своимъ, бѣгающе не токмо отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ Жидовъ.

А еже реклъ еси, иже аки бы азъ разгнѣвався на человека, а приразися Богу, сирѣчь церкви Божіи разорилъ и попадилъ; на сіе отвѣщаю ти: или насъ туне не оклеветуй, или выгляди, царю! письмо: иже и Давыдъ принужденъ былъ, гоненія ради Саулова, со поганскимъ царемъ на землю Израилеву воевати; азъ же не отъ поганскихъ, но отъ христіанскихъ царей заповѣданіе исполняхъ, заповѣданіемъ ихъ хождахъ. Но исповѣдую ти грѣхъ мой: иже принужденъ быхъ, за твоимъ повелѣніемъ, Витебское великое мѣсто и въ немъ двадесять четыре церкви христіанскихъ сожещи; тако же и отъ короля Сигизмунда Августа принужденъ быхъ Луцкія волости воевати, и тамо зѣло стрегли есмы, вкупѣ со Корецкимъ княземъ, иже бы невѣрные церквей Божіихъ не жгли и не разоряли; и воистину не возмогохъ, множества ради воинства, устрещи: понеже пятнадцать тысящей тогда

съ нами было войска, между которыми не мало было ово варваровъ Измаильтескихъ, ово другихъ еретиковъ, обновителей древнихъ ересей, враговъ креста Христова, и безъ нашего вѣдома, по исхожденію нашему, закрадшися, нечестивые сожгли едину церковь и съ монастыремъ: да свидѣтельствуютъ о семъ мнихи, яже пущени были отъ насъ изъ плѣненія! А потомъ, аки по лѣтѣ единомъ, непріятель твой главный, царь Перекопскій, прислалъ яко кролеви моляся, такъ и насъ просячи, иже бы пошелъ есть съ нимъ на тую часть Русскія земли, яжъ подъ державою твоею; азъ же, повелѣваюшу ми и кролеви, отрекохся: не восхотѣхъ и помыслити сего безумія, еже бы шелъ подъ бусурманскими херунгами на землю христіанскую съ чужимъ царемъ, безвѣрникомъ. Потомъ и самъ кроль тому удивился и похвалилъ мя, иже самъ не уподобился азъ безумнымъ, прежде мене на сіе дерзнувшимъ.

А еже пишеша, аки бы царицу твою счаровано и тебя съ ней разлучено отъ тѣхъ предреченныхъ мужей и отъ меня: азъ ти за оныхъ святыхъ не отвѣщаю: бо вещи вопіютъ, трубы явленнѣйше гласъ испущающе, о святыхъ ихъ добродѣтели; о мнѣ же вкратцѣ отвѣщаю ти, (сирѣчь по великой неволѣ: принужденъ бо быхъ отъ тебя; аще бы ти не отвѣщахъ правды, и былъ бы яко безсловесенъ, или повиненъ тому, чимъ я напрасно оклеветуешь): аще и зѣло многогрѣшенъ есмь и недостойнъ, но обаче рожденъ быхъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени жъ великаго князя Смоленскаго Теодора Ростиславича, яко и твоя царская высота добръ вѣси отъ лѣтописцевъ Русскихъ, иже тое плѣнницы княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе, сущіе во свѣжей еже памяти и предъ очима, что Углицкимъ учинено и Ярославичемъ и прочимъ единыя крови, и како ихъ всеродѣ заглажено и потреблено... еже ко слышанію тяжело, ужасно!..

отъ сосцовъ матернихъ оторвавши, во премрачныхъ темницахъ затворенно и многими лѣты поморенно, и внуку оному блаженному и присно Боговѣнчанному? А тая твоя царица, мнѣ, убогому, ближняя сродница, яко узришь сродство оно на странѣ того листа написано. А о Володимерѣ братѣ воспоминаешь, аки бы есть мы его хотѣли на царство: воистину, о семъ не мыслихъ: понеже и не достоинъ былъ того. А тогда жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ отъ меня взялъ еси за того-то брата твоего, наипаче же, могу поистинѣ рещи со дерзновениемъ, въ тотъ вашъ издавна кровопивственный родъ. А еже хвалилися и величаешися горѣ и долу, иже Ляфлянтовъ окаянныхъ поработилъ еси, ^{аки} бы животворящаго креста силою: не вѣмъ и не разумѣю, аще бы то вѣрѣ было подобно: подобнѣйше, съ разбойническихъ крестовъ хоругвями! Иже еще кролеви нашему, отъ маестата своего не двигшуся, и вся шляхта въ домѣхъ своихъ пребывающе и все воинство кролево при кролѣ на мѣстѣхъ было, а уже кресты тые во многихъ мѣстѣхъ поломались отъ нѣякаго жабки, а въ Кеси, стольномъ градѣ, отъ Латышей; а сего ради поистинѣ, не Христовы кресты, но погибшаго разбойника, яко предъ разбойникомъ ношено. Гетманижъ Ляцкіе и Литовскіе еще и не начинали готовитися сопротивъ тебѣ, а твои окаянные воеводишки, а праведнѣйши калики рекше, изъ подъ крестовъ твоихъ влачими въ чимбурѣхъ здѣ, на великомъ сонмѣ, идѣже различные народы бывають, ото всѣхъ подсмѣваеми и наругаеми, окаянніи, на прескверное и вѣчное твое постыденіе и всеа святорусскія земли, и на посрамощеніе народовъ, сыновъ Русскихъ!

А еже пишеши о Курлетевѣ, о Прозоровскихъ и о Сицкихъ, и не вѣмъ о якихъ узорочьяхъ и за упокой, предпимающи Кроновы и Афродитовы дѣла, и стрѣleckихъ женъ, аки бы нѣчто смѣху достойно и піяныхъ бабъ басни: на сіе отвѣту не потреба, по премудрому Соломону: *глупающему, рече, отвѣцати не подобаетъ*: понеже уже всѣхъ тѣхъ пред-

реченныхъ, не токмо Прозоровскихъ и Курлетовыхъ, но и безчисленныхъ благородныхъ лютость мучительская пожерла, а въ то мѣсто остались калики, ихъ же воеводами поставляти усильствуешь, или любо пришься упрямѣ сопротивъ разума и Бога; а того ради скоро и со грады исчезаютъ, не токмо отъ единого воина ужасающагося, и отъ листу вѣтромъ вѣющаго пропадающе и съ грады, яко жъ во второномѣ пишетъ святыи пророкъ Моисей: *Единъ, рече, пожнетъ за беззаконія ваша тысящу, а два движнутъ тмы.* Въ той же эпистолѣи припаменено, иже на мой листъ уже отписано: но и азъ давно уже на широкоушательный листъ твой отписалъ ти, да не возмогохъ послати, непохвальнаго ради обыкновенія земель тѣхъ, иже затворилъ еси царство Русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, аки во адовѣ твердынѣ; и кто бы изъ земли твоей поѣхалъ, по пророку до чужихъ земель, яко Іисусъ Сираховъ глаголетъ: ты называешь того измѣнникомъ; а если изымаютъ на предѣлѣ, и ты казнишь различными смертями (такъ жъ и здѣ, тобѣ уподобяся, жестоцѣ творять). И того ради такъ долго не послахъ ти его; а нынѣ яко сію отписъ на нынѣшнюю эпистолѣю твою, такъ и оную, на широкоушательный листъ твой прежній, посылаю ко величеству высоты твоея. И аще будеши мудръ, въ тишинѣ духа, безъ гнѣва, да прочтеши ихъ! И къ тому молю ти ся: не дерзай уже писати до чужихъ слугъ, паче же, идѣже умѣютъ отписати, яко нѣкоторый мудрый рече: *Возглаголеши хотяще, да услышиши не хотяще,* сирѣчь отвѣтъ на твое глаголаніе.

А еже пишеша, аки бы тебѣ не покорихся и землю твою хотѣхъ владѣти, измѣнникомъ и изгнанцемъ нарицающе мене: сіе отвѣщаніе оставляю, явственнаго ради отъ тебе навѣту, или потвару; тако же и другія отвѣщанія оставляю, того ради, иже достойно отвѣщати тебѣ и отписати на твою эпистолѣю, ово сокращая эпистолѣю мою, къ тебѣ писанную, да не явится варварско, преизлишнихъ ради глаголовъ, ово возлагающе на судъ нелицемѣрнаго судіи Господа Бога на-

шего, яко и во первыхъ моихъ эпистоліяхъ о семъ многажды уже воспоминахъ, и къ тому не хотячи съ твоею царскою выотою азъ, убогій, вѣще сваритися.

А всяко посылаю ти двѣ главы, выпиравъ отъ книги премудраго Цицерона, Римскаго наилѣпшаго сигклита, яже еще тогда владѣли Римляне всею вселенною. А писалъ тотъ отвѣтъ къ недругомъ своимъ, иже укоряше его изогнанцемъ и измѣнникомъ, тому подобно, яко твое величество насъ убогихъ, не могущихъ воздержати лютои твоего гоненія, стрѣляюще насъ издали стрѣлами огненными сикованцы твоея туне и всуе.

Андрей Курбскій княжа на Ковню.

Въ коемъ преподобіи есть, тому ничею же убываетъ ко блаженному житію.

*Отъ премудрой книги Цицерона, глаголемая Парадоксы, со-
противъ Антонію отвѣтъ.*

„А ни азъ Марка Регулуса сокрушеннаго, а ни несчастливаго, а ни окаяннаго, никогда быти нещезахъ: ибо вѣмъ, а ни великоуміе его умучено было отъ Картагенонъ, ни сановитость, ни вѣра, а ни непоколебимость, а ни всякое преподобіе, ни смыслъ его самый, который великихъ добротъ помощіи вооруженъ и такъ великими собраніи преподобій огражденъ, егда тѣло его торгано было, расторганъ самъ заисте не могъ быти. Яко и я Маріуса видѣхомъ, который мнѣ, въ счастливыхъ вещахъ, единъ отъ счастливыхъ людей, а въ противныхъ единъ з' наивысшихъ мужей видѣлся быти; наипаче же смертному ничесожъ быти можетъ благословеннѣйшаго. Не вѣси, неистовниче! не вѣси, яковыя силы преподобіе маеть; имя себѣ толико преподобія привлекаешь: а что само достоитъ, не разумѣешь. Никто же можетъ преблагословеннѣйшій быти, который есть всесовершенъ въ себѣ, и иже въ

„себѣ единомъ вся своя полагаетъ. А коему надежда, разумъ
„и мышленіе виситъ счастья, тому ничто же быти можетъ
„цвѣстнаго, ни чесо же твердаго, что бы вѣдомо мѣлъ, а
„ни единого дня воистину. Тому ты человѣку грози смертей,
„або изгнаній прещеньми, если котораго будешь такового
„обращаешь. А мнѣ что ни буди прилучится въ томъ небла-
„годарномъ отечествѣ, ни отмояющему воистину прилучи-
„тися, не токмо возбраняющему. А что и труждахся, что
„дѣлахъ, або въ чемъ бодрствовали труды и мышленія моя,
„аще воистину ни чесо же породилъ такового, ни чесо же
„постыгохъ, да на томъ престолѣ былъ бы, котораго а ни
„счастья упрямство, а ни недруговъ неправда не поколе-б
„летъ. Смерть ли мнѣ грозишь? Иже бы емъ воистину отъ
„людей! Або изгнаніе? Да отъ злыхъ отшествіе будетъ ми!
„Смерть страшна есть тѣмъ, ихъ же со животою вся уга-
„саютъ, а не тѣмъ, которымъ слава умерети не можетъ; а
„изгнаніе есть страшно тѣмъ, имъ же яко бы описано есть
„мѣсто обиталища, а не тѣмъ, которые всея земли округъ
„мѣсто едино мнятъ. Тебя окаянство, тебя изчезновеніе да-
„вятъ, вси, яже тебя блаженнаго, яже тебя цвѣтущаго
„мнишь. Твоя похоти тебя торгаютъ; ты днемъ и ночью му-
„чишися; ему же не довольно есть, что есть, и то самое,
„что маешь, боишися, вже бы не долго было; тебя совѣсти
„щиплютъ злостей твоихъ; тебя страхи страшатъ судовъ,
„законовъ: куды нибуди воззришь, якобы грозательницы, такъ
„твои тебя окружаютъ неправды, ажъ тебѣ а ни отдохнуть
„допускаютъ. Того ради, яко злomu и глупому и гнусному
„никому жъ добрѣ быти можетъ; такъ добрый мужъ, мудрый
„и храбрый, убогій быти не можетъ. А ни коего преподобіе
„и обычаи похвальны суть, того бы житіе не похвально было:
„воистину а ни блюстися житія потребно, яже похвально. А
„потреба блюстися, аще бы было окаянно.... Того ради, что
„ни есть похвально, то благословенно и цвѣтуще и вожде-
„лѣнно быти подобаетъ.

Сопровитъ Клодіуса, иже изгналъ былъ Цидерона изъ града
Римскаго тунѣ. Глава 17.

„Все глупыи неистовятся; а азъ тебя не глупымъ, яко
„часто, не злымъ, яко всегда, но безумнымъ и неистовымъ
„вещьми доведу истинными. Мудраго разумъ величествомъ
„совѣта, претерпѣваніемъ вещей человѣческихъ, презрѣніемъ
„счастія, добротами всякими, яко муромъ огражденъ; побѣж-
„денъ и преодоленъ ли будетъ, иже а ни изъ града заисте
„выгнаться можетъ. Ибо который есть градъ? Всяко ли со-
„шествіе лютыхъ и нечеловѣколюбныхъ? Всяко ли лотровъ
„и бѣгуновъ собранное на едино мѣсто множество? Заисте
„прѣти будешь. Ибо не былъ онъ въ то время градъ, егда
„законы въ немъ ничесо же возмогали; егда суда попораны;
„егда обычай отеческій загашенъ былъ; егда мечемъ изгнан-
„нымъ властямъ, сенату имя вещи общей не было. Разбой-
„никовъ оное стеченіе и тобою возженное разбойничество на
„торжищу поставлено, и остатки соприсяжниковъ отъ Кати-
„линова заплелія до твоей злости и звѣрообразія обратилися:
„градъ ли былъ? Сего ради изъ града изгнанъ не былъ,
„иже бѣ никакъ же; тогда призванъ быхъ во градъ, егда
„былъ въ вещи общей той бурмистръ, иже во оно время
„опроверженъ былъ; было произволеніе люду вольнаго, были
„законы управленія, яже столпы суть граду, возвращенна
„память. Но зри, яко тыя твоего лотрованія стрѣлы пре-
„зрѣлъ. Вверженную и впущенную отъ тебя злостливую на
„меня напасть всегда разумѣлъ; а меня коснутися, никогда жъ
„непшеваль; развѣ убо, егда стѣны ломалъ еси, або егда
„презлые огни по кровомъ подклатъ еси, моихъ нѣчто упасти,
„алибо сгорѣти мнилъ еси. Ничто же, а ни мое есть, а ни
„всякому, что отнаться, что выдраться, что погубитися мо-
„жетъ. Если бы мнѣ выдралъ ума моего вѣчную неподвиж-
„ность, мои труды, бодрости, совѣты, ими жъ община не-
„преодолима стоитъ; — если того вѣчнаго добродѣства без-
„смертную память потребилъ бы еси, а далеко больше, аще

„онный умъ, откуда ты совѣты произыдоша, мнѣ исторглъ
„бы еси: тогда азъ пріяти мене исповѣдалъ быхъ обиду. Но
„аще что не сотворилъ еси, а ни сотворити моглъ еси: воз-
„вращеніе мнѣ похвальнѣйше твоя сотворила обида, а не из-
„гнаніе преломное. Того ради, азъ всегда гражданиномъ
„быхъ, и тогда наибольше, егда мое здравіе совѣтницы
„окрестнымъ народомъ, яко гражданина, яко наилѣпшаго
„вручали; ты а ни нынѣ воистину гражданиномъ нѣсть еси;
„аще же убо кто супостатомъ быти и гражданиномъ можетъ,
„Али ты гражданина отъ супостата естествомъ и мѣстомъ?
„а не умомъ и дѣломъ раздѣляешь? Забойство на торжищу
„сотворилъ еси; вооруженными злодѣи церкви держалъ еси;
„окромныхъ дома, церкви святія запалилъ еси. Чего ради
„врагомъ Спартакъ, аще ты гражданиномъ? Можешь ли
„быти гражданиномъ, его же ради никогда градъ не былъ:
„И меня измѣнникомъ, твоимъ именемъ, нарицаешь, егда
„всѣ въ моемъ отшествіи изгнанну вещь общую непщевали?
„Не престанеши ли бѣситься, себя не размотришь? Никогда
„ли, что творишь, не будеши зрѣти, а ни что глаголешь?
„Не вѣси ли, изгнаніе злодѣянію бысть казнь? Мой же онный
„путь подъяхъ не свѣтлѣйшихъ ли ради вещей, отъ меня
„предъ тѣмъ управляемыхъ? Всѣ злые и безбожные, ихъ же
„тебя вождемъ быти исповѣдуешь, ихъ же законы изгнаніемъ
„казненныхъ быти хотятъ, изгнанцы суть, аще елико земли
„не премѣнили. Или егда всѣ уставы тебя изгнанцемъ суща
„показуютъ, не будеши ли ты измѣнникомъ? Егда не нари-
„цаешься супостатомъ яже съ борожіемъ былъ? Предъ Сена-
„томъ твой мечъ обрѣтенъ есть. Иже челоуѣка убилъ? По-
„губилъ еси. Иже запаленіе сотворилъ? Домъ Дѣвичъ отъ
„твоея руки сгорѣлъ. Иже церковь Боговъ обладалъ? На
„торжищу полки положилъ еси. Но что азъ общіе законы
„исповѣдую, ими же всѣми еси измѣнникомъ! Корнифиціусъ,
„другъ твой, о тебѣ законъ уставилъ: аще бы подъ кровъ
„богини Боны вшелъ еси, да будешь измѣнникомъ. Но тебѣ
„убо, тое сотворивши, возноситься обыклъ еси! Убо како же

„толикими законы во изгнаніе изриненъ, имени измѣнника не „гнушаешься? „Въ Римѣ есмь,“ речешь? И ты воистину во „пристанищу странномъ естъ! Сего ради, не тамъ, гдѣ кто „будеть, онаго мѣста законы содержати будетъ, аще тамъ „ему закономъ повиноватися не подобаетъ.“

Зря, о царю! со прилежаніемъ: аще поганскіе философы, по естественному закону, достигли таковую правду и разумность, со дивною мудростію между себя (апостолъ рече: *помысломъ осуждающимъ или оставляющимъ*), и того ради и всею вселенною попустилъ Богъ имъ владѣти, а мы христіане нарицаемся, и не токмо достигаемъ книжниковъ и фарисеевъ правды, но ни вѣковъ естественнымъ закономъ живущихъ! О горе намъ! Что Христу нашему отвѣщаемъ на судъ? и чѣмъ оправдимся?... Аки по лѣтѣ единомъ или дву писанія перваго моего къ тебѣ, видѣхъ сбывшееся отъ Бога, по дѣломъ твоимъ и по начинанію рукъ твоихъ: прескверную и зѣло паче мѣры срамотную побѣду надъ тобою и надъ воинствомъ твоимъ, что погубилъ еси славу божественныя памяти великихъ княжатъ Русскихъ, прародителей твоихъ и нашихъ, въ великой Руси царствующихъ блаженнѣ и преславнѣ. И мало того, яко не постыдился еси и не усрамился отъ Господа наказанія и обличенія, яко и во первыхъ епистоліяхъ воспоминахъ ти, сирѣчь казней праведныхъ различныхъ, беззаконія ради твоего, еже въ Русіи никогда же не бывали, и отечества твоего, преславнаго града Москвы созженія отъ безбожныхъ Измаильянтъ; — и взялъ еси на ся, пресквернымъ произволеніемъ, Фараоническое пепокореніе и ожесточеніе сопротивъ Бога и совѣсти, отнюдь поправши совѣсть чистую, во всякаго человѣка отъ Бога вложенную, и яко недреманное око неусыпнаго стража, всякому человѣку душѣ и уму безсмертному поданную и поставленную, стражи ради и храненія. И что еще безумнѣйшаго творишь и дерзаешь: не срамляешься писати къ намъ,

аки бы ти, воинствующу сопротивъ враговъ своихъ, сила животворящаго креста помогала! И тако непщуети или мниши?... О безуміе человѣческое, наипаче же развращенныя души отъ похлѣбниковъ, или отъ любимыхъ маньяковъ твоихъ!... Зѣло азъ о семъ удивляюся и всѣ сущіе имущіе разумъ, наипаче же тѣ, которые предъ тѣмъ знали тя, когда въ заповѣдѣхъ Господнихъ пребывалъ еси, избранныхъ мужей нарочитыхъ окрестъ себя имѣлъ еси, и не токмо былъ еси храбрый, мужественный подвижникъ и врагомъ твоимъ страшенъ, но и священнаго писанія преполонъ и святынею чистую освященъ. А нынѣ... во якую бездну глупства и безумія развращенія, ради прескверныхъ маньяковъ твоихъ, совлеченъ еси! И памяти здравы лишенъ! Како не воспомянеши во священныхъ книгахъ, лежащихъ къ наказанію нашему писанныхъ, иже пресквернымъ и прелукавымъ Богъ всемогущій и святыня его не помогаетъ? яко речено во ветхомъ: *иже отъ лица Бога Іакова Іерданъ въ водополе уступился*, сирѣчь отъ кіота завѣта Господня и другихъ у нихъ тамо вещей, во славу Божию сотворенныхъ, яже нарицалися *Святая святыхъ*, Ерихонскія стѣны падаху, непреоборимыя, и неодолимые царіе со многи языки и волоты отъ лица ихъ исчезаху; единого жъ ради грѣха Ахарова, егда Господь прогнѣвался на весь Израиль, пятьдесятъ мужей поганскихъ явилось на горѣ, сопротивъ стража Израилева: абіе тогда все войско Израилево, шесть сотъ тысящей мужей пресильныхъ, считаемыхъ отъ двадцати лѣтъ до шестьдесятъ, всѣ разбѣгошася, и весь Израиль яко вода разлился: сіе при Моисей и Іисусъ. А что возглаголю, еже дѣялося при другихъ пророцѣхъ, при Самуилѣ и Давидѣ? И како падоша весь Израиль предъ враги скверны, ради прелукавства сыновъ Іліи презвитера, и како во плѣнь предана бысть поганомъ вся святыня Господня: сіе по ряду оставляю въ той эпистоліи, преизлишніи ради долготы; а къ тому вѣдаю тя во священныхъ писаніяхъ искусна. Сіе въ ветхомъ вкратцѣ воспомянено, иже святыня Господня на помощь пребываетъ

преподобнымъ и богоугождающимъ, а пресквернымъ и презлымъ кровопійцамъ сопротивъ обрѣтается. А въ новомъ, вмѣсто оныхъ всѣхъ, крестная сила намъ христіаномъ дана на помощь, яко Константину великому, еще погану сущу и непросвѣщену, знаменіе явилось животворящаго креста, на небеси звѣздами написано, руководяще его и наставляюще ко благочестію, и одолѣніе свѣтлое указующе на прегордаго Максентія. А тому жъ великому Константину, уже давно правовѣріемъ просвящену и утверждену сущу, егда преклонилъ ухо къ похлѣбникомъ, или ко ласкателемъ пресквернымъ, и повелѣлъ неповиннѣ оковати трехъ пословъ, посланныхъ бывшихъ отъ него въ вышнюю Фригію, усмиренія ради, за навѣтомъ или ложною клеветою прельщеннаго златомъ епарха, егда жъ уже въ нощи той усѣвши ихъ пове, лѣлъ, связанныхъ въ темницѣ; тогда убо, тогда глаголю, скорый въ бѣдахъ помощникъ, въ тѣлеси еще живъ сущъ, святыи Николай, призываемый отъ нихъ и подвизаемый къ Богу на молитву и на помощь бѣдѣ ихъ, абіе скоро прииде въ ложницу цесарскую, затворенными дверьми, яко Христосъ нашъ ко ученикомъ и апостоломъ его, и рече ему со прещеніемъ: „о цесарю! Непотіяна, Урса и Ерпидіона, неповиннѣ отъ тебе осужденныхъ и окованныхъ, скоро разрѣшиши повели; аще ли сего не сотворишь, нестерпимую тебѣ брань являю, и еще къ тому срамное поражение и пресквернѣйшую погибель тебѣ и дому твоему!“ Яко о семъ ширѣй святыи Симеонъ Метафрастъ во исторіи о немъ, житіе его пишуще, воспоминаетъ, еже, мню, въ Русіи у васъ еще не преведено тое то истинное житіе всемірнаго онаго святильника.

А твоего величества лютость не единого Непотіяна и прочихъ дву неповинныхъ, но безчисленныхъ воеводъ, стратилатовъ благородныхъ и великихъ въ родѣ, и пресвѣтлыхъ въ тѣлесѣхъ и въ разумѣ, и въ военныхъ вещахъ искусившихся отъ самаго юности своея, и въ полкоустроеніяхъ свидѣтельствовавшихся сущихъ мужей, еже бываетъ наилѣпшее и наи-

крѣпчайшее въ бореніяхъ, ко преодоленіямъ супостатовъ,— различными смертями разтерзалъ еси и всероднѣ погубилъ, безъ суда и безъ права, приклонивъ ухо ко единой странѣ, сирѣчь презлымъ ласкателямъ, пагубникомъ отечества. И бывши въ таковыхъ сквернахъ и кровопролитіяхъ, посылаеши въ чужую землю армату великую христіанскую подъ чужіе грады, безъ искусныхъ и свидѣтельствованныхъ стратилатовъ, и къ тому отнюдь не имущихъ мудраго и храбраго простатора или гетмана великаго,—что бываетъ войску паче всего погубительнѣйшее и повѣтреннѣйшее, — сирѣчь вкратцѣ рещи: безъ людей, съ овцами или съ зайцы, неимущи добраго пастыря, которые отъ вѣтру листа вѣющаго бояться, яко во первой моей епистоліи воспоминаху о каликахъ твоихъ, ихъ же воеводишками усильствуешь безстыднѣ творити, вмѣсто оныхъ предреченныхъ храбрыхъ и нарочитыхъ мужей, избіенныхъ и разгнанныхъ отъ тебя. А нынѣ къ тому приложилъ еси и другую срамоту прародителемъ своимъ срамотнѣйшую и тысяща кратъ бѣднѣйшую: градъ великій Полоцкъ со всею цѣлою церковью, сирѣчь со епискупомъ, и клиросомъ, и воинствомъ, и съ народомъ, предалъ еси, преобличіемъ твоимъ, его же было досталъ еси персыи своими... уже не глаголю, тѣшачи тебя, нашими вѣрными службами и многими труды: бо еще тогда не всѣхъ былъ еси до конца погубилъ еси и разогналъ, егда Полоцка досталъ было еси. Собравшися со всѣмъ твоимъ воинствомъ, за лѣсы забившися, яко единъ хороняка и бѣгунъ, трепещешь и исчезаешь, никому жъ гонящу тя: токмо совѣсть твоя внутри вопіюща на тя, обличающе за прескверныя твои дѣла и безчисленныя крови. Только ти негли остается сваритися, яко рабѣ пьяной; а что воистину сану царскому належитъ или достойтъ, сирѣчь судъ праведный и оборона, се уже подобно исчезло, за молитвою и совѣтомъ прелукавыя четы Осифлянскія Васьяна Топоркова, (ниже ти совѣтовалъ и шепталъ во ухо не держати мудрѣйшіе роды при себѣ), и другихъ таковыхъ совѣтниковъ твоихъ вселукавыхъ мниховъ и мірскихъ. Славу таковую отъ

*

нихъ получилъ еси! И свѣтлую побѣду избрѣли тебѣ, яко пророчествовалъ Константину великому святѣй Николай за трехъ мужей, и тебѣ множество блаженный Селивестръ, исповѣдникъ твой, и казнящъ тя, наказующе о непреподобныхъ твоихъ дѣлѣхъ и прелукавыхъ нравѣхъ, нанѣ же и по смерти непримирительнѣ враждуешь! Або не читалъ еси въ Исаи пророцѣ лежащаго: *лучше, рече, лоза и жезлъ пріятеля, нежели ласкательныя цѣлованія вражьи*. Помяни первые дни, и возвратися паки! Нагою главою безстыдствуешь сопротивъ Господа своего! Або еще не часъ образумитися и покаятися и возвратитися ко Христу паки? Еще еси не распряглися отъ тѣла: понеже есть до смерти покаяніе всяко. И мудръ бывалъ еси, и нынѣ вѣдаешь о тричастномъ души, како поработаються смертныя части безсмертной; аще ли же не вѣдаешь, и ты научися у мудрѣйшихъ и покори и поработи звѣрнюю часть Божію образу и подобію: всѣ бо отъ вѣка такъ спасаются, покоряюще худшее лучшему. (Зри о семъ въ книгѣхъ блаженнаго Исаака Сирина и въ книгѣхъ премудраго Іоанна Дамаскина. Мню, иже въ твоей землѣ не предложена сполна съ Грека языка; а у насъ здѣ благодатію Христовою, вся есть цѣла преведена и съ великимъ тщаніемъ исправлена.

А еже отъ презлишняго надменія и гордости, мнящеся о себѣ мудръ всеа вселенныя и учитель быти, пишеши до чужія земли и чуждыхъ слугъ, аки научающе ихъ и наказующе, яже паче здѣ смѣются ти о семъ и поругаются, аки не слышалъ еси великаго апостола Павла: *ты кто еси, судяй или повелѣвай чуждому слушать?* и прочее. Усмиритися уже достовѣтъ и укротитися твоему величеству, и войти въ чувство: уже время! Уже есиа ближайши ко гробу тѣломъ, а душею безсмертною и умомъ къ отвѣту Божію, нежели къ суетному сему житію, простиратися. Аминь.

Писано во преславномъ градѣ Полоцку государя нашего, свѣтлаго короля Стефана, паче же преславна суща въ богатырскихъ вещахъ, въ третій день по взятію града.

Андрей Курбскій, княжа на Ковлю.

VI.
ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ
ИЗЪ
ПОЛОЦКА.

Курбскій сокрушается о перемѣнѣ Іоанна, о бѣдствіяхъ Россіи. Сравниваетъ время Сильвестрово съ временемъ наушниковъ: прежде побѣды, покореніе царствъ, тренеть враговъ; теперь: а) вмѣсто мудрыхъ совѣтниковъ, тунеядцы и шуты; б) вмѣсто доблестныхъ стратиговъ, гнусные Вѣльскіе; в) вмѣсто храбраго воинства, опричники; г) вмѣсто чтенія Св. книгъ, пляски и скверныя пѣсни; е) вмѣсто Сильвестра, колдуны и чародѣи; ж) вмѣсто прежней чистоты, развратъ. Курбскій кладетъ перстъ на уста, и плачетъ. Убѣдительно проситъ царя опомниться, предвѣщая гибель его дому.

Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ: како недостойтъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человекъ, въ ней же нѣкогда духъ святыи пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянію была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая молитва, яко благоуханіе миро, или фиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основаніи правовѣрныхъ вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и царская душа въ той церкви, яко голубица крылы посеребренными между рамія ея блистала, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію духа святаго преукрашенна дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, ею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Се такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная! А за тѣмъ, того ради, всѣ добрые послѣдовали хоругвями крестоноснымъ христіанскимъ. Языцы различные варварскіе, не токмо со грады, но и со цѣлыми царствами ихъ, покоряхуся тебѣ, и предъ полками христіанскими

архангелъ хранитель хождаше со ополченіемъ его, осѣняюще и заступающе окрестъ боящихся Бога, *по положенію предѣловъ языка нашего*, яко реклъ святыи пророкъ Моисей, враговъ же устрашающе, и низлагающе супостатовъ. Тогда было, тогда, глаголю, егда со избранными мужи избраненъ бывалъ еси, и со преподобными преподобенъ и со неповинными неповиненъ, яко рече блаженный Давидъ, и животворящаго креста сила помогаше ти и воинству твоему.

Егда же, развращенный и прелукавый, развратился, сопротивъ обрѣлся еси, и по таковомъ покаяніи, возвратился еси на первую блевотину, за совѣтомъ и думою любимыхъ твоихъ ласкателей, егда церковь твою тѣлесную осквернили различными нечистотами, и иными безчисленными и неизреченными злодѣйствами напроказили, ими же всегубитель нашъ, діаволъ, родъ человѣческій издавна гнусенъ творить и мерзокъ предъ Богомъ, и въ послѣднюю погибель вреваетъ, яко нынѣ и твоему величеству отъ него случилось: вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей, правду ти глаголющихъ не стыдяся, прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ поднесъ тебѣ; вмѣсто крѣпкихъ стратиговъ и стратилатовъ—прегнусодѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи, и вмѣсто храбраго воинства—кромѣшниковъ или опришниковъ кровоядныхъ, тмы тмами горшихъ, нежели палачей; вмѣсто богодухновенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя бессмертная наслаждалася, и слухи твои царскіе освящались,—скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями, ко оскверненію и затворенію слуха входу ко еѳеологіи; вмѣсто блаженнаго онаго презвитера, иже было ты примирилъ къ Богу покаяніемъ чистымъ, и другихъ совѣтниковъ духовныхъ, часто бесѣдующихъ съ тобою, — яко намъ здѣ повѣдаютъ (не вѣмъ, есть ли правда), чаровниковъ и волхвовъ отъ далечайшихъ странъ собираешь, пытающе ихъ о счастливыхъ дняхъ, яко скверный и богомерзкій Саулъ творилъ, оставя пророковъ Божіихъ, ко матронѣ или ко ватуніи, женьѣ, чаровницѣ, притекалъ, пытающе ея о

сраженію настоящемъ, яже ему, по хотѣнію его, мечтаніемъ бѣсовскимъ, Самуила пророка, аки возставшаго отъ мертвыхъ, въ мѣстѣ показала, яко о томъ толкуеть свѣтлѣ святой Августинъ во своихъ книгахъ. А что же тому за конецъ случился? Сіе самъ добръ вѣдаешь: погибель ему и дому его царскому, яко блаженный Давыдъ рече: *не пребудутъ домо предъ Богомъ, которые созидаютъ престолъ беззаконія, сирѣчь трудныя повелѣнія, или декреть неудобъ терпимый.*

И аще погибають царіе или властели, иже созидаютъ трудныя декреты и неудобъ подъемлемыя номоканоны, колыми паче, не токмо созидающе неудобъ подъемлемыя повелѣнія или уставы съ домы погибнути должны: но во яковыхъ сіи обрящутся, еже пустошати землю свою и губятъ подручныхъ всероднѣ, ни ссущихъ младенцевъ не щадяще, за нихъ же должны суть властели, каждый за подручныхъ своихъ, кровь свою противъ враговъ изліявати, и дѣвнцѣ, глаголють, чистыхъ четы собирающе, за собою ихъ подводами волочаще. О бѣда! о горе! Въ каковую пропасть глубочайшую діаволъ, супостатъ нашъ, самовластіе и волю нашу низвлачаетъ и вреваетъ!

Еще другое и другое, яко намъ здѣ отъ твоея земли приходящіе повѣдаютъ, тмы тмами кратъ гнуснѣйшее и богомерзкое, оставляю писати, ово сокращенія ради писанейца сего, ово ждуща суда Христова, и положи перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу сего ради... Еще ли мниши, таковыхъ ради и ко слуху тяжкихъ и нестерпимыхъ, еже бы ти помогала и воинству твоему сила животворящаго креста? О споспѣшнице перваго звѣря и самаго великаго дракона, иже искони сопротивляется Богу и ангеломъ его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человѣческое естество! доколѣ такъ долго не насытѣшися крови христіанскія, попирающе совѣсть свою? и прочто такъ долго отъ такъ тяжкаго лежанія или сна не воспрянешь, и не приложиши въ часть ко Богу и ко человѣколюбивымъ ангеломъ его?

Вспомяни дни своя первіи, въ нихъ же блаженнѣ царствовалъ еси!

Не губи къ тому себя и дому твоего!

Аще рече Давыдъ: *любай неправду, ненавидитъ свою душу*: кольми паче кровью христіанскими оплывающіи исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ! Вскую такъ долго лежишь простергъ и храниши на одрѣ, зѣло болѣзненнымъ объять будучи аки летаргичскимъ сномъ?

Очутися и воспріани! Нѣкогда поздно: понеже самовластіе наше и воля, ажъ до распряженія души отъ тѣла, ко покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, не отъемлется, исправленія ради нашего на лучшее.

Пріими божественный антидоръ, имъ же, глаголю, цѣлятся неисцѣльные яды смертоносные, ими жъ отъ похлѣбниковъ и отъ самоѣго отца ихъ, прелютаѣго дракона, подобно уже напоенъ еси. Егда же кто того лекарства внутреннимъ человѣкомъ вкусить, яко рече Златоустый, пишучи во первомъ словѣ страстномъ, о Петра апостола покаянію: „по вкушенію того, посылаются молитвы къ Богу, умиленныя, чрезъ „послы слезныя.“ Мудрому довлѣтъ! Аминь.

Писано въ Полоцку государя нашего короля Стефана, по сущему преодоленію подѣ Соколомъ въ 4 день.

Андрей Курбавскій, княжа на Ковлю.

Объяснительныя статьи.

1. Любовь Курбскаго къ научному образованію.

Не сохранилось никакихъ преданій о томъ, гдѣ и какъ провелъ Курбскій свою молодость, а потому съ осторожностью должно произносить приговоръ о его воспитаніи. Мы не знали бы даже, въ какомъ году онъ родился, если бы онъ самъ объ этомъ не намекнулъ въ одномъ мѣстѣ, да и то случайно. Я совершенно согласенъ съ Горскимъ, что природа

не отказала Курбскому въ гибкомъ, замѣчательномъ умѣ и въ блестящихъ дарованіяхъ. Его сочиненія вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Но справедливость требуетъ сказать о Курбскомъ гораздо болѣе.

Съ молодыхъ лѣтъ и до самой глубокой старости онъ обнаруживалъ удивительную наклонность къ научному образованію. Этихъ двухъ качествъ совершенно достаточно для того, чтобы поставить Курбскаго на ряду съ лучшими людьми своего времени. Воспитаніе Курбскаго совершалось при иныхъ, исключительныхъ условіяхъ. Отечественные учителя, конечно, не могли удовлетворить пытливость его ума. Самъ Курбскій передаетъ одинъ такой случай. Когда ему понадобилось отыскать человѣка, болѣе или менѣе отчетливо знающаго славянскій языкъ, то монахи, представители всей учености въ свое время, „отрекошася... отъ того достохвальнаго дѣла; мірстѣи не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего“. Но на этотъ разъ судьба пожалѣла Курбскаго: онъ встрѣтился съ единственнымъ представителемъ тогдашней образованности, около котораго группировались всѣ лучшія силы того времени—Максимомъ Грекомъ; сразу почувялъ отъ него вѣяніе какой-то высшей плодотворной силы и съ раннихъ лѣтъ возблаговѣлъ предъ его умомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Максимъ Грекъ если не былъ учителемъ Курбскаго въ подлинномъ смыслѣ слова, то былъ для него руководителемъ вообще и имѣлъ на него громадное вліяніе. И дѣйствительно, Курбскій даетъ намъ замѣтить, что Максимъ былъ для него авторитетомъ во всю жизнь, онъ (Курбскій) всегда дорожилъ каждымъ его наставленіемъ, каждымъ его словомъ. Максимъ первый внушилъ ему мысль о переводной литературѣ,—и Курбскій привязался къ ней всею душою. Онъ очень хорошо видѣлъ, на какой низкой степени умственнаго развитія стоятъ его соотечественники, чувствовалъ, что они „гладомъ духовнымъ таютъ“. Вслѣдствіе этого онъ постоянно считаетъ своею главною задачей переводить на славянскій языкъ тѣхъ „великихъ восточныхъ учителей“, которые еще

не были переведены. Живя въ Россіи, онъ не могъ этимъ заниматься, „понежъ безпрестанно обращался и лѣта изну-
рялъ повелѣніемъ царевымъ“. Но вотъ въ преклонныхъ лѣ-
тахъ онъ нашелъ себѣ какого-то юношу „Амброжія“ и подъ
его руководствомъ, пользуясь минутами досуга, изучалъ ла-
тинскій языкъ со всѣми его грамматическими и діалектиче-
скими тонкостями, и принялся за переводы греческихъ писа-
телей. Такимъ образомъ личность Курбскаго имѣла всѣ дан-
ныя для того, чтобы стать въ числѣ передовыхъ двигателей
общественнаго образованія. Вліяніе Максима Грека дало луч-
шее направленіе его умственнымъ силамъ. Оно помогло ему
стать во многихъ отношеніяхъ значительно выше своего вѣка.
Достаточно указать на тотъ фактъ, что Курбскій свободенъ
былъ отъ того предразсудка, которому поголовно было под-
вержено все русское дворянство, изъ котораго постоянно про-
исходили между боярами ссоры и распри. Я хочу сказать,
что Курбскій переросъ давнишній обычай мѣстничества; по
крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній предпола-
гать противное. Далѣе, уже и то весьма говоритъ въ пользу
Курбскаго, что онъ не ограничился изученіемъ однихъ цер-
ковныхъ писателей, языческую мудрость не считалъ бѣсов-
скою; напротивъ, внимательно изучалъ „естественную фило-
софію“ Аристотеля и считалъ ее образцовымъ произведеніемъ,
„роду человѣческому наипаче зело потребнѣйшимъ“. Не гну-
шался латинизма до такой степени, какъ его соотечественники,
которые питали глубокое отвращеніе ко всему нерусскому
вообще и къ латинству по-преимуществу. Напротивъ, Курб-
скій предполагалъ и виѣ предѣловъ своей націи хорошія сто-
роны. Получивши первое письмо отъ Іоанна Грознаго, Курб-
скій отвѣчалъ, что царь постыдился бы писать такъ нескладно,
подобно неистойой бабѣ, въ чужую страну, идѣже „нѣкото-
рые человѣцы обрѣтаются, не только въ грамматическихъ и
риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ уче-
ніяхъ искусные“. Если Курбскій, занимаясь литературою,

какъ дѣломъ побочнымъ, да и то лишь въ минуты досуга, оставилъ потомству произведенія, которыя ставятъ его на ряду съ лучшими людьми своего времени; то чего же должно было ожидать отъ него въ томъ случаѣ, если бы онъ всецѣло посвятилъ себя наукѣ?

(Изъ Киевск. Унив. Извѣстій).

2. Записки Курбскаго о Грозномъ.

(Изъ ст. проф. Лашнюкова).

Въ лѣтописяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ XV и XVI столѣтій находимъ мало извѣстій, относящихся къ изображенію быта современнаго общества, его нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. Эта сторона нашей исторіи осталась бы весьма неполной, если бы не было современныхъ записокъ русскихъ людей и иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Изъ записокъ русскихъ людей особенно замѣчательны записки князя Курбскаго и Котошихина. Первый оставилъ подробную исторію царствованія Грознаго, послѣдній—повѣствованіе о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Записки Курбскаго изданы Устряловымъ въ двухъ томахъ: въ первомъ помѣщена исторія царствованія Грознаго до 1578 года; во-второмъ переписка Курбскаго съ царемъ и письма его къ разнымъ лицамъ. Сочиненіе Курбскаго „Исторія князя великаго московскаго, о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достойныхъ мужей и яже видѣхомъ“ содержитъ исторію Грознаго отъ самаго его дѣтства до 1578 года. Сказавъ кратко о характерѣ великаго князя Василя Ивановича, о разводѣ его съ первою супругою, Саломонидою, Курбскій описываетъ воспитаніе Іоанна и крамолы бояръ. Далѣе Курбскій рассказываетъ о мятежахъ московскихъ и о чудесномъ исправленіи Іоанна подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ подробно повѣствуетъ о покореніи Казани, о походѣ на Крымскихъ татаръ и о войнѣ ливонской; наконецъ, приступаетъ

къ главному предмету: къ описанію тиранства Грознаго. Записки Курбскаго имѣютъ важное значеніе, какъ произведеніе современное очевидца, близкаго къ лицу, котораго дѣянія онъ изображаетъ; но онѣ не имѣютъ главнаго достоинства историческаго сочиненія, именно, безпристрастія. Курбскій является какъ бы адвокатомъ партіи, къ которой самъ принадлежалъ, защитникомъ боярства, подавленнаго Грознымъ. Основная его мысль та, что всѣ главныя дѣла Грознаго принадлежатъ не ему, а его совѣтникамъ, и что Грозный до тѣхъ поръ царствовалъ мудро и счастливо, пока руководствовался совѣтами Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. Руководясь этою мыслью, Курбскій изображаетъ царствованіе Грознаго въ двухъ эпохахъ: въ первой онъ изображаетъ Грознаго образцомъ монарха и описываетъ его славные подвиги (покореніе Казани, Астрахани, побѣды въ Крыму и Ливоніи); вторая же эпоха представляетъ мрачную картину бѣдствій и униженій Россіи отъ страшнаго тирана царя; начинается она съ тѣхъ поръ, когда Іоаннъ удалилъ Сильвестра и Адашева, началъ царствовать самовластно, окруженный новыми любимцами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ палъ нравственно и сдѣлался тираномъ. Переписка Курбскаго съ Грознымъ представляетъ большой матеріалъ для исторіи послѣдняго. Въ ней рѣзко высказывается задушевная мысль царя, отстаивавшаго свои священные права: быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ бояръ и казнить ихъ за измѣну и крамолу. Курбскій, напротивъ, въ своихъ письмахъ является горячимъ защитникомъ боярства и оправдываетъ свою измѣну жестокостью царя, укоряетъ его въ неблагодарности къ Сильвестру и Адашеву, въ изгнаніи и избіеніи доблестныхъ синклитовъ и въ бѣдствіяхъ Россіи, которыя навлекалъ царь своимъ тиранствомъ и несправедливостію къ мудрымъ совѣтникамъ; и Грозный, и Курбскій горячо отстаиваютъ свои права и убѣжденія, а потому въ перепискѣ много пристрастія.

3. Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его Исторіи.

(С. Соловьевъ).

Явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо, при ихъ совершеніи, царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной; такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть вѣличайшее изъ преступленій, и всю тяжесть его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнны, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ“. Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость противъ него же самого: „Ты гово-

ришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете!“ Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринять не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: „Когда мы съ крестоносною хоругвіею всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ Казанскій и получивъ, неизрѣченнымъ Божиимъ милосердіемъ, побѣду, возвращались домой: то какое dobroхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю“. Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись“; потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ів. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордые царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было

больше пятнадцати тысячъ по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты; когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благоприятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться! Для этого скорого возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ было много пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во-время“. Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, если бъ я васъ не удержалъ“ съ словами: „вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ?“ Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта пурей своихъ“. Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобы встрѣтить татаръ: и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалить, то хвалить своихъ. Такимъ образомъ

мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совету однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина: „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Русіи, и всему освященному собору, Благовѣщенскій попъ Селиверстришко челомъ бьетъ. Писаль тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семень Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святой митрополитъ! Священникъ Семень про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутренѣ: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Семень же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ Апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ, чтобы онъ всѣ свои рѣчи въ Апостолѣ измѣтилъ, но тогда царь и государь въ Коломну поѣхалъ и то дѣло позалеглось. А про Артемья, бывшаго Троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣтъ былъ: но до Троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избирали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфірій при-

ходилъ къ Благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій; я усумнился, позвалъ Порфирія въ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать. Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто Троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя цара? Всего страннѣе предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и, по своимъ понятіямъ, имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣплений и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ перехо-

довъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія всего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его вначалѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человекомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаниемъ, что походъ предпринять для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ можно скорѣе прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ.

4. Форма изложенія писемъ Іоанна Грознаго и Курбскаго.

(С. Соловьевъ).

Скажемъ нѣсколько словъ о формѣ, ибо послѣдняя послужитъ намъ объясненіемъ характера этого знаменитаго историческаго лица, и средствъ, которыми владѣлъ Іоаннъ. По тогдашнимъ средствамъ къ умственному образованію, Іоаннъ былъ

начетчикъ, самоучка, и съ нимъ случилось то же самое, что можно видѣть и теперь на подобныхъ начетчикахъ: формы языка, на которомъ читалъ онъ, формы, имѣвшія для него важное, священное значеніе, эти формы густо столпились въ его памяти, и когда онъ хотѣлъ употреблять ихъ, то, безъ изученія особенностей этихъ формъ, руководясь только одною памятью, онъ часто не могъ совладѣть съ ними, съ постройкой рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ всякой связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не окончивши одного, начиналъ другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Іоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что онъ писалъ.

Что читалъ Іоаннъ, это ясно видно изъ его писемъ: священное Писаніе, переведенныя сочиненія отцовъ Церкви, русскія лѣтописи, хронографы, изъ которыхъ бралъ свѣдѣнія о римской и византійской исторіи; но преимущественно онъ находился подъ вліяніемъ двухъ первыхъ, такъ что посланія его наполнены мѣстами изъ св. Писаній и сочиненій св. отцовъ. Талантъ Іоанна виденъ въ искусномъ употребленіи средствъ: въ перепискѣ съ Курбскимъ онъ ловко обращается къ религіозному чувству послѣдняго и выставляетъ ему на видъ ту сторону его поступка, противъ которой это чувство особенно должно было вопіять: „Князь! зачѣмъ ты продалъ душу за тѣло, ты озлобился на меня, и душу свою погубилъ, потому что подвнялъ руки на церковное разореніе. Не думаешь ли, что убережешься отъ этого? никакъ. Если ты пойдешь вмѣстѣ съ ними (литовцами) воевать, то непременно будешь церкви разорять, иконы поправлять, христіанъ губить. Представь себѣ, какъ вѣжныя тѣла младенцевъ будутъ попираемы и терзаемы конскими ногами. Такимъ образомъ, твое злобѣсное умышленіе развѣ не уподобляется Иродову неистовству, направленному противъ младенцевъ? Неужели ты назовешь это благочестіемъ? Итакъ, ты ради тѣла погубилъ душу, ради славы мимотекуція приобрѣлъ безславіе, и не на человѣка озлобился, а на Бога возсталъ. Разумѣй, несчастный,

*

съ какой высоты и въ какую пропасть ты низвергнулся душою и тѣломъ! Могутъ понять и тамъ, кто поумнѣе, что ты отъѣхалъ, желая славы мимотекущія и богатства, а не отъ смерти бѣгалъ. Если ты праведенъ и благочестивъ, то зачѣмъ испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но приобрѣтеніе“. Потомъ Іоаннъ словами Писанія доказываетъ, что и самый отъѣздъ Курбскаго, даже и безъ войны противъ православнаго отечества есть грѣхъ. „Зачѣмъ ты презрѣлъ апостола Павла, который говоритъ: „противящійся власти, Божію повелѣнію противится“. Смотри и разумѣй: кто Богу противится, тотъ называется отступникомъ, и это величайшій грѣхъ“. Курбскій указываетъ на происхожденіе свое отъ святого князя Θεодора Ростиславича Смоленскаго-Ярославскаго и отдаетъ свое дѣло на судъ этому предку своему. Но Іоаннъ низлагаетъ его и здѣсь: „Съ охотою принимаю въ судьи святого Θεодора Ростиславича, хотя онъ тебѣ и родственникъ; потому что кто былъ праведенъ здѣсь, въ земной жизни, тотъ тѣмъ болѣе творить праведное по смерти, и праведно разсудить онъ между нами и вами. Этотъ самый святой князь Θεодоръ испѣлилъ царицу нашу Анастасію, которую вы уподобляли Евдокіи: ясно, что онъ не вамъ, но намъ недостойнымъ милость свою простираетъ; такъ и теперь надѣмся, что онъ будетъ помогать болѣе намъ, чѣмъ вамъ. Если бъ вы были чада Авраама къ сѣмени Авраамову причитаются, но живущіе въ вѣрѣ Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое въ гробъ съ собою положить: значить, ты отложилъ уже и послѣднее свое христіанство. Господь повелѣлъ не противиться злу, а ты и конечное прощеніе отвергаешь: такъ не слѣдуетъ тебя и погребать по-христіански“. Изъ св. Писанія заимствуетъ Іоаннъ уподобленія свои: „Ради временной славы (пишетъ онъ къ Курбскому), и сребролюбія, и сладости міра сего, ты все свое благочестіе душевное съ христіанскою вѣрою и закономъ попралъ; ты уподобился сѣмени, падающему на камень

и выросшему при жарѣ солнечномъ, но вдругъ ради слова ложнаго ты соблазнился, отпалъ и плода не сотворилъ“.

Понятно, что, при томъ недостаточномъ состояніи просвѣщенія, въ какомъ находилось русское общество въ описываемое время, грамотей, начетчикъ тѣмъ большимъ пользовался уваженіемъ, чѣмъ больше выказывалъ свою ученость, начитанность въ рѣчахъ и посланіяхъ; понятно, что Іоаннъ любилъ выказывать свою ученость, помѣщая въ письмахъ своихъ обширныя историческія выписки: любятъ обыкновенно хвастаться тѣмъ, что рѣдко и ново; толпа увлекается количествомъ, обиліемъ; законность вопроса о приличіи, о мѣрѣ признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Іоаннъ же по природѣ своей не могъ принадлежать къ этимъ немногимъ, ибо менѣе другихъ былъ способенъ удовлетворять требованіямъ приличія и мѣры. Плодовитость рѣчи, неумѣнье сдержаться, умѣрить себя, проистекая вообще отъ страстности его природы, зависѣли также болѣе или менѣе и отъ особеннаго состоянія его духа: такъ первое посланіе къ Курбскому, написанное въ сильномъ волненіи и гнѣвѣ, отличается особеннымъ многорѣчіемъ; второе посланіе кратко: между двумя причинами этой краткости нельзя не признать и ту что второе посланіе написано при большемъ спокойствіи духа, при большемъ довольствѣ своимъ положеніемъ, отъ военныхъ удачъ происшедшихъ.

Болѣзненное нравственное состояніе въ Іоаннѣ всего болѣе выражается въ этой насмѣшливости, въ этомъ желаніи поймать человѣка на словѣ, поставить его въ трудное положеніе и наслаждаться этимъ, въ отсутствіи уваженія, снисхожденія къ несчастному положенію человѣка, въ желаніи не утѣшить человѣка въ бѣдѣ, но возложить на него вину бѣды, показать ему, что онъ не имѣетъ права жаловаться. Неудивительно, что онъ не падаетъ въ своихъ насмѣшкахъ Курбскаго: „Писалъ ты себѣ въ досаду, отвѣчаетъ онъ ему, что мы тебя въ дальніе города, какъ бы въ опалѣ держа, послали; теперь мы, по волѣ Божіей, и дальше твоихъ далекихъ городовъ

прошли, и кони наши переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши мы ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили: такъ теперь уже нельзя говорить, что не вездѣ коня нашего ноги были. И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ твоихъ, въ Вольмарѣ, и тутъ на покой твой Богъ насъ принесъ; и гдѣ ты думалъ, что ушелъ, а мы тутъ, по волѣ Божіей, догнали. И ты дальше поѣхалъ“.

Письма Курбскаго относительно изложенія носятъ иной характеръ, чѣмъ письма къ нему Іоанновы, по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, Іоаннъ былъ начетчикъ, самоучка; Курбскій былъ ученикомъ Максима Грека, и поэтому долженъ былъ уже имѣть другія, высшія понятія о риторствѣ въ словесной премудрости, долженъ былъ приобрести большее умѣнье разбираться въ словесномъ матеріалѣ и давать своей рѣчи большую стройность. Въ отвѣтѣ Іоанну Курбскій укоряетъ его за неприличное многословіе, за нестройность рѣчи, за слишкомъ обширныя выписки изъ св. Писанія и отеческихъ твореній: „Широковѣщательное и многошумящее твое писаніе я получилъ, выразишь и понялъ, что оно оторгнуто отъ неукротимаго гнѣва съ ядовитыми словами, что не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому, убогому воину было бы неприлично; особенно въ немъ много изъ священныхъ Писаній нахватаю, и приведены эти слова со многою яростью и лютою, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры, и перепутано, цѣлыми книгами, и паремьями и посланіями! Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ, и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ, и такъ все варварски, что не только ученымъ и искуснымъ мужамъ, но и простымъ, даже дѣтямъ въ удивленіе и смѣхъ, особенно въ чужой землѣ, гдѣ находятся люди, не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусны“. Дѣйствительно, если сравнимъ

по формѣ письма Іоанна съ письмами Курбскаго, то не можемъ не отдать преимущества послѣднему; вотъ, напримѣръ, начало одного изъ писемъ его къ царю: „Если пророки плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, изъ камня прекраснѣйшаго созданной, и о гибели живущихъ въ немъ: то какъ намъ не восплакать о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, которую создалъ Господь, а не человекъ, въ которой нѣкогда Духъ Святой пребывалъ, которая послѣ прехвальнаго покаянія была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ которой чистая молитва, какъ благоуханное миро или еиміамъ, ко престолу Господню восходили, въ которой, на твердомъ основаніи правовѣрной вѣры, благочестивыя дѣла созидались, и въ этой церкви царская душа, какъ голубица съ посеребренными крылами, блисталась, честнѣе и свѣтлѣе золота, благодатью Духа Святаго преукрашенная дѣлами, укрѣпленная и освѣщенная тѣломъ и кровію Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!“

Большей стройности, большому изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способенъ сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный. Наконецъ на форму рѣчи Курбскаго должно было имѣть сильное вліяніе то положеніе, въ которомъ онъ явился писателемъ, положеніе изгнанника. Чувство ненависти къ гонителю, побуждавшее его къ рѣчи гнѣвной, умѣрялось другимъ чувствомъ, чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отечества, о безотрадности положенія своего. Это особенно ощутительно въ первомъ посланіи, которое состоитъ изъ одного болѣзненнаго вопля: „Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израили, и воеводъ, отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковныя обогрилъ! на доброты твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя

мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму переложить и сладкое прозвать горькимъ? Чѣмъ провинились они предъ тобою, о царь! или чѣмъ прогнѣвали тебя, христіанскій предстатель! Не прегордые ли царства храбростію своею разорили и сдѣлали тебѣ подручниками тѣхъ, у которыхъ прежде въ рабствѣ были праотцы наши? Не претвердые ли города германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны были? И вотъ твое намъ воздаяніе за это: всеродно губишь насъ! Или думаешь, что ты безсмертенъ, или прельщенъ ересью и думаешь, что не будетъ суда Іисусова? Онъ, Христосъ мой, сѣдѣющій на престолѣ херувимскомъ, судья между тобою и мною. Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? какихъ бѣдъ и напастей на меня ты не подвигнулъ? какихъ ожесточеній презлыхъ на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь исчислить: потому что объять еще горестію душа моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишень и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!“

5. Борьба Грознаго съ боярствомъ.

(Проф. Ключевскаго).

Разсорившись съ своимъ боярствомъ, царь Иванъ покинулъ въ 1564 году Кремль, Москву, всѣ свои „государства“ и самый титулъ царя, учредилъ себѣ новый дворъ съ особыми боярами, дворянами, приказными и другими людьми, оставивъ прежній правительственный и придворный штатъ при его должностяхъ, отобралъ для этого новаго двора нѣсколько улицъ въ Москвѣ и нѣсколько областей въ государствахъ, оставивъ другія улицы и области подъ властью боярской думы и подчиненныхъ ей приказовъ, началъ скромно зваться Иваномъ Васильевымъ, княземъ московскимъ, ходить и ѣздить въ „смирномъ“ черномъ платьѣ и немилостиво казнить

тѣхъ, кого считалъ измѣнниками. Государь, потратившій столько усилій мысли, чтобъ усвоить себѣ понятіе о единствѣ верховной власти, ввелъ „раздѣленіе земли и градовъ“; объявивъ предъ лицомъ земли, что всѣ бояре измѣнники, и что на простыхъ людей царской опалы и гнѣва нѣтъ, онъ оставилъ этихъ вѣрныхъ ему простыхъ людей земли подѣ властью боярской думы, наполненной измѣнниками.

Въ опричинѣ надобно различать двѣ стороны: ея политическую форму и ея политическую цѣль. Первая вовсе не была новостью въ русскомъ государственномъ устройствѣ, введенной царемъ Иваномъ. Это знакомый намъ удѣлъ. Самый терминъ *опричина* былъ заимствованъ изъ удѣльнаго языка: такъ назывались особы выдѣленные владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Въ актахъ XVI вѣка *опричный* значить чужой, сторонній, не принадлежащій къ извѣстному обществу или уѣзду. Князь Курбскій подыскалъ мѣткій этимологическій синонимъ этого термина, но только этимологическій, назвавъ опричниковъ „кромѣшниками“, удачно играя буквальнымъ и переноснымъ смысломъ этого слова. Никогда прежде не существовало удѣла, состоявшаго изъ тѣхъ именно городовъ, какіе взяты царемъ въ опричину. Но Иванъ поступалъ согласно съ преданіемъ удѣльныхъ вѣковъ, составивъ свой новый удѣлъ частію изъ городовъ, принадлежавшихъ къ старинной вотчинѣ московскихъ князей, каковы были Можайскъ, Устюгъ, Медынь, Ярославецъ, частію изъ недавнихъ сравнительно прибрѣтеній московскихъ государей, какими были Двина, Волга, Вязьма, Бѣлевъ, наконецъ, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сельскихъ волостей, разбросанныхъ въ московскомъ и другихъ уѣздахъ, которые не были взяты въ опричину. Изъ такихъ именно разрядовъ земель и съ такой же череполосицей предки Грознаго составляли удѣлы своимъ дѣтямъ въ духовныхъ грамотахъ. Самое управленіе въ опричинѣ было устроено по старому удѣльному образцу, сколько можно

судить о томъ по скуднымъ слѣдамъ дѣятельности опричной администраціи. Какъ въ удѣльное время привилегированное лицо получало право судиться у самого князя или его боярина введеннаго, такъ и теперь въ жалованной грамотѣ игумену Махрищскаго монастыря 1571 г. царь писалъ объ искахъ стороннихъ людей на игуменѣ съ братіей или на ихъ слугахъ и крестьянахъ: „а сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или мой бояринъ введенный *у насъ въ опришнину*“. Какъ въ удѣльное время все центральное управленіе заключалось въ предѣлахъ дворцоваго вѣдомства, дворъ князя составлялъ собственно княжеское правительство; такъ и опричнина нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея учрежденія была переименована *во дворъ*, а бояре и дворяне опричные въ бояръ и дворянъ *дворовыхъ*. Наконецъ самымъ опричнымъ своимъ титуломъ царь противопоставалъ опричнину землѣ, какъ удѣльную часть всему національному и государственному, земскому цѣлому; нѣкоторое время онъ официально назывался просто „княземъ *московскимъ*“, даже не великимъ, предоставивъ титулъ „великаго князя *всѣя Руси*“, поставленному имъ во главѣ земщины крещенному хану касимовскому Симеону.

Но, возстановляя старую форму, уже отжившую, повидимому, свое время, царь указалъ ей цѣль, для которой прежде не существовало особаго учрежденія: устанавливая опричнину, онъ задумалъ вывести измѣну изъ русской земли. По челобитью духовенства царь воротился на покинутое имъ государство, но съ тѣмъ, чтобы ему на своихъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣніе ихъ брать на себя, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государственной волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Такимъ образомъ учреждалась высшая полиція по дѣламъ государственной измѣны; назначенный по уставу новаго учрежденія опричный отрядъ въ 1000 человекъ становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Но направленная противъ людей правительственнаго класса, опричнина не касалась политическаго положенія всего этого класса.

Высшее управленіе оставалось аристократическимъ попрежнему; боярская дума продолжала руководить землей посредствомъ подчиненныхъ ей приказовъ; теперь, поставленная во главѣ женщины, она какъ будто даже стала самостоятельнѣе прежняго. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстенъ хранившійся въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива подлинный „указъ объ опричинѣ“, и мы знаемъ его содержаніе только по изложенію лѣтописца. Послѣдній пишетъ, что учреждая опричину, царь приказалъ вѣдать государство свое московское, воинство, судъ и управу и всякія земскія дѣла дѣлать своимъ земскимъ боярамъ, къ которымъ должны приходиться съ докладомъ о „большихъ дѣлахъ“ управляющіе отдѣльными приказами, а сами бояре обязаны приходиться къ государю, когда будутъ какія „ратныя вѣсти или земскія великія дѣла“. И прежде бояре иногда судили въ думѣ о дѣлахъ безъ государя; но это было отступленіемъ отъ введеннаго порядка, которое допускалось въ исключительныхъ случаяхъ. Теперь, повидимому, такія засѣданія становились обычными, и докладъ государю ограничивался лишь наиболѣе важными государственными дѣлами; слѣдовательно, боярскіе приговоры по всѣмъ прочимъ вопросамъ получили силу закона и безъ этого доклада.

Такое странное сочетаніе старой, уже отжившей политической формы съ новой, еще небывалой правительственной задачей и сочетаніе ихъ обѣихъ съ существующимъ правительственнымъ порядкомъ, которому была чужда та и другая, вызвано было однимъ любопытнымъ эпизодомъ нашей политической исторіи XV и XVI вѣка. Этотъ эпизодъ принято называть борьбой московскихъ государей съ своимъ боярствомъ. Не только люди послѣдующихъ поколѣній, но и современники, даже сами участники борьбы расположены были видѣть источникъ ея въ непримиримости политическихъ притязаній тогдашняго боярства съ политическими понятіями и стремленіями государей, преимущественно Грознаго. Но извѣстны привычки бойцовъ въ пылу боя забывать происхожде-

ніе и первоначальную цѣль борьбы и останавливаться въ опѣнкѣ ея на послѣднемъ пережитомъ моментѣ. Этимъ объясняется, какимъ образомъ малыя причины иногда рождаютъ великія ссоры и наоборотъ важныя разногласія разрѣшаются мелкими распрями. Обѣ стороны, боровшіяся въ Москвѣ XVI вѣка, даютъ поводъ сомнѣваться въ такомъ происхожденіи ихъ борьбы, какое онѣ сами ей приписывали. Во-первыхъ, притязанія боярства далеко не были такъ рѣшительны и радикальны, чтобы не оставалось никакой возможности примиренія. Они шли немного дальше дѣйствительности; притомъ важнѣйшія изъ нихъ были признаны государями. Боярская программа состояла не столько въ требованія политическихъ нововведеній, сколько въ защитѣ дѣйствовавшихъ правительственныхъ обычаевъ. Былъ важный недостатокъ въ политическомъ положеніи боярства—отсутствіе надежныхъ обезпеченій этого положенія: но требованія такихъ обезпеченій не находимъ и въ боярской программѣ. Съ другой стороны, если бы споръ шелъ о политическомъ порядкѣ и выходилъ изъ несогласимыхъ между собою плановъ государственнаго устройства, отъ царя прежде всего можно было бы ожидать прямого отвѣта на вопросъ, какого онъ хочетъ порядка, того ли, какой тогда складывался и дѣйствовалъ, или какого-нибудь другого. Письма Ивана къ Курбскому наиболѣе полная его политическая исповѣдь. Они рѣшительно подкупаютъ читателя своей задушевностью, жаромъ рѣчи, иногда доходящимъ до ораторскаго блеска. Подъ первымъ впечатлѣніемъ этой корреспонденціи, въ которой каждая страница кипитъ и пѣнится, читатель готовъ признать у царя самыя широкія и возвышенныя политическія воззрѣнія. Но снявъ эту пѣну, находимъ подъ нею скудный запасъ идей и довольно много противорѣчій. Онъ, пользуясь его же выраженіемъ, собственно „едино слово пишетъ, обращая сѣмо и ѡвамо“, діалектически развиваетъ одну идею, которую противопоставляетъ притязаніямъ своихъ политическихъ противниковъ: это идея самодержавія, которое Иванъ старается утвердить на историческихъ и по-

литических основаніяхъ. Самодержавіе для него исконный фактъ нашей исторіи, который онъ ведетъ отъ Владимира Святого, прибавляя, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи. Единая и полная власть, сосредоточенная въ рукахъ царя, необходима для водворенія внутренняго порядка, для прекращенія междоусобныхъ браней и самовольства. Но боярство, по крайней мѣрѣ, его литературные представители, возставали не противъ того самодержавія, которое шло отъ Владимира Святого, а противъ самодержавія, окруженнаго кромѣшниками, жертвой котораго палъ св. Филиппъ, и въ которомъ царь Алексѣй, также самодержавный, принесъ торжественное покаяніе за своего предшественника, за „прадѣда“ своего царя Ивана. Съ особенной горечью жалуется царь на бояръ во имя своего самодержавія, вина ихъ въ тѣхъ стѣсненіяхъ, какія онъ терпѣлъ отъ „попа невѣжи“ и „собака“ А. Адашева съ ихъ совѣтниками: они сняли съ царя всю власть, оставили ему только честь предсѣдательства и званіе царя, а на дѣлѣ сталъ онъ ничѣмъ не лучше холопа; они совѣтовались обо всемъ тайкомъ отъ царя, всѣ дѣла рѣшали, какъ хотѣли, ни въ чемъ его не спрашиваясь, какъ будто его и не было, или былъ онъ младенцемъ неразумнымъ. Но если дѣйствительно таково было значеніе Сильвестра, какимъ изобразилъ его Иванъ, если и по словамъ лѣтописца этотъ іерей былъ „аки все мога“, неограниченно распоряжался всѣми церковными и государственными дѣлами, только что не имѣлъ званія и сѣдалища царскаго и святительскаго, то въ этомъ вовсе не были виноваты бояре. Точно также не боярами, а скорѣе на зло боярамъ Адашевъ взятъ былъ „отъ гноища“ и изъ батожниковъ пожалованъ въ вельможи. Прежде всего на самого себя долженъ былъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его довѣрія. Политическое значеніе боярства, его притязанія не были виной того, что эти люди, не принадлежавшіе къ боярскому кругу, стали временщиками, подобрали царю непочтительныхъ къ нему совѣтниковъ и на-

чали „всѣхъ бояръ въ самовольство приводить“; царь самъ отдался имъ въ руки, испуганный событіями 1547 года. Иванъ какъ будто не замѣчалъ, что обвиняетъ противниковъ въ собственныхъ ошибкахъ и слабостяхъ и самъ выдаетъ имъ свое самодержавіе. И это самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть или голая отвлеченная идея: не безъ искусства развивая ее діалектически, онъ не выводитъ изъ нея всѣхъ практическихъ послѣдствій, она не облекается у него въ опредѣленный планъ государственнаго устройства. [Вся его философія самодержавія сводится къ одному простому заключенію: „жаловать своихъ холопей мы вольны, и казнить ихъ вольны же“. Но это заключеніе вовсе не отличалось новизною: оно такъ легко давалось уже князьямъ удѣльнаго времени безъ помощи возвышенныхъ теорій самодержавія, безъ той начитанности и тѣхъ усилій мысли, какія потрачены были царемъ Иваномъ въ полемикѣ съ бѣглымъ бояриномъ. Въ актахъ удѣльнаго времени оно и выражалось почти тѣми же словами: „я, князь великій Борисъ Александровичъ (тверской) воленъ, кого жалую, кого казню, а другому въ то не вступаться“, читаемъ мы въ договорной грамотѣ одного изъ этихъ князей, писанной лѣтъ за 170 до полемики Грознаго съ Курбскимъ. Такое простое пониманіе самодержавія выработано удѣльнымъ порядкомъ, который зналъ не государя-правителя съ его подданными, а хозяина-вотчинника съ его холопами, въ которомъ вольные люди были политическою случайностью, временными обывателями на наемной землѣ или службѣ. На такомъ основаніи можно было построить не государственный порядокъ въ объединенной Великой Руси, а запоздалую пародію удѣла, чѣмъ и были опричники царя Ивана. Не вопросомъ объ основаніяхъ государственнаго порядка вызвана была вражда, литературнымъ памятникомъ которой осталась полемическая корреспонденція царя съ бояриномъ. Этотъ вопросъ затрогивается въ корреспонденціи лишь кстати, къ слову; Курбскій даже почти вовсе не затрогиваетъ его въ своихъ письмахъ. Не

противоположные политическіе принципы, а личные счеты и взаимныя огорченія раздѣляютъ обоихъ корреспондентовъ. Поэтому въ своей перепискѣ они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько жалуются другъ на друга и исповѣдуются одинъ другому. Курбскій, вообще болѣе противника владѣвшій собою, самъ замѣтилъ это и прямо назвалъ посланіе царя исповѣдью, съ ироніей прибавивъ, что будучи не пресвитеромъ, а военнымъ и къ тому же очень грѣшнымъ человѣкомъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. У обоихъ корреспондентовъ есть свои больныя мѣста, о которыхъ каждый усердно твердитъ другому, плохо вслушиваясь въ рѣчь противника. — За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ Иванъ Курбскій. — „Нѣтъ, отвѣчаетъ Иванъ Курбскому, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи“. Такимъ короткимъ діалогомъ можно выразить сущность знаменитой переписки.

Дѣйствительная причина вражды была проще и понятнѣе общихъ политическихъ принциповъ, и всегда не въ мѣру откровенный Иванъ не скрылъ ея въ своей исповѣди. Съ половины XV в. эта вражда дважды обнаружилась съ особенною силой и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи, о преемникѣ. Въ первый разъ, когда вел. кн. Иванъ III развѣнчалъ внука и назначилъ сына, первостепенное боярство стояло за перваго, а его противодѣйствіе великому князю въ этомъ дѣлѣ сопровождалось казнями и насильственными постриженіями. Нерасположеніе великаго князя Василія къ боярству было естественнымъ чувствомъ государя къ людямъ, которые не желали видѣть его на престолѣ и неохотно терпѣли на немъ. Первые сильныя столкновенія при московскомъ дворѣ, какія помнилъ Иванъ IV, были связаны съ этимъ вопросомъ о престолонаслѣдіи: онъ напоминалъ Курбскому, что отецъ его кн. Михаилъ съ вел. кн. Димитріемъ внукомъ на его государева отца „многія пагубныя смерти умышляли“. Другой случай былъ при самомъ Иванѣ IV въ 1553

году, когда царь опасно занемогъ и потребовалъ отъ бояръ присяги своему новорожденному сыну, а его двоюродный братъ, удѣльный князь Владимиръ, заявилъ притязанія на престолъ. Сильвестръ и Адашевъ вели себя двусмысленно въ этомъ дѣлѣ, а ихъ совѣтники, большинство бояръ, не хотѣли цѣловать креста младенцу, говоря, что его именемъ будутъ править родственники царицы Захарьины. Больной царь на совѣтѣ долженъ былъ черезъ силу уговаривать непокорныхъ бояръ и между прочимъ сказалъ имъ: „вы намъ и дѣтямъ нашимъ служить не хотите, не помните, на чемъ намъ крестъ цѣловали; такъ если *мы вамъ ненадобны*, то это на вашихъ душахъ“. Съ тѣхъ поръ и пошла вражда, замѣчаетъ лѣтописецъ, и самъ Иванъ подтверждаетъ это замѣчаніе, отвѣчая Курбскому на обвиненія въ жестокостяхъ: „только бы на меня съ попомъ не стали вы, такъ ничего бы этого и не было“. А бояре стали съ попомъ противъ царя, прежде всего въ этомъ несчастномъ дѣлѣ 1553 г. благопріятствуя Владимиру. Воображеніе, всегда господствовавшее надъ нервнымъ царемъ и теперь еще усиленное болѣзнию, нарисовало ему всѣ ужасы, ожидающіе его семью въ случаѣ его смерти. „Не дайте жены моей на поруганіе боярамъ, говорилъ онъ Захарьинымъ и другимъ вѣрнымъ своимъ совѣтникамъ, не дайте боярамъ извести моего сына, возьмите его и бѣгите съ нимъ въ чужую землю“. Имъ опять, какъ послѣ московскихъ пожаровъ и волненій 1547 года, овладѣло чувство, которому онъ всегда легко поддавался, чувство страха. Въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія убѣдительно въ всякихъ книжныхъ политическихъ доктринахъ: „за себя есми сталъ“, пишетъ онъ Курбскому, напоминая, какъ они, бояре, хотѣли посадить на царство Владимира, а его, „и съ дѣтьми извести“. Мы имъ ненадобны, такъ надо бѣжать отъ нихъ или обороняться: это представленіе, несомнѣнно преувеличивавшее опасность, съ тѣхъ поръ, кажется, всю жизнь не покидало царя. Достаточно просмотрѣть его знаменитые синодики опальныхъ, чтобы видѣть, что во время опричнины Иванъ дѣйствовалъ, какъ не въ мѣру

испугавшійся человекъ, который, закрывъ глаза, билъ направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ. Шла борьба съ измѣнническимъ боярствомъ, а въ поминанье заносились перебитые десятками по разнымъ городамъ и селамъ боярскіе люди, подъячіе, псаріи, монахи, мастеровые, „скончавшіеся христіане мужского, женскаго и дѣтскаго чина“, которыхъ имена, да и политическія вины, прибавить можно, „Ты Самъ, Господи, вѣси“, какъ причитаетъ помянникъ послѣ каждой статьи избитыхъ массами.

Такъ борьба московскихъ государей съ боярствомъ имѣла не политическое, а династическое происхожденіе. Несомнѣнно, что въ обоихъ указанныхъ случаяхъ не остались безъ вліянія на образъ дѣйствій бояръ старыя боярскія привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ считалъ себя въ правѣ выбирать себѣ мѣсто службы, переѣзжая отъ одного князя къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре считали возможнымъ выбирать между кандидатами на престолъ. „Чѣмъ намъ служить государю молодому, мы лучше станемъ служить старому князю Владимиру, говорили они въ 1553 году: „какъ служить малому мимо старого?“ Выборъ облегчался отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Руководясь правомъ, дѣйствовавшимъ въ частной гражданской средѣ, удѣльные князья не хотѣли стѣснять себя въ распоряженіи своими вотчинами передъ смертью: имъ не приходила мысль о возможности и пользѣ ограниченія личной воли завѣщателя. Этотъ обычай продолжалъ дѣйствовать и въ Московскомъ государствѣ: „кому хочу, тому и дамъ княжество“, говорилъ Иванъ III. Цѣну этой личной воли, простой и понятной, московскіе государи почувствовали раньше, чѣмъ стали думать о болѣе сложныхъ политическихъ своихъ прерогативахъ, и дорожили ей больше, чѣмъ послѣдними, когда стали объ нихъ думать. Потому стороннее вмѣшательство въ эту область трогало ихъ больше, чѣмъ могъ трогать общій вопросъ о политическомъ значеніи боярства и его отношеніи къ государственной власти. Едва ли и сами бояре смотрѣли на свое вмѣшатель-

ство въ распоряженіи обоихъ Ивановъ о престолонаслѣдіи, какъ на свое право опредѣлять порядокъ преемства верховной власти; они просто хотѣли воспользоваться случаемъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобъ устранить непріятнаго преемника. Но легко понять, что династическій случай долженъ былъ поднять и общій политическій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, о прерогативахъ верховной власти и правахъ аристократіи. Только ни та, ни другая сторона не была приготовлена къ разрѣшенію этого вопроса ни при Иванѣ III, ни при его внукахъ. Страннымъ можетъ показаться, что русское общество инстинктомъ или сознательною мыслью глубже своего правительства проникало въ смыслъ совершившихся событій, лучше понимало политическое положеніе, какое ими создавалось. Писатели XVI вѣка говорили уже „о единомъ существѣ русской земли“ и о соединеніи „во едино существо міра всего Божиимъ милосердіемъ и царской добродѣтелью“, на чемъ настаиваетъ валаамская *Бесѣда*; еще раньше старецъ Филофей въ посланіи къ великому князю Василию писалъ, т.-е. мечталъ о томъ, что уже всѣ христіанскія царства собрались въ одно царство русскаго царя. Политическое единство свободной извнѣ земли неразрывно съ ея національнымъ и церковнымъ единствомъ было для русскаго общества фактомъ, который оно почувствовало живо, съ отрадой и гордостью, почувствовало впервые послѣ ряда вѣковъ внѣшняго порабоженія и внутренняго разъединенія. Официальный языкъ, кажется намъ, можетъ служить нѣкоторымъ отраженіемъ политическихъ понятій правителей, которые имъ пользуются. Судя по нему, московское правительство и во второй половинѣ XVI вѣка какъ будто слабо сознавало указанный фактъ и его послѣдствія. Сохранились крестоцѣловальныя записи, по которымъ присягали царю Ивану и его царевичамъ Ивану и Ѳеодору областные судьи и таможенные головы: чиновники присягали царю, царицѣ, царевичамъ и ихъ *землямъ*. Уже съ конца XV в. московскіе государи не разъ заявляли польскому правительству, что всю русскую

землю считаютъ своей исконной прародительской отчиной; однако и въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ они продолжали называться въ торжественныхъ случаяхъ не государями единого государства Всероссійскаго, а государями Владимирскаго и Московскаго и „всѣхъ великихъ государствъ“ Россійскаго царства. Отдѣльная земля, присоединенная къ старой вотчинѣ московскаго государя, долго считалась еще особымъ *государствомъ*, т.-е. особымъ благопріобрѣтеннымъ хозяйствомъ государя, и эта личная связь новаго пріобрѣтенія съ старой вотчиной, состоявшая въ томъ, что у нихъ являлся общій хозяинъ, кажется, чувствовалась яснѣ всякой другой, политической или народной. И царь Иванъ въ письмѣ къ Курбскому писалъ, что русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ „всѣми царствы“ своими. Всѣ владѣнія государя составляли единую отчину *государеву*; но правительственное сознание долго не могло освоиться съ мыслью, что эта вотчина есть и цѣлое *государственное*. Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя, еще смутно понималъ недѣлимость верховной власти и въ своей духовной далъ удѣлъ младшему сыну, только съ неясной оговоркой, что этотъ удѣлъ „ему же (старшему сыну, царю) къ великому государству“. Московскимъ государямъ, кажется, легче давалась идея самодержавія, чѣмъ идея единоподержавія; извѣстны случаи двоегосударія и въ XVII вѣкѣ. Изъ такихъ остатковъ удѣльныхъ отношеній и понятій, признанныхъ или еще не брошенныхъ московскимъ правительствомъ, главнымъ образомъ и слагалось политическое положеніе московскаго боярства въ его новомъ составѣ, ими и питались его аристократическія притязанія. Сопоставляя политическія воззрѣнія обѣихъ сторонъ, высказывавшіяся въ XVI вѣкѣ, находимъ, что они не расходились между собою до возможности соглашенія. Мы видѣли, что боярство почти не требовало ничего такого, что не было бы допущено государями въ правительственной практикѣ, и не настаивало на многомъ, что тогда еще могло быть допущено въ его пользу.

*

Его литературные представители признавали власть государя, какой она была тогда, со всѣми ея обширными, практически выработавшимися полномочіями, даютъ государю значеніе главы правительственнаго тѣла, но при этомъ желаютъ, чтобъ и бояре, какъ мудрые совѣтники, были членами того же тѣла, а не отрѣзанными ногтями. Иванъ жаловался на бояръ съ ихъ „начальниками“ Сильвестромъ и Адашевымъ, будто они добивались того, чтобъ онъ, царь, только „словомъ былъ государь“, а сами хотѣли всѣмъ владѣть и „всю землю русскую подъ ногами своими видѣть“. Но это было преувеличеніемъ боярскихъ притязаній со стороны совѣтниковъ, подобранныхъ царю его же любимцами, если только не было преувеличеніемъ со стороны самого Ивана, котораго страхъ, обладавшій слишкомъ великими глазами, заставлялъ давать невѣроятные размѣры своимъ бѣдамъ и опасностямъ. Правда, тотъ же Иванъ непримиримо рѣзко, самымъ остриемъ поставилъ противъ боярства идею неограниченной власти. Но эта идея явилась довольно искусственно, не вышла послѣдовательно изъ органическаго роста привычнаго, отъ предковъ унаслѣдованнаго политическаго сознанія, а была, такъ сказать, наростомъ на этомъ сознаніи, натертымъ уже во время борьбы. Царь пользовался этой идеей, какъ политическимъ оружіемъ противъ бояръ, для оправданія своихъ жестокостей; но она осталась у него безъ практическаго употребленія, ничего не измѣнивъ въ основаніяхъ государственнаго порядка и только увеличивъ существовавшія въ немъ противорѣчія. Итакъ, у обѣихъ сторонъ не было ни готовыхъ противоположныхъ плановъ государственнаго устройства, ни даже непримиримыхъ стремленій, изъ которыхъ могли бы выработаться такіе планы. Но при сходствѣ политическихъ понятій или, лучше сказать, политическихъ привычекъ онѣ еще связаны были одна съ другой важными практическими интересами и очень нуждались другъ въ другѣ. Бояринъ былъ нуженъ и полезенъ государю и внѣ своей правительственной дѣятельности, какъ крупный землевладѣлецъ. О князьяхъ

М. Воротынскомъ и Н. Одоевскомъ Курбскій пишетъ, что они и при Иванѣ IV „велія отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ съ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ“; изъ зависти будто бы къ этому воинству царь и погубилъ обоихъ. Значить, они выставляли въ поле цѣлыя полки ратныхъ людей, которыхъ сами вербовали, вооружали и содержали, избавляя правительство отъ хлопотъ объ этомъ. Въ дѣлѣ обороны страны одинъ такой князь стоилъ цѣлаго уѣзда, наполненнаго мелкими вотчинниками и помѣщиками. Общій интересъ связывалъ обѣ стороны и въ дѣлѣ поземельнаго устройства крестьянскаго труда. Обоюдная выгода ихъ состояла въ томъ, чтобъ этотъ бродячій и безкапитальный трудъ привязать къ мѣсту и расширить его производство. Есть признаки, указывающіе на то, что крупнымъ землевладельцамъ это удавалось тогда лучше, чѣмъ мелкимъ и даже чѣмъ обществамъ черныхъ государственныхъ крестьянъ. Различіе интересовъ крупной земельной собственности и государства въ этомъ отношеніи чувствовалось еще слабо въ XVI в. Наконецъ боярство и правительство въ XVI в. вмѣстѣ боролись съ успѣхами монастырскаго землевладѣнія и его послѣдствіями, вредными для обоихъ.

Значить, безъ особаго жгучаго повода не отъ чего было возгорѣться пожару лютой въ землѣ русской, воскуриться гоненію великому, на что жалуется кн. Курбскій. Такимъ жгучимъ поводомъ послужило при царѣ Иванѣ повторившееся столкновеніе по вопросу о престолонаслѣдіи. Вызванный этимъ случаемъ споръ продолжался и послѣ него; династическая распря перенесена была въ область высшей политики. Въ странное положеніе ставила эта распря обѣ разсорившіяся стороны: объявили другъ друга врагами, заспорили о власти, о политическихъ принципахъ люди, политически нуждавшіеся другъ въ другѣ, воспитанные въ сходныхъ политическихъ понятіяхъ и привычкахъ, привыкшіе дѣйствовать вмѣстѣ. Не слѣдуетъ однако думать, что вражда продолжалась только по недоразумѣнію, потому что враги не умѣли или не имѣли случая сго-

вориться между собою. Несчастный династическій случай далъ почувствовать обѣимъ сторонамъ, можетъ быть, даже усилилъ существовавшее въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ противорѣчіе, которое безъ того не помѣшало бы имъ мирно ужиться другъ съ другомъ, какъ онѣ уживались во времена Дмитрія Донского. Московское государство въ XVI в. представляло монархію съ государемъ во главѣ, власть котораго ничѣмъ формально не была ограничена, кромѣ практической необходимости дѣлиться ею съ знатными недругами. Правительственный обычай и общіе интересы заставляли обѣ стороны дѣйствовать вмѣстѣ, дѣлали ихъ необходимыми другъ для друга, и эта необходимость только обостряла вражду, усиливала столкновеніе. Обѣ стороны увидѣли себя въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и не знали какъ изъ него выйти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, какой она была тогда, ни государь не зналъ, какъ управиться безъ боярскаго содѣйствія съ своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ; ни та, ни другая сторона не знала, какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожителство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину. Форма послѣдней была указана или подсказана Ивану московскимъ правительственнымъ преданіемъ. Когда старое удѣльное зданіе Московскаго княжества, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ заставилось новыми государственными пристройками, ближняя государева дума послужила одной изъ связей перваго съ послѣдними. Но ближняя дума была реставраціей боярскаго совѣта удѣльнаго времени, когда послѣдній превратился въ постоянный правительственный корпусъ съ опредѣленнымъ многосложнымъ вѣдомствомъ и составомъ, основанномъ на новомъ складѣ боярства. Не устраняя дѣятельности боярскаго думы и составляясь обыкновенно изъ ея же членовъ, ближній совѣтъ былъ со стороны государя косвеннымъ признаніемъ этой думы въ значеніи такого правительственного

корпуса и, слѣдовательно, признаніемъ боярства въ значеніи правительственнаго класса. Къ ближнимъ думнымъ людямъ примыкали ближніе постельничіе, стольники и нѣкоторые другіе дворцовые чины, которые подъ общимъ названіемъ *ближнихъ людей* слѣдовали въ придворной іерархіи непосредственно за думными и вмѣстѣ съ ближними людьми думныхъ чиновъ составляли государеву *комнату*. Выдѣленіе этой комнаты изъ большого двора было слѣдствіемъ желанія государей сохранить около себя привычную тѣсную обстановку удѣльнаго времени среди придворнаго штата, принимавшаго все бѣльшіе размѣры: такъ точно, построивъ себѣ большія каменные палаты, они долго еще продолжали жить въ тѣсныхъ деревянныхъ хоромахъ, напоминавшихъ имъ удѣльныя избы ихъ предковъ. Опричнина была развитіемъ этой комнаты, только доведеннымъ до крайности, получавшимъ ненормальные размѣры согласно съ характеромъ ея учредителя, что еще болѣе дѣлало ее похожей на реставрацію удѣла: въ ней были не только особые ближніе бояре, окольничіе и другіе чины, но и весь дворовый штатъ ближній, полный дворъ, даже съ особой ближней гвардіей, конной и пѣшей. Поэтому на учрежденіе опричнины можно смотрѣть какъ на завершеніе того, чѣмъ была ближняя дума: имъ завершалось признаніе политическаго значенія боярства и боярской думы со стороны государя. Специальной, полицейской цѣлью опричнины не ослаблялось, а только рѣзче обозначалось это признаніе. Опричнина боролась не съ порядкомъ, а съ лицами, провозглашала неблагонадежность послѣднихъ и подтверждала удовлетворительность перваго, была направлена не противъ положенія цѣлаго правительственнаго класса въ государствѣ, а противъ отдѣльныхъ людей этого и даже не одного этого класса, навлекавшихъ на себя полицейское подозрѣніе или попадавшихъ подъ руку царя въ дурную минуту. Такъ въ опричнинѣ сказалось одно изъ главныхъ основаній московскаго государственнаго порядка, создававшагося въ XV—XVI вѣкахъ; надъ *лицами* государь былъ воленъ,

могъ казнить ихъ за вины и опалы на нихъ класть, но не могъ устранить отъ власти правительственнаго класса, обойтись безъ его содѣйствія. Того же взгляда держалось само боярство. По наказу, данному боярской думой, московскіе послы кн. И. М. Воротынскій съ товарищами, въ 1615 г. переговариваясь съ поляками, должны были при случаѣ сказать имъ отъ имени „природныхъ“ бояръ: „видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, *только во всемъ государствѣ страва всякая была на насъ*, а худыми людьми насъ не безчестили и чести нашей природной не отнимали“. Въ такомъ исходѣ политической борьбы, разрѣшившейся лично враждой, даже не удержавшейся въ предѣлахъ борьбы съ классомъ, и сказалась существенная особенность власти московскаго государя, безграничной по отношенію къ лицамъ, но сдержанной и скромной въ отношеніи къ порядку. Это признаніе выразилось въ болѣе самостоятельной постановкѣ думы, въ томъ, что ей предоставлено было вести текущія дѣла управленія безъ участія царя, который, живя внѣ Москвы, пріѣзжалъ въ столицу „не на великое время“. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что царь совсѣмъ пересталъ являться въ совѣтъ земскихъ бояръ. Сохранилось нѣсколько приговоровъ думы, изданныхъ во времена опричнины отъ имени первоприсутствующаго боярина съ товарищами, даже съ участіемъ духовенства, но состоявшихся безъ царя, только по царскому приказу или слову. Но извѣстны и законы, начинающіеся обычною формулой приговоровъ царя „со всѣми бояры“, согласно съ указомъ объ опричинѣ, по которому земскіе бояре должны были приходить къ царю въ случаѣ особо важныхъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей.

Соединяя черты, которыми обозначились взаимныя отношенія государя и боярства въ XVI в., находимъ, что обѣ стороны признавали другъ за другомъ государственное значеніе, какое для каждой изъ нихъ создалось практически, ходомъ исторіи. Государь признавалъ бояръ прямыми и необходимыми своими сотрудниками въ земскомъ строеніи и рат-

ныхъ дѣлахъ, правящимъ классомъ въ предѣлахъ существующаго порядка. Отецъ и дѣдъ Грознаго признавали это и въ теоріи, и на практикѣ; Грозный въ разгаръ борьбы попытался отвергнуть это въ теоріи, но продолжалъ признавать на практикѣ. Боярство, съ своей стороны, видѣло въ государѣ необходимаго носителя верховной власти, какъ тогда ее понимало, и не простирало своихъ политическихъ желаній далеко за предѣлы существующаго порядка. Коренного измѣненія послѣдняго, новаго государственнаго строя не добивается ни та, ни другая сторона: обѣ стоятъ на исторической дѣйствительности, на существующихъ фактахъ, не углубляясь въ ихъ внутреннее противорѣчіе другъ другу. Этимъ и парализовалась та доля боярскаго вниманія къ вопросамъ высшей политики, какая оставалась отъ заботъ, возбуждавшихся ходомъ народнаго хозяйства. Правда, со стороны царя обнаруживаются нѣкоторые признаки неяснаго предчувствія этого противорѣчія, смутные помыслы о томъ, что дѣйствующій соціальный составъ управленія въ государствѣ неудобенъ для государя и долженъ быть замѣненъ другими административными орудіями, болѣе соответствующими политической натурѣ московскаго монарха, какъ онъ начиналъ сознавать себя. Въ извѣстномъ юмористическомъ письмѣ Грознаго къ Васюшкѣ Грязному читаемъ откровенное признаніе царя: „по грѣхамъ нашимъ учинилось, и намъ того какъ утаити, что отца нашего бояре учили намъ измѣнѣти, и мы васъ страдниковъ приблизили, хотячи отъ васъ службы и правды“. Этой мысли царь не скрываетъ и въ письмахъ къ Курбскому; она, разумѣется, встрѣчала полное сочувствіе въ обществѣ худородныхъ „кромѣшниковъ“. Здѣсь также роились неясныя идеи дворянской демократіи. Презируя мѣстническое преданіе, упомянутый сейчасъ Васюкъ Грязный отвѣчалъ царю на его признаніе: „ты, государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаешь великимъ“. Извѣстно, какъ не любила опричина мѣстничества. Послѣ спорившіе о мѣстахъ, желая показать, что извѣстный служебный случай былъ неправиленъ и не имѣетъ

цѣны, говорили: „то дѣялось въ опришнинѣ“. Но и Грозный и Грязные, ему понадобившіеся, оставались пока при однихъ помыслахъ о новомъ порядкѣ, безъ средствъ и рѣшительныхъ попытокъ осуществить ихъ. И въ противной сторонѣ борьба вызвала нѣкоторыя новыя ощущенія, которыя облекшись въ политическія формы, въ опредѣленные планы государственнаго устройства уже въ поколѣніи, слѣдовавшемъ за сверстниками Грознаго. Такъ обѣ стороны до самаго исполненія боярскаго пророчества, до пресѣченія династіи, не нашли выхода изъ неловкаго положенія, въ какомъ себя почувствовали, хотя на одной сторонѣ стоялъ „мужъ чуднаго разсужденія, мужъ толико славенъ и толико многоразсуденъ“, какъ отзывались современники о царѣ Иванѣ, да и у противниковъ его не было недостатка ни въ напряженіи мысли, ни въ талантахъ. Это потому, что надъ талантами, идеями, капризами и страхами обѣихъ сторонъ высился порядокъ державшійся на обычаяхъ, преданіи, поколебать который онѣ были безсильны, пока онъ самъ не поколебался подъ дѣйствіемъ новыхъ обстоятельствъ.

С Л О В А Р Ъ.

- Авие.** Скоро, тотчасъ, потомъ.
Аво, альво. Или.
Авроплавательный. Воздухоплавательный.
Аеръ. Воздухъ.
Ажъ, аже. Даже.
Аки. Какъ, будто.
Аksamитъ. Бархатъ золотой.
Алавастръ. Алебастръ, кувшинъ алебастровый безъ ручекъ; склянка съ водою.
Аламанскій. Нѣмецкій, германскій.
Анжевы. Чтобы, даже бы.
Антипатъ. Намѣстникъ.
Аргументъ. Доказательство, свидѣтельство.
Армата. Вооруженіе, оружіе; войско.
Асперъ (польск.-лат.). Векша; куны, мордки куньи.
Безвѣстно. Неожиданно, нечаянно.
Бискупъ. Епископъ.
Блазенъ. Шутъ, балясникъ, фигляръ.
Блазенство. Шутовство, фиглярство.
Боккаляръ. Бакалавръ, учитель.
Браться. Сражаться, воевать.
Брашно. Пища, кушанье.
Бронитель. Оборонитель, защитникъ.
Бронить. Оборонять, защищать.
Бурмистръ. Бургомистръ.
Бѣдникъ. Увѣчный.
Бѣднѣ. Неудобно, трудно.
Важить. Вѣсить, цѣнить, почитать.
Вальный. Всеобщій, главный.
Вдячно. Благодарно.
Вежа. Башня, каланча.
Вельможный. Великомошный.
Вещъ овщая (лат. Respublica). Республика.
Взгонъ. Согнаніе, пагуба.
Взустить. Обуздать.
Виршъ. Стихъ.
Вколо. Около, вокругъ.

- Властель. Властитель, вла-
дѣтель.
Вода. Начальство, предводи-
тельство.
Водля. Подлѣ, близъ; слѣдуя.
Вожь. Вожь, проводникъ,
вожатый.
Возвурить. Возволновать.
Волоть. Исполинь, великанъ.
Впоенный. Врожденный, вну-
шенный.
Вреваю. Ввергаю.
Вручь. Врукопашную.
Всенароднѣ. Торжественно,
предъ всѣмъ народомъ.
Всенародство. Народъ,
чернь.
Всероднѣ. Со всѣмъ родомъ,
съ семействомъ.
Вуй. Дядя съ материнской
стороны.
Вымова. Краснорѣчіе, произ-
ношеніе, выговоръ.
Выспа. Островъ.
Вытекать. *Въ военномъ смы-
слѣ*: вылазку дѣлать.
Вытечка. Вылазка.
Вязень. Узникъ, плѣнникъ.
- Гагрина. Антоновъ огонь;
гангрена.
Гадка. Разсужденіе, рѣчь.
Гаковница. Длинное огне-
стрѣльное орудіе небольшого
калибра, прилаженное къ
деревянному отрубку.
Галія. Шлюпка, галера.
Гарцовать. Скакать; всту-
пить въ поединокъ, въ
схватку.
Гать. Дорога чрезъ болото
изъ насыпной земли и
хвороста.
Гауры. Агаряне, дѣти Агари.
Такъ называли магометане
христіанъ, именуя Сарацы-
нами, т. е. потомками Сарры.
Гауръ или *Гяуръ* есть соб-
ственно испорченное *Геберъ*,
или *Гевеъръ*, Гвебръ, Гебръ,
огнепоклонникъ, и употребле-
ляется турками и персія-
нами въ общемъ смыслѣ:
невѣрный.
Герцовать. Скакать: всту-
пать въ поединокъ. См.
гарцовать.
Главнѣй. Головной; уголов-
ный.
Глумленіе. Шутка, насмѣш-
ка, суесловіе.
Говзить. Изобиловать.
Година. Часъ.
Городъ. Замокъ, крѣпость.
Гречкій и Грецкій. Грече-
скій.
Гуфъ, гуфецъ. Толпа, от-
рядъ, строй.

Дѣкретъ. Опредѣленіе, постановленіе; приговоръ.

Дивій. Лѣсной, дикій.

Дольный. Нижній, низовый, лежащій въ долині.

Дондеже. Пока, доколѣ.

Другойцы. Индѣ, въ иномъ мѣстѣ.

Дщица. Доска, дощечка.

Дѣло. Пушка, пищаль, орудіе вообще.

Езерко. Озеро небольшое, или озерко.

Елокуція. Выраженіе, изреченіе; выговоръ.

Жавка. Жаба, лягушка.

Жаловать. Жалѣть о комъ, или чего; также щадить.

Жартъ. Шутка.

Желнеръ. Солдатъ, ратникъ наемный.

Жертovníкъ. Жертвенникъ.

Живить. Питать, кормить; дать жизнь: сохранять, спасать.

Загонъ. Въ военномъ смыслѣ: набѣгъ, вылазка; также походъ отдѣльнаго корпуса.

Загрѣть кого. Укорять, осуждать; загрѣть кому: завидовать.

Заисте. Поистинѣ.

Замирить. Отмѣрять, постановить границы.

Зане. Ибо, потому что.

Занѣдвать. Пренебрегать.

Заточить дѣла. Выстроить пушки; *заточить шанцы:* устроить окопы.

Зацный. Достойный, почтенный.

Звройка. Броня.

Землянинъ. Обыватель, владѣлецъ земли, помѣщикъ.

Зверхность. Первенство, начальство.

Звлаще. Особенно.

Звязливый. Связанный; спутанный.

Згодиться. Согласиться, соединиться.

Здывать. Улучить, поймать, встрѣтить.

Зычить. Желать, благопріятствовать.

Зѣльнъ. Весьма, очень, сильно, жестоко.

Иговскій. Принадлежащій ему, ей или имъ. *Просторъч.* ихній.

Изгревіе. Соръ.

Измѣна чему, или на что. Мѣна, обмѣнъ.

Израда. Измѣна, предательство.

Израдецъ. Измѣнникъ.

Икономахъ. Иконоборецъ, разрушитель иконъ.

Интерегнумъ. Междуцарствіе.

Индуды, въ. Иное мѣсто. *Индъ*, въ иномъ мѣстѣ, индѣ.

Истый. Подлинный, точный, несомнѣнный; тотъ самый.

Казать. Велѣть, приказать; научить, наставить.

Канцеръ. Ракъ, *болѣзнь*.

Кать. Палачъ, истязатель.

Кляшторъ. Монастырь, обитель.

Кнегтъ. Солдатъ, воинъ.

Княжата. Князья удѣльные.

Кожухъ. Шуба, тулупъ.

Коло. Колесо.

Колько. Около, вокругъ; нѣсколько.

Конклюдія. Заключение.

Комора. Камера, горница.

Кортуна, картауна. Стѣнобитное орудіе, бросавшее 48 фунтовое ядро.

Кошъ. Кошель, плетенка; *въ военномъ смыслѣ*: походный обозъ, также движущееся войско; переходъ, кочевка, переночевка.

Кромъ. Сверхъ того; въ сторонѣ.

Кроника. Лѣтопись, хроника.

Крыжакъ. Крестоносецъ.

Куля. Шаръ; ядро; пуля.

Кунторъ. У нѣмецкихъ крестоносцевъ воевода, повѣтовый староста.

Латвѣе. Легче, удобнѣе.

Ледовый. Ледяной, ледовитый.

Ленсмаршалокъ. Ландмаршалъ, земскій воевода, знатный сановникъ.

Летаргицкій. Летаргическій, безчувственный.

Лехтать. Щекотать, побуждать, возбуждать, подстрекать.

Ложничій. Постельничій, камердинеръ.

Лотровский. Разбойническийъ.

Лотръ. Разбойникъ.

Лучный. Относящійся къ луку.

Лѣпшій. Лучшій.

Лювоимѣнный. Корыстолюбивый, любящій наживу.

Людъ. Народъ, войско.

Люторскій. Лютеранскій.

Лядаякій. Недостойный, подлый, низкій.

Ляофима. Богохульство.

Ляховица. Полька, католичка.

Маестать. Величество, престоль.	Можный. Мощный; возможный.
Майстръ. Магистръ; начальникъ Ливонскаго ордена.	Мурованный. Каменный.
Малвазія. Мальвазійское вино или критское, съ горы Malta.	Муръ. Стѣна.
Маньякъ. Безумецъ; льстецъ, угодникъ.	Мухояръ. Полушелковая матерія.
Марцыпанъ. Миндальное пирожное.	Мшелъ. Корысть, взятка, барышъ.
Маршалокъ. Земскій, государственный сановникъ.	Мѣрный. Посредственный; умѣренный; воздержный.
Матерь. Сквернословіе.	Мѣскій. Городской.
Матрона. Жена, женщина.	Мѣсто. Городъ въ нынѣшн. значеніи этого слова.
Машкара. Маска, личина; костюмъ шутовской. Также уродъ, уродливость.	Мѣть. Имѣть, почитать, желать, намѣреваться.
Маю, мѣль, мѣть. Имѣть, почитать, желать.	Навыть. Достать, приобрѣсть, нажить.
Межи. Между.	Навадъ. Навожденіе, смута, ссора.
Мировать. Мирить, соглашаться, соединяться.	Нажилить. Насиловать.
Мниманый. Мнительный.	Наилѣпшій. Наилучшій.
Мнимать. Думать, полагать.	Наказывать. Приказывать, наставлять, научать.
Мнитѣмися. Кажется мнѣ.	Наляцать. Натягивать.
Мнихъ. Монахъ, чернецъ.	Намовить. Уговорить, наставить.
Многій, многъ. Сильный, обильный, искусный.	Наполы. Въ половину.
Мнѣ. Менѣе.	Науки вызволенные. Изысканныя науки: artes liberales.
Мнѣйшій. Меньшій, малѣйшій.	Наусіе. Юношескій возрастъ, когда усъ пробивается.
Могутство. Могущество; <i>отъ Слав.</i> могутный: сильный, мощный.	Негли. Можетъ быть; вѣроятно; ужели.

- Недугъ огненный. Горячка, огневица.
- Неиспокой. Безпокойство.
- Нелѣпотный. Безстыдный, безчестный.
- Нендза. Нужда, горе, бѣда.
- Непщевать. Думать, мнить, полагать.
- Нехай. Пусть.
- Нечный. Недобрый, безчестный, отвратительный.
- Нужный. Необходимый; тѣсный; трудный; *также* утомленный, безсильный.
- Нѣмотующій. Нѣмой, неумѣющій говорить. *Нѣмотствовать*—лепетать.
- Нѣякій. Нѣкоторый.
- О. Около, въ, до: о десять—*до десяти*.
- Обавить. Заговорить, околдовать, оглушить.
- Обадва. Оба, и тотъ и другой.
- Обаче. Однако; тѣмъ болѣе.
- Овезчадѣть. Лишиться дѣтей.
- Овличнѣ. Лицо съ лицомъ; лично.
- Оболченный. Облаченный, одѣтый.
- Овтичующе (отъ слова обтещи—обтичу). Обѣгать, перебѣгать, переходить.
- Обточить. Окружить, остѣнить, обдать.
- Обумертвѣ. Обморокъ.
- Овщина. Община, народоправство.
- Обвѣятіе. Объемъ, окружность; мѣсто.
- Ово. Отчасти; или.
- Овый. Оный, иной, другой.
- Окаанный. Жалкій, бѣдный, достойный сожалѣнія; также негодный.
- Околько. Около, вокруг, нѣсколько.
- Окромный. Сторонній, чужеземный.
- Окупъ. Выкупъ.
- Оле! (*церковно-сл.*). О.
- Опатъ. Аббатъ, игумень.
- Оперы. Сочиненія.
- Оплазивый. Любопытный; также суесловный.
- Орацыя. Рѣчь.
- Осельскій. Ослиный.
- Осифляне. Монахи монастыря Іосифа Волоколамскаго.
- Оскордъ. Заступъ, стругъ, топоръ.
- Остатный. Послѣдній, остальной; крайній, конечный.
- Остенъ. Спица, остроконечное орудіе.
- Отай. Тайно, скрытно.
- Отечь. Отчій, отеческій.

Отмовить. Отмолвить; отвѣ-
тить, возразить.

Отнелъже. Съ того времени,
съ тѣхъ поръ.

Очевистый. Очевидный. Оче-
вистъ—глазъ съ глазомъ.

Памятамыся. Помнится мнѣ.

Паперъ. Бумага.

Пара. Мгла, дымъ, паръ.

Паразитъ. Блюдолизъ, объ-
ѣдало, опивало, паразитъ.

Пареміа. Притча.

Пахоликъ. Мальчикъ, слуга,
оруженосецъ.

Пашека. Челюсть, пасть.

Певный. Увѣренный, надеж-
ный.

Певнъ. Навѣрно, истинно.

Пенязъ. Монета; деньги.

Первѣе. Во-первыхъ; прежде
всего; особливо; наипаче.

Печенегъ. Пекаръ; *также*
объѣдало, опивало, пара-
зитъ.

Пленица. Цѣпь, связь (*отъ*
слова плестъ).

Плищъ. Плесканіе; крикъ,
шумъ.

Плювіа. Дождь.

Плюхавый. Скверный, пога-
ный.

Поваплennyй. Обмазанный,
окрашенный, выбѣленный.

Поволить. Смягчаться; со-
глашаться.

Повторѣ. Вторично.

Повѣмъ. Повѣдаю, расскажу.

Повѣтренный. Воздушный;
заразительный.

Пожиточный. Полезный.

Позычать. Занимать и ссу-
жать.

Поймовать. Понять, женить-
ся, выйти замужъ.

Показать. Испортить, уни-
чтожить одно за другимъ.

Поки. Пока, доколѣ.

Поляцать. Соединять, со-
ставлять, совокуплять.

Полдвѣ. Полторы.

Поле дикое. Степь.

Половица. Половина; су-
пруга.

Польный. Полевой; дѣла
польныя: полковыя, или по-
левая пушки 4-фунтоваго
калибра.

Попсовать. Повредить, ис-
портить.

Постинать. Обезглавить.

Посчастить. Осчастливить.

Посядать. Владѣть, овла-
дѣть.

Потаковникъ. Потворщикъ,
потатчикъ.

Потваръ. Навѣтъ, ябеда,
клевета.

Потварять. Клеветать.
 Потыя. До тѣхъ поръ.
 Похлѣвовать. Ласкатель-
 ствовать, льстить.
 Початокъ. Начало, починъ.
 Почта. Притонъ, постъ, от-
 рядъ, стража.
 Праща. Орудіе, которымъ
 бросали камни.
 Презорство. Гордость, пре-
 зрѣніе.
 Прекаждать. Запрещать.
 Преплавиться. Переплыть,
 переправиться чрезъ рѣку.
 Префация. Предисловіе.
 Пречресліе. Боль въ пояс-
 ницѣ.
 Привавлять (*приваблять до
 себя*). Звать; приглашать;
 манить.
 Привилій. Привилегія, льгот-
 ная грамота.
 Пригода. Приключеніе; слу-
 чай.
 Прикрый. Крутой; трудный,
 неудобный; досадный.
 Прискорить. Ускорить; при-
 бавить, возбудить.
 Пришанцоваться. Ближе
 подкопаться.
 Продиторъ. Измѣнникъ, пре-
 датель.
 Пронзинутъ. Пронзить; про-
 лечь.

Пронунціяція. Произноше-
 ніе; также изрѣченіе, мнѣ-
 ніе.
 Простаторъ. Начальникъ,
 покровитель.
 Проторы. Издержки, рас-
 ходы.
 Пруткий. Скорый. провор-
 ный, быстрый.
 Прѣтъ. Спорить, отрицать,
 отпираться, давать отпоръ.
 Псевдопрофитъ. Лжепро-
 рокъ.
 Пургаторія. Чистилище.
 Пянтикостіе. Пятидесят-
 ница, день св. Духа.
 Рада. Совѣтъ.
 Раздрочить. Возбудить; му-
 чить, утомлять; ждать.
 Расховаться. Покрыться,
 укрыться, спрятаться.
 Рекгула. Правило, уставъ.
 Ретиться. Спорить, ревно-
 вать, стараться.
 Решскій. Имперскій.
 Ровить. Дѣлать, работать.
 Рогъ. *Въ воен. см.*: крыло,
 флангъ.
 Розмова. Разсужденіе, раз-
 говоръ, бесѣда.
 Розмовить. Переговорить.
 Роковать. Разсуждать, дого-
 вариваться.

Рокъ. Годъ; время.	Спекуляторъ. Начальникъ
Ручница. Ружье.	падъ палачами; <i>также</i>
Ручничпый. Ружейный.	шпіонъ.
Сатанникъ. Поклонникъ са- таны.	Сповѣдаться. Признаться; освѣдомиться.
Свѣдокъ. Свидѣтель.	Сподѣваться. Надѣяться, думать.
Свѣдчій. Свидѣтельствую- щій.	Сполкъ. Соединеніе; товари- щество.
Свято. Праздникъ.	Сполу. Вмѣстѣ; также въ по- ловину.
Сенсъ. Смысль, толкъ.	Справа. Дѣло; <i>въ воен. смы- слъ</i> : сраженіе, команда, предводительство.
Серепы. Ведрепые, ясные дни.	Срогий. Строгий.
Свунчевать. Извѣщать.	Ссущій. Сосушій.
Свунчъ. Вѣстникъ.	Стайникъ. Конюхъ; кле- реть.
Сягклитъ. Сянклитъ, пра- вительство, сановникъ.	Стайня. Конюшня.
Сикованціе. Обманъ, кле- вета.	Статечный. Степенный, по- стоянный, хорошаго поведе- нія; почтенный.
Синодь. Соборъ и соборное постановленіе.	Стегно. Бедро, лядвія.
Сиде. Такъ.	Сточить битву. Дать сра- женіе.
Скарбъ. Сокровище, казна, имѣніе.	Стратигъ. Главный началь- никъ, гетманъ.
Скомрохъ. Скоморохъ; шутъ.	Стратилатъ. Воевода, пол- ководецъ.
Скутаться. Спрятаться; ис- чезнуть.	Строзъ. Строго, сердито.
Сланный. Соленный.	Стрычный. Двокуродный.
Словество. Даръ слова; краснорѣчіе.	Стрый. Дядя съ отцовской стороны.
Слугатай. Служитель.	Студеное море. Ледовитый океанъ.
Смываль. Смыватель, окачи- вающий наговорною водою.	
Софизматы. Софизмы, лож- ныя заключенія.	

Стужать. Докучать, неот-
ступно просить.

Стультиця. Глупость.

Субстанція. Сущность.

Схизматикъ. Раскольникъ.

Счаровать. Околдовать, за-
говорить, испортить.

Сыновець. Братнинъ сынъ,
братаннчъ.

Сѣккерка. Сѣкирка, топоръ.

Сѣчиво. Сѣкира, топоръ.

Талавень. Негодяй.

Таней. Дешевле.

Тесло. Плотничное орудіе
для тесанія деревъ; тесакъ.

То ргать. Дергать, рвать,
терзать.

То щій. Тщетный, праздный,
пустой.

Трвать. Быть, существовать,
длиться.

Третина. Третья часть.

Трунекъ. Напитокъ, питье.

Туга. Тоска, туженіе.

Туне. Даромъ, напрасно, безъ
причины.

Тщаливый. Тщательный,
старательный.

Тщета. Уронъ, убытокъ,
вредъ.

Тыждень. Недѣля.

Ублагать. Умиловить,
просить прощенія.

Угонзнуть. Уйти, избѣгнуть.

Уздать. Обуздывать, усма-
рять.

Унѣ. Лучше; *уншій*—лучшій.

Урувить. Срубить; соорудить.

Фавула. Басня.

Фолговать. Сноровлять, смяг-
чать, щадить.

Фосфоросъ. Свѣтящее тѣло;
утренняя звѣзда; денница.

Халить. Осмѣивать, осуж-
дать.

Хиротонисать. Рукопола-
гать, посвящать въ санъ
духовный.

Ховать кого у себя. Пря-
тать, укрывать.

Хороняка. Трусъ, *отъ слова:*
хорониться, прятаться.

Худогъ. Мудръ, искусень.

Частка. Частица.

Чѣло. Передовое войско, от-
борное войско, первый
фронтъ.

Чимбуры. Оковы, кандалы.

Чулось. Казалось, слыша-
лось.

Чюнный. Бдительный, бод-
рый, зоркій.

Шанцовать. Дѣлать окопы,
окопаться.

Шафовать. Управлять.

Шкода. Вредъ, и нарѣчіе: жалко.	Эпистолия. Письмо, посланіе.
Шляхта. Дворянство.	Юргельтъ. Жалованье, пен- сія.
Шляхъ и шлягъ. Скрытная дорога, путь.	Язвина. Нора, гнѣздо.
Ѣздный. Ѣздовой, конный, всадникъ.	Якой. Какой, каковой.
Экзордія. Вступленіе, при- ступъ.	Яртаулъ. Авангардъ, пере- довой полкъ.
	Ясакъ. Знакъ, извѣстіе, го- пецъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ И. ГЛАЗУНОВА.

С.-Петербургъ, Невскій, № 27.

ПРОДАЮТСЯ МЕЖДУ ПРОЧИМИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Азбука латинская съ присоединеніемъ краткаго словаря, начертанія этимологии и простѣйшихъ разговоровъ. Спб. 1900. Ц. 20 к.

Алхимовичъ. Литургика. Спб. 1891. Ц. 75 к.

Анинъ. Дополненіе къ I части. Спб. 1886. Ц. 35 к.*—Ч. III. Законоположенія и распоряженія о начальныхъ народныхъ училищахъ, дѣйствующія въ губерніяхъ Прибалтійскаго и Привислянскаго края. Спб. 1888. Ц. 90 к.

Антоновъ. Русская грамматика. Младшій трехлѣтній гимназическій курсъ. Изд. 19. Спб. 1899. Ц. 70 к.

Беренсъ. Интегральное исчисленіе. Учебное пособіе для военноучебныхъ заведеній. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Беренсъ. Руководство къ минерохимическому анализу волокнистыхъ веществъ. Переводъ Н. Н. Страховскаго. Съ 18-ю чертежами и 8-ми хромофотографированными таблицами. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Берновъ. Изъ Одессы въшкомъ по Крыму. Писъма русскаго вѣлехода. Спб. 1896. Ц. 85 к.

Богдановъ. На досугъ. Сборникъ стиховъ, проверенныхъ на урокахъ и чтеніяхъ въ народной школѣ для взрослыхъ и дѣтей. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Дѣдушка Крыловъ, для чтенія въ сельской школѣ. Подъ редакціей Виктора Острогорскаго. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Большаковъ. Полная ариметика на счетахъ или новыя легчайшіе способы для производства всякаго рода ариметическихъ вычисленій на счетахъ съ нѣкоторомъ перемѣною въ ихъ устройствѣ, въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1878. Ц. 75 к.—Практическія упражненія въ алгебрѣ; въ 3 ч. Изд. 7. Ц. 1 р.—Приложеніе алгебры къ рѣшенію опредѣленныхъ геометрическихъ задачъ. Изд. 3. Спб. Ц. 40 к.

Бругшъ. Исторія фараоновъ; съ картою и четырьмя планами. Переводъ Г. К. Властова. Его же вступленіе, примѣчанія и приложенія. Спб. 1880. Ц. 5 р.

Буссе. Основанія геометріи. Руководство, составленное для гимназій. Изд. 9. Спб. 1896. Ц. 45 к.—Руководство къ элементарной геометріи, для употребленія въ уѣздныхъ училищахъ. Изд. 9-е. Спб. 1896. Ц. 27 к.—Руководство къ ариметикѣ. Отдѣлъ первый. Изд. 18-е. Спб. 1877. Ц. 10 к.—Отдѣлъ второй. Изд. 16. Спб. 1875. Ц. 18 к.—Собраніе ариметическихъ задачъ, расположенныхъ по руководству къ ариметикѣ. Изд. 17. Спб. 1878. Ц. 18 к.

Бычковъ. Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Изд. 16. Спб. 1902. Ц. 1 р. 35 к.

Бѣловъ. Замѣчательные русскіе историческіе дѣятели. Чтенія для народныхъ учителей и пособіе при урокахъ русской исторіи въ учительскихъ семинаріяхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р.—Путешествіе по Германіи и Швейцаріи, отъ Петербурга до Мюнхана. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к.

Введенскій. Руководство къ осушенію и воздѣлыванію болотъ. Изд. 2. Спб. 1861. Ц. 1 р.

Вислиценусъ. Руководство къ органической химіи. Пер. Гемиліана и Руднева, дополненный по указаніямъ автора, съ предисловіемъ Бельштейна, съ пометками въ текстѣ. 2 вып. Спб. 1875—1876. Цѣна каждому вып. по 1 р. 50 к.

Властовъ. Теогонія Гезіода и Прометей. (Разборъ сказаній). Спб. 1897. Ц. 3 р.

Водовозовъ. Элементарные рассказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей, съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1873. Ц. 60 к.—Древняя русская литература отъ начала грамматики до Ломоносова, съ приложеніемъ „Очерка

русской народной литературы“, подъ названіемъ „по старой памяти, какъ по грамотѣ“. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Волковъ. Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ, съ переводомъ ихъ на нѣмечій языкъ. Изд. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб. 1895. Ц. 30 к.

Волковъ. Образовательный курсъ наглядной геометріи. Руководство для преподавателей начальныхъ и городскихъ школъ и низшихъ классовъ среднихъ образовательныхъ заведеній. Съ чертежами въ текстѣ и съ задачами. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Востоковъ. Сокращенная русская грамматика. Изд. 16. Спб. Ц. 14 к.

Гаварре. Медицинская физика. О теплотѣ, производимой живыми существами; переводъ съ французскаго Вертоградова, подъ редакціею профессора Чистовича съ 41 политипажемъ въ текстѣ. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Гавриловъ. Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматикъ и чтеніемъ христоматій. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Гогецкій. Философскій лексиконъ. Т. 1-й, буквы А. Б. В. Ц. 2 р. 50 к.

Гончаровъ. Фрегатъ Паллада; очерки путешествія, со включеніемъ дополнительныхъ главъ, въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостиннымъ. 5-е исправленное изданіе. Спб. 1895. Ц. 4 р.— Полное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. 9 т. Спб. 1896. Ц. 13 р. 50 к.

Гротъ. Стихи и проза для дѣтей. Изд. 3. Спб. 1892. Ц. 60 к.—Нѣсколько данныхъ къ его биографіи и характеристикѣ. Спб. 1895. Ц. 1 р.—Переписка съ П. А. Плетневымъ. 3 т. Съ приложеніемъ портретовъ Грота и Плетнева. Спб. 1896. Ц. каждому тому 3 р.—Труды. I. Изъ Скандинавскаго и Финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Спб. 1898. Ц. 3 р.—Филологическія разысканія. Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды II. Филологическія разысканія. (1852—1892). Спб. 1899. Ц. 3 р.—Труды III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901. Ц. 8 р.—Труды IV. Изъ русской исторіи (1845—1890). Спб. 1901. Ц. 3 р.— Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Духовное врачевство отъ Священнаго писанія и отъ писаній Святыхъ Отцевъ для пользы обуреваемыхъ страстями или одиннадцать душеполезныхъ бесѣдъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о дѣйствіи злыхъ страстей и о средствахъ побѣждать ихъ. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 25 к.

Е-ковъ. Статьи по алгебрѣ и ариметикѣ. (Отвѣты на всѣ вопросы, помѣщенные въ экзамен. программѣ). Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Жуковский. Одиссея Гомера. Переводъ. Изд. 2-е. Спб. 1894. Ц. 1 р.— Орлеанская дѣва, Шиллера, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, съ примѣчаніями Максимова. Спб. 1878. Ц. 60 к.—Собраніе стихотвореній. 4 т. Спб. 1895. Ц. 5 р.— Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Въ одномъ томѣ. Изд. 10-е, испр. и дополн. подъ ред. П. А. Ефремова. Съ прилож. 4-хъ портретовъ Жуковского. Спб. 1901. Ц. 2 р. 25 к.—Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть, заимствованная изъ царственной книги Ирана (Шахъ-Намѣ). Вольное подражаніе Рюккертю. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть, подражаніе Рюккертю. Спб. 1899. Ц. 30 к.—Ундина. Старинная повѣсть, изъ Ламмотъ-Фуке. Спб. 1900. Ц. 35 к.

Игнатій, архимандритъ. Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ. 2 ч. Спб. 1875. Ц. 8 р.—Слово въ защиту русскихъ монастырей. Спб. 1874. Ц. 40 к.

Игнатій, епископъ. Сочиненія: т. 3-й и 4-й. Спб. 1866—1867. Ц. 5 р.

Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, для употребленія въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. 17. Ц. 19 к.

Ильменскій. Уроки по закону Божію для христіанскихъ воиновъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завета, для употребленія въ училищахъ, на русскомъ языкѣ. Ц. 17 к.

Кантемиръ. Сочиненія, письма и избранные переводы. Съ портретомъ автора, со статьями и примѣчаніями В. Я. Стоюнина и съ библиографическими замѣтками: Томъ 1-й: Сатиры, мелкія стихотворенія и переводы въ стихахъ. Ц. 2 р. Томъ 2-й: Сочиненія и переводы въ прозѣ, политическія депеши и письма. Ц. 1 р. 50 к.

Каталогъ книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова (1855—1866). Спб. 1867. Ц. 1 р. 25 к.—Первое прибавленіе къ нему (1867—1869). Спб. 1869. Ц. 60 к.—Второе прибавленіе къ нему (1869—1873). Спб. 1874. Ц. 60 к.—Третье прибавленіе къ систематической росписи книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. Глазунова, составлено за время съ 1873 г. по Январю 1881 года В. И. Межовымъ, съ указаніемъ переводовъ, критическихъ статей, рецензій и библиографическихъ замѣтокъ и прибавленіемъ азбучнаго указателя именъ и предметовъ. Спб. 1882. Ц. 6 р.—Четвертое прибавленіе: составлено имъ же. Спб. 1884. Ц. 3 р. 50 к.—Пятое прибавленіе составлено имъ же. Спб. 1889. Ц. 5 р.

Кеневичъ. Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изданіе, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи И. А. Крылова, имъ же собранныхъ. Спб. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время (царствованіе императора Александра I-го). Восточныя дѣла въ двадцатыхъ годахъ. Спб. 1871. Ц. 1 р. 25 к.—Война съ Турціей и разрывъ съ западными державами въ 1853—54 годахъ. Бомбардированіе Севастополя; съ планами и картою. Книга удостоена высшей преміи военно-ученаго комитета. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к.—Странствователь по сушѣ и морямъ. Ташкентъ, Бухара, Хива, Афганистанъ, Карпаты, Нижній Дунай и Балканы. Въ 4-хъ частяхъ, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Спб. 1871. Ц. 2 р.—Черногорія и славянскія земли, съ рисунками и картою. Спб. 1872. Ц. 1 р. 50 к.—Путешествіе во внутреннюю Африку. Ч. 1-я. Египетъ и Нубія. Ч. 2-я. Земля негровъ. Съ картою и 17-ю рис. Спб. 1872. Ц. 2 р.

Constantin. Cours pratique de la langue française, à l'usage des écoles. 2 части. Ed. 13. Спб. 1900. Ц. 60 к.*—La statistique aux prises avec les grammairiens ou essai de simplifier l'étude du genre des substantifs et celle de la conjugaison. Ц. 1 р.

Корофъ. Жизнь графа Сперанскаго. Съ 3 портретами. 2 т. Спб. 1861. Ц. 3 р.

Красновъ. Учебникъ стилистики. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Кузнецовъ. Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи. Изд. 7-е. Спб. 1872. Ц. 75 к.—Приготовительный курсъ всеобщей географіи. Изд. 2-е. Спб. 1863. Ц. 75 к.

Лафоссъ. Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 1-й. Этимологія, фонетика и грамматическое правописаніе. Спб. 1877. Ц. 75 к.—Новая французская грамматика съ русскимъ переводомъ. Курсъ 2-й. Логическій разборъ и синтаксисъ. Спб. 1879. Ц. 60 к.—Сборникъ статей для постепеннаго перевода на французскій языкъ, съ приложеніемъ словаря. Изд. 7-е. Спб. 1901. Ц. 75 к.—Tables de conjugaisons de verbes réguliers et irréguliers. Таблицы для спряженія правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ. Спб. 1877. Ц. 40 к.

Леженъ Дирришде. Теорія чиселъ. Вып. I. О дѣлимости чиселъ.—О сравненіяхъ.—О квадратичныхъ вычетахъ; переводъ Я. М. Назаревскаго. Со сборникомъ упражненій и задачъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Ленцъ. Руководство къ физикѣ. Изд. 7-е. Спб. Ц. 82 к.

Лермонтовъ. Сочиненія, съ портретомъ его, двумя снимками съ рукописи и біографическимъ очеркомъ. Изд. 7-е, вновь исправленное подъ редакціей П. А. Ефремова, 2 т. Спб. 1889. Ц. 3 р.—Сочиненія въ 1 томѣ. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., въ бумажѣ 1 р.—Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Съ 11 картинками и съ портретомъ Лермонтова. Изд. 4-е. Спб. 1885. Ц. 5 к.

L' Homond. Epitome historiae Sacrae ad usum tironum linguae latinae. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Лукинъ и Ельчаниновъ. Сочиненія и переводы. Съ портретомъ Ельчанинова, со статей о Лукинѣ А. Н. Пыпина и съ библиографическими замѣтками, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1868. Ц. 2 р.

Маакъ. Учебникъ нѣмецкаго языка. Курсъ I-й. Изд. 8-е. Спб. 1901. Ц. 25 к.—Курсъ II-й. Изд. 6-е. Спб. 1888. Ц. 50 к.—Курсъ III-й. Изд. 4-е. Спб. 1881. Ц. 65 к.—Курсъ IV. Изд. 3-е. Спб. 1888. Ц. 50 к.

для сравнительнаго изученія, объяснительныя статьи и словарь. Изд. 4-е. Спб. 1902. Ц. 30 к.—Вып. II. Домострой Сильвестровскаго завода. Текст памятника съ примѣчаніями, матеріалы для сравнительнаго изученія [образцы Домостроевъ: Ксенофонта и 3-хъ западно-европейскихъ], объяснительныя статьи и словарь. Спб. 1902. Ц. 45 к.—Вып. III. Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи. Текстъ басенъ Крылова, Дмитріева, Хемницера, Измайлова, Сумарокова, В. Майкова, Тредьяковскаго, и др. въ пяти группахъ, сравнительно съ русскими народными сказками и пословицами, баснями Эзопа, Лафонтена и др., примѣчанія, объяснительныя статьи. Спб. 1891. Ц. 40 к.—Вып. IV. Григорій Котошихинъ. Текстъ сочиненія „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, гл. I, II и XIII, съ примѣчаніями, исторіи памятника, біографія автора. Спб. 1891. Ц. 30 к.—Вып. V. Баллады В. А. Жуковскаго. Полное собраніе балладъ, съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 65 к.—Вып. VI. А. С. Грибоедовъ. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Текстъ комедіи съ примѣчаніями, біографія автора, критич. отзывы Пушкина, Гоголя и Вилинскаго, „Миліонъ терзаній“, крит. этюдъ И. А. Гончарова. Спб. 1891. Ц. 45 к.—Вып. VII. Д. И. Фонъ-Визинъ. Избранныя сочиненія. Недоросль.—Бригадиръ.—Чистосердечныя признанія.—Объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 50 к.—Вып. VIII. Н. М. Карамзинъ.—Ч. I. Повѣсти.—Разсужденія.—Стихотворенія. Спб. 1892. Ц. 55 к.—Вып. IX. Н. М. Карамзинъ. Избранныя сочиненія. Часть вторая. Письма русскаго путешественника, съ примѣчаніями. Спб. 1892. Ц. 60 к.—Вып. X. М. В. Ломоносовъ. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія.—Прозаическія статьи.—Матеріалы для изученія его сочиненій. Спб. 1892. Ц. 35 к.—Вып. XI. Г. Р. Державинъ. Избранныя сочиненія. Лучшія стихотворенія съ примѣчаніями, объяснительныя статьи. Спб. 1892. Ц. 40 к.—Вып. XII. Кн. А. Д. Кантемиръ. Избранныя сатиры. Сатиры I, II и IX, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1893. Ц. 40 к.—Вып. XIII. Былины. Былины про старшихъ богатырей.—Былины кievскаго и новгородскаго цикловъ.—Духовныя стихи.—Историческія пѣсни.—Восемь объяснительныхъ статей.—Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XIV. А. П. Сумароковъ. Избранныя драматическія произведенія. Хоревъ, траг.—Синавъ и Труворъ, траг.—Олекулъ, ком.—Матеріалы для изученія его произведеній. Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XV. Типы скупого въ произведеніяхъ литературы русской и иностранныхъ.—Кубышка, ком. Плавта.—Скупой, ком. Мольера.—Плюшкинъ, Гоголя.—Скупой рыцарь, Пушкина.—Три характеристикъ Теофраста.—Русскія пословицы о скупости. Спб. 1893. Ц. 40 к.—Вып. XVI. Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями.—Почтенія Владиміра Мономаха.—Три объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1893. Ц. 50 к.—Вып. XVII. Императрица Екатерина II. Избранныя сочиненія. Начальное ученіе.—Пословицы.—Сказки.—Были и небылицы.—О время! ком.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 45 к.—Вып. XVIII. Русская народная лирика. Пѣсни обрядовыя.—Пѣсни семейныя.—Пѣсни бытовыя.—Пѣсни удалыя.—Объяснительныя статьи. Спб. 1894. Ц. 40 к.—Вып. XIX. Древне-русскія повѣсти и романы.—Слово о Бовѣ.—Троянскія сказанія.—Девгеніево дѣяніе.—Сохомонъ и Китоврасъ.—Повѣсть о Басаргѣ.—Повѣсть о Горѣ-Злосчастьѣ.—Судное дѣло у Леща съ Ершомъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 40 к.—Вып. XX. М. М. Херасковъ. (1733—1807). Россіада; поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Полный текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1895. Ц. 60 к.—Вып. XXI. И. И. Дмитріевъ. Избранныя стихотворенія. Лирическія стихотворенія.—Пѣсни.—Сатиры.—Сказки.—Басни.—Апологи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 40 к.—Вып. XXII. Василій Никитичъ Татищевъ, 1686—1750. Духовная моему сыну. Тексты Духовной и Увѣщанія.—Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 30 к.—Вып. XXIII. Е. А. Баратынскій. 1800—1844. Избранныя сочиненія. Лирическія стихотворенія.—Поэмы.—Прозаическія статьи.—Матеріалы для изученія поэта. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. XXIV. Житіе и хоженіе Давида Русьскыя земли игумена. 1106—1108. Текстъ воспроизведенъ по древнѣйшему списку XV вѣка, изданному Православнымъ Палестин-

скимъ Обществомъ. Текстъ памятникъ.—Объяснительныя статьи, съ приложеніемъ 2-хъ картъ. Спб. 1896. Ц. 50 к. — Вып. XXV. Н. И. Новиковъ. 1744—1778. Живописецъ. 1772—1773. Избранныя статьи изъ „Живописца“.—Извлеченіе изъ „Трута“.—Матеріалы для изученія писателя. Спб. 1896. Ц. 35 к.—Вып. XXVI. Древне-русскія драматическія произведенія. Зачатки драмы въ произведеніяхъ народной поэзіи.—Пещное дѣйство и вертепъ.—Мистерія Симеона Полоцкаго о царѣ Навходоносорѣ.—„Владиміръ“, трагедокомедія Теофана Прокоповича.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 40 к.—Вып. XXVII. В. Г. Бѣлинскій. (1810—1848). Критическія этюды. Часть первая. „Ревизоръ“ Гоголя. — „Горе отъ ума“ Грибоедова.—„Борисъ Годуновъ“ Пушкина. Спб. 1898. Ц. 30 к.—Вып. XXVIII. Кн. А. М. Курбскій и царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. Избранныя сочиненія. Исторія Іоанна Грознаго, кн. А. Курбскаго.—Переписка Іоанна Васильевича съ Курбскимъ.—Объяснительныя статьи.—Словарь. Спб. 1902. Ц. 55 к.

Тоже. Серия вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей: Вып. I. Пѣснь о Роландѣ. Французскій народный эпосъ. Переводъ Чудинова. Текстъ памятникъ, съ примѣчаніями.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 50 к.—Вып. II. Пѣснь о Нибелунгахъ. Нѣмецкій народный эпосъ, переводъ Кудряшева. Текстъ авантюры: I, II, XV—XVII, XXXVI—XXXIX и изложеніе содержанія остальныхъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1896. Ц. 45 к.—Вып. III. Поэмы Оссіана Джемса Макферсона. Переводъ и примѣчанія Е. В. Балабановой. Фингалъ, поэма въ VI пѣсняхъ. — Смерть Кухулина, поэма и ирландское сказаніе.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 35 к. — Вып. IV. Старшая Эдда (Семунда мудраго). Сборникъ мифологическихъ, гномической и эпическихъ пѣсней, въ переводахъ русскихъ писателей. Древне-Скандинавскій народный эпосъ. I—II мифологическія пѣсни. —I—XV эпическихъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 40 к.—Вып. V. Поэма и избранныя романсы о Сидѣ, въ переводахъ русскихъ писателей. Испанскій народный эпосъ. Полный текстъ Поэмы о Сидѣ.—Избранные романсы о Сидѣ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. VI. Луисъ Камонсъ. Лузіады. Поэма въ десяти пѣсняхъ. Текстъ поэмы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. VII. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть I. Адъ. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIV пѣсень.—Объяснительныя статьи. Спб. 1897. Ц. 55 к. — Вып. VIII. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть II. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсень.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 50 к.—Вып. IX. Данте Алигьери. 1265—1321. Божественная Комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсень.—Примѣчанія. Спб. 1897. Ц. 55 к.—Вып. X. Людовико Аріосто. (1474—1533). Ненстойный Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Содержаніе поэмы Воардо „Влюбленный Роландъ“.—Текстъ 17-ти пѣсней Аріосто и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ отрывковъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 75 к.—Вып. XI. Франческо Петрарка. (1304—1374). Избранные советы и канцоны въ переводахъ русскихъ писателей. I—XXV советовъ.—I—III канцоны.—Объяснительныя статьи. Спб. 1898. Ц. 25 к. — Вып. XII. Пьеръ Бомарше. Избранныя сочиненія. Переводъ Чудинова. Спб. 1898. Ц. 55 к. — Вып. XIII. Торквато Тассо. 1544 — 1596. Освобожденный Іерусалимъ. Поэма въ двадцати пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей. Переводъ I—IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XIV. Адельбертъ Шамиссо де-Бонкуръ. (1781—1888). Избранныя произведенія въ переводахъ русскихъ писателей. Чудесная исторія Петра Шлемля.—Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 35 к.—Вып. XV. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Часть I-я. Сказка моей жизни.—Книга картинъ безъ картинъ. — Избранныя стихотворенія. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVI. Гансъ Христіанъ Андерсенъ. (1805—1875). Импрровизаторъ или молодость и мечты итальянскаго поэта. Романъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.—Вып. XVII. Джованни Боккаччо. (1313—1375). Декамеронъ. Собраніе избранныхъ

новеллы въ переводахъ русскихъ писателей. Вступленіе. Текстъ XX новеллы. — Объяснительныя статьи. Спб. 1899. Ц. 40 к.—Вып. XVIII. Дени Дидро. (1712—1784). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ писателей. Племянникъ Рамо.—Биографическій очеркъ. Спб. 1900. Ц. 40 к.—Вып. XIX. I. Вольфгангъ Гёте. (1749—1832). Фаустъ. Драматическая поэма въ 2-хъ частяхъ. Переводъ М. П. Вронченко. Текстъ I-й части. — Изложене II-й части. — Объяснительныя статьи. Спб. 1900. Ц. 55 к.—Вып. XX. Альфредъ де-Мюссе. (1810—1857). Избранныя сочиненія переводъ Чехихина и другихъ. Лирика поэмы Ива, Порція.—Комедіи: Луизонъ, Дѣвичья грезы, Капризъ.—Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 60 к.—Вып. XXI. Дж. Г. Байронъ. (1788—1824). Избранныя сочиненія въ переводахъ русскихъ постоу. Лирическія стихотворенія. — Поэмы: Шильонскій узникъ.—Абидосская Невѣста.—Отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана.—Объяснительныя статьи. Спб. 1901. Ц. 50 к.—Вып. XXII. Вильямъ Шекспиръ. (1564—1616). Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ М. В. Вронченко. Текстъ трагедіи.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 40 к.—Вып. XXIII. Іоаннъ Людвигъ Уландъ. (1787—1862). Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ постоу. Пѣснь.—Баллады и романсы.—Объяснительныя статьи. Спб. 1902. Ц. 30 к.

Русскій букварь (новый); для дѣтей. Изд. 10-е. Спб. 1889. Ц. 3 к.
Рылѣвъ. Сочиненія и переписка. Изд. 2-е, его дочерн. 1874. Ц. 1 р. 50 к.
Священная исторія (краткая) церкви ветхаго и новаго заветъ, изданная для народныхъ училищъ Россійской Имперіи. Изд. 24. Спб. Ц. 10 к.

Семеновъ. Лѣто. Первая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Зима. Вторая большая раскрашенная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Осень. Третья большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Весна. Четвертая большая раскрашенная, литографированная картина для нагляднаго обученія. Наклеенная на холстѣ. Ц. 4 р.—Комментарій къ наглядному обученію по картинамъ. Спб. 1880. Ц. 85 к.—Педагогическій ежегодникъ Кубанской Учительской Семинаріи. Годъ 1-й. (1873). Спб. 1874. Ц. 75 к.—Опытъ методическаго руководства къ преподаванію роднаго языка по книгѣ „Даръ слова“. Спб. 1881. Ц. 50 к.—Упрощенный учебникъ русской грамматики, въ связи съ практическими упражненіями.—Вып. 1-й. Составъ рѣчи. Изд. 2. Спб. 1882. Ц. 20 к.—Вып. 2-й. Этимологія. Изд. 2-е. Спб. 1885. Ц. 35 к.—Упрощенный элементарный курсъ русской грамматики, для пригтовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и для городскихъ школъ. Спб. 1877. Ц. 15 к.—Пригтовительный курсъ русскаго языка, облегчающій преподаваніе и пониманіе грамматики. Спб. 1877. Ц. 15 к.

Смашко. Зоологія. 2 ч. Изд. 3-е. Спб. 1861. Ц. 2 р.
Скопинъ и Кеневичъ. Сборникъ произведеній русской литературы. Пособіе при преподаваніи исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ч. 1-я, до-Петровскій періодъ. Изд. 3. Спб. 1878. Ц. 1 р.

Сладковъ. Простая и двойная итальянская бухгалтерія. Руководство составлено по опытамъ многолѣтней практики преподаванія этой науки, а равно и веденія торговыхъ книгъ въ лучшихъ коммерческихъ конторахъ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Собольщиковъ. Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и дукоты. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1872. Ц. 1 р.

Соколовъ. Странички и страницы. Спб. 1879. Ц. 10 к.
Спиридоновъ. Географія Россійской Имперіи въ связи съ общими свѣдѣніями изъ физической, политической и коммерческой географіи для народныхъ, городскихъ, церковно-приходскихъ и другихъ низшихъ училищъ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Стебловъ. Сборникъ ариметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, Изданіе четвертое исправленное и дополненное. Спб. 1901. Ц. 70 к.

Тизанова. Разказы и повѣсть: Слово и дѣло. Мой другъ Антоновъ. Таинственный гость. Спб. 1902. Ц. 1 р.—Я хочу быть актрисой. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1902. Ц. 25 к.—Ласточка. Разказы для юношества: Сирота.—

Глазъ Божій.—Иванъ-да-Марья. — Счастливый четвертакъ.— Самоваръ.— Жертва.— Воспоминанія одной булки. Съ 6-ю хромолитографированными картичками художника Зимина, въ красивой хромолитографированной папкѣ. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Троицкій. Руководство къ изученію Латинской Этимологіи для 2-го и 3-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе четвертое, перепечатанное безъ перемѣнъ съ перваго изданія, одобреннаго Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ училищъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.—Руководство къ изученію Латинскаго Синтаксиса для 3-го и 4-го классовъ духовныхъ училищъ. Изданіе 4-е. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ, съ портретомъ автора и факсимиле. Изд. 4-е. Спб. 1897. Ц. 15 р.—Записки Охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ (1847—1876). 11 изд. Спб. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Филоновъ. Русская хрестоматія съ примѣч. для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній:—Т. I. Эпическая поэзія. Изд. 8. Спб. 1897. Ц. 1 р. 30 к.—Т. II. Лирическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.—Т. III. Драматическая поэзія. Изд. 6. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.—Т. IV. Проза. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 1 р. 50 к.—Поэтъ Пушкинъ. Общебшественное чтеніе. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 50 к.—Учебникъ по словесности: Стилистика.—Теорія прозы.—Теорія поэзіи. Изд. 7. Спб. 1890. Ц. 1 р.—Борисъ Годуновъ. А. С. Пушкина. Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической. Спб. 1899. Ц. 45 к.

Французскіе, нѣмецкіе и русскіе обществѣнные разговоры, съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ рѣченій для упражненія. Изд. 9. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Цытовичъ. Свойство пропорцій и основанныя на ономъ свойства, рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ. Спб. 1874. Ц. 30 к.—Теорія Гамильтона — Якоби-ли въ механикѣ. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Шиховскій. Краткая ботаника. Курсъ гимназическій. Изд. 4. Съ атласомъ, 29 таблицъ изображеній и рисунками въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ. Карманный французско-русскій и русско-французскій словарь, 2 ч. Спб. Ц. 1 р. 50 к. въ перепл. съ футляромъ 2 р. 50 к.

Щербина. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Съ картинками, изд. 7. Спб. 1882. Ц. 1 р. 25 к.

*Oertel. (Эртель). Hilfsbuch zum praktischen Unterricht in der deutschen Sprache. Л. 1896. Ц. 75 к.—Статьи для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій вмѣстѣ съ словаремъ. Л. 1895. Ц. 60 к.—Сокращенная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Л. 1888. Ц. 60 к.

ДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 1.	Тургеневъ. Пѣвцы, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
№ 2.	„ Однодворецъ Овсянниковъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 3.	Хоръ и Калинычъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 7 к.
№ 4.	Малиновья вода, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 6 к.
№ 5.	Льговъ, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 6.	Бѣжинъ лугъ, разсказъ. Изд. 5. Спб. 1901. Ц. 10 к.
№ 7.	Касьянъ съ Красивой Мечи, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 10 к.
№ 8.	Бирюкъ, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 8 к.
№ 9.	Лебедянь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 10.	Живыя мощи, разсказъ. Изд. 4. Спб. 1898. Ц. 10 к.
№ 11.	Стучить, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1902. Ц. 10 к.
№ 12.	Лѣсъ и степь, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 8 к.
№ 13.	Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь. Спб. 1885. Ц. 5 к.
№ 14.	Пегасъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
№ 15.	Пожаръ на морѣ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.

- № 16. **Тургеневъ.** Муму, повѣсть. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 17. " Поѣздка въ Полѣсье, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1898. Ц. 8 к.
 № 18. " Собака, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 8 к.
 № 19. " Бригадиръ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 10 к.
 № 20. " Стукъ....стукъ....стукъ....! разсказъ. Изд. 2. Спб. 1899. Ц. 10 к.
 № 21. " Перепелка, разсказъ. Изд. 3. Спб. 1899. Ц. 5 к.
 № 22. " Постоялый дворъ, разсказъ. Изд. 2. Спб. 1896. Ц. 15 к.
 № 23. **Жуковский.** Странствующій жидъ. (Агасверъ), поэма. Изд. 2. Спб. 1897. Ц. 30 к.
 № 24. Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. 6. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 25. **Студитскій.** Школа въ хѣсу. Разсказъ. Изд. 4. Спб. 1896. Ц. 10 к.
 № 26. **Жуковский.** Сказка о Спящей Царевнѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 10 к.
 № 27. Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ волкѣ. Изд. 4. Спб. 1900. Ц. 15 к.
 № 28. Сказка о Царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кошея Безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кошечей дочери. Спб. 1900. Ц. 10 к.
 № 29. **Кодокольниковъ.** Яша; разсказъ. Спб. 1896. Ц. 15 к.
 № 30. **Тыанова.** Свято-Троицкая Рековская пустынь и возстановитель ея схимонахъ о. Амфилохій. Спб. 1901. Ц. 15 к.
 № 31. **Жуковский.** Война мышей и лягушекъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 32. " Камозистъ. Драматическая поэма. Спб. 1902. Ц. 7 к.
 № 33. " Разрушеніе Трои. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 34. Капитанъ Вонигъ. Маттео Фальконе. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 35. Судъ въ подземельѣ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 36. Пери и Ангелъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 37. Шильонскій узникъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 38. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Старинная повѣсть въ 2-хъ балладахъ. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 39. В. А. Биографическій очеркъ П. Смирновскаго. Спб. 1902. Ц. 10 к.
 № 40. Народный гимнъ. Патріотическія пѣсни. Святая Русь. Спб. 1902. Ц. 5 к.
 № 41. Баллада о старухѣ. Варвикъ. Судъ Божій надъ епископомъ. Спб. 1902. Ц. 5 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакціею А. Н. Чудинова. Серия вторая. Классическія произведенія иностранныхъ литературъ въ переводахъ русскихъ писателей:

- Калевала. Финская народная эпопея.
- Древне-сѣверныя саги и пѣсни скальдовъ.
- Жанъ Расинъ. Избранныя сочиненія.
- Жанъ Батистъ Покленъ-Мольеръ. Избранныя комедіи.
- Эрнестъ Т. В. Гоффманъ. Избранныя сочиненія.
- Джонъ Мильтонъ. Потерянный рай. Поэма въ XII пѣсняхъ.

